

Сказки про Сталина

Часть четвертая

Сказка про попаданца

Пантелей

Светлана

Annotation

Эпоха Высокого Возрождения. Эпоха начала Реформации Римской Католической Церкви Мартином Лютером и реакции на это безобразие Святой Инквизиции.

Эпоха Василия Третьего и Ивана Грозного в России, Сулеймана Великолепного в Османской Империи, Франциска Первого во Франции и Карла Пятого в Священной Римской Империи.

Приключения двух наших современников, прорвавших ткань мироздания, отправкой своего сообщения товарищу Сталину. Вбоквел "Сказок про Сталина".

Глава 1

Пролог

21 марта 1520/2023 года.

Очнулся Савелий в состоянии, сходным с тяжёлым похмельем, в ушах гул, в глазах двоится. Даже не двоится, а... Савелий попытался сосредоточить взгляд на сидящем неподалёку шамане. Но картинка никак не желала совмещаться. То казалось, что Эль Чоло, по-прежнему одетый в зелёный спортивный костюм сборной Боливии по футболу, спокойно дремлет, то он же, но одетый уже как вождь каких-то папуасов, внимательно на него смотрит. Савелий перевёл взгляд в сторону главных ворот храма — и эта картинка двоилась. На одной было изображение знакомых развалин, а на другой, храм выглядел значительно сохранный.

— Слышь, шаман, похоже у меня крыша поехала.

Голос тоже неожиданно задублировался. Привычный, хотя и более хриплый чем обычно, дополнился звонким детским тембром. Савелий от неожиданности резко развернулся в сторону Эль Чоло и поморщился от прострелившей голову боли. Шаман по-прежнему дремал, зато на параллельной картинке оживился «вождь папуасов».

— Не только крыша, Русо, и не только у тебя. Похоже, что у нас с тобой..., или не у нас с тобой, а там, куда тебя направляли духи... В общем, натворили мы с тобой таких дел, что даже не верится. — Эль Чоло хмыкнул, ненадолго задумался и добавил, — Теперь ты «Уака», пятимерный, живущий в двух мирах. В этом мире твой путь только начинается.

— В каком ещё этом? — голова раскалывалась, в глазах двоилось, мысли путались, сознание разделилось и пыталось думать двумя потоками, — Похоже, перебрали мы твоего грибного компота...

— В этом мире. В том, для меня уже всё закончилось.

Савелий хотел было спросить — «Что значит закончилось?», но не успел, вдруг понял, что шаман в зелёном спортивном костюме мёртв. Даже не понял, а скорее каким-то образом точно узнал, как будто файл раскрылся.

— А ты говорил, что это для меня путь в один конец...

— Кто-ж знал-то... Я же говорю — самому не верится. Что-то мы с тобой сломали. Что-то в самом мироздании. Мы пробили время, Русо, ушли в прошлое. Через «эфир» ушли, по-другому быть не может. Всё это требует осмысления, а для этого осмысления нам нужно сначала выжить.

— У нас там уже какие-то проблемы? С чего вдруг, если мы там только что появились?

— Ничего не помнишь?

— Голова раскалывается. Помню, как в храм пришли, как компотом твоим накачались, как я на алтарь лёг.

— Это всё из той жизни, а из этой?

— Ничего.

— Странно, говоришь ты со мной на кечуа* (*язык Инков)...

И действительно. Мелодичный и даже певучий язык воспринимался как родной и говорил на нём только двойник в прошлом, в настоящем, на алтаре лежал полутруп, у которого даже стонать сил не осталось. Савелий попытался сосредоточиться на воспоминаниях, но в голову снова словно гвоздь вбили.

— Значит, что-то помню, но точно, что не всё. Какие у нас там проблемы, шаман?

— Проблемы мы с тобой здесь унаследовали, Русо. Здесь я верховный жрец храма Саксайуаман* (*главный храм Инков, в столице империи Куско), а ты младший сын нынешнего Сапа Инки* (*официальный титул императора Инков) Уайна Капака — Роки Инка, которого избрали для принесения в жертву богу Солнца — Инти. Мы с тобой переместились сюда как раз в момент, несостоявшегося из-за нашего вторжения, жертвоприношения.

— Охудеть, не встать, — оценил информацию Русо, — эти уроды там что, людей в жертву приносят? Императоры собственных сыновей?

— Приносят, — кивнул Эль Чоло, — бывает, что и сыновей. Религия здесь такая. Стать избранным в жертву Инти — очень почётно. Из добровольцев выбирают самых лучших.

— Так я там ещё и доброволец? Ну и идиот...

— Не там, а здесь. Ты не доброволец, ты ещё ребёнок, тебя выбрал я. То есть жрец, в которого я здесь попал. Хорош болтать, Русо. Поднимайся с алтаря и проваливай подальше из Боливии. Никто не должен связать смерть шамана в храме Каласасайа, в равноденствие и новолуние, с тобой, иначе проживёшь ты там очень недолго.

— Мне будут мстить? Кто?

— Знать бы... Но понимающие найдутся — в этом не сомневайся. Забейся в свою уругвайскую нору и не отсвечивай, пока я всё не осмыслю. Давай, пошёл, пошёл, Русо, не лежи, как на пляже. Твоя тамошняя сущность «Уака» для нас теперь бесценна, береги её.

— Тебя так здесь и оставить? Может оттащить в горы и спрятать?

— Ничего не трогай! Немедленно убирайся, пока сраных туристов нет.

Савелий глубоко вздохнул, как перед погружением под воду, и поднялся, приготовившись вытерпеть жуткую головную боль, однако отлипание от алтаря принесло значительное облегчение. Даже не облегчение, а настоящий кайф. Два мыслительных потока в мозгу разделили ресурс и заработали слаженно, нисколько не мешая друг другу, в глазах двоиться перестало, да и вообще — так хорошо Савелий не чувствовал себя уже без малого лет тридцать, с момента той самой аварии. Он даже подпрыгнул, проверяя ощущение — давно привычной болью позвоночник не отозвался.

«Жить — хорошо!»

— Держитесь там, Эль Чоло. Тамошняя сущность мне теперь тоже очень дорога, без неё будет скучно. И поблагодари от меня Духов, за такой шикарный подгон, когда выйдешь с ними на связь. Ладно, я в Ла-Пас, солнце уже встаёт, скоро зеваки подтянутся.

Часть первая. Сын Солнца

Подарок от Духов, Савелий получил не только в 2023 году, его «аватар-Инка Роки» в прошлом, из храма Каласасайа вышел полностью седым, но с первыми лучами солнца, его полностью обесцвеченная шевелюра вдруг обрела золотистый оттенок. Это так впечатлило всю многочисленную свиту и охрану, что они попадали на колени, уткнулись лбами в землю и замерли.

— Что с ними, шаман? — спросил Савелий-Роки по-испански.

— Всё в порядке, Русо. Ты себя не видишь, а их твой новый облик очень впечатлил.

— Что там у меня, рога выросли?

— Рогам бы они так не удивились. Твои волосы изменили цвет. Да и кожа заметно посветлела.

— И что с того?

— Сам вспоминай. Это ты уже изучал.

Вспоминай, говоришь...? Ладно, попробуем. Тиуанако* (*древний город в современной Боливии, сейчас там раскопки) теперь покинутый священный город, легендарное место появления на свет Манко Капака* (*легендарный первый Сапа Инка) и, в связи с этим событием, считающийся колыбелью цивилизации Инков. Цивилизации? По нынешним временам — несомненно. В чём-то цивилизация отстающая, производство железа, например, ещё не освоила, но письменность свою создала, а в технологии управления социумом опередила всех. Живут ведь практически при коммунизме, ни денег, ни рынка, но развиваются и всё новые территории покоряют. Империя уже раскинулась на все Анды, от Колумбии до Чили-Аргентины, но именно отсюда, из Тиуанако, Инки, по преданию, начали свой путь.

Что это нам даёт? Чоло что-то про волосы сказал... Опять же, по преданию, пращур Инки Роки и первый император Инков, Манко Капак, был светлокож и светловолос, видимо оттого и считался сыном Солнца. Точнее, до сих пор считается таковым. Волосы, значит? Жаль, зеркала нет, но вряд ли шаман соврал.

«Я тебя не видел раньше, но сейчас ты блондин. То есть мы в твоей сущности. Ну, ты понял...»

Прикольно жить «Уакой», всегда есть с кем поговорить. Причём, с очень умным человеком — самим собою. Не свихнуться бы только от внутренних диалогов.

«И не говори...»

Как там у нас, интернет на айфон ещё не поймался?

«Нет пока. А Чоло то в новом аватаре тоже неплохо выглядит. Жрец, по сравнению с ним, реально полудохлым меринком был. Лет на двадцать помолодел шаман...»

Откуда ты знаешь? Ах, да... Почему ты быстрее меня соображаешь?

«Не знаю. Наверное, тебе гормоны мешают. Отвлекает биохимия от мыслительного процесса».

Похоже на то. Ты оттуда подсказывай, если я тут тупить начну.

«Обязательно. Во, интернет проклюнулся. Так, год у нас там сейчас 1519, или 1520. Через семь-восемь лет, в нашей истории началась гражданская-династическая война. Без твоего участия, в интернете тебя совсем не помнят».

Если зарезали как барана на алтаре, то и не должны.

«Это точно. Испанцы Писарро приплывут в 1532-ом, когда воевать будут уже все со всеми. Повезло ублюдкам. Иначе вырезали бы их без напряга, не помогли бы никакие аркебузы и железные латы».

Постараемся, чтобы в этот раз всё сложилось иначе.

— Вспомнил.

— Я рад, — кивнул шаман, — нам очень повезло, Русо. Ты ведь сейчас со своим «Уака» общался?

— Ну, а с кем же ещё.

— И ты уходил в него.

— Уходил. Посмотрел в интернет. Нам предстоит гражданская война.

— Ничего такого нам не предстоит, Русо. Когда ты уходишь из этого мира, время останавливается.

— А ты как это заметил?

— Не тупи. Я не из этого мира. Нам нужно научиться делать этот процесс

контролируемым, а то пока всё рывками получается.

— Научимся. Так я, получается, теперь здесь Бог?

— Получается так. Но всё равно не расслабляйся. Бог ты совсем слабенький и не факт, что единственный такой здесь. Попробуй уйти в тот мир.

«Что поищем? Я так понял, нужно сильно увлечься».

Давай по событиям в мире пробежимся. И по персоналиям.

«Давай. 1520 год. Мартин Лютер сжёт папскую буллу, на трон Османской Империи сел Сулейман Великолепный, Великий Князь Василий Третий довольно успешно ведёт русско-литовскую войну».

Не за что зацепиться, чтобы точно год определить. Тааак-с..., а если...

— Стоп, Русо. Ты что сейчас делал?

— Хотел определить, какой сейчас год.

— То есть, читал?

— Ну, да. Ещё искал дату ближайшего солнечного затмения.

— Писал запросы?

— Конечно.

— А попробуй что-нибудь длинное написать.

— Что именно?

— Да какая разница. Начни вести дневник попаданца, или сказку писать.

— Сейчас попробую.

«Сказку про попаданца?»

Давай начнём.

— Хватит, Русо. Не увлекайся. Всё работает. Мне этого времени хватит, чтобы всех во дворце вырезать.

— Зачем тебе всех вырезать, Эль Чоло?

— Всех незачем, конечно. Но возможность такая нам точно не помешает.

— Тут ты прав. Ну, что, двинем в Куско?

— Завтра двинем. Или даже послезавтра. Сегодня отправим гонцов, пусть оповестят.

— Отправим благую весть, — ухмыльнулся Савелий.

— Ничего смешного в этом не вижу. Здесь ты Бог. Об этом должны все узнать.

— Думаешь, поверят?

— Кто-то, на свою беду, не поверит. О таких нам лучше знать заранее. Отправим гонцов и неспешно двинем. На полдороге уже получим новости из Куско. Не забывай, что у тебя здесь пять братьев. Пять тех самых идиотов, которые устроили гражданскую войну, и сами завоевали для Писарро огромную Империю. А пока потренируемся. Есть у нас в свите несколько человек, которым в Куско лучше не возвращаться, пусть они останутся здесь навсегда.

Ликвидация «врагов народа», со стороны выглядела настоящим чудом. Савелий-Инка Роки называл имя мерзавца и возвращался к написанию «Сказки про попаданца», а Эль Чоло, приличной такой медной кувалдочкой, пробивал негодяю затылочную кость с летальным исходом.

«Сукин сын такой-то!»

Сукин сын такой-то падает замертво с пробитой головой.

«Сын свиньи и козла такой-то!»

Свинокозлийный мутант тоже повержен и так далее.

Реальностью всё не воспринималось. Как будто в компьютерной игре надоевших устаревших юнитов делетишь, чтобы игровые ресурсы сэкономить. Поделился впечатлением с Эль Чоло, тот кивнул и предложил пообедать. Отказываться Савелий и не подумал, голод, в отличие от происходящего, ощущался вполне реальным.

— Слышь, Шаман? А как это работает? — Савелий выразительно постучал себе по голове, — Ты об этом думал?

— Я всю жизнь только об этом и думаю, Русо.

— И что надумал?

— Мы с тобой получили ограниченный доступ в Пятое измерение. В Эфир.

— «Эфир»?

— Почему бы и нет? Ничем не хуже прочих терминов. Изначальное состояние, до сотворения нашего мира. Чем термин «Сингулярное состояние» лучше? Это то, что существовало до создания нашей Вселенной. То, внутри чего и была создана эта Вселенная, со всеми её материями, пространством и временем, причем, вполне вероятно, создана в бесчисленном множестве слоёв-вероятностей. Собственно, кроме Эфира больше ничего и не существует, вокруг нас всё Эфир — и Пространство, и Время, и Материя. Всё это Эфир выведенный из состояния гармонии. Мы с тобой перебрались в другой слой-реальность. Прошли свой уровень и получили «левел-ап», стали продвинутыми юнитами. В компьютерных играх ведь бывают Боги?

— Боги-не боги, но Герои бывают. То есть, ты сторонник теории «Матрицы»?

Шаман подобрал небольшой камушек и перекинул Савелию.

— Что это?

— Не знаю. Гранит? Базальт? Руда какая-то?

— Не важно. Это так называемая материя. Ты уверен, что она существует?

— Конечно.

— Что ты знаешь о материи?

— Тебе всю таблицу Менделеева рассказать? Про каждый атом?

— Про каждый не нужно. Расскажи про один. Кстати, ваш Менделеев ставил «Эфир» первым из всех элементов в свою таблицу. Расскажи мне про один атом.

— Атом состоит из ядра и электронов. Электроны летают вокруг ядра, если кратко.

— Все верно. Электроны летают вокруг ядра. Числом электронов определяется природа материи. Летают электроны довольно далеко от ядра. Если ядро размером, допустим, с апельсин, то орбита электрона будет примерно километр. А внутри что?

— Вакуум?

— Вакуум — это ничто. Ничто не может создать ничего. Объём, пространство, создаёт Эфир. Как и материю, и энергию, и время. Про время и энергию я пока сам до конца не понимаю, но с материей то наша физика уже разобралась в достаточном объёме, расщепив сначала атом, а потом и атомное ядро. Ломать — не строить. — усмехнулся шаман.

— Признаться, от физики я довольно далёк. Физики уже признали материю галлюцинацией, а Матрицу реальностью?

— Такого они никогда не признают. Они признали, что ни электрон, ни атомное ядро собственно материей не являются. Ведь атомное ядро — это тоже энергетическое взаимодействие протона и нейтрона. Никакой фундаментальной частицы материи учеными-материалистами ведь так и не найдено. Вся материя — это взаимодействие энергий, воспринимаемая нашим сознанием в виде различных веществ. А вот дальше еще интересней.

Ведь и энергия — это физическое явление мира материального. Никакого определения энергии физика не даёт. Энергия, любая энергия, в том числе и всем привычная электрическая — это для них скалярная физическая величина. Знаешь, что такое скалярная величина, Русо?

— Ничего я не знаю, мне в школе по физике хорошую оценку из жалости поставили. За спортивные достижения.

— Скалярная величина в физике — величина, каждое значение которой может быть выражено одним (как правило, действительным) числом. То есть скалярная величина определяется только значением, в отличие от вектора, который, кроме значения, имеет направление. К скалярным величинам относятся длина, площадь, время, температура, электрический заряд, работа, статистический вес и так далее. — по памяти воспроизвёл Эль Чоло и усмехнулся, — Энергию научились измерять, не понимая её природы. Как и пространство. В материи всё ещё ищут элементарные частицы — кварки, мюоны, тау-лептоны, глюоны и бозоны Хиггса. За это физики получают хорошие деньги и считаются умными людьми. А вот энергию и пространство просто зачислили в скалярные величины. Не ищут никаких энергонов, или пространстронов. Есть они и всё тут. Измерить можно и ладно. Бог дал, — хохотнул Эль Чоло, — в общем, теорию «Эфира», теорию Матрицы, намного проще доказать, чем опровергнуть. Но и теория Матрицы неполная. Время в ней константа, а не переменная, в том числе и с отрицательным знаком. Поэтому, Матрица — примитивная чушь. На самом деле, всё намного сложнее. Я допускаю, что констант в этом мире вообще не существует. Где-нибудь, в условиях антиматерии, вполне может оказаться, что дважды два — пять, или семь.

— Тебе это Духи рассказали?

— Причём здесь духи, Русо. Я ведь не родился шаманом. Жил, учился, думал. Хорошо учился, за спорт мне баллов не добавляли. А Духов, такими вопросами только разозлить можно. Естественно, я их не задавал. И правильно. Сами подсказку дали. Теперь пришла пора размышлять над природой времени.

— А мне над чем размышлять?

— Ты здесь Бог и без пяти минут император, об этом и размышляй. Это твой мир, тебе его создавать, а по итогам отвечать.

«Он прав».

Да знаю, что прав. Не знаю, с чего начать и к чему стремиться. Создать новую религию? Виракочество, или Пачакамачество* (*Кон-Тикси-Виракоча — божество, которое в религии и мифологии многих доколумбовых народов Андского региона являлось сотворителем мира. За исключением инков, которые почитали его отдельно, у многих народов Виракоча отождествлялся с творцом мира Пача Камаком и встречался с двойным именем Пача Камак-Виракоча) и овирокочить-пачакамачить весь мир?

«Это в конце, а с конца никто не начинает. Сначала нужно взять власть и разогнать прогресс. Все ресурсы для этого есть».

Прогресс... Для этого специалисты нужны. Специалистов должны учить преподаватели, а где их взять? Власть то мы возьмём, а дальше?

«А дальше бумага. Типография. Книги-учебники».

Ага. На кечуа...

«Да, с языком проблема. Но с ним сейчас везде проблема. Наш русский местные русские тоже не поймут, как и испанцы испанский, германцы немецкий, а англичане

английский. Так что всё равно обучать придётся, вот с языка и начни. С букваря».

На это уйдут десятки лет...

«Через десяток лет система станет самовоспроизводящейся, а первую группу можно подготовить лет за пять. Не самолёты ведь им производить, не ракетную технику, не микропроцессоры. Что такого слишком сложного в производстве стекла, или стали? Работникам, на таком производстве, достаточно уметь читать и считать, да и то бригадирам. А стекло — это химия. Кислоты, нитрирование хлопка, бездымный порох и взрывчатка».

Ага, всё просто. Теоретически.

«Просто никто не обещал. Придётся покрутиться, поначалу — всё своими руками. Личным примером».

Для этого сначала самому нужно научиться.

«Это ведь очень интересно! Не пойму, чем ты недоволен. И вообще не пойму, как теперь наше сознание взаимодействует. Почему у нас разные эмоции?»

Ну, люди то мы разные. Я вот, например, сейчас сытый, а ты голодный, я свежим воздухом дышу, а ты куришь. Да и игру гормонов никто не отменял.

«Забавно. Люди разные, а сознание общее. Интересно, как это работает — «эфир» этот?»

Кто понимает — как это работает, тот свои Вселенные создавать может. Работает и ладно.

«Как электричество».

Именно так.

— Шаман, а какие у нас производственные возможности? Грамотные то ведь только жрецы, значит, их запрягать придётся.

— Запряжём, куда они денутся. Грамотные они весьма условно, но в жрецы собраны самые толковые. Надумал, с чего начинать?

— Бумага, стекло и сталь. Тут и думать нечего.

— С них и начнём. Изучай там в интернетах процессы, проектируй производство, люди будут.

— Сколько?

— А сколько нужно?

— Пока не знаю.

— Как узнаешь, так и обсудим. Подданных у тебя будет миллионов двенадцать. Хороших подданных — трудолюбивых и дисциплинированных.

«Ого! Вдвое больше, чем сейчас там в той России. Нам крупно повезло. Где и что искать — знаем. Есть кому искать и добывать. Нужно спускаться с гор, разрабатывать Эль-Мутун и там на месте плавить сталь».

Зачем нам столько стали? Её сейчас нужно тонн десять в год, чтобы ни в чём себе не отказывать. Столько руды мы и в горах наковыряем. Но, вообще, с местом и народом нам действительно повезло. С гор мы спустимся в другую сторону — на запад, в Лиму, которой пока нет. Вот с неё и нужно начинать. Без кораблей нам всё равно не обойтись, а всякому мореходству по учебникам не научишься.

«Лиму испанцы могут обнаружить. Хоть и высаживались они севернее, плавали то на юг наверняка далеко».

Обнаружат и обнаружат. Мы что, от пары сотен испанских дикарей не отобьёмся? Зачем тогда вообще что-то начинать? Мы ещё их Испанию на счётчик поставим, за ацтеков и

мая.

«Те ещё уроды, эти ацтеки и майя».

А неважно. Наших уродов должны грабить мы сами, а не какие-то пришлые европейские дикари.

«Тоже верно».

До Куско добирались две недели — пешком до озера Титикака, потом на жутко примитивных лодках из увязанного камыша, дальше снова шли пешком. Шли быстро, спортивно, километров по шесть за час, по полсотни за день. Верховых животных не имелось, так что ходить все умели отлично. И ходить, и бегать. Гонцы, пятьсот километров от Тиуанако до Куско, пробегали за шесть дней, но они не тормозились лодками, оббежали озеро по берегу. Процессии сына Солнца и главного жреца так нельзя. Воды озера и его обитатели, живущие прямо на плотках, тоже нуждаются в благословлении и окормлении.

Новости из столицы получили в двух дневных переходах. Благоую весть в Куско, в целом, приняли с восторгом. Не обрадовались ей только во дворце Амаруканча, резиденции нынешнего Сапы Инки, Уайна Капака, отца тела, доставшегося Савелию, и ещё пятерых его сыновей от четырёх жён. Нестарого ещё дикаря, всего-то сорок четыре года.

Не обрадовались дорогие родственники трогательно единодушно, а с ними и их свитские ближники — вся высшая знать империи.

— Ну, вот, а ты спрашивал — зачем всех вырезать.

— Так я ведь про вырезать спрашивал, а не про кувалдочкой глушить, — усмехнулся Савелий, — только у меня сразу два вопроса возникло. Всех главных военачальников ведь перебьём, как с армией-то потом будем управляться, мы этим бунта не спровоцируем? И второй — может стоит часть живьём повязать, а потом судить и казнить по суду? Нарезать заранее верёвок — на руки на ноги. Я долго писать могу, куда тебе торопиться?

— Насчёт армии — не знаю, там видно будет, все они там родственники и свояки, но атеистов среди них точно нет, а мы ведь им настоящее Чудо явим. Божью Волю. — усмехнулся уже Эль Чоло, — А насчёт повязать — идея не самая лучшая. С чего бы Богу отдавать святотатцев и богохульников на суд каким-то жалким людишкам? Он что, в своей правоте не уверен?

— Ты прав, об этом-то я как раз и не подумал.

— Не свыкся ты ещё с новым уровнем.

— Свыкнусь, со временем. Ладно, с армией после разберёмся, всё равно это тупое стадо уже не переучить, только и остаётся, что потратить их с пользой где-нибудь в сельве.

— Ты знаешь, чему и как учить армию?

— Не сомневайся. В этой эпохе, лучше меня специалиста точно нет. Два года службы в роте охраны и противодиверсионной борьбы. Не академия Генштаба, конечно, но и такого опыта здесь и сейчас ни у кого нет. За армию будь спокоен. Соберём народную, подготовим и вдарим. Из двенадцати миллионов населения, можно призвать шестьдесят тысяч. Двенадцать бригад пяти батальонного состава, или двадцать трёхбатальонного. Это сила, шаман.

— Прокормим мы столько?

— Сразу нет, конечно. Но сразу нам и не нужно. Организуем службу по призыву, будем готовить мобилизационный резерв, а лучших зачислять в подразделения постоянной боевой готовности. Пять таких бригад нам вполне хватит, для начала. Так что мы ещё и сэкономим, когда нынешних уродцев потратим на благие цели.

— По призыву всех? Не только Инков?

— Конечно. Все мои подданные будут Инками — и моче, и уари, и чиму, и уаска, и пукина, и чачапойя, и даже арауканы. И все остальные, которых мы захватим позже. Это русский путь экспансии, Эль Чоло, мы народы на высшие и низшие не делим.

— Русские там не победили.

— Не победили, — согласился Савелий, — но и не проиграли пока. Там ещё ничего не закончилось. Ошибки были, но мы о них знаем и не повторим. Постараемся, во всяком случае. Жрецы-то за нас?

— Жрецы... Этот, который до меня в этом теле жил, уверен, что за нас. Точнее, за него. Он ведь и сам сын Сапа Инки, нынешнему императору двоюродный брат. Думаю, его заключениям в этом вопросе доверять можно. Не глупый был человек, судя по воспоминаниям.

— Это замечательно. Вот их было бы очень жалко в расход пускать. Единственные ведь грамотные специалисты у нас сейчас.

— Отца и братьев не жалко?

— Тоже, нашёл мне братьев и отца... Око за око, зуб за зуб, они первые начали. Да и по дальнейшему ходу истории, понятно — выродилась эта элита за триста лет, спасти от неё нужно нашу любимую, единую и неделимую Империю. Именно за тем нас сюда и забросило. Забросили... Забросил. Или нет?

— Если опираться на логику, то за этим.

— А больше нам с тобой не на что опираться, так что не рефлекслируем. Делай, что должно — и будь, что будет. Сначала почистим свои ряды, а потом погоним европейскую погань обратно. «Europa delenda est», пока она не пустила свои метастазы по всему миру.

5 апреля 1520 года.

Взятие власти прогрессивными силами прошло рутинно для двух попаданцев-прогрессоров из будущего и выглядело настоящим Чудом для хроноаборигенов.

Всё население Куско, с самого утра, собралось в храме Кориқанча* (*кечуа Qurikancha, букв. «Золотой храм», изначально кечуа Intikancha, букв. «Храм солнца»), ближе к полудню, в храм прибыли носилки Сапа Инки, сопровождаемые сыновьями Уайна Капака и высшей знатью Империи.

Верховный жрец, Чалько Юпанки, он-же шаман Эль Чоло, огласил Благоую весть, вызвав восторг толпы. Красиво так огласил, как Остап Бендер про Нью-Васюки, Савелий-Инка Роки аж заслушался.

«Как солнце светит одинаково для всех, так и Интико* (*Сын Солнца) не будет делить своих подданных на высших и низших. Теперь все равны! Всех ждёт благоденствие, больше еды и множество славных побед, под мудрым правлением Сына Солнца».

Уайна Капак потребовал доказательств и немедленно их получил. Савелий принялся описывать в «Сказке про попаданца» встречу в Куско, а Эль Чоло заработал своей медной кувалдочкой. Тюк прямо в темя, и нет Сапа Инки, ещё тюк, и нет его старшего сына, Туака Уальпы. Тюк-тюк-тюк-тюк, «солнечные удары» получили остальные братья — Атауальпа, Уаскар, Манко Инка Юпанки и Пауллу Инка.

Следом за «императорской фамилией», доказательства получили высшие сановники и военачальники — Апу Илакита, дядя Уайна Капака, «губернатор» Куско и «премьер-министр»; Аколья Тупак, из рода Виракочи, главнокомандующий армией при Уайне Капаке; его сын, Титу Атачи, («Апуски Рандин» командир над десятью тысячами «Гвардии Инков»);

братья Тампу Уска Майта и Титу Атаучи («Атун Апу», командиры пятитысячных отрядов); «мэры» Мичи, из Урин-Куско. Авки Тупак, из Анан-Куско. Мольо Капак, из Кольяо и Апу Кантар Капак, из Кунтисуйу; Мольо Пукар и Кунти Мольо («Авкак Кунапы», полководцы) и пара десятков военно-политических деятелей рангом пониже.

После, Эль Чоло посрывал с них украшения, собрал их символы власти — короны и жезлы, свалил всё в кучу у ног, теперь уже нового Сапа Инки, Интико-Роки, передохнул и вызвал Савелия из творческого процесса.

Почти четыре десятка высших Инка, на глазах восемнадцати тысяч жителей Куско, присутствующих на площади перед храмом, уже очищенные от множества блестящих украшений, одновременно опали трупами. Живые так не падают — это было очевидно всем наблюдателям.

«Чудо!» — восторженно взревела толпа и рухнула на колени, уткнувшись лбами в землю.

— Зрелищно получилось. А ты в хорошей форме, шаман. Двигался быстро.

— Ты что, видел это?

— Я нет. То есть, я видел, но той сущностью «Уака». Для писательства мне хватает одной этой. В общем, ты понял, лучше я объяснить не смогу.

— Понял. Это очень хорошо, Русо. Когда-нибудь ты научишься обходиться в таких делах без меня.

— Постараюсь. И что теперь?

— Скажи программную речь.

Савелий сказал. Подтвердил, обещанные Эль Чоло, равенство, благоденствие и грядущие славные победы, добавил про грядущие реформы в армии и народном хозяйстве, призвал все народы Империи сплотиться, как братья, ибо теперь они именно братья и есть, пообещал вернуть людям, утраченные ими, язык Богов и знания, которые позволят им плавать под водой, как рыбы, и летать по воздуху, как птицы. Для этого нужно учить язык Богов и учиться, учиться и ещё раз учиться. Быть честными, трудолюбивыми, дисциплинированными, бдительными и храбрыми. Родина в окружении врагов, но наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами.

Тоже хорошая речь получилась. Внушающая. Не хватило только музыки «Вставай, страна огромная».

— Где поселимся?

— А здесь, прямо в храме, и поселимся.

— Чёртовы каменюки, вроде и не сильно холодные, а тепло ощутимо вытягивают... Как бы воспаление лёгких не заработать. Скорее надо отсюда в Лиму переезжать, а пока хоть кровати из деревянных щитов на козлах соорудить прикажи.

— Распоряжусь.

9 мая 1520 года.

Больше месяца незаметно пролетело в административных хлопотах. Ещё пару раз пришлось шаману помахать своей кувалдочкой, сначала армейские недобитки пытались оспаривать Божью Волю, а потом нашлись еретики-святотатцы среди высшего жречества. Как-то догадались старые пеньки, что Верховного жреца им подменили. Где-то Эль Чоло прокололся, пришлось исправлять ситуацию «солнечными ударами».

Но, в целом, обошлись малой кровью — всего сотня трупов. Сотня трупов высших эксплуататоров — паразитов и кровопийц. Туда им и дорога. Дикари ведь натуральные, а

туда-же — в несправедливо обиженную аристократию играть.

Зато остальные подданные не просто подчинились, а с восторженным энтузиазмом. А ведь энтузиазм руководящих и трудовых масс — это очень ценный ресурс.

За месяц, удалось довольно ощутимо продвинуть технический прогресс. Первым подарком этому миру из будущего, стал самогонный аппарат. И не ради пьянства окаянного, ни Савелий, ни Эль Чоло этим и в прошлой жизни не злоупотребляли, и в этой лишений не испытывали, но этиловый спирт ведь не только для «погружений в синюю яму» нужен, он сам по себе очень ценный химический продукт.

Сера есть, кругом потухшие вулканы, так что она точно не дефицит. Сера — это серная кислота, а серная кислота, при нагревании в смеси с этиловым спиртом, даёт простой эфир. Не тот, о котором размышляет шаман, а химическое соединение с таким названием.

В общем, не хватает только стеклянной посуды, чтобы запустить процесс нитрации хлопка и растворения нитроцеллюлозы в смеси простого эфира и этилового спирта, с последующим гранулированием в бездымный порох.

В общем, как-то так само получилось, что сначала спирт, а потом взрывчатка. Для производства бумаги нужна мельница, с приводом хотя-бы от водяного колеса, которое в Куско и ближайших окрестностях построить просто негде. То же самое и с чёрной металлургией — и для домны, и для тигеля-конвертора нужна подача воздуха в больших объёмах, ручными мехами столько не накачать, а вот небольшую печь для плавки стекла продуть можно. Первую печку складывать уже начали. Цветные металлы жрецы плавят давно, огнеупорные кирпичи делать умеют, так что ничего особо сложного. А дальше предстоит осваивать работу стеклодува по видеороликам в интернете. Сначала самому осваивать, а после и других учить.

Мастерство жрецов Савелию очень понравилось. Правильные здесь служители культа, не опиумом для народа барьжат, а ремёсла развивают. Керамика — выше всяких похвал. Довольно искусная ювелирка. Стилль варварский, или «новорусский», времён развала СССР но работа тонкая. Отличные ткани, как из хлопка, так и из шерсти, Столярка убогая, но ведь и всех инструментов у них — бронзовый топор и бронзовая фигня, типа стамеска-скребок. Если это принять во внимание, то мастерство у столяров вполне на должном уровне. Водяные колёса поставить точно смогут. Что это такое и для чего нужно — жрецы уже знают. Макет на местном ручье запускали, дело осталось за малым — масштабировать механизм на приличной реке.

Римак, в будущей Лиме, для этих целей должен подойти. Судя по данным из интернета, расход воды там двадцать семь кубометров в секунду, этого хватит на все задумки начального этапа — небольшое производство и учебный центр. Первое НПО* (*Научно-производственное объединение) этого мира, да-да. Экспедиция в будущую Лиму уже ушла.

Девятое мая 1520 года (сорок девятый день после весеннего равноденствия), стал первым нерабочим праздничным днём в Империи Инков — Днём Победы Добра над Злом.

— Бедно живём, — Савелий зажевал кусочек мяса ламы, — осточертела уже эта верблюжатина. Надо бы нам набег на испанские владения в Панаме устроить. Там, у них, и свиньи, и овцы с козами, и коровы, и лошади, и куры-утки-гуси всякие. Это кроме прочего добра.

— Думаешь, справится наша армия? — усомнился Эль Чоло, теперь ещё и вице-император.

— С переносом-перегоном трофеев, двадцать тысяч лбов точно справятся. Не Мадрид с

Парижем и Веной грабить собираемся, а три небольших колониальных посёлка. Конкистадоров воевать будем мы с тобой.

— Поход месяца на четыре-пять...

— Где-то так. А чего нам с тобой здесь, в Куско, высиживать? Оставим наместника с чёткими инструкциями и вперёд — грабить и наводить ужас на оккупантов-мракобесов-сифилитиков. Заодно, по дороге, несколько племён освободим из плена дикости и невежества, и присоединим к нашей Великой Империи. Империи Цивилизации. Просвещения и всего остального хорошего. Пока в Лиме не построят плотину и мощный привод, делать нам здесь особо нечего.

— А стекло?

— А что нам прямо сейчас даст стекло? Диковинные стаканы за безумную цену, разве что. Объяснить, как выдувать стекло, я могу, а получится ли это лучше у меня самого — большой вопрос. Хлипкость организма значит много, объём лёгких и всё такое. Пусть пробуют, копят опыт. Это всего лишь стекло, в мизерных объёмах. Запорют пару плавок — ничего страшного не случится. Ты подумай, Чоло, мы с испанцев только железа несколько тонн возьмём. Верфь у них там наверняка есть, а то и парочка, на обоих берегах. Мастеров с инструментом захватим. Морячков поймаем, если повезёт. Вот ты представляешь себе — как и чему учить моряков?

— Сбегут твои морячки на первой-же посудине.

— Куда они от нас с Титикаки сбегут? Учиться-то ведь и на озере можно. Такая-же вода, такой-же ветер. На один кораблик леса мы туда на горбе поднимем. Давай, Чоло, решайся. Армию мы с тобой с собой заберём, бунтовать здесь некому будет. Зато огурчики-помидорчики, лучок-чесночок, да всё со сметанкой. Хлебушек пшеничный, картошечка, масло подсолнечное, пахучее, жгучий перчик и шашлычки из свинины и баранины... Не опротивела тебе ещё это верблюжатица?

— Надоела, — согласился шаман и тяжело вздохнул, — ты прав, высиживать здесь нечего.

— Не вздыхай так, Эль Чоло, не такой уж ты и старый, не старше, чем там. Тебя не вздыхать сюда послали, а чудеса творить.

Кампания-набег на испанские владения в Панаме продлилась четыре с половиной месяца. Задержались в несостоявшейся в этой истории Колумбии, покоряя силами Света и Добра дикарское племя Чибча. Именно Светом и Добром — это не шутка. Огромная (ε двадцатитысячная — это по нынешним временам везде огромная, разве что кроме Китая) армия Инков встала лагерем неподалёку от одного из посёлков Чибча и отправила послов с Благой вестью — вас, дикарей, изволил навестить Сам Сын Солнца. Лично Сам!

С Чибча, северные территории Империи Инков, контактировали раньше, поэтому языковых проблем не возникло, нашлось кому Святое Благовещение передать. Прождали неделю, за это время распяли семь мародёров и одиннадцать насильников из своих, плюс, Чоло прошёлся своей божественной кувалдочкой по затылкам самых непонятливых отморозков. Таких набралось ещё полсотни.

Чибча всё это время наблюдали издалека, анализировали и наконец впечатлились. Попросили доказательств, как неверующий Уайна Капак, но этих шаман глушить не стал, он предложил устроить поединок между Сыном Солнца Интико и сразу семью лучшими воинами Чибча. Или семьюдесятью семью, если своих лучших воинов вождю Чибча совсем уж не жалко. Дураку ведь понятно, что в таком бою — где семь, там и семьдесят семь.

Вождь племени Чибча дураком не был.

Лучшими воинами, в эту эпоху, считаются самые бешеные и здоровенные имбецилы, наглые, как альфа-самцы бабуинов, таких лучше сразу закапывать, таких не берут с собой в Светлое будущее. Савелий начал писать главу о Панамской кампании, в «Сказке про попаданца», а Чоло отработал «божественным солнечным ударом» своей медной кувалдочки. Семь ударов — семь лишних юнитов покидают игру.

Савелий, по горячему, подозвал «толмача» и произнёс речь о дружбе народов Инка и Чибча под своим началом. О Священной войне, с расплзающейся из-за восточного океана скверной, на которую Сам Сын Солнца идёт лично и возьмёт с собой сто сорок четыре воина Чибча. Всего сто сорок четыре, включая вождей и командиров помельче рангом. Почему именно сто сорок четыре? Об этом пусть думают жрецы и шаманы племени Чибча. Просто сто сорок четыре, чтобы свидетелей было много, а трофеев они смогли унести мало.

К Панаме, испанскому посёлку на Тихом океане, столице генерал-губернаторства Панама, семнадцатого июля 1520 года, подошла уже настоящая армия. Настоящая не в плане боеготовности, но, по крайней мере, в плане дисциплины точно. Небоевые потери, от «солнечных ударов» на марше, составили ещё триста сорок два отмороженных кретина, но плата за дисциплину эта ничтожная — меньше полпроцента от общей численности. «Полегли», в основном, командиры, ну, и пёс с ними. Командиры они были такие себе, тоже бабуинские альфа-самцы, а не выпускники военных училищ, таких заменить совсем не сложно.

Панаму трое суток изучали издалека. Разведали обе дороги к Атлантическому берегу — на Порто-Белло и Санта-Марию, поставили на дорогах секреты, с приказом — «ни шагу назад» — не пропустить даже низколетящих змеев Кетцалькоатлей, не то, что каких-то испуганных людишек, на таких-же испуганных потных лошадаках, а потом выдвинулись к частоколу города-посёлка.

Авангард армии (первый, самый боеготовый батальон) спрятался в зарослях примерно в полукилометре от стен, а Савелий с Эль Чоло, пять командиров армии Инков и двое от Чибча (сам военный вождь и их главный жрец), вдевтером, размахивая шестом, с человеческим черепом и шакальим хвостом на навершии вышли под обзор караульных наблюдателей.

Высочивший конный отряд повязали без крови, лошадей стреножили. Кстати — в трофеи попали одни лошади и меринки, ни одного коня с яйцами, как они их размножить-то собирались, интересно? Испанцы, такой расправой над своими неуязвимыми прежде карателями, очень впечатлились, они отправили небольшие отряды конных гонцов на Панамский берег Атлантики, и начали заряжать пушки. Снова стоп кадр на полглавы «Сказки про попаданца». Бедный Эль Чоло, походить ему в тот день пришлось прилично, но оно того, несомненно, стоило.

Когда шаман закончил вязать гарнизон, Савелий поставил многоточие и из кустов, к посёлку Панама, в спринтерском темпе рванул первый батальон Инкской армии. Гонцов в Порто-Белло и Санта-Марию вязать не стали. Не зря же заслоны из самых толковых бойцов выставляли и подробно инструктировали — всё время вдвоём воевать не получится, пусть получают боевой опыт.

В гавани Панама достраивали, уже спущенный на воду, двухмачтовый бриг. Достраивала команда — его будущий экипаж. Кораблик — дрянь, утюг-утюгом, а вот команда — очень ценный трофей. Деваться с недостроенного корабля, кроме как в плен, им

было некуда, так что сдались, как миленькие.

Всего захватили четыре сотни пленных — полторы сотни испанских оккупантов и две с половиной пособников-коллаборантов — хиви из местных индейцев. Плюс пять десятков верховых лошадей и меринов, двух коней-осеменителей, шестнадцать коров и одного быка, две сотни овец и коз, полсотни свиней, сотни три кур и сотню голубей.

Утром следующего дня, все пленные — оккупанты, их пособники и животные с птицами, нагруженные трофеями, кого можно было нагрузить, в сопровождении трёх батальонов конвойных (посменно носильщиков), колонной выдвинулись в Медельин — новый Имперский город Инков, основанный в землях Чибча. Примерно там-же, где находился Медельин из другой истории. Чтоб не путаться, да.

Почти всех пленных увели, при себе Савелий оставил губернатора Панамы — дону Педро Ариаса де Авилу, и аделантадо* (*исп. adelantado — первопроходец — в колониальной Испании титул конкистадора, который направлялся королём на исследование и завоевание земель, лежащих за пределами испанских владений), дону Паскуалья де Андагойя и с ними сорок свиней на шашлыки. Свиньи-животные быстро размножаются, а перегонять их трудно, свиньи-испанцы, в свою очередь, пригодятся для разговорной практики и получения информации, которой нет в интернете. В интернете, на самом деле, много чего нет.

— Прелесть, — Савелий зажевал кусок шашлыка, промаринованного в простокваше со жгучим перцем, — жизнь налаживается, шаман. Удачно мы в дебюте зашли — только железа взяли под четыре тонны, его мы в тигеле легко переплавим, это не из руды по капле вытягивать.

— Думаешь, они нас не понимают? — Эль Чоло кивнул на испанцев.

Доны Педро и Паскуаль, привязанные, для приличия, к стульям-креслам, находились здесь-же, в столовой губернаторской резиденции. Судя по выражению их лиц, понимали они всё отлично.

— Думаю, понимают. Понимаете, неудачники?

— Понимаем, — ответил за обоих дон Педро де Авилы, — вы говорите странно, не понять можно. Кто у вас старший?

— Мы оба здесь старшие и старше нас никого нет. Начинай исповедоваться, неудачник. Какие гарнизоны у вас в Порто-Белло и Санта-Марии, есть ли в гаванях корабли, или когда вы их ждёте?

— Я дворянин и требую к себе соответствующего отношения.

— Это справедливое требование, — кивнул Савелий, — как у вас принято казнить дворян?

— Зачем вам меня казнить? За меня заплатят хороший выкуп.

— Сильно сомневаюсь. Порто-Белло и Санта-Марию мы захватим, а вашему королю вряд ли захочется выкупать неудачников. Тем более, этого не захотят делать Кортес и Веласкес, а семья у вас нищая. Итак, у меня два вопроса, первый — про корабли, если вы готовы добровольно и чистосердечно сотрудничать, и второй — как у вас принято казнить дворян, если не готовы.

— Зачем тебе спрашивать его про корабли? — удивился Эль Чоло, — Сами не увидим, что ли?

— Вдруг они что-нибудь ценное ждут, вроде саженцев кофейных деревьев, а мы поторопимся и спугнём?

К сожалению, ничего ценного испанцы в Панаме не ждали. Никакого регулярного сообщения с Метрополией ещё не установили, корабли снаряжались частными лицами — могли прийти завтра, а могли через полгода. Своего флота у генерал-губернатора не было, единственный его недостроенный корабль сейчас разбирали союзники-чибча, пригодятся им и пиломатериалы, и железо. Вообще, чибча получили на разборку всю Панаму, на северо-восток, к Атлантическому побережью, их с собой решили не брать. Чудо увидели и хватит. Вряд ли они удовольствуются Панамой, вождь Чибча, дикарь по имени Муиска-Фомогата, уже послал за подкреплением, так что скорее всего они двинут ещё дальше на север, в Мексику, но планы свои пока скрывают, засранцы. Им же хуже. Чибча нужны Империи, а их армия нет, вот и пусть она убьётся где-нибудь в Мексике.

В Порто-Белло и Санта-Марии захватили полторы тысячи пленных, из них четыреста пятьдесят испанских оккупантов. Снова в трофеях животные-птицы, семена-саженцы, железо-бронза, ткани-нити, парусина-такелаж и золото-серебро. Не оставили ничего. Оба городка разобрали полностью, а что унести не смогли — сожгли. Пусть испанцы гадают — что здесь произошло и почему на развалинах-пожарищах нет трупов.

В Медельине соединились с колонной из Панамы. Варанка Камайук* (*батальонный командир. В подчинении имел 1000 человек), Апу Павка, довёл свой табор без происшествий. Сломала ногу одна лошадь, сдохли две коровы и восемь пленников, но это за происшествия не считается. Апу Павка получил повышение, стал Атун Апу* (*бригадный генерал. В подчинении имел 4000–5000 человек) и губернатором Медельина.

— Что мы здесь оставим? — спросил Эль Чоло, в этой кампании он официально был Апускипам* (*главнокомандующим). Сыну Солнца авторитета и так хватает, а ему лишним не будет.

— Скотину и птицу, пятую часть. Семена-саженцы и пленных хиви, животноводов и земледельцев, тоже пятую часть.

— Войско?

— Тех и оставим, которыми он командовал. Ему здесь не воевать, испанцы теперь вряд ли скоро полезут, а на разведку трёх тысяч хватит вполне.

— Испанцев не отдашь? Среди них восемь кузнецов.

— Нет. Ни испанцев, ни железа. Воинов награди... Кстати, о наградах. Нужно нам ордена-медали учредить. Да и деньги нужны нормальные, а не нынешний суррогат... Пока награди испанскими серебряными монетами. Вот их-то точно дальше незачем тащить.

— Зачем им монеты?

— Сами себе памятных медалей «За взятие Панамы» наделают. Распорядись только образец изготовить, с колодкой, чтобы все одинаковые делали. Большого пока не заслужили. Не велика заслуга — пленных конвоировать. Апу Павке — кирасу, шлем, шпагу и золотую монету на медаль.

25 сентября 1520 года.

Основную часть захваченного скота, птицы, семян, саженцев и пленных хиви отправили в будущую Лиму, по горам распределили понемногу свиней, овец и коз — на развод и получение животноводческого опыта. Свиней нужно учиться откармливать всякими отходами, чтобы людей не объедали, овец стричь, а коз доить. Учить теперь есть кому, по семье хиви оставили вместе с животными, наказав не обижать ни тех, ни других.

Испанцев, судостроителей, моряков и всех люмпен-воjak отослали на озеро Титикака, под конвоем бригады трёхбатальонного состава, с наказом строить трёхмачтовую гафельную

пхуну — один из мастеров такую уже строил в Испании, вот и пусть повторит. Необходимое для постройки дерево, железо, парусину и такелаж потащили на горбах, лошадей для этого жалко использовать, по горам они пока плохо ходят, люди лучше. Возглавлять первую судоверфь Империи Инков и город, который возникнет возле неё, назначили ещё одного толкового Варанка Камайука, Уанти Пачо, тоже повысив его до Атун Апу и губернатора будущего города Пуно.

Оставшееся войско разделили ещё на четыре части — две трёхбатальонные бригады отправили на восток и юг, налаживать контакты с тамошними дикарями и организовывать добычу селитры (на юге) и сока гевей (в сельве на востоке); одну на запад, к строящейся Лиме, организовывать труд прибрежных подданных (все три бригады ушли под командованием, проявивших себя с лучшей стороны, вчерашних «майоров»).

Лиму теперь и охранять теперь нужно, и на «барщину» народ сгонять, а то там многие дикари полноценными подданными себя до сих пор не считают, откупаются от цивилизации вяленой рыбой и считают, что так и надо, что это нормально и навсегда. Нет, дорогие товарищи дикари, не нормально это и точно не навсегда, мобилизация экономики уже началась. Вам теперь предстоит и плотины строить, и поля-огороды возделывать, а потом ещё и моряками служить, больше моряков нам брать негде.

Полторы тысячи лучших воинов, взяли с собой в Куско. Из этих можно попробовать подготовить настоящих бойцов, уровня роты охраны и противодиверсионной борьбы, времён срочной службы Савелия — будущих командиров будущей настоящей победоносной армии Империи Инков.

В Куско вернулись двадцать пятого сентября, уже после осеннего солнцестояния. Жрецы порадовали стеклом, да не просто колбами, ретортами, мензурками, а лабораторной установкой для производства серной кислоты. Мощь! Вот ведь память. Один раз рассказал, как это теоретически должно работать и вот вам уже результат. До азотной кислоты, а с ней и взрывчатки с бездымным порохом, остался один шаг.

Жрецов, в свою очередь, порадовали добычей — семью кузнецами (одного отдали на верфь в Пуно), столяром-мебельщиком-краснодеревщиком и ювелиром-огранщиком камней, всех с полным комплектом инструментов.

Одними из главных трофеев Панамской кампании, хоть их никто и не мог оценить по достоинству, стали измерительные инструменты — пульгада* (*24,5 мм), фут* (*278,6 мм), вара* (*835,9 мм) и пасо* (*1393,2 мм). Взятые в трёх посёлках мерки-линейки были деревянными и вряд ли соответствовали своему эталонному значению, но это всё равно лучше, чем ничего. Савелий уже голову себе сломал, в размышлениях — откуда взять метр, как отправную единицу измерения всей системы СИ, ведь все учебники на неё завязаны, все чертежи, да вообще всё — весь технический прогресс. Метр сделали, отлили из платины эталон, а с него уже нарезали линейки из бронзы.

Наверняка они не полностью соответствуют одной сорокамиллионной части окружности земли по экватору, но вряд ли это так сильно критично. Пусть здешний метр будет на миллиметр короче, или длиннее, главное — система. Удобная и интуитивно понятная десятичная система. А совсем уж от балды, на глазок, принимать метр не хотелось из-за чертежей. Первым, простейшим механизмам и агрегатам это работать не помешает, а вот в более сложных, где производился расчёт эргономики, даже пятипроцентная разница скажется негативно. Либо дороже получится, либо работать будет неудобно. Одна тысячная на это вряд ли повлияет.

Кроме метра, из платины отлили эталонный килограмм и занялись стандартизацией товарно-хозяйственных отношений в империи, для введения в оборот нормальных денег. Так-то, деньги — зло, конечно, но как без них обходиться, Савелий себе просто не представлял. Вот нет сейчас в Империи денег, но всё равно ведь полного бартера не получается, используются в доплату листья коки, раковины мульты и медные «топорики» — суть те же монеты, только вводимые в оборот кем угодно, а не государством.

Цветных и драгоценных металлов в Андах столько, что когда их отсюда начали вывозить в товарных объёмах, дикая инфляция случилась во всей Европе, а в Испании, главном «эмиссионном» центре монет из драгметаллов, напрочь угробили всю производительную экономику — покупать всё в Англии, Франции, или Голландии было гораздо дешевле, чем производить что-то самим.

Золото-серебро, кроме монет, использовать всё равно больше негде, не идиолов же из них отливать. И тех, что уже отлиты, переплавить нужно, слишком уж они уродливы — и Богов позорят, и Цивилизацию-изготовителя.

Беспольных пленных — двадцать пять испанских дворян и четверых монахов, предлагали принести в жертву Инти, но толку-то с тех жертв? Это дикари пока верят, что дело это богоугодное и народную карму повышает, но Савелий-то с Эль Чоло не дикари. Все эти кровавые мракобесные праздники пора упразднить, а воспоминания о них предать забвению и засекретить, Цивилизация Инков должна явить миру образцовое общество, в котором захочется жить каждому и религию, в которую захочется верить.

— Мы их отпустим.

— Просто отпустим?

— Не просто, конечно. Выкуп попросим. Саженьцы кофе, оливок, персиков, абрикосов, инжира, яблонь, груш, вишни, черешни, финиковых пальм и так далее. Семена капусты, свёклы, моркови, хрена, арбузов, дынь, тыквы, риса и гречихи. Борщи будем варить, со свежей капусточкой, эх... Когда мы ещё в ту Европу сами наведаемся? За это время уже десяток урожаев снимем.

— Как мы этот выкуп попросим? Кого-то придётся отпустить просто так. Дорогу знать будет...

— Дорогу пусть знают. Пока туда-сюда обернутся, мы уже приготовимся, найдём чем удивить. Всё равно ведь, прятаться мы не собираемся. Монахов отпустим, за них никто выкуп не заплатит, их удел — принимать мученическую смерть за Веру в своего иудейского боженьку. Не в жертву же, в самом деле, их приносить. Нам с тобой такое в карму точно плюсом не пойдёт. Согласен?

— Пусть идут.

— Тогда я начну их инструктировать, а ты займись изготовлением монет. Дадим понемногу в дорогу.

— А это ещё зачем?

— Монета нам и самим нужна, а монахи так быстрее доберутся. Не обеднеем с полкило серебра. Да и игра может начаться интересная. Сам прикинь — Панаму мы захватили играючи, монету чеканим, значит, государство развитое, выкупом просим семена и саженьцы, в тайне такое сохранить точно не удастся, вся Европа узнает. Англия и Франция этим обязательно заинтересуются, попытаются посольства заслать. А чего сидеть-высиживать?

Приемлемого качества монеты удалось изготовить только к зимнему солнцестоянию,

почти одновременно с этим, пришли известия из Панама — испанцы высадились в Порто-Белло и активно отстраивают город. В этот раз настоящий город-крепость — из камня. Нагнали из Мексики кучу хиви, тысяч десять не меньше, и устроили там «пятилетку за два года». Пусть строят, пригодится. Панама и правда место очень важное, каменная крепость Империи Инков там точно не помешает.

Монахи получили по двадцать пять пятиграммовых серебряных монет, с изображением профиля Эль Чоло-Чалько Юпанки на аверсе и Западного полушария планеты Земля, с надписью «Imperio Inca» на реверсе; взяли письма пленных дворян и четыре копии списка требуемого в качестве выкупа, на этом захваченная в Панаме бумага закончилась, а своя (производство в Лиме уже началось), пока получалась обёрточного качества, серовато-коричневая и рыхлая. Недостойна пока эта бумага великой Империи Западного полушария.

Два доминиканца, францисканец и бенедиктинец. Итальянец из Ломбардии, испанец из Арагона, француз из Прованса и немец из Австрии, настоящий интернационал из трёх самых многочисленных и влиятельных монашеских орденов, эти обязательно разносят «горячие» новости Нового Света по всей Европе и донесут их до самого верха. Один их доминиканцев — испанец, просил разрешения остаться, чтобы окормлять христианскую паству, но не получил. Зато ему разрешили вернуться вместе с выкупом. Выкупят то только дворян, остальные останутся, так что будет кого наставлять-окормлять.

Интерлюдия. 24 февраля 1521 года.

Временный губернатор Панама, аделантадо, дон Диего де Альмагро, слушал отпущенных из плена монахов и находился в состоянии, которое позже назовут «когнитивным диссонансом».

Монахи поведали историю о набеге на Панаму двадцатитысячного войска каких-то Инков с Южного континента, которые практически играючи и без потерь захватили три испанские крепости, со всеми защитниками и восемнадцатью пушками. Самих штурмов монахи не видели, но все как один утверждают, что ни одна пушка так и не выстрелила, эти самые Инки вдруг оказались внутри городских стен сразу в большом количестве и повязали всех военных, а населению ничего другого не оставалось, кроме как сдаться на милость победителей.

Милость те явили, убивать никого не стали, даже женщин не насиловали и не обижали. Всех увели в плен, причём, беременной супруге губернатора, Педро де Авила, сделали носилки, которые всю дорогу несли пленные. Все монахи отметили железную дисциплину в этой неведомой армии, но все они, как один, описывают бронзовое оружие и доспехи. Странно это, очень странно.

Вели пленных на юг почти два месяца, но сами эти Инки способны ходить гораздо быстрее, их очевидно сильно тормозили пленные и скот. По пути встречались посёлки и настоящие города-крепости из камня, с неприступными стенами. Внутрь, правда, монахов не пускали, но судить они могли по столице, где прожили почти три месяца.

Жили они там, скорее, как гости, чем как пленники, по городу Куско, по улицам, им гулять не запрещали. Город, как город, если бы не полное отсутствие в нём торговцев. Снова странно. Как можно в городе обходиться без торговцев? Может это и не город вовсе, а столичная крепость-замок с гарнизоном и снабжением? Может быть и так, но для замка он слишком большой, да и храмов языческих там целый десяток, многовато для одного только гарнизона.

Живут эти дикари-инки вполне цивилизованно, с водопроводом и канализацией, на улицах чистота и порядок, нет нищих, бродяг и преступников. Впрочем, преступников у них казнят даже за мелкое воровство, поэтому неудивительно, а нищих и бродяг из столицы, скорее всего просто изгоняют. Или это тоже считается за преступление, со всеми вытекающими. Очень разумное устройство жизни общества, стоит это признать.

Храмов в Куско много, но все они посвящены Создателю, в ипостаси Виракочи-Пача Камака, Бога Солнца. То есть, Бог у них один, он посылает народам своих сыновей-пророков, которых и почитают в разных храмах вместе с самим Создателем.

Как раз сейчас, в главном храме Куско, живёт их очередной Интико — Сын Солнца. Совсем ребёнок ещё, лет десяти-одиннадцати, но именно он и главный жрец возглавляли военную кампанию в Панаме. Точно? Абсолютно точно. Его монахи и в походе видели и после с ним общались. И с ним, и с главным жрецом Чалько Юпанки. Как общались? Так на кастильано и общались, говорят они довольно странно, но понять вполне можно. А сам Сын Солнца, Интико, ещё и по-германски говорит, тоже странно, но тоже вполне понятно.

Что ещё? Золото! Огромное количество золота, из которого Инки отливают идолов Создателя-Виракочи. На каждой женщине фунта по три золотых украшений. Из серебра они изготавливают посуду, причём даже обиходную, совсем никак не украшенную, из такой кормили пленников. Пусть даже такое только в столице, но и это говорит о многом, значит добывают и добывают много. Ещё? Отличная керамика, отличные ткани, всё отличное, что удалось увидеть. Сколько этих Инков всего? Сами они утверждают, что много миллионов — двенадцать, или даже пятнадцать.

Дон Диего Альмагро ещё раз пробежался глазами по списку затребованного в качестве выкупа за двадцать пять плененных дворян. Ерунда какая-то. Всё это наверняка стоит меньше, чем выдали монахам на дорогу — какие-то саженцы, семена...

— Зачем им это?

— Сложно сказать, сын мой, — ответил старший доминиканец, — мы думали об этом, обсуждали, но к единому мнению так и не пришли.

— И какие у вас есть разные мнения?

— Брат Иаков считает, что эти растения здесь не растут, а Инки хотят их иметь. Они и из набега на Панаму очень бережно всякие семена и саженцы выносили, как берегли и крестьян, которые умеют их выращивать. Так что может быть действительно всё просто.

— Ерунда какая-то. Если они здесь не растут, откуда они про них знают?

— А откуда они могут знать про Мартина Лютера, например? — вопросом на вопрос ответил францисканец-германец, — А ведь знают. Мне этот Интико-Роки даже «Отче наш» по-германски прочитал. Я запомнил: «Vater unser, der du bist im Himmel, Geheiligt werde Dein Name, Dein Reich komme, Dein Wille geschehe, wie im Himmel so auf Erden. Unser tägliches Brot gib uns heute. Und vergib uns unsere Schuld, wie auch wir vergeben unseren Schuldigern. Und führe uns nicht in Versuchung, sondern erlöse uns von dem Bösen. Denn Dein ist Das Reich Und die Kraft Und die Herrlichkeit In Ewigkeit. Amen». Он утверждает, что раскол Святой Церкви уже готовится, под предлогом Реформации и возглавляет раскольников именно Мартин Лютер.

— «Отче наш» по-германски звучит зловеще.

— Согласен, сын мой. Но ещё более зловеще звучит предупреждение о грядущем расколе Матери нашей Церкви, а я склонен верить этому предупреждению.

— Почему?

— Просто склонен, сын мой. Ты не готов услышать мои аргументы, а я не готов их тебе

поведать. Никому не готов, их я осмелюсь высказать только Его Святейшеству Папе. Так что знают они очень многое и все эти семена-саженцы им несомненно известны

— Вам дали на дорогу сто монет. Я уверен, что весь этот список ста монет не стоит, тем более что монеты в придачу к пленным дворянам.

— Конечно не стоит, сын мой. Для нас не стоит. У них я до этого вообще никаких монет не видел, кроме трофейных, из которых изготовили значки-награды воинам. Серебро они совсем не ценят. Эти монеты отчеканили специально для нас, я в этом абсолютно уверен. Это и есть их послание Его Католическому Величеству. «Imperio Inca» — вот в чём их основной посыл. А все эти запрошенные семена и саженцы дают нам понять, во сколько они нас на самом деле оценивают.

— То есть, это оскорбление?

— Если мы оскорбимся, то несомненно, сын мой. Только оскорбления ведь принято смывать кровью, а у вас для этого нет сил. Просто оскорбиться, чтобы сидеть оскорблённым и ничего не предпринимать — глупо. Лучшее, что вы можете сейчас сделать — это организовать нашу отправку в Европу как можно скорее. Решение о войне с настоящей Империей принимать всё равно не вам.

Дон Диего Альмагро раздражённо скрипнул зубами, но возразить было нечего. Он здесь даже не губернатор, исполняет обязанности явочным порядком, а всего войска у него полторы сотни человек с двадцатью лошадьми. Эти загадочные Инки уже угнали в плен вдвое большее количество. Но как?

— Как, по вашему мнению, они взяли крепости? Это предательство с подкупом, или какое-то колдовство?

— Считайте, что предательство, так вам будет спокойнее. Впрочем, я уверен, что нападать на вас не будут. Они уже получили отсюда всё, что хотели. Теперь будут ждать выкуп из Европы.

— Считать я могу всё, что угодно, а как на самом деле?

— Об этом только Его Святейшеству Папе, сын мой. Вы ускорите нашу отправку?

— Ускорю. Через неделю отчалите. А пока нарисуйте мне карту. Всё, что запомнили. Войну объявлять я не компетентен, но разведка входит в мои обязанности.

— Нарисуем. От этого нас не предостерегали. Они не боятся.

23 февраля 1521 года.

День двадцать третье февраля 1521 года, стал Днём рождения Военно-морского флота Империи Инков, на озере Титикака подняла паруса трёхмачтовая гафельная шхуна «Юнона». Симпатичный получился кораблик, и вообще, паруса — это очень красиво.

В первое плавание вышли и Савелий с Эль Чоло. Прошлись по озеру. Получилось в четыре раза быстрее, чем на тростниковых лодках, хоть и экипаж ещё не слажен, да и идти периодически приходилось галсами, ветер в горах меняется довольно часто.

— За какое время вы обучите нашу команду, капитан? — поинтересовался Эль Чоло. Чалько Юпанки, верховный жрец и вице-император, герой Панамской кампании, легенда Инков при жизни.

— Вы собрали рыбаков, так что с парусами они научатся управляться довольно быстро, за полгода точно, экселенц. Плотники ваши на верфи работали, несложный ремонт провести сумеют. Замену мачты вряд ли, а обшивку починят.

— Проведите с ними учения по замене мачты. И вообще по всяким аварийным ситуациям. Через полгода я эту команду у вас заберу, получите новых людей.

— Извините, экселенц, позвольте мне задать вопрос?

— Спрашивайте, капитан.

— А кто у вас будет командовать кораблём? Где вы возьмёте офицеров?

— Лучшие из матросов станут офицерами. У вас разве не так?

— Наши офицеры приходят на флот юнгами, но их обучают специально. Навигация — это не так просто, экселенц. Океан — не озеро.

— Я это знаю, капитан. Но делать нечего, нам придётся рисковать. К тому же, в навигации мы обладаем большими знаниями, чем вы. Наши приборы намного совершеннее ваших, а карты значительно точнее. Учите команды обращаться с парусами и производить ремонт, большего мы от вас не требуем.

— Позвольте ещё вопрос, экселенц. А что будет с нами? Что будет со мной? Я обречён остаток жизни плавать по этому озеру?

— Нет, капитан. Всю жизнь в неволе мы вас держать не собираемся. Подготовите нам десять экипажей и станете свободным. Полгода на экипаж — пять лет.

— Свободным... А вам не нужен свободный опытный капитан?

— Не хотите возвращаться в Испанию?

— Я каталонец, экселенц. Не хочу возвращаться на флот Его Католического Величества Карлоса Габсбурга. У вас здесь совсем другое отношение к людям, даже к простым матросам и работягам на верфи. Все наши уже хотят служить вам.

— И вас не смущает, что мы не христиане?

— Менять веру, как мусульмане, вы не требуете, а что сами по-другому веруете — так это дело ваше. Мой ответ — нет, нисколько не смущает.

— Я подумаю над этим, капитан.

Верфь из Пуно переместили в Лиму к апрелю 1521 года. На перегороженной плотиной реке Римак, возникло немаленьких таких размеров озеро, на глазок километров так пять на пять. Сток из озера происходил по трём каналам-желобам, в каждом из которых смонтировали по три здоровенных водяных колеса, их уже точно с моря можно километров за семь рассмотреть, или сколько там видимость с мачты до горизонта. Можно, только некому рассматривать. Испанцы-оккупанты отстраивают Порто-Белло, а к Тихоокеанскому побережью пока не суются, так что года два спокойных в запасе есть, как минимум. В любом случае, за оккупантами следят, так что неожиданностью их выход в Тихий океан не станет.

Три колеса северного канала предназначались для чёрно-металлургического и металлообрабатывающего заводов; средний канал работал на бумажную мельницу, стекольное производство и цветную металлургию; а южный на пилораму, столярное производство и оставался в резерве один привод под ткацкое.

Расстояние между каналами-желобами примерно километр, а между колёсами-приводами метров пятьсот, так что промзона первого Инкского НПО получилась правильной прямоугольной формы километр на два. Скромно, для девяти производств сразу, но лиха беда начало. Пока главный сдерживающий фактор — транспорт. Всё потребное сырьё найдено в огромных количествах, но доставлять его пока приходится пешим ходом на своём горбу.

Шесть десятков лошадей переданы Первой Гвардейской бригаде Быстрого Реагирования, которая обучается верховой езде. Лошадей бойцы берегут, как родных детей. Быки, из которых можно сделать тягловых волов пока не народились и народятся нескоро,

кроме восьми молодых коров, остальные дойные, и от их молока отказываться никто не собирается. Не так сильно горит с этим техническим прогрессом, чтобы ради него пожертвовать всё ещё деликатесными молочными продуктами. Ламу сильно не загрузишь, это не настоящий верблюд — полсотни килограмм, много — шестьдесят, так что основной гужевой транспорт пока — это люди. Вот появятся морские суда, тогда да, тогда рванём — ух...

Вокруг озера Лима растёт город Лима, новая столица Империи Инков, теперь морской Империи. Первым делом, пленные испанцы и их подмастерья из местных начали строить лесопилку. Почти всё, захваченное в Панаме, железо переплавили тигельным способом ещё в Куско. Переплавили и перековали «мечи на орала». Из аркебуз, мечей, шпаг и доспехов солдатни получились отличные пилы, топоры, всякие долота-стамески, резцы для рубанков и свёрла. Пилы не только для пилорамы, но и дисковые для циркулярного торцовочного станка и полотна для ручных ножовок. Теперь работа пойдёт гораздо шустрее.

Леса пока хватает местного. Того, что уже завалили на месте озера и в радиусе десяти километров от него, хватит и на десяток судов, и на посёлок тысяч на десять жителей. Отдельных домов для каждого подданного, конечно, пока не будет, но и бараки, с отдельными кубриками, по нынешним временам — настоящая роскошь.

Испанцам начали платить, кстати. Причём больше, чем они получали в Панаме, по десять серебряных «чалько» (пятьдесят грамм) в месяц. В Испании и Панаме платят вдвое меньше. Покупать пленным оккупантам на них, кроме крепкого алкоголя, пока нечего, а алкоголь продаётся в малых количествах — по сто грамм в сутки на рыло (за десять порций из зарплаты вычитается один «чалько»), но зато им теперь интересно играть в кости.

Местные смотрят на забавы европейских дикарей с искренним изумлением. Ограничение отпуска алкоголя в одни руки не мешает тем периодически напиваться до поросычьего визга и по-свински спать там, где закончились силы. Винные порции друг другу тоже проигрывают, хоть это и запрещено. Нарушителей штрафуют, но что им те штрафы — один ведь раз живут, тут и порка не поможет. Зато работают люто, этого не отнять.

Местные, за ударный труд, получают усиленные продовольственные пайки — наконец-то выросли нормальная картошка, лук, чеснок и жгучий мексиканский перец, плюс немного творога (мягкого сыра), или сливочного масла, немного мяса, или куриное яйцо (свиней и кур приноровились откармливать мелкой рыбой, которой навалом в прибрежных водах) и лепёшка из смеси кукурузной и пшеничной муки — для них это уже самое настоящее Светлое будущее.

Бумага пошла значительно лучшего качества. Хлора в морской соли содержится более половины общей массы, а уж выпаривать соль из морской воды почти на экваторе — проще простого, так что гипохлорид натрия* (*бытовая хлорка, отбеливатель) получается очень дешёвым и в потребных объёмах. Бумага пока не рулонная, но столько и не нужно, на чертежи-альбомы-блокноты хватает и ладно. Жрецы сейчас больше не производством заняты, а экспериментами с разной целлюлозой, жалко ведь хлопок-то переводить. Его хоть и стали больше садить, но всё равно. Делали в том мире бумагу из всякой малоценной дряни, вроде некондиционной древесины — к этому и нужно стремиться.

Со стеклом ещё лучше. Уже удалось получить листовое, на подложке из расплавленного олова. Для зеркала оно пока не годится, цветное стекло получается, болотного цвета, зелёно-коричневое, но эксперименты с сырьём и присадками продолжаются. Дойдём и до оптики, причём довольно быстро, если взятый темп сохраним.

Цветная металлургия теперь сосредоточилась на производстве золота, платины, серебра, олова, меди, свинца и цинка в слитках и листовой латуни. Всяческих религиозных идолов отливать перестали и даже уже начали переплавлять в слитки самых уродливых. Урода хоть из золота отлей, хоть из чугуния, хоть из навоза слепи — уродом он от материала быть не перестанет. Хотите идолов? Делайте красивых.

Не хватает мастерства? Берите натурщика и снимайте с него гипсовые слепки, делайте форму и отливайте из бронзы, золото на него потом нанесём тонким слоем, скоро мы этому научимся. Да, именно так угодно Виракоче-Паче Камаку и всем остальным Ктулху, включая иудейского — из бронзы получится гораздо крепче, а блеск будет как настоящий. Кто такой иудейский Ктулху? Это уже точно — не вашего ума дело. Даже сами иудеи не знают — какому чудищу-иудищу они прислуживают-поклоняются, а вам этого тем более знать не за чем

Дальше всех продвинулась химия. Азотную кислоту получили, хлопок нитрировали и растворили в смеси этилового спирта и эфира, первые образцы бездымного пороха уже испытали. В принципе, теперь можно даже киноплёнку производить, да только кому она нужна, без электричества?

Электричество на «Вольтовых столбах» уже исследуется. Не изучается, нечего там изучать, раз и в двадцать первом веке его природы не познали, а именно исследуется — как явления, которое можно измерять как скалярную величину и использовать, не понимая сути. Бог дал. Спасибо Виракоче-Паче Камаку! Всякие «вольты», «амперы» и «омы» придётся вводить «от балды», никакой связи с метрами-килограммами они не имеют. Ладно, разберёмся. Будет не двести двадцать вольт в бытовой сети, а четыреста сорок каких-нибудь «юпанок» — ничего страшного.

Посланные на юг и восток бригады постепенно налаживают отношения с местными дикарями. Повоевать пришлось и потери случились, но не отступили, и торговля начала налаживаться. Точнее, не торговля, а бартерный обмен, но обмен в нашу пользу, а это главное. Два бронзовых наконечника для стрел — за мерный (трёхлитровый) кувшин сока гевей на востоке, или за тонну селитры на юге. Не страшно, что эти стрелы в нас и полетят? Не страшно. С севера вон европейские дикари уже с железом, дымным порохом и сифилисом прут, что уж теперь бронзовых наконечников пугаться.

Обижать дальних аборигенов никто не собирается, фабрики на их землях основали, обжили и узаконили, а большего пока и не нужно, через торговлю, цивилизация распространяется намного легче и принимается на местах охотнее. Вожди дикарей с удовольствием приходят в штабы бригад цивилизаторов, чтобы обсудить торговые дела и закинуться стаканом-другим «огненной воды».

По сто подростков для обучения уже собрали и отправили, в том числе и своих младших сыновей. Иногда им перепадают бонусы — на девятое мая (День Победы Добра над Злом) все получили по наконечнику для копья и бронзовой короне — символу признания Империей Инков власти вождя над дикарями. Теперь если и начнётся у дикарей война бронзовыми стрелами, то за эту самую корону. Не за селитру-же (сок гевей) им воевать. Этого добра, гномики ещё насобирают (накопают).

Кстати, про сифилис. В другом мире ошибочно считается, а если точнее — другой мир злонамеренно ввели в заблуждение, что сифилис в Европу привезли испанцы из Америки. На самом деле, всё наоборот. И оспу, и корь, и сифилис, и прочие болезни, несть им числа, в Америку привезли испанцы из Европы, вместе с христианством, недугом душевным, но тоже

очень заразным. Всё это в Америку привезли в одном цивилизационном пакете. Просто тот мир стал европацентричным и всю гадость в истории, лживые подонки списали во вне. Не забудем, не простим.

Интерлюдия. 6 мая 1521 года.

Совсем ещё юный, двадцати одного года от роду, император Священной Римской Империи Карл Пятый, он же Карлос Первый, король Арагона и регент Кастилии, принял аббата Прийо, настоятеля монастыря Святого Доменика в Лиссабоне, и двух, вернувшихся из Нового Света, монахов в замке Альхаферия, в Сарагосе. Принял тайно, по настоянию кардинала Луиджи Орсини.

Новости из Панама действительно пришли удивительные. Оказывается, на западном берегу южного континента, в Новом Свете, есть огромная Империя с регулярной армией, каменными городами-крепостями и не то двенадцати, не то пятнадцатимиллионным населением. Оказывается, именно двадцатитысячная армия этой самой Империи Инков, чуть меньше года назад полностью уничтожила испанские колонии в Панаме.

Монахи рассказывали удивительные вещи — испанцы-конкистадоры даже из пушек выстрелить не успели ни разу, да что там пушки, они вообще никакого сопротивления не оказали, гарнизоны повязали как баранов на стрижку, а потом угнали в эту самую империю, вместе со всем населением колоний, включая индейцев. Четверо монахов в плену прожили почти три месяца, а потом их послали собирать выкуп за двадцать пять пленных дворян, включая бывшего губернатора Панама, Педро де Авилу.

Выкуп... Вот это самое странное во всей этой истории. Какие-то сажены и семена... Стоп! Монахов же было четверо...

— А где ещё двое ваших собратьев по несчастью?

— Отправились в свои епархии, Сир.

— То есть, во Францию?

— Монастырь брата Андрея, Сакро-Монте-ди-Варалло, в Пьемонте, Сир. А брат Иоанн действительно пошёл во Францию, в аббатство Сен-Жермен.

Пьемонт, как и вся Ломбардия, сейчас захвачен французами, так что оба они уже во Франции, и Франциск Валуа скоро эти новости узнает. Узнает он — узнает весь мир. Весь мир узнает о том, что испанских конкистадоров в Новом Свете играючи захватывают и угоняют в плен, как отары овец. Весь мир узнает о существовании Империи Инков.

Ситуация и так складывалась непросто. Французы довольно успешно ведут кампанию в Италии, в Кастилии разгорается восстание «Священной Хунты», а в самой Священной Римской Империи мутит воду религиозный реформатор Мартин Лютер, сторону которого принимает всё больше северных Германских городов.

Неудача в Панаме мелкая, если считать по потерям, но последствия её абсолютно непредсказуемы. Как воевать с огромной Империей через океан? Как сохранить завоевания Кортеса в Мексике и монополию Испании на Новый Свет? Чёрт побери, как сохранить саму Испанию, в конце концов? Сейчас восстала Кастилия, а скоро её поддержат Валенсия, Галисия, Севилья, Мальорка, Гранада и Баскония, да и Арагон с Каталонией в стороне, в этом случае, точно не останутся.

— С чего начнём, ваше высокопреосвященство? — спросил Карл Габсбург кардинала Орсини, когда аббат и монахи ушли.

— Начать нам следует со сбора выкупа, Ваше Величество и отправки его в эту самую Империю Инков.

— Это само собой, кардинал. И этот странный выкуп, и посланника для переговоров, с подарками, мы обязательно отправим. Только ведь не мы одни это сделаем. Франциск Валуа и Генрих Тюдор обязательно отправят свои посольства. Не исключая, что и османы с венецианцами в стороне не останутся.

— Наверняка, Сир, но мы будем первыми, а это уже много. Пока же предлагаю вам сосредоточиться на борьбе с ересью Реформации. Святая Церковь, Мать наша, подвергается серьёзной угрозе.

— Со слов каких-то дикарей. Не рано ли делать выводы?

— Один из монахов, Иаков, рвётся к Его Святейшеству Папе, Сир. Он абсолютно уверен в... Словом, эту угрозу он считает абсолютно реальной и самой опасной.

— Договаривайте уже, кардинал. В чём он там уверен?

— Во Втором Пришествии, Сир, — тяжело вздохнул Луиджи Орсини, — а ведь он не юноша пылкий, со взором горячим, а опытный инквизитор. Три процесса сам возглавлял и ещё в шести участвовал. Так что всё это точно неспроста.

— Ничего себе... Ладно, быть посему. Займёмся для начала этим Мартином Лютером. Интерлюдия. 4 июня 1521 года.

Франциск Первый Валуа, король Франции, герцог Милана, победитель швейцарцев и ломбардцев, рассматривал лежащие перед ним карту и монету, с реверса которой эту карту и срисовали. Новый Свет, ещё буквально вчера представлявший жуткой дырой, вроде тропической Африки, оказался отнюдь не бесхозным. Какая-то Империя Инков уже отвесила там хорошего пинка испанцам, а значит и Карлу Габсбургу. Очень интересно...

В плену у этих загадочных Инков побывали четыре монаха, одного из которых король Франциск только что отпустил после долгих расспросов.

Конечно, бенедиктинский монашек в военном деле понимать ничего не мог по определению, но даже из его бестолкового рассказа можно сделать определённые выводы. Огромная Империя, не то с двенадцатью, не то с пятнадцатью миллионами населения, содержит регулярную армию. Минимум двадцатитысячную — именно столько этих Инков принимало участие в рейде на Панаму, но ведь скорее всего это не всё, есть ведь у Империи границы, а на границах наверняка имеются враги.

Ну, пусть даже двадцать тысяч. О чём это говорит? Такую регулярную армию никто из европейских монархов содержать не может. Собираются, в случае необходимости, войска и побольше, но из наёмников. А где наёмники, там нет никакой надёжности. Чушь всё это про кодексы благородных ландскнехтов — те ещё твари, готовые предать в любой момент. Бандиты и грабители, почти неуправляемые и абсолютно ненадёжные.

Совсем другое дело — регулярная армия. Судя по рассказу этого Иоанна, дисциплина у Инков железная. Надо же, даже женщин не изнасиловали, не то, что никого не убили. Захватили городки и принялись их дисциплинированно потрошить до самого дна, под командой офицеров. А ведь в победном угаре пьяной солдатни, при пожарах, обычно теряется половина добычи. Здесь же всё разобрали, нашли все тайники, всё, что смогли унести — забрали, а что не смогли — подожгли уже перед самым уходом.

Каменные города-крепости в горах, с водопроводом и канализацией, с немыслимыми чистотой и порядком на улицах. Отличные дороги, трудолюбивые и послушные крестьяне в долинах, где возделывается каждый акр земли и даже сооружаются террасы, чтобы этих акров стало побольше.

Но ещё интереснее — выкуп, который эти Инки запросили за пленных испанских

дворян. Какие-то растения и семена... Они что, там совсем не от мира сего? Не знают, что можно получить за двадцать пять родовитых дворян? Судя по рассказу монаха — отлично знают. Они Европу знают едва ли не лучше, чем мы сами. Странно, всё очень странно. Однозначно, что это всё неспроста.

— Что скажете, по поводу этого странного выкупа? Зачем этим загадочным Инкам вся эта растительность?

Двоюродные братья — барон Анн де Монморанси и шевалье Гийом Гуфье де Бониве, друзья короля Франциска (тогда ещё графа Ангулемского) с раннего детства, а теперь его главные соратники, сподвижники и советники, тоже с большим интересом разглядывали монету и карту.

— Чтобы мы эти странности обсуждали, Сир, — высказал предположение Гийом де Бониве, то есть не мы с вами, а вообще вся Европа. Запроси они серебро — никому это было бы не интересно, а с этой растительностью они сейчас главная тема обсуждений при всех Дворах. Они своего добились.

— Согласен, — кивнул Анн де Монморанси, — и карту затем-же прислали. Чтобы при каждом из Дворов задумались — какую мощь может набрать Испания, даже если завоюет только один северный континент. Гийом прав. Они своего добились — я уже об этом думаю.

— Думаете, им нужны союзники? В Панаме они с испанцами разделались играючи.

— Вряд ли такое удастся повторить ещё раз, Сир. Мне очевидно, что случилось предательство. Подкуп высших офицеров, включая губернатора. Не просто ведь так их там содержат как почётных гостей. Их бы и без выкупа отпустили, я в этом уверен. А оружие у этих Инков бронзовое — это факт, ничего огнестрельного монахи не видели, лошадей там нет, это мы ещё от испанцев знаем. Если Карл Габсбург возьмётся за эту Империю всерьёз — ей придётся очень туго.

— Похоже на то. А все сведения о Европе у них от предателей. Империя Инков — наш естественный союзник, Сир. Армия у них многочисленная и вымуштрованная, вооружить её нормально — будет очень грозная сила. За оружие им есть чем платить, насколько я понял. Нам нужно успеть туда раньше испанцев и англичан

— Успеем. Нам эту дурацкую растительность собирать не нужно, а англичане ещё ничего не знают. Пока до них дойдёт — мы будем уже на месте. Отправим в подарок хороших лошадей и коней на племя, лучшее оружие на пробу и толкового дипломата послом. Монашек дорогу запомнил хорошо, да и дозоры этих Инков наверняка перешеек контролируют — проводят.

В Империи Инков, тем временем, наращивали технологический отрыв от Европы. Примитивный тигель-конвертер из базальтовой чаши, с загрузкой в полтонны расплавленного чугуна, и доменную печь к нему запустили в сентябре 1521 года. Проработает вся эта конструкция недолго, месяцев пять-шесть, потом прогорит кладка-керамика домны, но и это уже неплохо.

Металл пошёл, пошёл стабильно, по четыреста-четыреста пятьдесят килограммов за плавку, по восьмьсот-девятьсот в сутки, если никакой аварии не случится, установка выдаст сто двадцать-сто шестьдесят тонн отличной стали. Немного, но пока ведь и не танки строить.

Установка учебная, её главная задача — готовить специалистов, а текущая выработка — приятный бонус. Основное производство планируется строить на крупнейшем в мире месторождении железных и марганцевых руд — Эль Мутун. Мощная река — Парагвай, там

совсем неподалёку, леса в ближайшей округе хватит для переработки в древесный уголь лет на сто и выработки миллионов тонн стали.

Жаль, конечно, что каменный уголь далековато, но начать можно и на древесном. Все так начинали. Да и вырастет в тропических джунглях новый лес очень быстро, это не Европа, где лес вырубали раз и навсегда.

Пока же выработка стали идёт не тысячами тонн в сутки, а сотнями килограммов, большая её часть пойдёт на оружие и инструменты. Сколько требуется на вооружение, ну, пусть тридцатитысячной армии? Не будем слишком перегружать экономику Империи военными расходами — два с половиной процента населения «под ружьём» — вполне подъёмно. Каждому требуется ружьё. Не винтовка, до этого ещё далеко — гладкоствольное ружьё-переломка, одноствольное с отъёмным штыком.

Пусть по четыре килограмма стали на каждого бойца, уже сто двадцать тонн. Это только на ружья со штыками, а ведь нужна ещё и артиллерия, плюс всякие якоря с цепями для флота.

Значит, как минимум ещё три такие доменные печи придётся сжечь здесь только в военных целях и три в мирных. Инструменты тоже нужны, куда без них. Значит, строить будем по две, хорошо, что сразу предусмотрели два привода под чёрную металлургию. Вдвое придётся увеличивать и штат шахтёров с носильщиками. Сейчас их двадцать тысяч, будет сорок. Прокормим? Картошка даёт по три урожая в год, подсолнечник и пшеница растут отлично, но не в горах. С чёртовых гор нужно спускаться, спускать молодёжь — осваивать предгорья, сначала западное, а потом и восточное. Это реально? Вполне. Забирать по молодой семье переселенцев в год от каждого посёлка, а то и по две-три, тут нужно на месте смотреть, кое-где уже действительно тесновато.

Стволы ружей придётся производить по технологии проковки проволоки на оправу. Если верить интернету другого мира — это технология ствольного «дамаска», дорогущая там из-за высокой оплаты ручного труда. Здесь — не там. Здесь пока ещё за еду работают и права не качают.

Медную проволоку уже тянем, протянем и стальную, хитрости особой в процессе нет — греть заготовку получше, фильер установить побольше и тянуть посильнее. Сложен ли процесс изготовления «дамасского» ствола для кузнеца? Не слишком сложен. Очень трудоёмок — это да, по одному стволу в день от кузнеца с подмастерьем и разнорабочим-истопником; а сложности в освоении одного процесса быть не должно. Это не кузнеца-универсала учить, который и блоху подковать может и автомат Калашникова из металлолома соорудить. Здесь одна операция, как на конвейере. Сотню таких кузнецов обучить вполне реально в кратчайшие сроки.

Почему не винтовки? Здесь и сейчас это просто нереально. Да и нет в них пока особой нужды. Та же пуля Виктора Полева, для гладкоствольного оружия, на ста пятидесяти метрах ложится в круг диаметром двадцать сантиметров. То есть, даже не в грудь, а в голову, ага. Грудная мишень уже вдвое больше. А нынешние аркебузы и грядущие мушкеты на сто пятьдесят метров могут прицельно стрелять только по сомкнутому строю таких-же смертников, да и то, никто из них не целится, чтобы глаза не лишиться. Стрельба ведётся залповая — в ту сторону пли. Впрочем, штучные винтовки обязательно будут, как только появится для них подходящая оптика.

В пуле Полева используется пластиковый хвостовик и обтюратор? У нас пока будет из нитроцеллюлозы, благо, теперь на неё не только хлопок идёт, но и бумага вторичного

помола, то есть, уже вторсырьё, и это очень радует.

Стекло уже получается вполне оконного качества, чуть зеленоватое, но именно что чуть. Из лучших плавок изготовили зеркала — таких больших в Европе ещё никто не делает, даже венецианцы, не додумались там ещё до заливки стекла на подложку из расплавленного олова. Зеркала выставляются в храмах, теперь там целыми днями полно народу. И испанские дворяне заходят каждый день посмотреться — достаточно ли мужественно и благородно они выглядят.

Похоже, дойдёт до того, что, когда пришлют выкуп, многие из испанских дворян уезжать откажутся. Они уже задают Эль Чоло вопросы — как женятся по «винокоческому-пача камаческому» обряду. Пока никак, обряд ещё нужно придумать.

Химики получили хлорат калия (бертолетову соль) для капсулей и спичек, деревообработчики научились лущить стволы на шпон и клеить фанеру, первая типография начала печатать буквари на русском языке, забытом языке Богов, который учили сто жрецов и полторы тысячи детей и подростков — сборная команда, от всех входящих в Империю Инков племён.

На эту сборную, Савелий тратил по шесть-восемь часов своего времени в сутки и был очень доволен результатом. Через год заговорят все. Процесс пошёл. Нужный процесс, важный. Учебники потихоньку копируются в эту реальность, хорошие учебники — советские. Сначала освоим по ним школьную программу, а потом дойдём и до высшего образования.

На копирование текстов из другой реальности, время не тратилось. Две сущности «Уака» научились входить в состояние, которое на востоке называют «дзен», или «ци», и, пребывая в этом состоянии, они находились вне времени в обоих мирах. Ставили реальность на паузу, как компьютерную игру.

В октябре 1521 года, произошло два знаковых для Империю Инков события — на воду в Лиме спустили первый океанский корабль — трёхмачтовую гафельную шхуну «Авось», а от губернатора Медельина, Апу Павки, пришло сообщение о прибытии французского посольства, во главе с маркизом Этьеном де Ритонем. С восемью лошадьми и двумя жеребцами. Красивыми животными. Очень красивыми. Совершенными и даже божественными.

— Интересная нам эпоха досталась, шаман. Очень толковые люди сейчас государствами руководят. Я бы даже сказал — талантливые.

— Не помню я ничего хорошего про Франциска Первого.

— Если учесть его положение — между трёх огней: Священной Римской Империей и Испанией Карла Габсбурга, Англией Генриха Тюдора и Папской Италией, то выкрутился он очень достойно. С нашей помощью, добьётся намного большего.

— Зачем нам помогать каким-то французам?

— А кто будет разрушать для нас Европу? Когда мы ещё сможем выставить там хотя-бы тридцатитысячную армию? Нам здесь, на месте, работы на десятилетия. Мало прогнать испанцев с португальцами, нам на двух континентах ещё нужно построить свою Империю.

— Русским бы лучше помогли.

— Тех русских сейчас всего шесть миллионов, а французов двадцать пять-тридцать. Поможем и русским, когда до них доберёмся... Считай, что Франциск Первый выиграл в лотерею, — усмехнулся Савелий, — взял джек-пот.

— Чем мы им будем помогать? Железа нам самим не хватает, людей тем более.

— Зато у нас навалом золота и серебра. Помнишь — «Гружёный золотом осёл возьмёт любую крепость»? Европа воюет наёмниками, там этого отребья хватает, с деньгами на их оплату туго.

— Кредитовать будем?

— И это не исключается, но пока нам и покупать многое интересно. Вон, привезли хороших лошадей, привезут ещё. Коровы нужны, медленно они плодятся. Да и железо пусть везут, лишним не будет. У французов с османами неплохие отношения, вместе они там шороху наведут. В общем, пора нам в Куско, организовывать дипломатический квартал, скоро и остальные подтянутся.

— Не здесь?

— Ни в коем случае. Здесь всё секретно, весь город. В Куско навалом пустующих дворцов, вот их и выделим под посольства. Пусть у нас будет две столицы — религиозно-политическая и научно-промышленная.

— Заразу бы какую не завезли...

— Сам боюсь, и потому уже изучаю вопрос прививок. От оспы и кори делать их начнём уже скоро, именно оспа и корь стали настоящим бедствием для Нового Света, а от остального, пока лечить не научились — будем беречься. В принципе, с антибиотиком проблем возникнуть не должно, нужна только хорошая оптика, чтобы выбрать правильную зелёную плесень. Не хочется экспериментировать методом тыка — негуманно это.

Маркиз Этьен де Ритон, посол Франциска Первого Валуа, оказался весьма приятным в общении человеком, довольно эрудированным, по нынешним временам, и очень опытным дипломатом, успевшим послужить во французских посольствах при Османском и Португальском Дворах. Говорил по-испански, по-португальски и по-турецки, а последнее особо ценно. На османов, у Савелия имелись большие планы.

Поселили французов в пустующем, после смерти Уайна Капака, дворце Амаруканча, уже обставленном вполне европейской мебелью, а кроме того, поставили на продуктивное довольствие. Сорок два человека великую Империю Инков не обожрут. Тем более, что в свите маркиза случились не только бесполезные мракобесы-монахи, но и очень нужные специалисты — повара, портные, ювелир-живописец, сапожник, винодел и сыровар.

За лошадей щедро отдарились тремя зеркалами в человеческий рост, чем привели маркиза в настоящий восторг. Ну, ещё бы, такая роскошь в Европе сейчас реально на вес золота, а одно из зеркал подарили лично ему.

Привезли французы и семян с саженцами — то, что им удалось по-быстрому собрать во Франции и французской части Италии. Лишними не будут, особенно виноградная лоза, заказать которую испанцам, Савелий просто забыл. Будет из чего коньяк производить.

Повара у Этьена де Ритона оказались отличные, выпечка у них получалась чумовая — багеты, круассаны и всякие пироги — просто объедение. За обедами и обсуждали все вопросы. На пирах, как это было принято у русских, при Рюриковичах. Впрочем, почему было? Рюриковичи здесь ещё не закончились. К сожалению, о Руси-России, маркиз совсем ничего не знал. Слушал о каких-то северных дикарях, которые вроде как воюют с поляками, но ему это было неинтересно. Жаль...

— Нет, дорогой маркиз, ваше оружие нам не нужно. С испанцами мы справимся своим. Мы хотим покупать скот — лошадей и коров. Много и дорого, втрое против европейской цены и всё, что вы сможете привезти.

— Втрое — едва покрывает затраты, Ваше Императорское Величество.

— Пусть будет вмятеро, — легко согласился Сын Солнца, — но тогда только за качественную скотину, еле живую брать не будем. Готовы покупать железо, в слитках определённой формы. Не откажемся от специалистов, прежде всего архитекторов, скульпторов и живописцев.

— У нас не практикуется рабство, Ваше Величество.

— У нас тоже. Труд специалистов мы будем оплачивать, а вас вознаградим за хлопоты. Лично вас, ведь вы способны организовать это частным порядком.

— Постараюсь, Ваше Величество, приложу максимум усилий. Но, откровенно говоря мой король рассчитывал на больший объём взаимной торговли.

— Мы не против, дорогой маркиз. Торговать ведь можно не только товарами, но и, например, услугами. Ваш ливр* (*в эту эпоху ливр — не монета, а мера веса =0,489505 кг) примерно половина нашего килограмма. Десять тысяч ливров мы готовы заплатить за взятие вами Рима и возвращение Папского Престола в Авиньон. Это ведь и в ваших интересах насколько я понимаю.

— Я ничего не слышал о подобных планах своего короля, — растерялся Этьен де Ритон, — а вам это зачем, Ваше Величество?

— Раз уж мы с вами планируем заключение союза, то я заинтересован в вашем усилении на всех фронтах. В том числе и религиозном. Он очень значим для всей Европы.

— Это несомненно, но такие решения принимать не мне.

— Я понимаю. Вам придётся вернуться во Францию и получить более широкие полномочия. Когда прибудет ваш корабль?

— В феврале, Ваше Величество. Если с ним ничего не случится.

— Будем надеяться. Ваш повар — волшебник. Я готов ему хорошо заплатить за обучение своих людей.

— Я ему уже хорошо плачу, Ваше Величество, он обучит ваших людей без дополнительной оплаты. Пусть это покроет часть моего личного долга вам.

— Бросьте, дорогой маркиз. Лично вы мне ничего не должны. Ни мне, ни Империи Инков. Увидимся в январе.

Завязка деловых отношений с Францией, сделала необходимостью постройку города-крепости с портом на Атлантическом побережье, а лучшего места, чем горловина озера Маракайбо, для этого нет, там ведь ещё и нефть, поэтому именно туда и направился вице-император Эль Чоло, с двумя бригадами — Первой Гвардейской бригадой Быстрого Реагирования и Третьей общевойсковой бригадой, раньше охранявшей пленных испанцев в Пуно.

Военные в Империи Инков перестали быть дармоедами-элитариями, типа русской гвардии времён Екатерины Второй, постепенно превратившись в некий аналог римских легионеров. Не бездельничали они вообще — когда не имелось срочной работы, шла непрерывная боевая подготовка. Очень интенсивная боевая подготовка, поэтому подвернувшейся работе бойцы теперь искренне радовались.

Огнестрел пока не производили и, соответственно, армию им не вооружали, но удивить испанских оккупантов, если вдруг сунутся, уже было чем. Через перешеек они не пройдут, там от берега до берега теперь три засечные полосы с узкими проходами, контролируемые круглосуточно, так что если и полезут, то только на корабле, который будет атакован управляемыми торпедами — лодками, с шестовыми минами. В узости горловины озера — страшное оружие, особенно ночью. Тем более, что экипажи «торпед» постоянно

тренируются.

От Кито до Медельина дорога уже отличная, дальше, до Маракайбо, разведаны все тропы, племена, там живущие, хоть пока и не считают себя подданными Империи, вполне лояльны Инкам и воюют исключительно между собой. Оказывается, в джунглях не так уж и много гевей, чтобы хватало всем. Да и корону получил только один из дикарских вождей — а ведь это статус и возможность бухать в Медельине у губернатора.

В Лиму, Савелий вернулся в середине ноября 1521 года, с французскими лошадьми, чем сильно порадовал военных-«кавалеристов» и жрецов-«коневодов». Инкский табун получил вливание отличной крови. Франциск Валуа не поспешил и отправил настоящих рыцарских дестриэ. Инки рыцарскую кавалерию создавать не планируют, но ведь именно из этих лошадок после вывелись всякие тяжеловозы, вроде першеронов, шайров и брабансонов, а такие в имперском народном хозяйстве очень пригодятся. Когда ещё дойдёт до строительства железных дорог, да и дойдёт ли до этого вообще...

«Авось» ушёл на север, «открывать» Северную Америку, а на стапеле уже строили судно нового типа — «чайный клипер Катти Сарк» с клёпаной стальной килевой балкой. Этот отправится открывать уже Австралию с Новой Зеландией и Гавайский архипелаг, а заодно познакомится с Индией, Китаем и Японией. Зачем открывать Австралию, если две Америки ещё лет триста заселять и заселять? В Австралии растёт чудесное дерево — эвкалипт, которое отлично осушает болота, растёт быстро и древесина у него превосходная, для производства бумаги — лучше не придумаешь. Да и просто застолбить. Наше и всё тут. Пусть будет — на вырост.

Уже в начале декабря пришлось возвращаться в Куско. Эль Чоло сообщил о прибытии посольства Венецианской Республики. Савелий только и успел, что раздать чертежи и рукописи учебников, впрочем, большего и не требовалось. Производства теперь развивались за счёт полученного опыта. Тот же волоочильный станок усовершенствовали сами жрецы, не дожидаясь подсказок из интернета будущего. И ведь отлично получилось, далеко не факт, что такое можно найти в интернете.

Химики экспериментировали с нитратом серебра и уже получили фотоэмульсию и проявитель, для фотографии теперь не хватает только оптики. Причём, сразу продвинутой аналоговой фотографии — на фотоплёнке. Стеклопластины морально устареют уже на стадии экспериментов. Единственное, что не понравилось Савелию, так это организация труда у химиков. Вернее, полное отсутствие какой-либо организации. Наткнувшись в своих исследованиях на что-нибудь интересное, жрецы всей толпой лезли в эту тему, забросив все остальные, и только мешались друг другу. Сам виноват — а кому ещё здесь этим (организацией) заниматься?

Разделил жрецов-химиков на отделы (направления исследований), назначил старших, теперь дело должно пойти более разумно. Нужны краски и грунтовки для металла, лаки и морилки для дерева, красители для тканей и минеральные удобрения для сельского хозяйства, вот вам формулы, этим и занимайтесь — это настоящее Чудо, а фотография — так себе. Видали мы чудеса и почудесатее. Хватит на неё отдела из трёх человек.

Венецианцы перманентно воевали со Священной Римской Империей и примкнувшим к ней Папским Кагалом Ватикана, хоть и не в союзе с французами, но враг моего врага, как говорится. Венецианцы тоже привезли отличных лошадей, как утверждают — арабских и множество всякой ботаники — саженцы и семена кофе и финиковых пальм, семена гречихи, сои, риса, гвоздики, мака, конопли и ещё пары десятков наименований, в основном, флоры

востока, от Индии и дальше. Не удивительно, у них с османами отличные отношения, лучше всех из европейцев.

А ещё они привезли новости и сплетни. О существовании Империи Инков и её победе в Панаме, теперь известно всей Европе. Все собираются отправлять посольства — от Османской Империи, до Ватикана и Ганзейского Союза.

Против Карла Габсбурга восстала уже почти вся Испания, пока кроме Арагона, Валенсии и Каталонии.

Мартина Лютера арестовывали по приказу императора, осудили на казнь, но сжечь не смогли — в Вормсе его отбила толпа. Лютера толпа отбила, а папского нунция и имперского легата сожгла вместо него. Двух кардиналов разом. Шухер там теперь до небес. Сама Священная Римская Империя вот-вот развалится, и в ней начнётся религиозная война всех против всех.

В общем, удивляться, что Испания до сих пор не прислала выкуп — не стоит. Могут теперь и вообще не прислать, не до того им.

Да и пёс с ними. Не так важен был этот выкуп, как разговоры о нём, а с этим всё в порядке, раз уже даже османы своё посольство готовят.

Что хотела от Империи Инков Венецианская Республика? Торговать, конечно. Эти не отказывались ни от каких заказов. Железо? Пожалуйста! Лошади-коровы? Сколько угодно и всё, что угодно, хоть бегемотов с носорогами и слонов с жирафами, вопрос только в цене.

Венецианцам, под посольство, выделили дворец Пачакутека, отдарились двумя зеркалами, немало их расстроив самим фактом производства таких изделий; тремя килограммами настоящего молочного шоколада и холодильным шкафом из фанеры, с резиновыми уплотнителями, с аммиачным испарителем, нагреваемым спиртовкой. Если такой пару суток не открывать, температура внутри опустится заметно ниже нуля. Дивитесь, дикари европейские.

Никаких преференций в торговле, Савелий и Эль Чоло венецианцам не предоставили. Вместо этого, послу, гражданину Лоренцо Саларино была прочитана лекция о вреде преференций, монополий и других рыночных ограничений, для экономики, допустивших у себя такое безобразие, государств. Впечатлился, гражданин, даже записывать пытался.

Очень многообещающе прошли трёхсторонние переговоры Империи Инков (в лицах Савелия и Эль Чоло), Французского Королевства (маркиза де Ритон) и Венецианской Республики (гражданина Саларино). Венецианцам тоже пообещали оплату за услугу — пять тысяч французских ливров (чуть меньше двух с половиной тонн серебра) за активное (военной силой) содействие в возвращении Папского Престола в Авиньон. Гражданин Саларино имел от своего Дожа больше полномочий, чем маркиз де Ритон от своего короля, поэтому согласился сразу. Как согласился и содействовать организации инкского посольства в Москву, к Великому князю Русов и Тартар, Василию Третьему Рюриковичу. С этим пообещал помочь и де Ритон.

В начале января 1522 года, из Маракайбо пришла весть о прибытии английского посольства, в конце января — посольства Ганзейского союза и корабля французов. Савелий тепло простился с маркизом и гражданином и сбежал в Лиму, подгонять технический прогресс, оставив дипломатическую и административную рутину Великой (теперь это уже несомненно Великой, ведь все флаги в гости к нам) Империи Инков на Эль Чоло.

Интерлюдия. 12 мая 1522 года.

Король Франции, герцог Милана и Генуи, победитель швейцарцев и ломбардцев,

Франциск Первый Валуа не верил своим ушам.

— Они заплатили вперёд? И за нашу «услугу», и за венецианскую, хотя они ещё не оказаны и мы даже не подтвердили намерения эту «услугу» оказать?

— Именно так, Ваше Величество. В трюме «Санта-Иоанны» пятнадцать тысяч ливро серебра. Венецианцам должны будем заплатить мы, когда они выполнят свою часть обязательств.

— А если мы не захотим оказывать эту «услугу»?

— Тогда это серебро станет «предоплатой» за поставляемые нами товары, Ваше Величество.

— Чёрт побери! Монморанси, Бониве, вы это тоже слышали? Я ещё не сошёл с ума?

— Слышали, Сир. Если мы и сошли с ума, то все вместе. Серебро в трюме, в порту Марселя. Этого хватит на найм тридцати тысяч ландскнехтов на целый год.

— Я умею считать, Бониве. Пять тысяч там не наши, если вы это пропустили.

— Не пропустил, Сир! Как вы могли такое подумать! Венецианцам мы должны заплатить по факту «оказания услуги», а «по факту», в наших руках окажется уже вся Италия, там мы точно найдём, чем расплатиться с Дожем.

— Всё бы вам паясничать, Бониве. Что скажете, Монморанси?

— Я согласен с братом, Сир. Итальянскую кампанию нужно начинать нынешней-же осенью. Удивительно разумный император у этих Инков. Я уже начинаю сомневаться, что свои сведения о Европе он получил от испанских предателей. Я бы послушал личные впечатления о нём маркиза де Ритона, если вы не против, Ваше Величество.

— Не против. Поделитесь с нами, маркиз.

— Это очень сложно, Ваше Величество. На вид императору лет двенадцать-тринадцать. Он совершенно не похож на других инков. Светловолос, скорее даже златовлас, хотя, как утверждают сами инки, рождён был вполне обычным брюнетом. Два года назад, произошло какое-то событие и младшего сына тогдашнего правящего императора, каким-то образом усыновил сам Бог Солнца. Я в это не верю Ваше Величество, пересказываю то, во что верят сами Инки.

— Не оправдывайтесь, Ритон, я всё понимаю, не считайте меня слабоумным.

— Извините, Сир! Этот Сын Солнца, Интико-Роки, лично возглавлял набег на испанскую Панаму. А там творились настоящие чудеса. Испанцы, при виде его, лишились воли и сдались вообще без сопротивления. И ведь простым подкупом это не объяснить, согласитесь — из трёх сотен гарнизонных солдат, хоть кто-то да обязательно бы выстрелил. Не подкупали ведь всю солдатню, однако выстрелов не было вообще — это точные сведения. Я общался со всеми испанцами и уверен, что они не предатели. Все говорят одно и то же — они вдруг оказались связанными по рукам и ногам. Именно вдруг — внезапно и никак необъяснимо. Говорят про колдовство и чудо, тут мнения у них разделились. Согласитесь, предатели бы постарались придумать себе более правдоподобное алиби.

— Пожалуй... Продолжайте, Ритон.

— Я шесть раз подолгу общался с этим Сыном Солнца — Интико, причём, дважды наедине, без присутствия вице-императора Чалько Юпанки, и... Даже не знаю, как это сформулировать, Сир. Мне казалось, что он старше меня, намного старше. Старше на века. Он рассуждает о будущем, как будто видел его в прошлом. Он уверен, что люди способны и обязательно будут летать по воздуху с помощью механизмов, причём, уже довольно скоро. Он описывал эти небесные повозки не как наши философы свои фантазии. Рассказывал о

физических свойствах воздуха, о том, что от воды он, по сути, отличается только плотностью и плавать по нему вполне реально, на подъёмной силе неподвижного крыла. Он всё это уже видел, Ваше Величество. Видел там, откуда пришёл в наш мир.

— Сын Солнца... Сын Бога... Явление Антихриста, или Второе Пришествие?

— Об этом судить не мне, Ваше Величество. Насколько мне известно, Святая Церковь тоже собирает своё посольство, пусть они в этом и разбираются.

— Вы правы, де Ритон. Это не нашего ума дело. Даже если мы соблазнили Антихристом, купим себе потом по индульгенции.

— Со скидками купим, Сир, — усмехнулся шевалье де Бониве, — в Авиньоне их нам продадут намного дешевле, чем в Риме. А может даже подарят.

— Нам нужно срочно строить сильный флот, — высказал мнение барон де Монморанси, — очень сильный. Уже очень скоро начнётся большая драка, за право торговать с этими Инками. Их шоколад восхитителен. В Европе он будет стоить на вес серебра, как восточные пряности и специи. А такие большие зеркала даже дороже серебра..

— Нам теперь всё нужно срочно, Монморанси — и флот строить, и оплаченную услугу оказать. Когда прибудет посол Инков в эту самую Русь-Тартарию, де Ритон?

— Полагаю, что довольно скоро, на корабле венецианцев, Сир.

— Мы тоже отправим туда своё посольство. Не знаю, чем они так важны, эти ордынцы тартары-русы, но важны — это теперь факт, раз только к ним Инки отправляют своё посольство. На месте будем разбираться. Вы блистательно исполнили моё поручение, маркиз, но награду получите позже. Сейчас я не имею возможности наградить вас по достоинству — слишком много всего нам теперь требуется срочно. После итальянской кампании, с этим станет попроще, а пока... Пока отправляйтесь в Венецию и договоритесь там о кредите. Не деньгами, но кораблями и грузами для Империи Инков. Потом расплатимся, после Италии.

Для первого перехода через Тихий океан, капитаном трёхмачтового клипера «Посейдон», был назначен испанец из Каталонии Родриго Пике. Первую «Юнону» вытащили на берег и установили в Пуно, в качестве музейного экспоната. Эль Чоло предлагал разобрать, спустить в Маракайбо и использовать в Атлантике, но Савелий настоял. Нет сейчас таких срочных задач в Атлантическом океане, чтобы жертвовать из-за них бесценным историческим экспонатом.

Почти все испанцы, с недостроенного брига в Панаме, уже обзавелись семьями, а многие уже и детьми, поэтому не доверять им теперь — чистой вода паранойя. Ну нет ещё в этом мире понятий Родина и патриотизм. Люди служат сюзеренам, а не землям отцов. Савелий же, небезосновательно, считал себя монархом, который может рассчитывать на верность вассалов и подданных. Просто невыгодно испанцам предавать такого щедрого и заботливого государя. Здесь у них дома в Пуно, а у Родриго Пике неплохой особняк, семьи и дети, любовницы, а в Испании что? Пришлый король из династии Габсбургов, от которого пока никто не видел ничего хорошего. Почти вся Испания уже восстала, а бунты испанцев безжалостно подавляются германскими ландскнехтами, там это теперь надолго.

На «Посейдона» установили пушки. Пока бронзовые, но уже новой конструкции, упрощённый вариант пушек Барановского (гладкоствольные), на безоткатном лафете с гидравлическим (масляным) тормозом отката и пружинным накатником, поршневым затвором и унитарными снарядами, оперёнными и на бездымном порохе. Восемь пушек — погонная, ретирадная и по три на борт, и к ним четыре сотни снарядов. Отбиться от пиратов

точно хватит, а воевать пока никто не собирается.

Получила команда «Посейдона» и ружья — морские десантные, с укороченным стволом и без штыков. Вместо штыков тесаки — тоже укороченные мечи с широкими тяжёлыми лезвиями. Такими и дерево срубить можно, если потрудиться. Сорок тесаков, сорок ружей и двенадцать тысяч патронов. Должны отбиться, если попадутся в штиль какому-нибудь пирату на гребном ходу, а вообще — в бой лучше совсем не вступать. Главная задача — копить опыт и, по возможности, налаживать контакты для будущей торговли.

Маршрут проложили северной дугой — сначала Марианский архипелаг («Воровские острова» по определению Магеллана), затем Япония, Корея, Китай, Индия, Индонезия, Австралия, Новая Зеландия и, уже под конец, Гавайи. Всё, что нашлось об этих странах в этой эпохе в испаноязычном интернете будущего, собрали в учебник, так что теоретически, капитан и команда «Посейдона» готовы ничему не удивляться.

— Вы не просто капитан, Родриго, там вы будете ещё и послом. Не забывайте об этом сами и не позволяйте забывать своему экипажу. Вы будете представлять Великую Империю, Великую Цивилизацию — постарайтесь не опозориться.

— Приложу все усилия, Ваше Величество. Покорнейше благодарю за доверие. Я вас не подведу.

— В этом я почти уверен, капитан. Помните, что главная прибыль Империи от этого плавания — не товары и не серебро, а сведения. Мы слишком мало знаем о Восточной Азии. Мало, мало, не спорьте. Побольше других, но всё равно очень мало. Привезите сведения и полсотни саженцев эвкалипта — и ваш поход себя уже полностью оправдает. Не гонитесь за наживой, думайте, как учёный. Наше главное богатство в знаниях.

В июне 1522 года, в Маракайбо прибыло посольство Ватикана, а в июле, испанцы прислали выкуп за пленных дворян. С попами и дворянами разберётся Эль Чоло, а вот Маракайбо увидеть захотелось. Город строится очень быстро, союзные дикари пригнали шестнадцать тысяч работников. Им это очень выгодно — и самим все эти толпы не кормить, и, время от времени, добрые Инки за них платят-отдариваются разными нужными штуками, да ещё и наливают «огненной воды».

При слиянии рек Кататумбо и Сулия сооружается плотина, которая должна стать источником энергии для второго промышленного района. А кроме того, именно в этом месте расположены основные запасы «венесуэльской» нефти. Нефть нужна, очень нужна. Нужен толуол, для производства дешёвой взрывчатки, нужен керосин для освещения, битум для гидроизоляции и всё остальное на топливо. Да и вообще, нефть — это целое направление в химии. Без полимеров трудно представить себе технически развитую Цивилизацию.

В Лиме жизнь наладилась, постоянного присутствия Савелия больше не требуется даже школе, изучающей «забытый язык Богов». Общаются преподаватели и ученики по-русски уже бойко и без акцента, читать все жрецы научились, а пополняют языковую базу пусть теперь из книг — сборника сказок Пушкина («О царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне лебеди», «О рыбаке и рыбке» «О мёртвой царевне и семи богатырях» и «О золотом петушке»), «Конька-горбунка» Петра Ершова и «Тайны Третьей планеты» Кира Булычёва.

Такой вот необычный выбор художественной литературы сделал Савелий. Не из чего выбирать. Мало таких книг, чтобы и язык был богатый, и образы понятные, и мораль имелась на уровне, и интересно читалось людям шестнадцатого века. Судя по реакции — не

ошибся, особенно с «Тайной Третьей планеты». «Забытый язык Богов», ага. Местные ведь воспринимают это буквально.

В сентябре 1522 года, из почти годичного плавания, вернулся «Авось». Хорошо себя проявил кораблик, или просто повезло ни разу не попасть в сильный шторм, хотя дошёл он до самого Берингова пролива. Капитан и офицеры сели за составление отчётов, команда получила двухмесячный отпуск, а на «Авось» загрузился новый экипаж. Теперь ему предстоит обогнуть Мыс Горн, а после служить в Атлантическом океане. Если дойдёт, конечно, но будем надеяться. Сам Савелий совершить морской подвиг не рискнул, отправился в Маракайбо на арабской лошадке, подарке венецианцев. Кобылка по имени Венера уже наверняка понесла, так что прогулка ей только на пользу пойдёт.

Интерлюдия. 28 октября 1522 года.

Сэр Томас Мор, посол английского короля Генриха Восьмого Тюдора в Империи Инков, принимал во дворце Инки Рока, выделенном под английское посольство, послов Святого Престола, Джулио Медичи, и Ганзейского Союза, Клауса Мюллера.

Четыре недели назад, их троих представили императору, Его императорскому величеству Интико-Роки, совсем ещё юноше, можно даже сказать — ребёнку, но с пронизательным взглядом мудреца, уже полновластному правителю огромной Империи. Сыну Солнца, как его именуют Инки.

Император навестил свою столицу проездом, из одной провинции в другую, и вызвал этим настоящий восторг у жителей Куско. Они действительно верят, что вместе с ним приходит Божья Благодать. Искренне верят и искренне этому радуются. Феномен. Ведь сам император всячески избегает восторженного религиозного поклонения. Подданным, в его присутствии, законом запрещено вставать на колени. Запрещено! Законом!

И вообще, религия у Инков очень интересная. Почитают они Создателя, под именем Виракоча, почитают Солнце-Инти, как его материальную сущность в нашем мире и всё. Полный монотеизм. Ещё почитают своих пророков — основателей династий-родов, но именно как основателей, как людей, как дети отца.

Нет никаких религиозных догм и обязательных обрядов. Заповедь всего одна — живи по совести, чтобы предкам не было за тебя стыдно, перед Создателем. Хочешь их почитать — отнеси подарок в храм, не хочешь — не носи, никто не заставляет, никто даже не упрекает — это твоя жизнь, твои предки. Создателю же, Виракоче, вообще ничего такого не нужно, не нуждается он в подношениях, он Всемогущ и Всеведущ, эта Вселенная и так вся Его. Если ты живёшь не по совести, никакими подарками этого не искупишь, только исправлением своей жизни. Всё можно исправить, если сильно постараться, вот и старайтесь.

Жрецы здесь кто угодно — чиновники, дипломаты, придворные, ремесленники, но только не священнослужители. Верховный жрец, Чалько Юпанки, кроме того, что возглавляет Церковь, ещё и вице-император, главнокомандующий армией и верховный судья. Впрочем, Церковь-то он как раз и не возглавляет, нет здесь никакой Церкви, как таковой, привычной европейцам. Церкви нет, а Вера у людей есть, причём истовая. И Вера эта, в народе, каким-то образом поддерживается сама-собой, даже завидно.

Император Интико-Роки уделил сэру Томасу Морю примерно полчаса. Империя Инков не считает королевство Англия враждебным и готово с ним торговать. Купцам из Англии предоставлены те же права, что и остальным торговцам из невраждебных стран.

«Сейчас Империи нужны железо и сталь, в слитках определённой формы, скот — коровы и лошади, воск и дубовые бочки. Всё это будет закупать имперская казна за серебро,

по очень привлекательной цене, а остальное — на свой страх и риск. Нет, порох не интересует, как и оружие. Наши товары будут предлагаться на рынке Маракайбо, по рыночной цене».

Условия как у всех, но всё рано очень интересные. Испания и Португалия считаются Инками враждебными державами, и к торговле не допущены. А ведь и там, и там, английские купцы торговать могут, в отличие от французов и венецианцев. Его величество король Англии, Генрих Восьмой Тюдор, несомненно сочтёт результаты посольства положительными, особенно учитывая ответные подарки.

За восемь лошадей и двух жеребцов, император Инков отдался двумя огромными, в человеческий рост, зеркалами, немыслимого качества, чудесным холодильным шкафом и запасом горючего для него на целый год, сорока фунтами шоколада и книгой. Книгой! Книгой Гая Юлия Цезаря «Записки о Галльской войне».

Откуда у Инков эта книга? А ведь это точно оригинальный текст, уж классическую латынь того Рима, от современной вульгарной, сэр Томас Мор отличить был способен безошибочно. Текст точно написан древним римлянином, очень хорошо образованным, а значит, он оригинален. Наверняка и где-то в Европе сохранились копии этого труда, но ведь их скрывают, раз на глаза до сих пор не попадались, а здесь — пожалуйста. Сколько может стоить такая книга, если его величество задумает её продать? В лошадях, тут даже не сотнями считать придётся, а тысячами.

Посольство кардинала Джулио Медичи, складывалось сложнее всех. Папский Престол Римской Католической Церкви товарами не торговал, только Божественной благодатью, которой у Инков и без того имелось в избытке.

Кардинал поприбывал при выкупе пленных испанских дворян, епископом Николасом фон Шёнбергом, и стал свидетелем, что из двадцати пяти испанцев, шестнадцать возвращаться отказались, поклявшись на кресте, что делают это без какого-либо принуждения и соблазна.

Сэр Томас Мор прибыл в Куско на полтора месяца раньше Папского Нунция, и успел со всеми этими дворянами пообщаться лично. Даже не столько о Панамской кампании, сколько о их пленном житие в Империи Инков. Очень интересные получились беседы.

Испанцев действительно никто не соблазнял, а тем более не принуждал. Жили они все вместе, во дворце Ауакпинта, жили, как дорогие гости, свободно гуляли по городу и ходили на приёмы к послам Франции и Венеции.

Ходили они и в языческие храмы. Ну, а куда здесь ещё ходить, если всё местное общество именно в храмах и собирается, чтобы пообщаться? Чтобы войти в местный храм, отречься ни от чего не нужно. И клясться никому не нужно. Входя в местный храм, ты сам привлекаешь к себе внимание Создателя-Вирокочи, на свой страх и риск. Именно так это здесь и воспринимается. Сам, всё сам, за всё отвечаешь лично ты сам.

Если сам не боишься — заходи. В храмах золотые статуи предков-пророков, их каменные саркофаги, зеркала во всю стену и высшее общество. Языческий древнеримский форум, один в один. И где тут Святой Римской Церкви развернуться? Какой дурак откажется от всего этого, ради непонятной тарабарщины на латыни про Авраама и Моисея, если их к этому не принуждать кострами Святейшей Инквизиции? Не принуждать к Вере кострами!

У пленных испанских дворян было время, чтобы всё это осознать и принять решение. Им и правда никто ничего не обещал, кроме свободы жить по совести, но и это для них оказалось очень привлекательным соблазном. Их соблазнили жить по совести, да. А от чего

тогда соблазнили? От жития не по совести?

Эти шестнадцать дворян, сейчас готовы отдать свои жизни за императора Интико-Роки, хотя тот их об этом даже не просил. Новые одержимые крестоносцы, но без креста и не для креста. Для них теперь крест Римской Католической Церкви и совесть Самого Христа — это две противодействующие реальности.

Да, за отказавшихся возвращаться христиан, испанских дворян, Инки согласились выплатить компенсацию, которую попросили назначить папского нунция, кардинала Джулио Медичи. Тот, дурак, и назначил — по тридцать французских ливров серебра за каждого. Пятнадцать в пользу императора Карла Пятого и пятнадцать в пользу Матери нашей, Непогрешимой Католической Церкви, в лице Папы Адриана Шестого и его нунция, кардинала Джулио Медичи.

Инки охотно согласились на эти условия. И даже сами увеличили компенсацию в пользу Римской Католической Церкви, а значит и христианского бога, вдвое. Они сами решили, что христианским Церкви и Богу будет мало одинарной доли, равной с каким-то Карлосом Первым, которого Инки не очень-то уважают, и мир с ним заключать не планируют, до полного изгнания испанских оккупантов из Нового Света. То же касается и португальцев.

— Что теперь будет с «Тордесильясским договором»* (*Договор о разделе сфер влияния в мире, между Португалией и Испанией. Одобрен буллой папы Юлия II в 1506 году), ваше высокопреосвященство? Продолжит ли его одобрять Святая Церковь? Очевидно ведь, что сами Инки считают Новый Свет только своей сферой влияния и ничьей больше.

— Сложно сказать, сэр Томас. С одной стороны, Его Святейшество Папа Адриан Шестой очень близок с Карлом Габсбургом, а с другой — вновь открывшиеся обстоятельства уже сделали этот договор ничтожным. Европа теперь точно не откажется от торговли с Империей. До и османы скоро будут здесь, в этом у меня никаких сомнений нет.

— У меня тоже. Слишком выгодная здесь торговля, один удачный рейс — и ты богач. Османы этого точно не упустят. Скоро здесь, в Новом Свете, начнётся морская война. И я не исключаю самые причудливые союзы в этой войне. Например — союз Османской Империи с королевством Франция и республикой Венеция.

— Исключать теперь нельзя ничего, — согласился папский нунций, — будем надеяться на Милость Божью.

— Надеяться нужно, конечно, только достойны ли мы Его милости, ваше высокопреосвященство? Христиане воюют друг с другом, даже Святой Престол в этих войнах участвует. Идея Реформации ведь не на пустом месте возникла. Я не поддерживаю Лютера, его путь — путь раскола, который ослабит нас ещё сильнее, но он ведь во многом прав. Мать наша, Святая Церковь, теряет авторитет, теряет влияние. Очень быстро теряет...

— С Лютером мы скоро разберёмся, он теперь не только еретик, но и мятежник, и все, кто его поддерживает — тоже мятежники. Враги императора.

— У Карла Габсбурга слишком много врагов. Я сильно сомневаюсь в его победе. Если он потеряет доходы Нового Света, а всё идёт именно к этому, он потеряет всё, все короны, причём, вместе с головой.

— Вы считаете, что Инки действительно способны выбить испанцев? Они ведь до сих пор воюют бронзой.

— Вам подарили холодильный шкаф, ваше высокопреосвященство?

— Подарили.

— Могу вам с уверенностью сказать, что это настоящее чудо техники. Мы такого не способны даже скопировать с образца. Инки показывают нам далеко не всё, уверяю вас.

Беседу послов прервал слуга.

— Сэр, гонец от его сиятельства, губернатора Куско, принёс этот пакет.

Томас Мор вскрыл конверт и прочитал послание.

— Испанцы атаковали Маракайбо тремя кораблями.

— Успешно?

— Два корабля Инками утоплены, один сдался.

— Каким образом? Ведь у них нет пушек?

— Скоро узнаем. Меня приглашают в Медельин, быть наблюдателем в кампании Возмездия.

— Я составлю вам компанию.

Испанцы решились. Не король Карлос Первый Габсбург, а хунта конкистадоров-оккупантов из губернатора Кубы Диего де Веласкеса, губернатора Панамы Диего де Альмагро и аделантадо Франциско Писарро, что, впрочем, с самого короля ответственности не снимает. Его подданные, ему за них и отвечать в итоге.

Гражданская война в Испании поспособствовала разорению множества дворян, которые устремились поправлять свои финансовые дела в Новый Свет, вот их и собралось значительно больше критической массы. В рейде на Маракайбо только дворян участвовало больше сотни, как потом выяснилось из допросов пленных.

Соблазнили оккупанты рассказами, освобождённого из плена, Педро де Авила. Рассказами о немислимых богатствах Инков, золотых статуях в их храмах в Куско, при том, что воюют они до сих пор бронзовым оружием. Педро де Авила просто рассказывал о своей жизни в плену, соблазнять он никого не планировал и даже предостерегал, ссылаясь на своё загадочное пленение, но храбрые оккупанты сочли это синдромом неудачника.

Конечно, они не планировали сразу наступать на Куско, но и Маракайбо теперь очень лакомый кусок. В городе нет стен и пушек, у Инков нет огнестрельного оружия, зато в портовых складах дорогушие зеркала и холодильные шкафы, резина и шоколад, спички и прочие диковины. Кроме того, в городе находятся император и вице-император, за которых можно получить немислимых размеров выкуп, а в резиденции губернатора наверняка навалом золота и серебра. Возле города выпасают лошадей, а до Медельина ведёт отличная дорога.

В общем, Маракайбо — это ключ ко всей Империи Инков, к сокровищнице, которая сделает богатыми всех, включая рядовых конкистадоров из простонародья, а вожди похода точно станут богаче самого короля. Колдовства оккупанты не опасались — Святой Крест убережёт. Исповедались, помолились, причастились, взяли с собой трёх монахов, по одному на каждый корабль-отряд, загрузили солдатню, практически битком, благо, от Порто-Белло до Маракайбо реально рукой подать, и отправились поправлять своё материальное положение и престиж своего короля.

Пехоту с вождями и монахами высадили в пятнадцати километрах от города, вечером, четырнадцатого октября 1522 года, планируя устроить штурм на рассвете, с поддержкой корабельных пушек. В ночь на пятнадцатое, корабли вошли в горловину озера и были атакованы «миноносцами» Инков. Головной и замыкающий притопили на узком мелководном фарватере, средний в линии оказался заблокированным и спустил флаг.

Отряд из семисот двадцати человек, с сотней офицеров-дворян, тремя монахами, двумя

губернаторами и одним, очень знаковым для Савелия и Эль Чоло, аделантадо, на марше атаковали бойцы Первой Гвардейской бригады Быстрого Реагирования, уже вооружённой ружьями. Атаковали мелкими группами с разных сторон, испанские оккупанты шли плотным строем, подсвечивая себя факелами — отличные цели для ночной охоты. К утру их осталась всего половина и всякое сопротивление прекратилось.

К сожалению, Франциско Писарро до суда не дожил, скончался на третьи сутки после ночной бойни, не приходя в сознание; зато двух губернаторов, двух Диего — кубинского де Веласкеса и панамского де Альмагро захватили живыми и неповреждёнными. Кроме губернаторов, выжили все три монаха, пятьдесят шесть дворян и триста восемь рядовых оккупантов, у моряков потери составили всего восемнадцать человек, сто двадцать четыре сдались. В восстановленных Порто-Белло и Панаме осталось всего четыре сотни солдат с шестью офицерами, а в Гаване триста пятьдесят и пять.

— И?

— Бабахнуло прилично, но починить можно, — Эль Чоло осматривал повреждённые испанские шхуны, — примерно на месяц работы. По два шпангоута разнесло, ну, и обшивку, конечно.

— Месяц — это хорошо, как раз приготовиться успеем.

— Хочешь на Кубу сходить?

— Это обязательно. Зло должно быть наказано. Неотвратимо и... В общем, Куба-либре.

— Людей и так не хватает, а ты ещё расплыть собрался.

— наших мы на Кубе не оставим, у нас теперь ручные испанцы есть. Солдатни в Лиме четыре сотни, половина наверняка послужить захочет, всё равно, работники из них аховые, вот и призовём, а офицеров целых шестнадцать штук, им в Испанию хода больше нет, они теперь наши до гроба.

— Две сотни будет мало.

— Две сотни — это сержантов и капралов, шаман. В строй поставим всех выживших. Кроме дворян и монахов, конечно. Ещё семь сотен захватим на местах, а тысячи двухсот хватит точно. Все пушки, ядра и порох им отдадим — продержатся до прибытия помощи, в случае чего. Зато прикинь, какой возникнет резонанс в Испании, после появления испанского герцогства Куба, вассального Великой и непобедимой Империи Инков. Или лучше Республики?

— Лучше герцогства. Тогда и Пуэрто-Рико, с Эспаньолой и Ямайкой задумаются. Республики появляются в результате революций, монархи их не учреждают.

— Ты прав. Всё время забываю о своём здешнем статусе. Кстати, давай вызовем из Куско ещё и послов, пусть будут свидетелями Чуда.

— Давай. Пусть будут.

Интерлюдия. 3 апреля 1523 года.

Генрих Восьмой Тюдор, король Англии и Ирландии, размышлял над полученной из Нового Света информацией. Сэр Томас Мор справился с посольством отлично, отношения с мощной заокеанской Империей завязались, английские купцы получили равные права в торговле с самым интересным торговым партнёром, а учитывая возможности Англии в производстве железа и стали, эти равные права в торговле уже дают определённые преимущества. Это была уже третья встреча короля и его вернувшегося посланника за неделю. При дворе теперь болтают всякие гадости о новом фаворите и противоестественной мужеложеской связи между ними, но это сейчас только на руку. Пусть пока болтают,

создают отвлекающий фон, поганые языки обрезать никогда не поздно.

Товары у Инков действительно уникальные. Огромные зеркала превосходного качества; волшебные холодильные шкафы; божественного вкуса шоколад; резина, которой каждый день находится всё новое применение, и изделия из неё, вроде подошв для обуви и незаменимых уже галош; очень удобные в применении спички, головки которых теперь применяют для запалов артиллеристы; кремниевые замки для аркебуз — всё это Европе требуется в огромных количествах и стоит сумасшедших денег. Удачный рейс купца со сталью в Маракайбо и с товарами обратно приносит восьми-десятикратную прибыль, только долго это благолепие точно не продлится. В эту игру вступили все, и некоторые вступили в неё раньше и на лучших условиях.

Уже почти побеждённые, французы и венецианцы, вдруг воспряли духом, и за одну осеннюю кампанию 1522 года захватили и разделили всю Италию. Папский Престол вернулся в Авиньон и утратил какое-либо влияние на европейскую политику. Теперь это марионетки Франциска, как когда-то, до Столетней войны, они были марионетками Филиппа Красивого.

Чудо? Теперь у каждого Чуда имеется вполне понятное объяснение — это Инки. Это Чудо оплатили Инки! Не это, конечно, плевать им и на Италию, и на Святой Престол, они оплатили помощь в организации своего посольства в Московию. Очень щедро оплатили, считать эти Инки совсем не умеют, вот и хватило французам с венецианцами на найм аж тридцати тысяч наёмников-швейцарцев и германских ландскнехтов.

Теперь Франция и Венеция строят огромные флоты, очевидно, намереваясь монополизировать торговлю с Новым Светом. Карл Габсбург в шоке. И от итальянских потерь, и от сокрушительных поражений в Новом Свете. А кроме того, Мартин Лютер вот-вот взбунтует Бургундские Нидерланды, Люксембург и Артуа. И что тогда останется от некогда мощного союзника Карла, если учесть, что почти вся Испания против него уже бунтует, а его оставшиеся колонии в Новом Свете, всерьёз подумывают о смене сюзеренитета на Империю Инков?

И что будет с Англией, когда Габсбурга окончательно свергнут в ничтожество? Франциск Валуа ничего не простит, да и мерзким венецианцам конкуренты ни к чему. Всё, что зарабатывает твой конкурент — не зарабатываешь ты сам.

А ведь ещё есть османы, которые теперь продают свои товары в Маракайбо. Дешевле продают, чем в Европе, но всё равно это им очень выгодно. Всё теперь продаётся в Маракайбо — шёлковые и хлопковые ткани, специи и пряности, ароматические масла и драгоценные камни. В Маракайбо всё это теперь покупать дешевле, чем в самой Османской Империи, но всё равно, османским купцам это очень выгодно. Европейцы платят им там той-же сталью, на которую, проклятые агаряне, выменивают в Новом Свете настоящие сокровища.

Морской союз, а может и не только морской, Османской Империи, Франции и Венеции станет настоящей катастрофой для Англии. А ведь такой их союз теперь очень реален, те-же Ганзейцы с удовольствием примкнут к нему «младшим братом» за долю малую. И плевать им всем на веру христианскую, за такие-то деньги и возможности. Христопродавцы поганые... Определили с посольствами, поганцы. Что-то теперь надо делать, но что именно?

— Сэр Томас, жалую вас графством Саффолкским, титулом графа и лендлорда.

— Покорнейше благодарю, Сир. Это слишком щедрая награда, за мои скромные достижения.

— Слишком щедрая, но вы её отслужите, в этом я уверен. Итак, граф, оцените наши шансы закрепиться в Маракайбо, с учётом возможностей всех интересантов-конкурентов.

— Оцениваю, как весьма невысокие, или даже крайне низкие, Сир. До Маракайбо мы просто не доберёмся. Или не выберемся оттуда, что, в принципе, одно и то же. После учреждения Кубинского герцогства Империи Инков, я скорее ожидаю перехода всей Испании в вассалитет Империи Инков, чем возможность Карла Габсбурга вернуть свои позиции в Новом Свете. Герцог Паскуаль Андагойа де Куба уже пообещал всем переселенцам из Испании, которые придут с семьями, по сто гектаров земли бесплатно.

— Не понимаю я этих гектаров. Сколько это в акрах, граф?

— Двести пятьдесят, Сир.

— Ого! Настоящая сеньория-шателения. Бесплатно... Туда ведь сбежит вся Испания.

— Так точно, Сир. Сбежит вся Испания, которая не принимает Карла Габсбурга. Нашего нынешнего союзника, Ваше Величество.

— Кто-же знал-то, граф... Тогда всё это казалось очень перспективным — и союз с Карлом, и мой брак с Екатериной Арагонской. Кто-же знал тогда про этих чёртовых Инков... Ведь почти до Парижа тогда дошли...

— Политику нужно срочно менять, Сир...

— Не считайте меня слабоумным, граф. Что это нужно — я и сам отлично понимаю, это теперь любой идиот в Европе понимает, но как это сделать? Франциск Валуа точно не простит мне удара в спину.

— Нам нужен союзник, Сир. Очень уважаемый всеми союзник.

— Вы же сказали, что от военного и политического союза Инки отказались.

— Совершенно верно, Сир. Инки отказались, но они всем в этом отказали. Я предлагаю заключить военный союз с Москвией. И вот почему....

Последним, из ключевых европейских игроков, в конце декабря 1522 года, в Маракайбо-Куско, прибыло посольство Османской Империи. Именно так — и в Маракайбо, и в Куско. Турки-османы прибыли на шестнадцати кораблях и привезли посольство из почти восьмисот дипломатов, торговцев и слуг, во главе с младшим единокровным братом султана Сулеймана Первого Османа — Увейс-пашой, совсем ещё молодым человеком, двадцати лет от роду.

Такое проявление уважения не оставили без взаимности. В Куско, османам выделили два дворца (Манко Капака и Инки Юпанки), а в Маракайбо только что отстроенную новую резиденцию губернатора. Себе потом построим ещё, а пока и старая сгодится. Кроме того, османам разрешили построить в Маракайбо мечеть. Впрочем, папскому нунцию, кардиналу Джулио Медичи, тоже разрешили построить в городе церковь. Пусть будет, мы никого не боимся.

Османы привезли столько товаров, что обрушили на них цены ниже европейских. Шёлковые и хлопчатобумажные ткани, специи и пряности, ароматические масла и благовония, ковры и драгоценные камни — всё это европейским купцам теперь стало выгоднее закупать в Маракайбо, но и турки в накладе не остались — они выкупили все имеющиеся колесцовые замки для аркебузов и пистолетов (полторы тысячи), все спички (сорок тысяч упаковок) и сделали предоплату за заказ ещё пятидесяти тысяч замков и ста тысяч коробок спичек.

Замки скопировать возможность имелась у всех, но такого качества не получится добиться ни у кого ещё долгое время. Весь секрет в материалах самого колеса и пружин. Пятьсот лет форы развития технологий так сразу не отыграть, а потом все эти замки

безнадёжно устареют, так что продавать их нужно сейчас и как можно больше. Спички тоже скупались для военных целей — их головки использовались на запальных полках, что практически исключало осечки при выстрелах. В общем, не прогадали османы со своей торговлей — Венгрию, а за ней и Священную Римскую Империю, ожидают очень непростые времена.

В середине января 1523 года, отбыл в Англию сэр Томас Мор. Он, и кардинал Джулио Медичи присутствовали при «чудесных» захватах Панамы, Порто-Белло и Гаваны. Савелий и Эль Чоло повторили свой трюк на бис — снова гарнизоны оказались связанными, а города захваченными без единого выстрела, «дикарями» с бронзовым оружием. Впечатлило обоих, особенно сильно папского нунция, кардинал даже отложил своё возвращение в Рим, ради возможности побольше пообщаться с Сыном Солнца, а в феврале, вернувшийся из Европы, маркиз де Ритон привёз новость, что Рим захвачен королём Франциском Первым Валуа, и Папский Престол теперь снова размещается в Авиньоне. В Авиньон, Джулио Медичи тем более торопиться не стал.

Де Ритон, вот ведь умница, привёз с собой Микеланджело Буонарроти, потерявшего, после известных событий, основного заказчика, в лице Папы Адриана Шестого, а с ним и работу в Риме. Микеланджело прихватил с собой восемнадцать учеников и незаконченную скульптуру Моисея. Ту самую, с рогами, ага. Теперь она будет установлена в церкви Маракайбо.

В марте 1523 года, в Маракайбо прибыл «Авось», обогнувший Мыс Горн, или как он теперь будет называться. Потрепало кораблик знатно, дважды им пришлось ремонтироваться, но подвиг совершён. «Авось» тоже вытащили на берег, а вокруг него начали строительство музея военно-морской славы Империи Инков, немало удивив европейцев. Целый ведь, плавать ему ещё и плавать. Именно, что целый, дольше прослужит экспонатом. Флот Инков больше не строил кораблей и судов с деревянными килями, шпангоутами и мачтами. Десяток «каботажников» построили, на перевозку сырья и обучение моряков хватает и ладно.

Теперь только сталь и только «винджаммеры» — эти будут служить уже лет по сто, при определённой удаче, конечно, океан — есть океан. Обшивку, со временем, тоже заменим на стальную, а мачты на паровые машины. Естественно, такие корабли строятся медленно, но торопиться пока некуда. Два трёхмачтовых «винджаммера» первого поколения будут готовы примерно через год, и ещё полгода уйдёт на их освоение экипажами. Вот на 1524 год и можно планировать европейский вояж. Как раз к тому времени удастся вакцинироваться от оспы и кори.

Оптика, с каждой плавкой, получается всё светлее, линзы шлифуются всё качественней, на подзорные трубы и бинокли уже годятся, скоро дойдёт и до микроскопов, а с ними и до вакцин с антибиотиком.

Герцогство Куба, как и ожидалось, дало ощутимый толчок движению сепаратизма в испанских колониях в Новом Свете — Эспаньоле (Гаити), Фердинанде и Изабелле (Ямайке) и Пуэрто-Рико. Их губернаторы — Хуан де Грихальва, Франсиско де Гарай и Хуан Понсе де Леон проводят переговоры и консультации с имперским герцогом Паскуалем де Андагойа де Куба.

На Кубе, переселенцам из Европы выделяют по сто гектаров земли бесплатно, но и индейцев не обижают, места пока хватает всем, остров огромный — сто десять тысяч квадратных километров, целая Англия, только климат намного лучше. Двум вождям племён

кубинских аборигенов выдали короны, с правом приходить в Гавану торговать и бухать «огненную воду», а доказывать право на этот статус своим «соотечественникам» они должны теперь сами. Как и в сельве, на Кубе началась перманентная война племён. То есть, она там шла испокон веков, лишь на короткое время индейцы отвлекались на оккупантов-колонизаторов, а теперь всё вернулось на круги своя.

«Разделяй и властвуй». Не гуманно? Воевать их никто не заставляет, а заставить жить в мире просто невозможно, можно только подменить цель. Так что сами, всё сами. Всё честно.

Испанские островные губернаторы этот опыт изучают, но применить его у себя возможности не имеют. У них задача — крестить. Крестить любой ценой — огнём и мечом. А зачем?

В общем, эти трое уже склоняются к смене подданства, остаётся только Кортес в Мексике, но на континенте никаких герцогств создавать не планируется. Только имперские провинции с наместниками-губернаторами. Да и добьют скорее всего ацтеки и майя Кортеса, силы его постоянно тают, а притока свежих больше нет. Никто из испанцев больше не хочет участвовать в конкисте Нового Света, напугались прилично, да и альтернатива теперь есть. Герцог Паскуаль де Андагойя де Куба с удовольствием нанимает опытных бойцов, островов в Карибском море много. А Кортеса добьют. Майя уже наладили контакты с губернатором Панамы и скупают старый испанский огнестрел и порох. Скупают за золото, серебро и медь. Так что уже довольно скоро оккупационному корпусу Кортеса придёт конец — туда ему и дорога.

Захваченных в плен, двух губернаторов, двух Диего — кубинского де Веласкеса и панамского де Альмагро и трёх монахов казнили за разбой. Распяли на центральной площади Маракайбо. Хотели скормить свиньям, как в фильме Гая Ричи «Большой куш», только живьём, но по просьбе папского нунция, кардинала Джулио Медичи, позорную казнь бандюганам заменили на распятие. Хоронить их Савелий запретил, трупы утопили в море подальше от берега. Жестоко, конечно, но в эту эпоху гуманизма никто не ценит, он здесь считается проявлением слабоволия и слабоумия.

На Кубе захватили больше двух тысяч голов крупного рогатого скота, поэтому быков и коров закупать перестали, да и лошадей теперь брали только племенных. Стали и железа в Европе производилось не так много, чтобы оплатить ими все хотелки, поэтому в Новый Свет потекли ручейки золота, серебра и меди. В этом отношении, лучше всех чувствовали себя османы, пока монополисты в торговле с Востоком.

Пока монополисты. Скоро в Восточную Азию, Индию и на острова в Тихом и Индийском океанах откроются маршруты из Лимы. Ну, как скоро, лет через пять точно, так что османам нужно поторапливаться со своей европейской экспансией. Без подробностей, в форме пророчества, Савелий и Эль Чоло известили об этом Увейс-пашу. «Europa delenda est» — это по прежнему основная задача.

В июне 1523 года, в Маракайбо прибыло посольство короля Португалии Жуана Третьего Ависского, во главе с графом Васко да Гама де Видигейра. Какие люди!

Посольство Португалии привезло отказ короля от притязаний на колонии в Новом Свете, что немедленно положило конец «холодной» войне и перевело королевство Португалия в статус дружественной державы, со всеми отсюда вытекающими правами для её купцов.

Враждебной теперь остаётся только Испания, ну, и Священная Римская Империя, пс

факту их династической унии, под властью Карла Пятого (Карлоса Первого) Габсбурга.

Португальцы свою колонизацию ещё не начинали, да пока и не планировали пока, скорее всего. В той истории они этим занялись только в середине тридцатых годов шестнадцатого века, так что отказались они от своих несостоявшихся колоний с лёгким сердцем и надеждой на очень выгодную торговлю. Торговлю товарами из Нового Света в том числе и в Испании. Уж в конкуренции за испанский-то рынок, равных противников у них нет, англичане проигрывают его португальцам с треском.

Васко да Гама отлично говорил по-испански, собеседником он был очень интересным, поэтому общались с ним Савелий и Эль Чоло целых десять вечеров подряд. Графу де Видигейра подарили традиционный «посольский набор» из зеркала и холодильного шкафа, а кроме того, секстант, морской компас на карданной подвеске, хронометр и большой глобус, на котором в цвета Империи Инков были покрашены не только две Америки, но и Австралия, Новая Зеландия, Тасмания, Папуа-Новая Гвинея, Гавайи и Марианский архипелаг. По праву первооткрывателей.

Ещё Савелий предложил Васко да Гама издать книгу своих воспоминаний, тиражом сразу в тысячу экземпляров и продемонстрировал образцы — книги «Записки о Галльской войне» Гая Юлия Цезаря, «Жизнь двенадцати цезарей» Гая Светония Транквилла и «Сравнительные жизнеописания» Плутарха на высокой латыни и «Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский» Мигеля де Сервантеса и «Страны Востока. Политическое устройство религия, обычаи и традиции» авторства Верховного жреца и вице-императора Чалько Юпанки на испанском.

Испанский из интернета двадцать первого века отличался от современного, на пять веков, за это время произошло множество заимствований и других языков, но для автора по национальности инка вполне нормально устраивать такую кашу. Понять можно и ладно. Капитан «Посейдона», Родриго Пике, и его офицеры всё отлично поняли, поймёт и Васко да Гама. А заодно и стесняться перестанет, достойные авторы ведь очень застенчивые, на самом деле. Это всяким бездарям свойственно бессовестно переть, как поганым сорнякам, а талантов нужно поддерживать, ухаживать за ними, поливать и пропалывать.

Да, книги графу де Видигейра тоже подарили, а ведь каждая из них сейчас на вес золота, а то и два веса, если их вдруг придётся продавать.

Под посольство, португальцам выделили, меблированный по европейским стандартам, дворец Колькампата, поставили всех на довольствие, в том числе шоколадом и свежей выпечкой по французским рецептам, а в ещё одном старом дворце Куско — Ауакпинта устроили дипломатический клуб с биллиардом. Пусть общаются европейцы, где ещё такое общение возможно.

Интерлюдия. 22 августа 1523 года.

Царь и государь всеа Руси и великий князь Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский и Болгарский, и иных, государь и великий князь Новгорода Низовские земли, и Черниговский, и Рязанский, Волотский, Ржевский, Белёвский, Ростовский, Ярославский Белозерский, Удорский, Обдорский и Кондинский, а теперь ещё и князь Полоцкий, Василий Третий Иванович Рюрикович принимал в Грановитой палате уже четвёртого за год Великого посла, на этот раз от английского короля Генриха Восьмого Тюдора — епископа Томаса Кранмера.

Что за загадочная сила притянула в Москву целых четыре Великих посольства, Василий

Третий не догадывался, но пользовался этим обстоятельством в полной мере. Посольства Франции и Венеции обладали самой полной информацией о европейских делах, к тому же, эта информация у них постоянно обновлялась. Василий Иванович Рюрикович теперь знал о Европе всё. И о Европе, и о Новом Свете.

Кроме информации, посольства предоставляли большие возможности для торговли, Царю и государю нужно было только разрешить купеческим «товариществам» открыть торговые фактории в Москве, а дальше всё сделал сам рынок. Кратно возросли цены на воск, который требовался Империи Инков, поднялись цены и на остальные «экспортные» товары — меха, мёд, пеньку и дёготь.

Купеческих «товариществ» в Москву прибыло четыре, кроме венецианского и французского, ещё от Ганзейского Союза и Константинопольских греков, подданных Османской Империи, торгующих с Россией в интересах Империи Инков, так что сговориться им о снижении закупочных цен было довольно затруднительно. Пошла торговля. Пошла в обе стороны.

Пошло в Москву оружие, порох и свинец, пошли строевые лошади и пушки. Как по волшебству, прекратились набеги ногаев и крымчаков на южные границы державы, позволив сосредоточиться на литвинах и поляках. В летней кампании этого года, удалось захватить Полоцк, Могилёв, Витебск, Гродно, Друцк и Минск — всё бывшее Полоцкое княжество и даже с лихвой. На следующее лето планировалось отвоевание у поляков Великого княжества Киевского, разорённого Ордой, но всё равно русского, исконно русских, а не польских земель.

Выдающиеся военные успехи подняли авторитет Василия Третьего до заоблачных высот, до него так на Руси не уважали никого из правителей, даже его отца, Ивана Третьего, прозванного, и за дело прозванного, Великим. Против его воли бояре не смели местничать, а это позволяло отбросить при производстве назначений фактор родовитости, и назначать талантливых и верных, пусть и хундордных.

Одно обстоятельство очень угнетало царя Василия Третьего Рюриковича — бесплодность его жены, Соломонии Юрьевны, в девичестве Сабуровой. Что бесплодна именно супруга, сомнений не было. Детей от Василия рожали дворовые девки и детей здоровых, но толку то от ублюдков? Престол им не передашь. Развод с Соломонией назрел* (*в нашей истории развёлся Василий Третий в 1525 году), но подходящей жены Русский царь пока не присмотрел, а потому особо не торопился и вот...

Посол английского короля Генриха Восьмого Тюдора приехал сватать его сестру, Марию Тюдор, вдовствующую королеву Франции, вдову Людовика Двенадцатого Французского и герцога Саффолка, Чарльза Брэндона, за что-то казнённого суровым Генрихом Восьмым. Очаровательную женщину двадцати семи лет от роду, уже родившую двух здоровых дочерей — Фрэнсис, герцогиню Кларенс, и Элеонору, герцогиню Олбани. Родила она и сына, Генри, но тот умер в возрасте шести лет. В общем, жена — что надо, за такой даже приданного просить — грех стяжательства, а английский король, вдобавок, предлагает ещё и союз против литвинов, поляков и вассального полякам Тевтонского ордена.

Так не бывает. В жизни не бывает, бывает только в сказках, в которые взрослые люди не верят. В чём-же здесь подвох?

— Что просит король Англии и Ирландии, его величество Генрих Восьмой, от царя и государя всея Руси за этот союз? Нашу веру Православную, истинную христианскую, на вашу

нечестивую фарисейскую, ни сам царь, ни вся Русь не сменит ни за что, ни за руку принцессы английской, ни за какой-то союз, ни за что другое из соблазнов земных.

Епископ Томас Кранмер нисколько не смутился обзыванием католической веры нечестивой.

— Принцесса Мария примет вашу Веру до свадьбы, царь и государь, обряд бракосочетания пройдёт по византийским ортодоксальным канонам, и проведут его ваши священники. Его величество, король Англии и Ирландии, Генрих Восьмой Тюдор рассчитывает обрести в вас брата, он рассчитывает на истинно братский союз. На всецелую поддержку, в случае нападения врагов, как на вас, так и на нас.

— Да как-же мы вам сможем помочь, случись чего? Флота у нас нет, а посуху до вас не доберёшься.

— Если этому братскому союзу суждено возникнуть, то и флот у него будет общий. У литвинов и Тевтонского ордена есть хорошие порты на Балтике, ваше величество.

Кого они опасаются? Французов? Французы в Англию никогда не вторгались, а вот наоборот... наоборот бывало, и очень часто. Венецианцев? Где та Венеция и где Англия. Османов тоже нет, они там-же на юге, слишком далеко. Ганзейцев? Те торгошники, им лишь бы их самих не трогали. Испания и Священная Римская Империя находятся в упадке, им теперь о выживании думать нужно, а не о нападениях. Дания и Швеция слишком слабы и бедны, чтобы их опасаться, они давно воюют друг с другом, а ещё там теперь баламутит народ Лютер. Португальцы? Эти уже ближе, но для чего им северные острова? Португальцы устремлены в Индию и вообще на восток. Инки? Эти загадочные Инки, Империя из Нового Света?

Посол Инков, граф Каму Тамач, или-же граф Михаил Камутамачев, единственный из послов, кто вообще ничего и никогда не просит, зато помогает всегда охотно. Он единственный, кто прибыл в исполнение своего посольства, уже изучив русский язык. Неправильный язык, видимо изучал от каких-то там сербов, или болгар, но изучал ведь, старался. Теперь он говорит по-русски получше любого природного русского, а матерится так вообще лучше всех, теперь уже у него учатся. Ничего не просит, выгоды не ищет, веру православную не принял, но в храмы подношения постоянно заносит — для Создателя. И сам заносит, и вся его посольская челядь. Серебром заносят, просто так, ни поминок, ни здравиц не заказывают, свечей не ставят. Натё вам для Создателя и до свидания.

Инки... О них в Европе уже ходят легенды. Не повезло же испанцам на них наткнуться, теперь все испанские колонии в Новом Свете мечтают стать герцогствами этих самых Инков. Там, у Инков, в Новом Свете, говорят, храмы полны золотых статуй, не протолкнуться, а стены в них сплошь зеркальные, и от этого создаётся впечатление бесконечного пространства. Все рвутся к Инкам, скупать их диковины, а сами Инки пока прислали только одно посольство — в Москву. И диковины свои сами привозят. То есть, не сами, но присылают через французов, венецианцев и ганзейцев, а те привозят. Честно привозят, обмануть боятся. Все боятся обмануть Инков... И ведь неспроста это сложилось.

— Русь, в моём лице, царя, государя и великого князя многих земель, согласна на братский союз с королём Англии, если он не планирует воевать против Империи Инков.

— Мой государь, его величество Генрих Восьмой Тюдор, король Англии и Ирландии, не планирует такого. Он очень рассчитывает на вечный мир и выгодную торговлю с Империей, — почтительно поклонился английский посол, — мы предлагаем вам отправить своё посольство в Куско, чтобы непосредственно влиять на политику Империи Инков. Мы

очень дорожим дружбой с Империей и очень не хотим, чтобы её кто-нибудь разрушил своими интригами. Подлых мерзавцев в Европе очень много, ваше величество. Это ещё одна весомая причина, для объединения порядочных людей.

— Мы отправим посольство в Новый Свет. Предложенный моим братом Генрихом союз принимается с благодарностью в целом, но детали его ещё должны согласовать наши дьяки. Пока войны не начались, никого из торговцев мы из Москвы прогонять не будем.

— Это разумеется, ваше величество. Благодарю вас от имени своего короля.

Лима лишилась своего металлургического производства. Покупать сталь за зеркала, шоколадки и резинки оказалось намного выгоднее, чем таскать руду на своём горбу за тридевять земель. Теперь во второй столице, промышленной и научной столице Империи Инков — Лиме, только один привод работал на тигельную переплавку уже готовой стали.

Чёрные металлурги, славные добытчики чугуна из руды, отправились осваивать Эль-Мутун. Отправились сами, с семьями, с ними помощники с семьями, работяги с семьями и стадами. Так основываются новые города и обживаются территории. Придут на место, обростут хозяйством, начнут с одной домны. Мы никуда не спешим, но и наше неспешное развитие, для всего остального мира — это реально гиперзвуковая скорость. Это уже не «пяtilетку за три года», те пяtilетки, из другого мира, мы теперь здесь проходим за считанные месяцы.

Лима из производственного центра всё больше перепрофилируется в научный, с экспериментальными производствами. Лима занимается переплавкой закупленной стали с её легированием никелем, марганцем и хромом. Хорошая нержавейка уже получается, хоть и в небольших пока объёмах А легированные стали — это не только более совершенное оружие и качественные инструменты, но и подшипники. От подшипников, от их скорости, прогресс зависит в прямой пропорции. Чем выше скорость вращения подшипников — тем выше технологический уровень цивилизации. Вот над их совершенствованием теперь и работает Лима.

А нержавейка? Прежде всего — медицинские инструменты, в том числе аппараты доктора Илизарова, вечная ему память и всеобщая благодарность. Вот их, в первую очередь, и начали изготавливать. Страшно ведь жить, когда простой аппендицит — это гарантированный летальный исход. Хоть этого теперь можно не опасаться, аппендициты уже оперируют, как и проводят кесарево сечение.

Медицина у Инков и так была на уровне значительно выше, чем в Европе; где она шла в разрез с христианскими ценностями, и была благополучно угроблена лютыми мракобесами; а теперь и вовсе вышла на уровень конца девятнадцатого — начала двадцатого века. Больше всего учебников из интернета будущего пришло именно в медицину, по понятным соображениям — это самому очень нужно.

Лима уже огромный город, больше тридцати тысяч населения, пора приводить хаотичную застройку первого этапа к радующему глаз порядку. Город трясёт часто и случается очень сильно. Только за шестнадцатый век зарегистрировано четыре землетрясения магнитудой выше семи баллов, поэтому никаких построек с несущими стенами из кирпича быть не должно. Только каркасное строительство. Со временем, из армированного бетона, а пока из дерева и фанеры. Ну, а чего с этим мудрить почти на экваторе?

В общем, начнём. Нужен генеральный план застройки на века. Хотя бы на пару веков, до населения в миллион. Квадратно-квартальная планировка с широкими проспектами,

бульварами и улицами, очень широкими, по нынешним временам, в расчёте минимум на четыре полосы движения автомобилей и тротуары, а максимум пусть будет на центральном проспекте — двадцать четыре. Двадцать четыре, по пять метров — сто двадцать, разделительный сквер ещё сорок и два тротуара по тридцать, плюс два по пятнадцать на газоны, итого двести пятьдесят. Далёко не рекорд для двадцать первого века в той истории, но всё равно прилично — потомки, за такую планировку, будут благодарны.

Хорошо, когда не нужно ничего объяснять, достаточно сослаться на волю Инти-Виракочи. Губернатор в Лиме, Нууно Вимка, бывший первый командир Первой Гвардейской бригады Быстрого Реагирования, очень толковый, работы организовать сможет, так что рисуем план и дальше — в Медельин и Маракайбо, пока их хаотично не застроили без всякого плана.

В октябре пришли новости из Мексики, где, объединившие усилия, майя и ацтеки разгромили и полностью уничтожили трёхтысячный корпус Кортеса. Полностью — это полностью, выживших и сдавшихся испанцев принесли в жертву. В ноябре, подданства Империи Инков и титулов запросили три испанских губернатора — Хуан Понсе де Леон (Пуэрто-Рико), Франсиско де Гарай (Фердинанд и Изабелла/Ямайка) и Хуан де Грихальва (Эспаньола/Гаити).

В начале декабря 1523 года, узнали о смерти Папы Адриана Шестого и выборе нового главы Римской Католической Церкви. Видимо, в пику французскому королю, новым Папой кардиналы избрали посла Святого Престола в Империи Инков — Джулио Медичи. Впрочем, его выбрали и в той истории, и, как и в той реальности, он взял себе папское имя Климент Седьмой, так что это вполне может быть судьба.

— Поздравляю, ваше святейшество.

— Благодарю, ваше императорское величество. Вы позволите мне погостить у вас ещё некоторое время?

После совместного похода в Панаму и на Кубу, у Савелия завязались вполне приятельские отношения с Джулио Медичи. Явленное там чудо, очевидно, порвало какой-то шаблон в голове кардинала, во всяком случае, с тех пор он ни разу не завёл свою шарманку по поводу благости принятия христианства.

— Воля ваша — гостите, сколько пожелаете. Мне приятна ваша компания.

— Значит, я могу объявить о переводе Папской Курии в Маракайбо?

— Очень неожиданный вопрос. Вы действительно хотите перенести Курию, или только объявить об этом?

— Там видно будет, ваше императорское величество. Вы же и сами в курсе — что сейчас творится в Европе.

В Европе, после переноса Папской Курии из Рима в Авиньон, творилось, вполне ожидаемое Савелием, форменное безобразие. Реформация и в той истории проходила кроваво, а в этой, похоже, крови будет на порядок больше, и в ней утонет не только Римская Католическая Церковь, но и сама Европа. Если, конечно, этому не помешать.

Епископства в Священной Римской Империи массово объявляли о своей автокефалии и на содержание Святого Престола денег больше не давали. Епископов-раскольников поддержали Курфюрсты в Нижней Саксонии и Франконии, а в Швабии, Тюрингии, Нордгау и Моравии, не поддерживавших раскольничий почин епископов, просто заменили на послушных марионеток. А ведь именно Римская церковь скрепляет Имперский Союз, никаких других скреп там нет. Не будет единой церкви, не станет и Империи.

Реформация церкви здесь пошла совсем по другому сценарию. Никто не хочет кормить Авиньон, даже идеологические противники Мартина Лютера. Франциск Первый Валуа получил чемодан без ручки, с внезапно обесценившимся содержимым. Италию он ограбил прилично, но всё награбленное теперь потратит на подавление мятежей.

Тем временем, османы относительно малой кровью захватили Родос и готовят войну с Венгрией, совсем не скрывая своих планов. Скорее даже хвастаясь ими, проводя своеобразную психическую атаку. Венгрия находится в унии с Чехией, а Чехия — имперское княжество, однако, вряд ли это поможет Лайошу (Людовику) Второму Ягеллону. Ему и в той истории никто из Курфюрстов на подмогу не пришёл, а в этой тем более никакой помощи не будет. В тот раз турок-осман остановила эпидемия уже в Остмарке (Австрии), а теперь они знают о пользе кипячения воды и мытья рук — об этом в Империи Инков знает каждый крестьянин, а уж послы-то без сомнений.

Испания бунтует, Бургундские Нидерланды бунтуют, Италия бунтует, Польша и Литва терпят поражение за поражением от Русского царства... Действительно, лучше новому Папе оставаться в Маракайбо. Для него лучше, а для нас? А нам всё равно.

— В курсе, ваше святейшество. Но во Франции-то вроде всё спокойно.

— Пока спокойно, — мрачно предрёк Климент Седьмой, — Франциск Валуа помешал нам задавить ересь в зародыше, а теперь она обязательно отравит и саму Францию.

— А Франциск-то здесь причём? Лютера, насколько я знаю, упустил Карл Габсбург. Всё у него получилось очень уж по-дурацки. Если, конечно, он не специально это вредительство устроил. В общем, я не против. Объявляйте о переводе своей Курии.

В феврале 1524 года, в Куско вернулся сэр Томас Мор, теперь уже граф Саффолк. Вернулся на шести кораблях и привёз с собой Великое посольство Русского царства, во главе с князем Иваном Фёдоровичем Бельским. Новости они привезли буквальные сногшибательные.

Русский царь Василий Третий обручился с сестрой короля Англии и Ирландии, Генриха Восьмого, Марией Тюдор, вдовствующей королевой Франции, а под это дело, Англия и Россия заключили «Братский Союз». Интересно девки пляшут... Получается, не будет в этой истории Иоанна Васильевича Грозного...

Ни о помолвке, ни о «Братском Союзе» никто пока не знает, всё это держится в строжайшем секрете в очень узком кругу. Умница всё-таки этот Генрих Восьмой, моментально «прокачал» ситуацию и «снял с хвоста» французов с венецианцами. Да как лихо-то... Второго мужа сестрички обезглавил, несомненно, по политическим-династическим интересам, просто понадобилась ему невеста для Русского царя — «ничего личного, только бизнес». Герцогство Саффолк отжал и упразднил, графством наградил Томаса Мора, остальное отошло короне.

Многообещающая сложилась ситуация. Прямых наследников у Генриха пока нет, а из не прямых, скорее всего, именно Мария самый реальный претендент на трон. И брата она теперь ненавидит люто. У сына монаршей пары Рюрикович-Тюдор может получиться очень интересная уния. Помочь, что ли...? А будут ли в таком случае в этой реальности русские?

Русскому посольству выделили последний пустующий старый дворец в Куско — дворец Инки Юпанки, с традиционным уже сервисом: европейской мебелировкой, освещением керосиновыми лампами, продовольственным снабжением, «посольским набором» из зеркала и холодильного шкафа и бонусом из библиотеки в почти сотню томов. Все учебники и три художественные книги. Язык сильно отличается от современного, но, если сильно

захочет понять — поймёт, или попросит учителя. Вот и посмотрим, захочет, или нет.

В марте 1524 года, вернулся из почти двухгодичного плавания (год и десять месяцев) в Азию-Австралию-Океанию «Посейдон». Очень удачно вернулся, Савелий и Эль Чоло как раз находились в Лиме, освящали своим присутствием спуск на воду, и принятие военно-морским флотом Империи Инков двух первых кораблей класса «виндjamмер», получивших уже легендарные в военно-морском флоте Империи Инков имена «Юнона» и «Авось», переняв их у, ставших музейными экспонатами в Пуно и Маракайбо, флотских первенцев.

Красивые получились корабли, красивые и большие. Длина корпуса, со стальной килевой балкой и шпангоутами — сто восемнадцать метров, три стальные мачты, высотой до сорока метров, водоизмещение семь с половиной тысяч метрических тонн, а главное — каюты. В таких уже можно путешествовать месяцами. Каморки, конечно, три на три, да и то отдельные только для капитана и адмирала, офицеры селились по двое-трое, но по нынешним временам и это немыслимый комфорт. А ещё кают-компания шесть на шесть для двадцати восьми офицеров, треть из которых на вахте, а ещё часть отдыхает перед вахтой. Настоящий плавучий дворец.

Вот в торжественный момент спуска этих красавцев на воду и вернулся «Посейдон», на четыре месяца позже, чем планировалось изначально, но, как выяснилось, задержался он не зря. Родриго Пике творчески осмыслил свою задачу, как посла Великой Империи Инков в диких азиатских странах, и поучаствовал в войне Японии с Цусимой. Поучаствовал очень результативно и эффектно — его пушки решили исход всей битвы, японцы в ней поприисутствовали в качестве восторженных наблюдателей.

Ну, а куда ему было деваться? Мимо этой пиратской Цусимы всё равно никак не пройти, так что воевать с пиратами пришлось бы по любому, а тут и компания хорошая случилась, и приз взяли достойный. На долю «Посейдона», после победы, японцы выделили одиннадцать тонн серебра в различной монете. А дальше пошла торговля с Китаем, Индией и Индонезией. Торговля в том числе и услугами по перевозке ценностей. «Посейдон» очень быстро обзавёлся репутацией в регионе, что неудивительно — связи там очень плотные, вот он и занялся «инкассаторской» деятельностью. Родриго Пике объявлял о своих дальнейших намерениях и сразу находил попутный груз. Из Кореи в Китай, из Китая в Сингапур (Малайзию) и Индию, из Индии в Индонезию.

В Папуа-Новую Гвинею, «Посейдон» пришёл с полными трюмами ценных товаров, не растратив ни одной монеты из корабельной казны, а наоборот — вдвое её приумножив. Папуасам явился Бог, грозный, но справедливый. Брать у них было нечего, поэтому установили владетельный столб Империи Инков и выдали туземцам охранную грамоту, которую нужно показывать всем пришельцам, если такие появятся. Грамота на латыни, чеканкой на латунном листе — «Imperio Inca».

Такие же итерации они совершили в Австралии, Новой Зеландии и на Гавайях. Молодец, Родриго, ничего не скажешь. Привёз всё, что нужно — больше сотни довольно крупных эвкалиптовых саженцев (разных пород), шесть живых кенгуру и одиннадцать больших австралийских страусов в клетках, погонные километры шёлка, тонны пряностей и специй, двадцать два пленника, для изучения языков, и, подаренного японским дайме, повара по всяким суши-сашими и прочей экзотике.

Капитана Родриго Пике, Савелий жаловал титулом графа де Пуно, плюс, его и всю команду «Посейдона» наградили теми самыми одиннадцатью тоннами серебра, которое они захватили на Цусиме. Очень внушительная сумма — больше двадцати двух тысяч

французских ливров. Французам с венецианцами хватило меньшего, чтобы завоевать Италию. На сорок человек экипажа... Не поровну, конечно, но всё равно — даже матросы стали богачами.

Граф де Пуно просил назначения на «Юнону», или «Авось», но согласился подождать следующих кораблей полгода — сразу четырёх «виндjamмеров», и возглавить эскадру Тихого океана, в чине адмирала. А пока — отдых, составление отчётов об экспедиции, правка и переиздание книги «Страны Востока. Политическое устройство, религия, обычаи и традиции», теперь уже соавторской.

— Кстати, любезный граф, вы ведь ещё не в курсе. Папская Курия Римской Католической Церкви теперь размещается в Маракайбо. У вас есть время, чтобы совершить паломничество.

— Благодарю, ваше императорское величество. А что случилось с Римом?

— Рим захватили французы и венецианцы. Король Франциск Первый перевёз конклав и курию в Авиньон, но новому Папе, Клименту Седьмому, больше нравится Маракайбо.

— Я его отлично понимаю, Сир, — улыбнулся граф Родриго Пике де Пуно и почтительно поклонился, — мы обязательно навестим Его Святейшество. А где можно узнать все новости? Мы ведь почти на два года отстали от жизни.

— В Куско, во дворце Ауакпинта, теперь дипломатический клуб. В нём нет представителя только от Карла Габсбурга, даже османы прислали своё посольство. Там же имеется подшивка еженедельной газеты «Имперские новости» за два года.

Интерлюдия. 17 июня 1524 года.

Русский царь Василий Третий Рюрикович разглядывал в бинокль укрепления Вильно и особенно внимательно ворота Субачяус — настоящий замок из четырёх башен. Выстрелы шести инкских пушек курочили грозную конструкцию, словно она была сделана из... В общем, не из камня.

Эти шесть пушек, с двенадцатью тысячами выстрелов к ним, Василий Иванович получил от Императора Инков подарком к свадьбе. Пушки прислали сразу с подготовленными для них расчётами, из выкупленных у османов и крымчаков русских пленных-рабов. Пятьдесят отличных артиллеристов — «капитан», командир «батареи»; его «лейтенант» и шесть орудийных расчётов, по восемь человек», плюс их охрана — «рота» (сотня) стрелков с инкскими ружьями, со своими «капитаном» и «лейтенантом».

Действительно императорский подарок, а ведь и всякой всячины, кроме этого, прислали много. Тот же бинокль; шесть зеркал; трое часов-башен, с маятниками, музыкой и боем; две музыкальные шкатулки, играющие по двенадцать разных мелодий; шестьдесят пудов шоколада; золотые украшения с драгоценными камнями, женские, в основном; и книги, почти полторы сотни книг — на латыни, испанском и инкском языках. Да, тот самый чудной язык графа Михаила Камутамачева оказался не сербским, или болгарским, а инкским. Много у ним там в Империи народов и много языков, случился и похожий с русским.

Пушки — сказка, как и ружья. Жаль только, что выстрелов к ним самим сделать не получится, нужна какая-то особая соль, которую добывают только в Империи. Из неё-же там делают спички. Повезло ведь людям такую соль у себя добывать, она-то точно будет подороже серебра, если не золота. Ну, да ничего, воск инки покупают с удовольствием, будет на что новых выстрелов закупить, а на Литву точно хватит подаренного. Вон какой ужас в надвратном замке творится, пожары тушить не успевают.

План летней кампании 1524 года изменили, в связи с заключенным «Братским союзом» с шурином, английским королём, Генрихом Восьмым. Великое княжество Киевское и южные земли подождут, Русскому царству теперь срочно нужны порты в Варяжском море. Порты и флот, который помогут построить и подготовить англичане — они очень умелые кораблестроители и мореходы, научат и нас лапотных.

— Кажись, флаг белый, ваше величество, — «капитан» артиллеристов, Матвей Егоза, называл Русского царя на инкский манер. Впрочем, он теперь подданный императора Интико-Роки, как и все бывшие пленники, к Русскому войску они временно «прикомандированы».

— Не вижу.

— Не в воротном замке, ваше величество, смотрите на башню городской цитадели.

— Это ты княжий детинец так обозвал, Матвей?

— Так точно, ваше величество. Точно белый флаг. Прикажете прекратить стрельбу?

— Прекращайте, раз так... Семён...

— Я, ваше величество!

Семён Новик, «капитан» «роты» охраны вытянулся по «уставной» стойке «смирно» и вскинул правую руку к виску, под обрез форменного картуза. Чудные у них там порядки, у

инков этих, но воевать они, судя по всему, умеют — куда там тёмной Европе.

— Мундир свой парадный не пропил?

— Как можно, ваше величество! Обижаете...

— Ладно, шучу я. Переодевайся, будем ключи от города принимать. И ты переодевайся, Матвей.

— Слушаюсь, ваше величество.

У этих заокеанских имперцев, все воины, включая «рядовых», имели по два мундира — полевой, невзрачный, серо-болотного цвета, да ещё и не ровно окрашенный, а пятнами, и парадный. Действительно парадный, красивого, хоть и непривычного кроя, из тонкой шерсти, с золотыми пуговицами у «офицеров» и серебряными у «нижних чинов», сержантов и рядовых, и с погонами, по которым сразу определялся старший. Очень удобно, для большой армии — сразу видно, кто кому подчиняться должен, в случае чего. Война — есть война, на войне всякое случается.

Надо бы нам такие-же порядки у себя завести, когда разбогатеет. Дорого, но оно того стоит. Инки у себя вообще никогда ополчение не собирают и посошную рать не призывают, воюют только «кадровой» армией, только теми, кого содержит имперская казна. И ведь это очень разумно. И у князей-бояр тамошних своей воинской силы не имеется, а значит и дурных мыслей не возникает, и народ от пахоты не отвлекают, война-не война — урожай каждый год собирают, а с урожаями и подати.

Василий Третий любил беседовать с «капитанами» об Империи Инков и само собой так получилось, что именно они стали ближниками царя. Князья и бояре недовольны, конечно, возвышением смердов, но перечить опасаются. И Матвея с Семёном подначивать опасаются — они имперские рыцари, за смерда сразу в зубы бьют. Князь-воевода Шуйский-Немой уже схлопотал, теперь он ещё и Щербатый. А вот и он, кстати, мчится, победу себе приписывать.

— Сдаются литвины, государь-великий князь!

— Вижу, не слепой. Сигизмунд в городе?

— Был в городе, государь, — беззубо ощерился Шуйский, — погиб он в надвратном замке. Сам погиб и почти вся его свита. В городском детинце сын его малолетний — Сигизмунд Август. Конец войне!

— Погоди праздновать, князь. Выберут ляхи себе другого короля, у них это быстро. Да и Орден Тевтонский ещё крепок, три больших города у них, дай нам Бог до осенней распутицы управиться.

Лето 1524 года, в Европе, получилось очень богатым на события. В самом начале июня, третьего числа, турки-османы разгромили венгерско-чешско-хорватскую армию Лайоша (Людовика) Второго Ягеллона. Сулейман Первый лично командовал семидесятитысячным войском, и в сражении при Мохаче одержал блистательную победу, полностью разгромив противника — король Венгрии и Хорватии и князь (курфюрст) Чехии, Лайош Второй, в этой битве погиб, как и большинство крупных феодалов-магнатов, и большая половина их пятидесятитысячной армии.

Примерно так всё произошло и в другой истории, но имелись и отличия. Серьёзные отличия. Никогда раньше христиане не сражались на стороне мусульман с другими христианами. С другими мусульманами сражались, бывало такое в Эпоху Крестовых походов, а вот с христианами это случилось впервые. Впрочем, венецианцев, выставивших на стороне турок-османов десятитысячный корпус, понять можно — после завоевания турками-османами Венгрии и Хорватии, у них с Османской Империей снова образуется

протяжённая сухопутная граница в приморской Далмации, а все прошлые разы такое соседство заканчивалось для Венецианской Республики самым печальным образом — потерей всех владений на Балканах и Ближнем Востоке. Теперь же, позади уже сама Венеция, отступить больше некуда.

Поддержал венецианцев французский король Франциск Первый. Поддержал, правда, только морально, но всё равно получилось очень резонансно. Франциска тоже понять можно, за Венецией уже его Италия и его Франция, а шестидесятитысячную армию, с пятьюстами пушками, ему остановить попросту нечем.

Пока шестидесятитысячную, Султан Сулейман Первый грозит выставить вдвое больше, если в том возникнет нужда. И выставит, в этом никаких сомнений нет, так что пусть эта армия лучше идёт на север — в Священную Римскую Империю. В Чехию, Остмар (Австрию), Баварию и дальше, до самых Ганзейских городов. Это сейчас имперцы рыхлые, а общая опасность должна их сплотить, вот и пусть воюют, ослабляют друг друга. А потом? Потом и посмотрим. Не бесконечное же количество войск может выставить Османская Империя, когда-нибудь они обязательно закончатся.

В середине июня, Русский царь, Василий Третий Рюрикович, захватил столицу Великого княжества Литовского — Вильно. При штурме города погиб король Польский и великий князь Литовский — Сигизмунд Первый Ягеллон, а его наследник, Сигизмунд Август, попал в русский плен и пострижен в монахи. Очень плохое случилось лето для Ягеллонов. В Польше затеяли выборы нового короля, но договориться не смогли, во время Сейма случилось настоящее сражение с полутора сотнями погибших. Поверни Василий Третий свою армию сразу на Краков, Польскому королевству пришёл бы конец уже к августу-сентябрю, но Русский царь направился в Померанию, Силезию и Восточную Пруссию. Обиделся Василий Третий на Тевтонский Орден, за нарушение союзного договора и поддержку Польши с Литвой, в кампании 1523 года. Да и для развития отношений с Англией такое продвижение было гораздо более предпочтительным.

В июле 1524 года, русское войско, под командованием царя, и английский флот, возглавляемый лично королём Англии, захватили Кёнигсберг, где сыграли свадьбу Василия Третьего Рюриковича с Марией Тюдор. В середине августа, уже совместное русско-английское пятидесятитысячное войско взяло Бранденбург, а шестнадцатого сентября пал Берлин. Альбрехт Бранденбург-Ансбахский-Гогенцоллерн, великий магистр Тевтонского Ордена погиб, а сам Орден прекратил своё существование. Русское царство вышло к Балтийскому морю и на границу Священной Римской Империи.

Двадцать шестого сентября, Сулейман Первый взял Прагу, и на этом боевые действия на востоке Европы прекратились до следующего лета. Погружённая в анархию, Речь Посполитая врассыпную бросилась присягать царю-схизматику и мусульманскому султану. Каждый из польских магнатов сам решал — что ему выгоднее. Всё к тому идёт, что к следующему лету никакой самостоятельной и независимой Речи Посполитой уже не будет — добровольно разделится между русскими и турками.

И далеко не факт, что этот раздел пройдёт в пользу Сулеймана Первого. Русские сильно удивили всю Европу в кампании 1524 года. Прежде всего инкскими пушками. Пушками большого калибра, но стальными и потому лёгкими, использующими специальные «унитарные» боеприпасы, очень скорострельные и очень-очень точные. В Вильно, Кёнигсберге, Бранденбурге и Берлине русские артиллеристы запросто попадали в нужные окна — это засвидетельствовали наблюдатели Франциска Первого и дожа Андреа Гритти,

при ставке Русского царя, а через Венецию и Францию узнала уже вся Европа.

Больше никому Империя Инков таких пушек пока не продавала, а это о многом говорит понимающим. Информированных и понимающих среди польских магнатов хватает. Да и «Братский союз» Василия Третьего с Генрихом Восьмым недооценивать не стоит.

Центральная Европа, Имперская Европа, в которой информированных людей, благодаря ганзейским торговцам, тоже хватает, проклинает Карла Габсбурга, навлекшего на неё такую Беду. Всем ведь уже очевидно, что турки-османы не будут воевать с русскими из-за Польши. И те, и другие очень дорожат своими отношениями с Империей Инков и будут в первую очередь бить тех, кто таких отношений не имеет. А не имеет их только уния неудачника Карла Габсбурга, который и все колонии в Новом Свете потерял, и Италию, и Святой Престол упустил, и даже в Испании навести порядок не может. Но ведь сами его избрали, неудачника этого, никто не заставлял. Сами, всё сами...

Папа Климент Седьмой выступил с проповедью к «Городу и Миру», которую привезли отпечатанной в тысячах экземплярах из Нового Света. Папа объявил о появлении в нашем мире Антихриста, под личиной Мартина Лютера, призвал молиться и ждать Второго Пришествия. Раз явился Антихрист, явит себя и Спаситель. Теперь уже в облике Воина и Судьи, всё, как и было пророчено. Ждите! Ждите и кайтесь!

Вместе с проповедью, привезли покаяние Папы в грехе чрезмерного стяжательства своих предшественников, осуждение практики продажи индульгенций, принудительного сбора десятины и ещё многого, позаимствованного из программы реформаторов. Папа послушался императора Интико-Роки: «Если не можешь предотвратить — возглавь», и решил сам возглавить процесс, несомненно, назревшей Реформации. «Сохранить часть — лучше, чем потерять всё».

Там же было опубликовано увещание Климента Седьмого к королям Франции и Англии — немедленно прекратить всякую вражду, перед грядущими испытаниями и сплотить ряды верных христиан. Ниже были новости о ходе строительства собора в Маракайбо, разрешении Папы на развод Генриха Восьмого с Екатериной Арагонской и полном прощении Франциску Первому за войну в Италии.

Антихристом Лютера сразу признали Франция (с Италией), Англия и Португалия — и монархи (светские власти), и высшее духовенство. Чуть погодя, к ним присоединились Венеция, Бавария, Верхняя и Нижняя Лотарингии, Кастилия, Галисия и Наварра.

Карл Габсбург снова обиделся и прилюдно заявил, что Папу Климента Седьмого он не признаёт. Не зря ведь тот подлый Папа прячется от истинных христиан в языческом Новом Свете.

Сторонники реформ Мартина Лютера провели в Вормсе Всеобщий Собор и, двадцати девятого сентября 1524 года, выбрали Лютера Папой, под именем Мартин Шестой.

Мартин Шестой, в своей проповеди, тоже призвал сплотить ряды, объявил об отступничестве от веры Климента Седьмого, продавшегося проклятым язычникам, и отлучил от церкви всех его сторонников.

Реформация перешла в уже привычный европейцам формат борьбы Папы с Антипапой. И подавляющее большинство католиков теперь считало Антипапой-раскольником именно Мартина Шестого. Чаяния большинства уже сполна удовлетворил Климент Седьмой — чего же боле? Только гордыня и жажда власти...

В Империи Инков лето прошло очень продуктивно. То есть, лето не лето — когда в Маракайбо и Медельине лето, в Куско и Лиме зима и наоборот, а Кито вообще посередине, на

экваторе. Европейское лето 1524 года в Империи прошло очень продуктивно.

Наконец-то сделали пригодные для микроскопов линзы и начали изучать зелёную плесень и патогены оспы и кори. Лабораторию по синтезу вакцин открыли в, оставленном по неизвестным причинам, городе Тиуанако, в котором пришли в этот мир Савелий и Эль Чоло, а до них, по преданиям и легендам, первый Инка — Манко Капак. Город всё равно брошенный, хуже ему уже не будет. Для вакцины от оспы изучались возбудители коровьей оспы, для человека неопасные, а вот с корью стоило побережться. Больные корью случались, люди умирали и изредка выздоравливали, но эпидемии избежать пока удавалось. Чудом, не иначе. Маракайбо уже сорокатысячник и люди в нём живут довольно скученно, но заболевания почему-то случались только очаговые, без широкого распространения.

Работать над антибиотиком поручили медицинскому «институту» в Лиме. Впрочем, кавычки здесь излишни — это именно институт. Образовательный и исследовательский. Учили в нём педиатров (этих больше всего — фельдшерами во все посёлки), хирургов и акушеров-гинекологов (для «уездных» госпиталей, которые ещё только предстоит построить), учили теперь даже микробиологов и фармацевтов. Самый настоящий институт и есть, даже по меркам двадцатого века в той реальности. А в двадцатом веке, в плане медицины, жить уже не так страшно, как в шестнадцатом. И Савелию, и Эль Чоло, двадцатый век запомнился отличным временем, двадцать первый был уже хуже, несмотря на все его айфоны и вай-фаи. И орган детородный тогда стоял надёжней, и девки были краше, ага...

Металлурги начали использовать хром, марганец, магний, молибден и вольфрам. Металлообработчики наконец-то сделали нормальный шариковый подшипник, и построили стан горячего проката стали. Можно считать, что летом (европейским летом) 1524 года, в Империи Инков (а значит и в мире) началась Эпоха Пара.

Паровые машины из бронзы строятся и изучаются уже давно, все, полученные из интернета будущего, формулы проверены на практике, и осталось в них только подставить значения стальных конструкций. Стальных из легированной стали.

В сентябре 1524 года, в Маракайбо пришла эскадра адмирала Андреаса Нуньеса бывшего старшего помощника графа де Пуно на первой «Юноне» и капитана первого «Авося». Капитаном, Нуньес доходил до Берингова пролива, основав «Сан-Диего», «Лос-Анжелес», «Сан-Франциско», «Сиэтл», «Ванкувер» и «Анкоридж» — даже не форты, а скорее, просветительские миссии; а адмиралом он основывал уже города: «Сантьяго-де-Чили», «Мар-дель-Плата», «Буэнос-Айрес», «Монтевидео», «Порто-Аллегре», «Рио-де-Жанейро» и «Форталеза».

По совокупности заслуг (основал тринадцать городов, да каких!), адмирал Андреас Нуньес был пожалован титулом графа де Хувентуд и тремя тоннами (шестью тысячами французских ливров) серебра, для обзаведения хозяйством в своём графстве-феоде. Это много, очень много. Швейцарские наёмники, или германские ландскнехты, получают по три-четыре ливра в год, постоянно рискуя своими головами. На пятнадцать тысяч ливров, Франция и Венеция наняли тридцать тысяч наёмников, которые завоевали для них Италию. Наёмники завоевали и ушли, а после начался бардак с мятежами, но это уже про другое, денег-серебра не касающегося.

Имперские испанские герцоги: Паскуаль де Андагойа де Куба, Хуан Понсе де Леон де Пуэрто-Рико, Франсиско де Гарай де Ямайка и Хуан де Грихальва де Эспаньола агитировали за конкисту Империей Инков Испании. По их информации, в Кастилии и Галисии народ

жаждет установления имперского порядка. Весь народ — от высшего духовенства (поддержавшего Климента Седьмого) и феодалов (завидующих имперским герцогам), до солдатни (желающей повышения жалования) и крестьян (надеющихся на снижение налогов).

По их расчётам, стоит нам взять под свою имперскую руку Кастилию с Галисией, стоит только установить там имперские порядки (законы) и налоги, как полыхнёт вся Испания и спалит Карла Габсбурга в пепел. Может и спалит, только зачем? Нам что, места не хватает? Где ещё раздают такие герцогства, размером с целую Англию? Давайте-ка лучше отморозков ацтеков и майя в стойла загоним и заставим всех этих уродов убирать лопатами навоз, ибо большего они не заслуживают, да и не способны на большее. Не доросли, по умственному развитию. Уже на Панаму «наезжать» пытаются, дикари тупые.

А Испания подождёт, никуда она от нас не денется, не сбежит, не уплывёт. Едут сейчас оттуда переселенцы — вот и пользуйтесь. Когда мы там имперский порядок наведём — никто не поедет, всем и там хорошо будет. Поняли? Вот и отлично, действуйте.

Османы присылали русских пленников по пятьсот человек в месяц. И своих освобождали, и крымско-ногайских добровольно-принудительно изымали. С Османской Империей, в лице посла, Увейс-паши, Савелию и Эль Чоло дела делать нравилось больше всех остальных. Брату Сулеймана Первого вежливо обозначили границы, за которыми к Османской Империи у Инков не будет никаких претензий — Одер, Дунай, Большой Кавказский хребет и Сырдарья.

Ту часть Польши, которая присягнёт Османской Империи, придётся отдать, но ограбить вы её можете полностью. Хоть всё там на камни разберите и по камню к себе вывезите. Пусть останется только земля. Без жителей — даже лучше, порченые они там. Зато в кампании против Остмарка (Австрии), Баварии и Швейцарии можете рассчитывать на нашу всецелую моральную поддержку. На эксклюзивные цены и даже эксклюзивные поставки. У русских шесть пушек? И вам шесть таких продадим. Снаряды, правда, к ним дороги, но их ведь и понадобится не так много. Всяко в разы меньше, чем ядер, если не на порядок. А ведь ядра тоже стоят и возить их надо целые горы, так что получится даже выгоднее.

Крымское ханство? Переселите в Европу, там вам верные люди очень понадобятся. И ногайцев туда-же. В Крыму и Приазовье они вам только проблемы создавать будут, всё равно ведь не удержатся от набегов на Русь, бандиты... Чего за эти степи держаться, когда впереди Священная Римская Империя и Персия. А за Персией — Индия.

Всё предложенное полностью соответствовала планам султана Сулеймана Первого, стремившегося прежде всего в Западную Европу, поэтому договорились. Торговался Увейс-паша самозабвенно — и пушек выторговал двенадцать, и новых ружей десять тысяч (для личной гвардии султана), и цены зафиксировал твёрдые, в золоте и серебре.

Тут он вовремя сообразил. Хорошо развито предчувствие. Через год заработает первая домна в Эль-Мутуне и закупочные цены на сталь обвалятся, а ведь именно сталь сейчас является самой «твёрдой валютой» в торговле Старого света с Новым.

Пусть будет серебро и золото. Торговать всё равно как-то придётся, хотя бы для того чтобы душить ценами развитие собственного производства в Европе, а серебро и золото окончательно не обесценились даже в двадцать первом веке. Пусть копят, пусть Старый Свет остаётся без монетарного металла и испытывает затруднения с внутренней торговлей. Без торговли там не разовьётся никакое производство.

В ноябре 1524 года, эскадра из трёх кораблей: «винджаммеров»: «Юнона» и «Авось» и клиппера «Посейдон», под командованием адмирала, графа Родриго Пике де Пуно,

отправилась во вторую Тихоокеанскую экспедицию. Теперь можно было отправлять эскадры. В случае, если их разлучит штормом, а это очень вероятно, даже практически неизбежно — капитаны всех кораблей знали точки сбора на маршруте.

Два капитана в этот поход были назначены уже из расовых инков. Двое лучших, самых опытных, по два года водивших каботажники в Северную Америку. Кстати, надо бы континентам названия придумать. Северная и Южная Инка? А Австралия тогда будет Западной Инкой. Пусть так и называются, не нужны нам никакие Америки.

Второй Азиатской экспедиции предстояло основать торговые фактории в Японии, Корее, Китае, Малайзии, Индии и Индонезии и столичные города-форты в Австралии Тасмании, Новой Зеландии, Папуа-Новой Гвинее, на Гавайском и Марианском архипелагах.

Появилась возможность застолбить владения не только правом первооткрывателей, так почему бы ей не воспользоваться. Да и торговля с Восточной Азией уже довольно скоро станет намного интереснее европейской.

В январе 1525 года пришло известие о смерти короля Англии и Ирландии Генриха Восьмого Тюдора. Якобы от инфлюэнцы, но с чего бы здоровому (в другой реальности он прожил до 1547-го) и молодому (тридцать три полных года) за три дня умирать от банального гриппа? При том, что больше никто из его окружения инфлюэнцей не заболел. Так не бывает. Это с ума поодиночке сходят, а гриппом болеют все вместе. Сложно ставить диагнозы через океан, но в этом случае почти наверняка произошло убийство — отравление ядом.

Кому выгодно? Да почти всем. Проще перечислить тех, кому это невыгодно. За последние два года своего правления, Генрих Восьмой настроил против себя почти весь английский двор. Кто-то не одобрял его планы о разводе и новом браке — повод-то надуманный, как не крути. Кто-то осуждал беспричинное убийство герцога Саффолка — по-другому несправедливый суд над Чарльзом Брэндоном и его казнь почти никто не воспринимал. Кому-то не нравился выбор королём стороны Папы Климента Седьмого, и почти все осуждали беспрецедентное сближение с Москвией — «Братский союз» с дикарями, с Ордой.

Причём, союз этот очевидно в пользу Орды. Кампания 1524 года принесла москвитам Литву, Силезию, Померанию, Пруссию и Бранденбург, а Англии только город Данциг и войну с Ганзейским союзом, а ведь очень многие теряли из-за этого большие деньги. Деньги, из-за политики Генриха Восьмого, теряли почти все — почти прекратилась торговля с большей и богатейшей частью Священной Римской Империи, поддерживавшей Мартина Шестого (Лютера), с Испанией и Бургундскими Нидерландами (владениями Карла Габсбурга), а вот теперь враждебной стала ещё и Ганза. Доходы же от выгоднейшей торговли с Новым Светом получал только сам Генрих Тюдор — этой торговлей монополично занимался Королевский флот.

Так и получилось, что хоть чем-то недовольными оказались абсолютно все.

— Нет, милейший граф. Инфлюэнца возникает не по астрологическим показаниям — это чужь. Инфлюэнца — вирусная инфекция. Для крепкого и молодого мужчины почти не опасная, не опаснее обычной простуды. Даю девяносто девять процентов на то, что короля Генриха Восьмого отравили. Именно поэтому я вам не рекомендую возвращаться в Англию прямо сейчас.

Сэр Томас Мор, граф Саффолк, на минуту задумался:

— Тогда у меня конфискуют графство, ваше величество.

— Скорее всего. Но потерять только графство всё-таки лучше, чем всё равно его потерять, но уже вместе с головой. Вы хоть представляете себе, какая драка сейчас начнётся в Англии? А ведь именно вас там считают виновным во всём — и в организации преследования герцога Саффолка, и в подстрекательстве короля к разводу, и в лоббировании союза с Русским царством.

— Я не одобрял развода, а тем более не имею отношения к делу Чарльза Брэндона. Всё это время я находился здесь, в Новом Свете, и никак не мог влиять на происходящее в Англии, ваше величество.

— Я это знаю, граф. Только вам это ничем не поможет. Кто бы ни пришёл сейчас к власти в Англии, виновником он назначит вас.

— Вы полагаете, что Екатерину Арагонскую не признают правящей королевой?

— Может и признают, только я ведь про реальную власть говорю. Её возьмёт одна из партий — та партия, которая устранила короля, а потому лучше подготовлена к взятию власти. Впрочем, и Екатерина теперь вряд ли к вам расположена. Не торопитесь, граф. Вас ведь пока не отзывают, вот и не торопитесь. Пока вы здесь — вы очень влиятельная фигура, важный союзник для любой партии, а там вы будете всем мешать. Всем без исключения.

— Но ведь рано, или поздно, меня всё равно отзовут.

— Поздно лучше, чем рано, согласитесь. Всякое может случиться. Например — вступление в эту игру русской царицы Марии Тюдор. Я бы такую игру поддержал. Не хотите возглавить её партию, граф?

— Это очень неожиданное предложение, ваше величество. Я должен подумать.

— Думайте, конечно. Торопиться вам сейчас противопоказано.

Двадцать первого марта 1525 года, Савелий и Эль Чоло подвели итоги «первой пятилетки» своей деятельности в Империи Инков.

Перепись населения провели в 1524 году. Подданных императора насчитали двадцать восемь миллионов. За пять лет произошло удвоение. В большинстве за счёт присоединения новых «диких» племён, но и своя внутренняя «цивилизованная» рождаемость дала очень ощутимый прирост. Заметно улучшился и увеличился рацион питания, а это сразу повлияло и на рождаемость, и на выживаемость детей. Да и перенаселённости теперь не допускали.

Каждый год, по несколько молодых семей уходили из старых посёлков осваивать новые земли. Сотни тысяч людей переселялись на плодородные равнины по обе стороны Анд, а десятки тысяч пополняли население городов — пролетарии ведь экономике тоже очень нужны.

Рост производства внутреннего валового продукта точно посчитать пока невозможно, но примерно, на вскидку, увеличился ВВП раз в шесть-восемь. Естественно, такой темп в дальнейшем сохранить не удастся, его обеспечила созданная с нуля промышленность и ввод в оборот новых сельскохозяйственных культур, но теперь и удвоение за пятилетку будет отличным результатом. Ведь удвоение будет происходить от уже имеющегося, а имеется немало, прямо скажем.

Впрочем, и удвоение — далеко не предел. Войны на своей территории Империи Инков не угрожают, земли для расселения хватит лет на триста, «дикие» племена научились покорять лаской, природные ресурсы колоссальные, а к торговле с Европой скоро добавится торговля с Восточной Азией — рынком в разы большим, чем европейский.

Во внешней политике удалось занять место арбитра. Пусть и не конечной инстанции, но довольно авторитетного. Учитывают интересы и пожелания Империи дружественные:

королевства Франция и Португалия, Русское царство, Венецианская республика, Ганзейский союз и даже турки-османы. Англия теперь под вопросом с временным статусом нейтрала. Противники только Испания, в части подконтрольной Карлу Габсбургу, и Священная Римская Империя, в части поддержавшей Антипапу Мартина Шестого.

Им же хуже. Дружественные Империи Инков державы вооружаются новейшими образцами пушек и ружей на все деньги, в расчёте вернуть своё трофеями именно с недружественных государств. Впрочем, недружественные тоже вооружаются, но втридорога, через вторые-третьи руки, а такая торговля разорит их очень быстро. Торговля с Империей Инков всех европейцев, со временем, разорит, но некоторые из них продержатся дольше и успеют стяжать славу военных побед.

Европейцы в Новый Свет едут, как и раньше, только теперь они не колонизаторы, а «эмигранты-гастарбайтеры» со статусом кандидат в полноправные подданные. Землю им дают, но у тех, кто за пять лет не заслужит полноценное подданство лояльностью, примерным поведением и производительным трудом — её заберут обратно, а неудачника вышлют. Высылать теперь есть куда — будут заселяться западные территории, островов с людоедами-аборигенами там навалом.

Перебрался в Маракайбо весь конклав, поддерживающий Папу Климента Седьмого, перебрались из Италии творцы — архитекторы, скульпторы и живописцы. Вместо скромной церкви, начали строить огромный храм, самый большой в мире. По образцу, Базилики Святого Петра из той реальности. Москва ещё не заявила Третьим Римом, а теперь уже и не заявится. Да и не Москва теперь столица Русского царства, а Царьград, бывший Кёнигсберг. Империей, в этой реальности, Россия станет уже в шестнадцатом веке. Уже стала, хоть и необъявленной пока. Это тоже достижение Савелия и Эль Чоло.

Европейцы по-прежнему везут на продажу сталь и племенной скот, турки-османы хлопок, индийские товары и воск из России, но на все желаемые покупки им этого уже не хватает, в Империю Инков повезли золото и серебро. Как быстро они закончатся в Европе? Будем посмотреть. Через год сталь будет уже не нужна, заработает производство в Эль-Мутуне — сами продавать начнём, сбивать цены, давить конкурентов. Бумажное производство в Европе уже убито, следующая на очереди, в следующей пятилетке — чёрная металлургия. Чем они будут торговать? А нам-то какая разница? Пусть зерном торгуют, сами недоедают, но продают, как они вынуждали делать Россию в той реальности.

— В Европу не хочешь съездить, шаман?

— Не хочу. Зачем нам та Европа, Русо?

— Познакомимся со всеми. Генриха Восьмого мы вот уже не увидим, а ведь личность-то историческая была. Шекспир про него писал.

— Там была и там писал. Здесь — ничего особенного. Не увидели и не жалко.

— Скучный ты человек, Эль Чоло. Обыватель. Нет в тебе авантюрной жилки.

— В тебе её с избытком, Русо, на двоих за глаза хватает. Вон куда нас с тобой уже занесло...

— Только не ври, что тебе здесь не нравится.

— Говори — что задумал. Не темни.

— На месте сориентируемся. Я бы без тебя рванул, но вдруг чудеса творить понадобится. Я так и не научился в одиночку. Максимум — писать в «дзене» могу, чуть посильнее двинешься — слетает.

— Попробуй на той стороне погружаться глубже. В какие-нибудь виртуальные

реальности.

— Попробую. Ну, что, составишь компанию?

— Через год, не раньше. Чтобы и прививки успеть сделать, и медиков с собой взять, и антибиотиков, на всякий случай. В Европе сейчас все вшивые и дерьмо прямо на улицы выливают. Того и гляди, какую-нибудь дрянь подхватишь.

— Договорились!

Интерлюдия. 12 апреля 1525 года.

Франциск Первый Валуа, король Франции, Италии и Сицилии, герцог Сардинии и Корсики и прочая, и прочая, с интересом рассматривал извлечённые из инкского ружейного «патрона» пулю и бездымный порох. Пострелять из ружья он уже успел. Пострелять и оценить. За двести шагов эти странные пули кучно ложились в цель, размером с голову.

Если османы действительно закупили десять тысяч таких ружей с двумя миллионами «патронов» к ним, то Священной Римской Империи скоро конец.

А не верить маркизу да Ритон оснований не имелось, ни разу ещё его информация не оказывалась неверной. Теперь Инки продают оружие всем, у кого есть деньги. И оружие, и боеприпасы. Оружие по весу серебра, а «патроны» для ружей и «снаряды» для пушек по трети веса. Можно платить золотом в соотношении один к десяти. Можно-то можно, только где же взять столько золота и серебра?

И не покупать нельзя, вооружаются все, даже Карл Габсбург, хоть он и переплачивает ганзейцам и португальцам.

— Как они это делают, маркиз? Из чего?

Свинцовую пулю «обнимал» неизвестный материал, из другого неизвестного материала был изготовлен хвостовик с оперением, как у стрелы. Цилиндр с утяжелённым днищем, в который всё помещалось, изготовлен из сплава меди с... Ладно, на эти цилиндры сгодится бронза. Дорого, но они многоразовые, их можно переснаряжать, если имеются пули, правильный бездымный порох и крошечные медные «капсюли» с неизвестной начинкой, которая воспламеняется от удара.

— Ни как они это делают, ни где — мне выяснить не удалось, Сир. Никому не удалось.

— Что, совсем ничего? Даже слухи не ходят?

— Слухов — сколько угодно, Сир. От философского камня, который получил Сын Солнца от самого Создателя, до рудника с уникальной солью, которая используется их алхимиками для производства всего этого.

— И во что вы больше верите?

— Это, на самом деле, одно и то же, Сир. Помните того монаха-доминиканца, который рвался к Папе, тогда ещё Льву Десятому?

— Помню, что мы говорили про это. И что, он прорвался?

— Думаю, да. Ведь Папа отправил к этим язычникам посольство, во главе с кардиналом Джулио Медичи, в ту пору — самым влиятельным из кардиналов конклава. Этот монах, Иаков, теперь личный секретарь Папы Климента Седьмого, того самого кардинала Медичи. А ведь он ещё тогда обмолвился о Втором пришествии. Папа же, в свою очередь, об этом скором явлении Спасителя заявил в своей первой проповеди «Риму и Миру». Папа сейчас строит новую Курию в Маракайбо у язычников. Новую Курию и самый величественный христианский храм. Строит очень быстро, в Европе такую скорость строительства организовать невозможно. Ни такую скорость, ни такие затраты. А ведь этот храм — он не просто храм, это самый настоящий город. Только внутри него смогут одновременно

молиться более пятнадцати тысяч человек и ещё шестьдесят тысяч на площади перед главным восточным фасадом* (*Базилика Святого Петра в Риме), на площади, огороженной колонными портиками в стиле античного Рима. Храм на семьдесят пять тысяч и это притом, что во всём Маракайбо жителей пока меньше, а христиан там ещё и тысячи не наберётся.

— Вы же много раз общались с этим Сыном Солнца, спросили бы прямо.

— Я спрашивал. Спрашивал, сколько ему лет на самом деле. Он ответил — что этот вопрос слишком сложный, для простого ответа, некоторые года у него друг на друга накладываются, да и время не такое простое измерение, как нам сейчас кажется, но примерно, по нашему счёту — пять сотен. Пять веков вперёд, Сир. Он к нам вернулся оттуда, вернулся из будущего. И я в это сейчас искренне верю.

— Второе Пришествие... Что-ж, исключать теперь ничего нельзя. Доживём до Страшного Суда — увидим. Пока мне кажется, что Второе пришествие Спасителя должно быть обставлено несколько по-другому. Зачем бы ему было торговать зеркалами и шоколадом? В любом случае, к нам он относится намного дружелюбнее, чем к тем-же имперцам.

— Пока дружелюбнее, Сир.

— Конечно пока, маркиз. Всё в этом мире пока. Мы и сами в нём пока. Этим пока и нужно пользоваться — это пока и есть вся наша жизнь. Ваши идеи — как нам закупить у Инков оружие и «снаряды» с «патронами»? У нас нет столько золота, сколько имеется у османов. И даже половины этого нет, и даже четверти. Если нам скоро предстоит предстать на Страшном Суде, то хоть предстанем на нём славными победителями. Сможете продать Корсику, или Сардинию?

— Острова вряд ли, Сир. Островов у Империи хватает. Смогу выгодно продать «культурное наследие» человечества. Скульптуры и картины. За «Давида» Донателло мне уже предложили пять весов серебра. Его Сын Солнца хочет купить для храма в Маракайбо.

— Ого! Продаём. Всё продаём. Потом нам новых наделают. А с мазнёй как? Она ведь почти ничего не весит.

— Я постараюсь не продешевить, Сир.

Тем временем, события в Англии развивались по вполне ожидаемому сценарию. Королеву Екатерину Арагонскую, одновременно, одни (кардинал Томас Уолси, лорд-канцлер Английского королевства и архиепископ Йоркский, и Уильям Паулет, секретарь Палаты Лордов) возвели в статус правящей королевы-матери, а другие (кардинал Джон Фишер, епископ Рочестерский и канцлер Кембриджского университета, и Томас Кромвель, шериф Большого Лондона) обвинили «кликну» Екатерины в убийстве супруга-короля и узурпации власти. Третьей стороной оказался Томас Кранмер, архиепископ Кентерберийский и королевский посол при дворе царя Василия Третьего.

И вот тут-то сэр Томас Мор, граф Саффолк, как и предрекал ему император Инков, стал ключевой фигурой во всей Английской игре. Именно он теперь определял — кто именно в Англии сей момент является законной властью. Ну, а кто ещё будет это определять, как не сам английский посол? Граф Саффолк признал подозрения в убийстве вполне обоснованными и потребовал тщательного расследования, в том числе и экспертизы, с эксгумацией тела короля. Оказывается, у Империи Инков уже имеются методики определения точных причин смерти.

Семнадцатого мая 1525 года, султан Сулейман Первый Осман осадил Вену, родину-отчизну императора Карла Габсбурга.

За зиму 1524-25 годов, султан Османской Империи и Русский царь «разменяли» территории вне своих «сфер влияния», которые прочертила в Европе Империя Инков. Герцогство Бранденбург и Западная Пруссия отошли Сулейману, а все воеводства-магнатства бывшей Речи Посполитой и Моравия — русскому царю. Ограбленные, конечно, турками до нитки, но и Бранденбург с Западной Пруссией русские обчистили до последнего гвоздя. Всё честно — границы по Дунаю, Судетским горам и Одера установились к полному взаимному удовольствию сторон.

Василий Третий и Сулейман Первый даже встретились лично, на переговорах в Кракове, в феврале 1525 года, и остались друг другом вполне довольны. Русским, взамен отказа от притязаний на Европу, западнее Одера и южнее Дуная, отходило всё Дикое Поле, вместе с Крымом, ну, а османам, понятно — всё, что не попало в зону русских интересов. Хоть бы и до самой Португалии — русские на это не возражали.

Османь привели в Остмарк (Австрийское герцогство) восьмидесятитысячное войско с двенадцатью новейшими инкскими пушками и пятьюстами старыми бронзовыми. Пятьдесят тысяч с восемью новыми орудиями осадили Вену, а тридцать с четырьмя — Зальцбург.

Но блицкрига не получилось — новейшие пушки смог закупить и Карл Габсбург, через ганзейцев и португальцев. Дороже, гораздо дороже, а потому всего шесть, но эти шесть имперских орудий размещались в крепостных укрытиях (четыре в Вене и два в Зальцбурге), а потому стоили двенадцати османских, ведя эффективный контрбатареиный огонь. И десять тысяч ружей султану не слишком помогали. Воевать против него в поле никто не вышел, дураков, после разгрома венгро-хорвато-чешского войска, больше не имелось, австрийцы укрылись в городах, за мощными каменными стенами, а сверху, со стен, и старая дешёвая аркебузная пуля убивает ничем не прикрытых оккупантов ничуть не хуже, чем дорожные пули агрессоров поражают защитников внутри укреплений.

Да что уж там не хуже — намного лучше. При первом неудачном штурме Вены, турки потеряли восемь тысяч пехоты, а австрийки-имперцы всего семьсот пятьдесят человек. В Зальцбурге соотношение потерь для османов было ещё печальнее — шесть тысяч, против трёхсот с небольшим.

Сулейман Первый отвёл свои войска от стен городов, установил блокады и начал строить минные галереи, а Карл Пятый собирать имперское войско для спасения младшего брата, герцога Фердинанда, осаждённого в Вене. Естественно, что и турки, и имперцы (через ганзейцев и португальцев) послали корабли за оружием в Новый Свет.

В июне 1525 года, двенадцатитысячное войско Империи Инков, под командованием герцога Паскуаля де Андагойя де Куба, разгромило семидесятитысячную «сборную», недобитых Кортесом, кровожадных и неблагодарных уродов — ацтеков, тольтеков и майя. Всё, выжившее в пятнадцатилетней войне и непрерывных эпидемиях, население, с контролируемых ими территорий, решили переселить в окрестности крепостей «Буэнос-Айрес» и «Мар-дель-Плата». Переселить почти два миллиона человек — задача сложная и затратная, но альтернативой этому был только тотальный геноцид. Оторванные от корней, на новом месте, с храмами Инти-Виракочи, они станут нормальными людьми и лояльными подданными, в Мексике же лояльности от них не добиться никогда.

Мексику Савелий и Эль Чоло решили заселять «старыми имперцами», «лишними семьями» из тех народов и племён, которые жили на территории Тауантинсуйу* (*Самоназвание империи Инков на яз. Кечуа) ещё до их появления, то есть людьми уже в достаточной степени цивилизованными. И европейцами, которых в Новый Свет

перебирается всё больше. Никаких моноэтнических поселений создавать не планируется, селиться все будут вперемешку, по заранее составленному плану. Так работает плавильный котёл. Следующее поколение переселенцев станет уже настоящими инками.

Губернатором имперской провинции Мексика стал Муиско-Атугато, старший сын вождя народа Чибча, Муиски-Фомогаты, участвовавшего, вместе с Савелием и Эль Чоло, ещё в первой Панамской кампании. Фомогата теперь тоже имперский губернатор провинции Богота. Боготой провинции с уже тремя довольно крупными городами по двадцать-тридцать тысяч жителей — самой Боготы, Кали и портовой Буэнавентуры. Наверное, историки будут потом гадать — откуда в Новом Свете столько топонимов из испанского языка, и строить конспирологические версии, но Савелию и Эль Чоло так было удобнее. Привычнее.

Муиско-Атугато отучился в Лиме на отлично, в совершенстве владел четырьмя языками — родным, кечуа, испанским и «забытым языком Богов», то есть русским, из двадцать первого века. Как и все остальные учащиеся, в Лиме он получил практику на самых разных производствах — от металлургического, до кораблестроительного, изучал медицину и даже сам оперировал. Хороший из него получится губернатор и надолго. Молодой ведь совсем — всего двадцать шесть лет. Впрочем, не он один такой. Чиновников высокого ранга, кроме как из школы в Лиме, брать больше неоткуда. Там имперская «кузница кадров», тоже своеобразный плавильный котёл.

В июле 1525 года, в Империи начали проводить вакцинацию от оспы и кори, с одновременной паспортизацией населения. Паспорта пока без фотографий, но с отпечатком пальца — такие подделать даже сложнее, если кому-то вдруг придёт это в голову.

Антибиотики испытали. Лекарство получилось эффективное, хоть лечение пока и слишком болезненно — инъекции производятся водным раствором калиевой соли. Новокаин пока синтезировать не удаётся, а кокаин опасен привыканием, переходящим в зависимость. Ничего, жить захочешь — потерпишь.

В августе 1525 года, в Маракайбо из Лимы пришли ещё четыре «винджаммера» — «Виракоча», «Марс», «Арес» и «Тор», уже пятимачтовики. Привёл их капитан Тако Котага, сразу получивший повышение в чине до вице-адмирала и назначение младшим флагманом Атлантического флота.

Итого, в Атлантическом флоте стало одиннадцать кораблей — семь «винджаммеров»: «Нептун», «Шива», «Перун», «Виракоча», «Марс», «Арес» и «Тор» и три трофейные испанские шхуны: «Цезарь», «Помпей» и «Антоний». Уже есть на чём прихватить с собой в Европу тысячи три бойцов — Первую Гвардейскую бригаду Быстрого Реагирования. Очень серьёзная сила по нынешним временам, вооружённая дорогушими (пока они получались реально на вес серебра) винтовками «Sagitta», с продольно скользящим затвором (клон Маузера 98) и ротными восьмидесятидвухмиллиметровыми миномётами «Ave», (клон советского, образца 1941 года).

Военная сила в Европе наверняка понадобится. Хоть бы и в той-же Англии «конституционный порядок» вернуть. Конституционный, значит, во главе с лордом-канцлером Томасом Мором, графом Саффолк, а не со всякими скользкими проходимцами. Русская царица, Мария Генриховна, уже заявила свои права на английскую корону, хоть пока активных действий и не ведёт. Нет у русских своих кораблей, да и не с руки им вмешиваться в династический спор чужого королевства, пусть и на стороне своей царицы. Такого англичане не примут, а вот собственно английские силы сторонников Марии Генриховны, усилить Гвардейской бригадой Инков можно запросто. Подумаешь, три тысячи наёмников...

Их и по тридцать тысяч нанимают, их можно, они не считаются.

Кроме Англии, нужно обязательно выжечь пиратское гнездо на Канарских островах. Уже не испанских островах, теперь там республика всякого отребья со всей Европы — от датчан и шведов, до греков и сицилийцев. Ходят слухи, что и мусульмане там имеются, вот и посмотрим. Мешают они уже здорово, каждый пятый корабль перехватывают. На товары можно бы было наплевать, всё равно чужие, но ведь и люди там пропадают, да какие. В плен к пиратам уже попали Филипп фон Гогенгейм, известный в другой истории, как Парацельс, и итальянский скульптор Бенвенуто Челлини. А ведь они к нам плыли, по приглашению Папы Климента Седьмого, значит за них мы в ответе. Да и вообще... С какой это стати всякая сволочь грабит наших партнёров? Мы их сами ограбим, когда время придёт, для того и откармливаем.

В сентябре 1525 года, армия султана Сулеймана Первого дала бой «сборной» Священной Римской Империи неподалёку от Линца. «Сборную» султан победил, но осаду с Вены и Зальцбурга ему пришлось снять, чем воспользовались осаждающие, разрушившие уже почти готовые минные галереи.

Остаться в поле на зиму турки не рискнули и отступили в Братиславу и Буду. Итогом летней кампании 1525 года стала кровавая ничья. Потери сторон составили по тридцать тысяч человек — османы понесли большие потери при штурмах городов, но отыгрались в чистом поле. Поставленных целей не добились, но приобрели необходимый опыт, который обязательно поможет — не через год, так через два. В долгой войне на истощение, Османская Империя имеет больше козырей. Она и богаче намного, и многочисленнее. Тридцать тысяч, для турок — это почти ничто, а вот для римских имперцев — такие потери очень чувствительны.

Да и Франция долго бездействовать не будет. Франциск Первый активно вооружается, продавая культурные шедевры, и вооружается он не чтобы было. Скорее всего, летом следующего года, Священную Римскую Империю ждёт война на два фронта. Где ударят французы? А какая разница? Где бы не ударили — хоть в Каталонии, хоть в Бургундских Нидерландах, хоть в Пфальце — везде будет очень больно.

Русские всё лето наводили порядок у себя дома — в Литве, Восточной Пруссии, Померании, Силезии, Моравии и Польше. Во всей Польше, в том числе и бывших русских княжествах, ставших, после нашествия монголов, Кресами Восточными.

Ногайская орда приняла предложение султана Сулеймана переселиться на запад, за Дунай, на Балканы, а вот крымчаки упёрлись. Им же хуже.

В большой европейский вояж, Савелий пригласил с собой Папу Климента Седьмого и конечно, сэра Томаса Мора, графа Саффолк. О подготовке стало широко известно, и пошли просители. Герцог Паскуаль де Андагойя де Куба приходился императору Интико-Роки родственником. Милейший дон Паскуаль женился на одной из здешних единокровных сестёр донора, доставшегося Савелию тела — одной из дочерей неверующего Сапа Инки Уайна Капака, упокоенного «солнечным ударом» медной кувалдочки Эль Чоло.

Герцог де Куба предложил привести к присяге Империи Кастилию, если его доставят туда с грузом и хотя-бы тысячей бойцов. Грузом денег, конечно. Впрочем, его собственных денег, его собственных и герцогской хунты, которыми они готовы рискнуть, надеясь преумножить после победы. Нормальный бизнес-план, нормальных конкистадоров. Связи на месте у них имеются обширные, «пятая колонна» Империи Инков готова выставить там до сорока тысяч опытных вояк, если будет чем их оплатить.

— Я не планирую принимать в состав Империи никакие королевства, Паскуаль. Там, в Старом Свете, слишком всё запущено. Это королевство будет постоянно бунтовать, а мне и без того забот хватает.

— Никто не говорит про королевство, Сир. Пусть будет десять герцогств и графств — Кастилия, Галисия, Леон, Астурия, Баскония, Толедо, Севилья, Кордоба, Мурсия и Гранада. В единое королевство они все собрались не так давно. Та же Гранада вошла в него всего тридцать лет назад. Как собрались, так и разойдутся. Бунтовать они, конечно, будут, но уже поодиночке — передадим мы эти бунты легко. А после бунтов будем низлагать мятежных герцогов и графов по имперским законам.

— То есть, казнить?

— Конечно, Сир. Казнить мятежников и вводить в достоинство уже своих людей. Первыми то станут самые влиятельные из местных сеньоров, без их помощи нам ситуацию не раскачать. А дальше... дальше они присягнут, примут имперский закон, и мы будем в своём праве. Лет через десять — нынешняя Кастилия станет самой лояльной провинцией Империи, это я вам обещаю.

— Интересно. А вам-то это зачем? Всей вашей хунте?

— Мы не откажемся от владений на родине, Сир. Я рассчитываю на герцогство Андалусия. Да и деньги не помешают, лишними они точно не будут. Пока там не промотали всё золото из Нового Света — нужно брать.

— Андалусия... Это возможно. А остальные?

— Гранада, Мурсия и Галисия, Сир.

— Почему именно они?

— Там точно случатся мятежи, Сир.

— Вашими стараниями?

— И это тоже, Сир.

— Вы хотите отправиться со мной все вместе?

— Так будет лучше, Сир. У каждого из нас имеются собственные возможности на местах.

— Я подумаю, Паскуаль. Мне не нравится план всего с одной тысячей бойцов, вам нужно взять с собой тысяч пять, и начать свою кампанию с зачистки Канарских островов, а для этого потребуются ещё корабли. На всякий случай, будьте готовы в марте.

— Благодарю вас, Сир.

— Не за что пока, Паскуаль.

А что, план толковый. Островные герцоги будут верны. Просто потому, что изнутри знают мощь империи, да и их герцогства в Новом Свете приносят гораздо больший доход, чем будут приносить испанские. Спрос на сахар и какао постоянно растёт, а скоро добавится торговля с Азией — цены на них вырастут раза в два, как минимум. Такого доходного бизнеса в Европе нет и не предвидится. Сколько он там герцогств и графств насчитал? Десять? Значит нужны ещё шесть феодалов. Есть у нас шесть достойных кандидатов — бывшие «майоры», первые командиры бригад. Губернаторами они уже послужили, опыта набрались, можно повышать. Эти то против Империи точно мятежи поднимать не будут.

Значит что? Вызываем ещё четыре корабля, всё равно тихоокеанский адмирал в Лиму ещё не вернулся, а как вернётся, будет месяца три отдыхать, дождётся следующих, они к июлю 1526-го уже точно вступят в состав флота.

В октябре 1525 года получили очередной пакет новостей их Европы.

У Василия Третьего и Марии Генриховны Тюдор, восьмого июля, родился сын — Иван, пишут, здоровый, тьфу-тьфу-тьфу. Иван Четвёртый Васильевич Рюрикович-Тюдор, наследник престолов Русского царства и Английского королевства.

В Англии уже пошла возня с применением войск, состоялось два сражения, пока ничья — один-один, но в игру, на стороне Екатерины Арагонской, вступил король Шотландии, так что сторонники Марии Генриховны уже вопиют о помощи. Это хорошо. И что вопиют — хорошо, и что шотландец влез — тоже хорошо. Королева-испанка призвала вековых врагов, для сохранения своей власти, добытой путём убийства супруга-короля. Теперь Марию Генриховну точно поддержит в Англии подавляющее большинство.

— Очень хорошие новости, граф.

— Что-же в них хорошего, ваше величество? — удивился граф Саффолк.

— В них всё хорошо. Я бы даже сказал — замечательно. Теперь против Екатерины Арагонской поднимется вся Англия. Во всяком случае — большая половина.

— Дворяне на партии разделились давно, ваше величество, а какой толк от крестьян и лавочников? Воевать они не пойдут.

— И не надо. Зимой никто пока у вас не воюет, а к весне мы будем на месте.

— Всего с тремя тысячами.

— Этого хватит, уверяю вас. Готовьтесь занять пост лорда-канцлера, любезный граф. Пожалуй, это единственный печальный момент. Мне будет вас не хватать.

— Благодарю вас, ваше величество. До конца жизни останусь вашим верным слугой. Клянусь!

В ноябре 1525 года, в Маракайбо, с севера, вернулся адмирал Андреас Нуньес, граф де Хувентуд, основавший «Монреаль», «Бостон», «Нью-Йорк», «Норфолк», «Саванну», «Майами», «Новый Орлеан» и «Хьюстон». Периметр Северной Инки закрыт, пусть пока и не плотно, но уже полностью. Уплотнимся позже, по мере прироста населения.

Граф де Хувентуд получил месяц отпуска и задание — быть готовым к отплытию в Европу в феврале 1526 года всем флотом Атлантического океана, в том числе, ожидаемыми со дня на день, «винджаммерами»: «Аматерасу», «Брахмой», «Гором» и «Инти».

Часть вторая. Имперская экспансия

Флот Атлантического океана Империи Инков отчалил из Маракайбо двенадцатого февраля 1526 года. Не самый большой в мире флот по числу килей, но точно, что самый мощный. Одиннадцать «винджаммеров»: «Нептун», «Шива», «Перун», «Виракоча», «Марс», «Арес», «Тор», «Аматерасу», «Брахма», «Гор» и «Инти» несли по тридцать казнозарядных стомиллиметровых стальных пушек — погонную, ретирадную и по четырнадцать на борт. Пушки пока гладкоствольные, зато боеприпасы у них оперённые, и хоть калибр небольшой, трёх-четырёх попаданий хватает, чтобы гарантированно выбить из строя самый большой из имеющихся у потенциального противника кораблей — шестидесятипушечного уродца, который ещё не получил название галеон. А учитывая втрое превосходящую дальность прицельной стрельбы, лучшую манёвренность и большую скорость самих кораблей, их можно смело называть волками океана среди океанских овец.

Сразу после выхода из Карибского моря в открытый океан, флот разделился. Эскадра адмирала Андреаса Нуньеса, графа де Хувентуд, в составе «Нептуна», «Шивы», «Перуна», «Виракочи» и «Марса», подняла максимально возможное количество парусов и «полетела» вперёд, её очень ждали в Англии, приунывшие уже, сторонники русской царицы Марии Генриховны Тюдор.

На эскадру адмирала Нуньеса загрузила Первая Гвардейская бригада Быстрого Реагирования — три тысячи бойцов с винтовками и тридцатью восьмидесятидвухмиллиметровыми миномётами, с боезапасом на пять интенсивных сражений — полутора миллионами патронов и семью с половиной тысячами мин.

Четыре адмиральских каюты заняли: Савелий, Эль Чоло, османский посол в Империи Инков, брат султана Сулеймана Первого, Увейс-паша, и русский посол, князь Иван Фёдорович Бельский. Да, послы увязались все. Оно и понятно — чего им высидывать в Куско, когда император с вице-императором отбывают на целый год, а то и больше.

Сначала планировалось, что ещё две адмиральские каюты займут Папа Климент Седьмой и сэр Томас Мор, граф Саффолк, теперь тоже родственник, муж сестры императора, но они попросились на «Виракочу», корабль Савелия, и разделили одну офицерскую каюту на двоих. Послы Венеции и Ганзейского союза (гражданин Лоренцо Саларино и бюргер вольного города Гамбурга Клаус Мюллер) составили компанию Эль Чоло на «Шиве»; французский посол, герцог де Генуя, маркиз Этьен де Ритон выбрал «Марса» и компанию Увейс-паши; а Васко да Гама, граф де Видигейра — «Перуна» и князя Бельского. Все они просились на «Виракочу», но так стеснять офицеров, Савелий нужным не счёл. Ничего такого важного обсуждать он не планировал, да и неизвестно ещё, как организм отреагирует на морскую качку. Может, вообще придётся пластом лежать — морская болезнь штука такая... Никакие антибиотики от неё не помогают.

Вторая эскадра, под командованием вице-адмирала Тако Котага, подстраивалась под скорость трёх испанских трофеев — трёхмачтовых шхун «Цезарь», «Помпей» и «Антоний», поэтому «винджаммеры» подняли едва половину из возможных парусов. Впрочем, второй эскадре торопиться некуда, её никто не ждёт. Дойдут на пару недель позже — на месте этому только рады будут. Вторая эскадра шла на Канарские острова, с шестью тысячами бойцов — по одному батальону от Перуанской, Колумбийской, Панамской, Бразильской и Аргентинской бригад и сводной тысячей «гвардии» островных герцогов: Паскуалья де Андагойа де Куба (шурина императора и командующего Кастильской кампанией), Хуана Понсе де Леон де Пуэрто-Рико, Франсиско де Гарай де Ямайка и Хуана де Грихальва де Эспаньола.

Высший командный состав (включая тех самых лучших «майоров» Панамской кампании, уже бывших губернаторов и будущих очень крупных европейских феодалов) на Второй атлантической эскадре расположился гораздо комфортнее, чем на Первой, зато солдатне пришлось потесниться. Хотя, и такое «стеснение», по нынешним временам — настоящая роскошь. У каждого бойца имелось место, где повесить свой личный гамак, а не один на двоих-троих.

Вторая эскадра несла инкские добро и справедливость в Кастилию, с заходом на Канары. На Канарах, дону Паскуалю предстояло освободить всех хороших (Парацельса, Челлини и их товарищей) из плена, а всех плохих убить, предварительно подробно эффективно допросив, без какой-либо гуманности. Это я вам про всякие гуманизмы поясняю. Герцог де Куба про «гуманизм» никогда не слышал, а если бы и услышал — наверняка счёл бы это бредом сумасшедшего.

На Канарских островах, Паскуаль оставит один Перуанский батальон, чтобы там снова не завелась пиратская чесотка, а с остальными высадится в Севилье. С пятью тысячами отборнейших головорезов-миротворцев, пусть и с гладкостволами, но там и такого пока нет; пятьюдесятью миномётами и двадцатью тоннами серебра.

К восьми тоннам «общака» герцогской хунты, Савелий добавил двенадцать имперских. За шесть феонов, всё честно. У герцогов есть ценные связи на местах, зато Империя выставляет больше бойцов, а расходы у всех поровну. Так правильно. Всё равно это серебро уже некуда девать, а к двадцать первому веку оно обесценится ещё раз в двадцать, по отношению к золоту.

Герцог Паскуаль де Андагойя де Куба... Это красавчик. Реально красавчик. До знакомства с местным шурином, Савелий полагал себя законченным циником, а после понял — что только начинает этот путь законченного цинизма робким юниором. Паскуаль, не задумываясь, пустит «под нож» всю Европу, если сочтёт это рациональным (выгодным) для себя решением. Всё ещё внешне католик (так ему выгоднее), он давно самого себя считает Богом. Младшим богом, шурином Настоящего Бога, Сына Солнца — Интико, (Философским камнем подмышкой, но ему хватает и этого, чтобы тоже возомнить себя Настоящим Богом, рангом ничуть не ниже греческого Марса, и уж всяко повыше какого-то там иудейского Иеговы, который сраных древних немощных египтян десять раз кошмарил, но так и не закошмарил по-настоящему, по-нашему, по-божески. Бежать им, иудеям, пришлось, рабам египетским.... Паскуаль теперь ходит на исповеди и причастия только к самому Папе, и Папа это поощряет.

Интерлюдия. 17 февраля 1526 года.

Жоржи ди Менезиш, капитан каравеллы «Сан-Паулу», с разрешения инкского адмирала Родриго Пике, графа де Пуно, осматривал, стоящий на якоре в заливе Кодияр, на северо-востоке острова Цейлон, «Авось», и не понимал — почему не инки открыли Европу, а наоборот — европейцы Новый Свет.

Ведь судя по «Авосю», кораблю-шедевру, именно шедевру, потому что такое португальцам, да и прочим европейцам, невозможно повторить даже по образцу, инки обогнали европейцев в кораблестроении на века. Пусть их Империя развивалась на западном берегу Нового Света, но за века-то они всё равно бы до Европы добрались. Такие каравеллы, одной из которых командовал Жоржи ди Менезиш, они, судя по «Авосю», строили лет триста назад, а ведь и на них можно хоть вокруг света ходить.

«Авось» восхищал опытного моряка. Огромный, со стальной килевой балкой, стальными шпангоутами и стальными мачтами, корабль мог поднять столько парусов, что практически летел над волнами — это португальский капитан видел своими глазами, когда повстречал в море «Юнону», ещё один корабль из эскадры графа де Пуно. Да и третий, «Посейдон», кажущийся, на фоне гиганта-«Авося», малышом, на самом деле намного больше каравеллы «Сан-Паулу».

Лебёдки для поднятия парусов; ёмкости для воды, как говорят, покрытые изнутри серебром, а потому вода в них никогда не протухает; два камбуза — для офицеров и матросов с плитами на жидком топливе аква-витае* (*спирте) и холодильными шкапами, инкские моряки даже хлеб в плаваниях пекут... раз в неделю, но всё равно..., а горячая пища у всех дважды в день. Дважды в день, и каждый день!

Огромные трюмы; каюты у всех офицеров, пусть и на двоих; кают-компания и адмиральский салон — всё с отличной мебелью и зеркалами. Огромные зеркала на военном корабле... Дворец, настоящий дворец.

Приборы навигации — повод для особой зависти. Секстант намного совершеннее квадранта, компас на карданной подвеске, как и хронометр, очень точный лаг, с механическим счётчиком пройденного расстояния. Чудесные бинокли не только у адмирала

и капитана, а у всех офицеров и даже у матросов, стоящих на вахте вперёдсмотрящего.

Навигационные карты, с пометками не только суши и моря, но даже морских течений и даже возле Европы. Откуда? Откуда они знают о течениях вокруг Европы, если не о всех из них знают сами европейцы? Капитан Жоржи ди Менезиш, например, не знал о тёплом течении на самом севере, которое согревает Скандинавию.

Пушки... В действии их увидеть не удалось, но заявленные возможности очень впечатляют. Если артиллерийский офицер не соврал (а зачем ему врать?) он может потопить вражеский корабль с вдвое большей дистанции, чем долетают обычные ядра европейских пушек. Причём потопить прицельными выстрелами, а не, как он выразился: «залпами в ту сторону». И скорострельность у этих пушек просто сумасшедшая — по три выстрела в минуту.

Артиллерист со смехом рассказывал, как «Посейдон» топил пиратов у Цусимы в прошлый приход. Один корабль инков тогда ещё с пушками прошлого поколения, потопил целый пиратский флот — резвился как волк среди овец. Да, и за прошлый поход, только этот офицер заработал четыреста инкских килограмм серебра — восемьсот французских ливров, даже чуть больше. Живут же люди...

Адмирал общался при встрече очень любезно и сообщил немало интересных новостей. «Сан-Паулу» уже четыре с лишним года, как ушёл из Лиссабона изучать восточные моря, поэтому не знал капитан очень многого. В Португалии, оказывается, уже давно, года два точно, как продаются все эти инкские диковины, включая карты, а он всё изучает давно изученное и открывает давно открытое.

В Европе большие перемены. Французский король Франциск Первый захватил всю Италию, с Сицилией, Корсикой и Сардинией, и вернул Папскую Курию из Рима в Авиньон, но после смерти Папы Адриана Шестого, конклав выбрал Папой Джулио Медичи, теперь Климента Седьмого, исполняющего тогда должность папского нунция в Империи Инков. Климент Седьмой в Европу возвращаться не захотел и перенёс свою Курию в Новый Свет, в город Маракайбо. Сейчас там строится самый большой в мире храм. Самый большой и самый роскошный — граф де Пуно сам видел планы строительства, когда навещал Папу, для исповеди и причастия. Он исповедуется у самого Папы лично!

Империя Инков, оказывается, находится в состоянии войны с Карлом Габсбургом — с Испанией и Священной Римской Империей, а с остальными активно торгует. Граф Васко да Гама де Видигейра, хороший знакомый и бывший командир Жоржи ди Менезиша, теперь посол Португалии в Империи Инков. Адмирал с ним встречался в имперской столице Куско и остался самого лучшего мнения об одном из величайших моряков. Приятно!

На Цейлоне, инки решили основать торговую факторию, для чего выкупили (именно выкупили, хотя легко могли просто отнять) у местного раджи большой участок земли, возле города Тринкомали, так что скоро и здесь можно будет покупать имперские товары — все эти диковины и не только эти. Скоро, очень скоро, строят инки очень быстро. Не сами, конечно, рабочих присылает раджа, но присылает очень много, а значит и платят ему щедро.

Капитан Жоржи ди Менезиш нежно погладил стальную мачту, окрашенную в белый цвет, и печально вздохнул. Одна эта мачта наверняка стоит дороже всей его каравеллы, а весь «Авось» дороже целого португальского флота восточных морей.

Адмирал что-то писал в своём салоне, но, после доклада вестового, сразу отложил свою работу.

— Извините, ваше сиятельство, не хотел вас отвлекать.

— Полно вам, дон Жоржи, мы ведь друзья.

— Это высокая честь для меня, благодарю вас, адмирал. Что вы писали?

— Новые главы к книге. Ах да, вы же её точно не читали, она ведь издана всего полтора года назад, — граф де Пуно дёрнул за шнурок, вызывая вестового и что-то приказал на незнакомом языке, — вот вам в подарок о нашей встрече.

— «Страны Востока. Политическое устройство, религия, обычаи и традиции», — вслух прочитал название Жоржи ди Менезиш, — это очень дорогой подарок, ваше сиятельство.

— Не для меня, дорогой дон Жоржи. Я ведь соавтор, а потому ничего за эту книгу не платил. В Португалии, насколько я знаю, их продают по три ливра. В Маракайбо по два. В Маракайбо всё в полтора-два раза дешевле, чем в Европе.

— Благодарю вас, адмирал. Я ваш должник. Позвольте задать вопрос.

— Бросьте вы эти политесы, друг мой. Мы ведь оба моряки и теперь друзья.

— Как вы поступили на службу к императору, если не секрет.

— Не секрет, — усмехнулся Родриго Пике, — он взял меня в плен в Панаме, пять лет назад. Сначала в плен, а потом на службу. Как видите, я сделал неплохую карьеру в Империи.

— Неплохую? По-моему, вы слишком скромничаете. Кто-то там сделал карьеру лучше вашей?

— Дон Паскуаль де Андагойя теперь герцог де Куба. Мой бывший старший помощник, Андреас Нуньес — граф де Хувентуд и адмирал Атлантического океана. В плен мы все трое попали одновременно. Так что да, есть такие. Но я не унываю, до окончания службы ещё далеко, есть и у меня шанс стать владетельным герцогом. Его Величество очень щедр с преданными и исполнительными слугами.

— А я могу поступить на службу к Его Величеству?

Савелий смотрел в бинокль, на приближающийся берег Туманного Альбиона. Действительно — туманный. Эскадра адмирала Нуньеса, графа де Хувентуд, подходила к Портсмуту.

Плавание прошло отлично, с вестибулярным аппаратом в этом теле Савелию повезло, на качку он не реагировал, хотя штормило несколько раз прилично, особенно в Бискайском заливе — там «слегли» Папа и граф Саффолк. Впрочем, болели морской болезнью они недолго.

— Флагман поднял какой-то сигнал, ваше величество, — сэр Томас Мор тоже вышел на палубу.

— Ага, точно. Что там, капитан?

— Нас будет атаковать английский королевский флот, ваше величество. Прошу вас вернуться в каюты, там безопаснее.

— Странно, с чего бы флоту нас атаковать? Он ведь держал сторону царицы Марии и Джона Фишера, когда мы выходили из Маракайбо. Сигнальте адмиралу — пусть сообщит англичанам, что на нашей эскадре путешествует Папа Климент Седьмой. Пойдёмте в салон, граф, не будем мешать морякам.

Англичане атаковали. На свою голову, конечно, но все планы сразу полетели к чертям. Оказывается, королевский флот перешёл на сторону королевы Екатерины Арагонской и лорда-канцлера Томаса Уолси и блокировал с моря, осаждённый с суши, Портсмут.

Жаль, но теперь ничего не поделаешь.

Все послы собрались в салоне «Виракочи» через час после боя. После забоя, бойни,

резни, если выразаться точнее.

— Итак, ваше святейшество и господа послы, нашу эскадру атаквали английские корабли, без объявления войны. Нам пришлось защищаться.

— Мы все это видели, ваше величество, — за всех ответил Папа Климент Седьмой, — я готов об этом свидетельствовать хоть перед Богом.

— Благодарю вас, ваше святейшество. Будем надеяться, что Англия войну Империи не объявляла, а просто помутился рассудок именно у этих моряков. Действуем дальше, исходя из этого. В Портсмуте нам рады, но его осаждают какие-то негодяи. Бандиты, наверное. Мы окажем помощь честным людям — это наш долг. Вас я прошу пока оставаться на своих кораблях.

Конечно, никто не остался. Кто-ж добровольно пропустит самое интересное.

Негодяев от города отбросили беглым винтовочным огнём, совсем не страшным, здешние аркебузы бабахают как пушки, да и, знакомый уже всем, гладкоствол двенадцатого калибра куда внушительнее звучит, а тут будто удары кнута — совсем не впечатляет.

Это тут не впечатляет, а там очень даже. Бригада расстреляла по одной пятипатронной обойме — пятнадцать тысяч выстрелов и примерно столько же там трупов. Конечно, попали не все, но зато некоторые попадания валили сразу двоих. Винтовочный калибр семь-девятью два миллиметра почти в упор — это очень-очень убойно. Негодяи побежали от Портсмута, бросив своих погибших и раненых. В том числе командующего и почти всех офицеров — они были первыми целями для стрелков.

На Канарских островах, в 1526 году, имелось всего два населённых пункта — небольшой городок (тысяч на десять жителей) Лас-Пальмас на острове Гран-Канария и посёлок Санта-Крус на Тенерифе, где могли базироваться пираты, поэтому план операции был прост, как удар молотком — эскадра вице-адмирала Тако Котага, выйдя почти к Гибралтарскому проливу, разделилась на три группы, две повернули на юг — три трофейные шхуны «Цезарь», «Помпей» и «Антоний» взяли западнее, к Тенерифе; «Арес», «Тор» и «Аматерасу» восточнее, к Гран-Канарии; а «Брахма», «Гор» и «Инти», с герцогами Хуаном Понсе де Леон де Пуэрто-Рико и Хуаном де Грихальва де Эспаньола и с серебром в трюмах, сразу направились в Севилью.

Два Хуана сразу имели под командованием вдвое больше бойцов, чем рассчитывали изначально, при составлении своего «бизнес-плана», да ещё и с двадцатью миномётами, и в два с половиной раза больше серебра, так что успешно начать эту конкисту, им абсолютно ничего не мешало. Всё уже имелось вдвойне с плюсом, да и страховка за спиной душу грела.

Герцогу Паскуалю де Андагойя де Куба не ставилась задача переловить всех пиратов. Сбежит какая-то часть — ну, и пёс ними. Куда они потом денутся? Всё равно где-нибудь кому-нибудь попадутся. Взять под контроль архипелаг — и ладно.

Его бы уже давно взяли португальцы, но Канарские острова, по-прежнему, считаются владением Испании, хоть и взбунтовавшимся, поэтому его обязательно потребуют вернуть, а зачем тогда тратить силы и деньги?

Могли турки-османы, но резона тоже не видели. Бесплезные скальные острова, слишком далеко от Метрополии — от них будут идти одни убытки. Свою торговлю османы вели конвоями и на пиратов поплёвывали. Даже хорошо, что они есть — остальным проблемы доставляют. А проблема конкурента — это твоя прибыль.

Могли выжечь пиратство французы, но и Франциск Первый не хотел расплыть свои силы, у него и на своей территории забот хватало, в той-же постоянно тлеющей Сицилии.

Французы перевели свою торговлю из средиземноморского Марсея в новый порт Гавр, в Нормандии, и ходили теперь в Новый Свет по прямой, очень далеко от зоны действия пиратов.

Венецианцы тоже перешли к практике конвоев, в горловине Гибралтара остались только свободные торговцы, а на них всем было наплевать. Всем, кроме Империи Инков. Именно свободные торговцы давали лучшую цену на товары Нового Света и сбивали её на товары европейские, чем существенно поддерживали рынок в пользу Империи. Всё равно ведь в Испании собрались бучу начинать, так что на Канарах получится заодно — два шара в одну лузу, раз второй «дурачком» заходит, пусть будет.

Пусть будет ещё одна база военно-морского флота, станция бункеровки на пути из Маракайбо и Нью-Йорка в несуществующие пока Севастополь и Кейптаун.

Застигнутые на суше, пираты дрались яростно, но силы были слишком неравными. Выжили только те из них, кто сразу додумался сбежать вглубь островов. Впрочем, пробегают они не долго. Острова до сих пор остаются довольно плотно населенными местными племенами, не успели ещё испанцы всех загеноцидить; а аборигены на пиратов очень злы.

Паскуаль де Андагойя, герцог де Куба, вручил заложникам-вождям-гуанчам, освобождённым из плена в Лас-Пальмесе и Санта-Круссе, короны-символы туземной власти, раздал их воинам, захваченное у пиратов, оружие, и объявил награды за головы негодяев.

Вожди гуанчей были взяты в заложники ещё испанцами и пиратам они достались «по наследству», а потому измены от них никто не ждал. Наоборот — это будут одни из самых преданных подданных Империи Инков. Научились уже привлекать на свою сторону туземцев. Лаской и торговлей, невмешательством в их жизнь и помощью в трудные времена.

В общем, местными жителями Инки воспринимались друзьями и защитниками от всяких алчных мерзавцев, с которыми аборигены, за тридцать лет колонизации, уже успели близко познакомиться.

Империя планировала построить на архипелаге семь городов, или факторий для торговли, на семи крупных и заселённых островах: Тенерифе, Гомера, Иерро, Пальма, Гран-Канария, Фуэртевентура и Лансароте, и распахать немного земли в округе, а всё остальное пространство оставить заповедным, так что конфликты хоть и не исключаются совсем, теперь они точно не будут носить системный и непримиримый характер.

Владельцем графом де Канариас стал вице-адмирал Тако Котага. Ещё довольно молодой (тридцать пять лет), но уже очень опытный моряк и администратор; а его баронами семь лучших ротных командиров батальона Перуанской бригады, который оставляли на островах — по две роты на Тенерифе, Гран-Канария и Фуэртевентура и по одной на Гомера, Иерро, Пальме и Лансароте.

Оставались на архипелаге и три трофейных шхуны: «Цезарь», «Помпей» и «Антоний». На всякий случай, вдруг понадобится срочно послать гонца на «большую землю», или перебросить подкрепление на один из островов. Этих корабликов не жалко — и достались они легко, и заработали уже немало. У пиратов ни одного приличного корабля не оказалось, только древние каракки и каравеллы, которые разобрали на строительные материалы. Зато награбленного негодьями добра захватили прилично, примерно на восемь тысяч французских ливров серебром, не считая освобождённых пленников-заложников.

Интерлюдия. 17 апреля 1526 года.

Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм (пока ещё не Парацельс), освобождённый из пиратского плена теми самыми загадочными инками, к которым он и

направлялся почти полгода назад, по приглашению Папы Климента Седьмого, присутствовал в качестве наблюдателя при операции раненого герцога Франсиско де Гарай де Ямайка.

Герцогу де Ямайка в голень попала аркебузная пуля и чуть не оторвала левую ногу ниже колена. Для спасения жизни раненого, ногу требовалось срочно ампутировать, но инкские хирурги решили, что ещё есть шанс её спасти, и пригласили Филиппа фон Гогенгейма попридти к операции.

Всё у этих инков необычно. Специальные костюмы, из белой хлопчатой ткани; специальные перчатки, из очень тонкого эластичного материала на руки; маски на лицо, закрывающие рот и нос; множество хирургических инструментов, из нержавеющей стали; а главное — требование к стерильности всего — и костюмов, и перчаток, и хирургических инструментов.

Первым делом, герцогу дали эфирный наркоз, погрузив его в глубокий сон. Чтобы, как объяснил один из инкских медиков, сердце оперируемого не остановилось от болевого шока. Рану вскрыли, удалили из неё мелкие осколки раздробленной кости, а крупные составили и скрепили странным аппаратом — четыре кольца, собранные в цилиндр направляющими штырями с резьбой, а внутри колец струны, пропущенные через кость — одно кольцо выше раны, одно ниже и два на самой ране, удерживая своими струнами все составленные осколки. Ловко, конечно, великие мастера эти инки, их медицина опережает в своём развитии европейскую на века, но всё равно, некроза вряд ли удастся избежать, тогда ногу придётся ампутировать уже выше колена. О чём Филиппа фон Гогенгейм и заявил главному хирургу.

— Артерию не порвало, главную вену тоже, кровоснабжение хорошее, а кость и мясо срастутся. Шансы сохранить всю ногу неплохие. Будем наблюдать. Если заметим некроз, ампутировать успеем, до колена от раны почти пятнадцать сантиметров, полфута, по-вашему, так быстро гангрена свои корни не пустит. Если что — успеем, а пока есть шансы — будем лечить.

Прооперированная рана воспалилась, герцог де Ямайка находился в сильном жару и бредил, но инки не сдавались. Тело герцога трижды в день обтирали водным раствором аквы-витае, и производили неведомые Филиппу де Гогенгейму действия — вводя в мышцы тела раствор какой-то соли, приспособлениями, под названием шприцы. Эти шприцы тоже постоянно стерилизовали.

— Что это за соль? Та самая философская, про которую ходит столько слухов?

— Не знаю я ваших слухов.

— Соль, которую добывают в Империи, и из которой делают всё — от бездымного пороха, до чудесных лекарств.

— Тогда да, та самая и есть. Калиевая соль бензилпенициллина. Добывают её только у нас.

Чудо случилось. Уже на третий день, жар у герцога начал спадать, воспаление уменьшилось, а рана начала затягиваться буквально на глазах. Ещё через неделю, герцог Франсиско де Гарай де Ямайка получил разрешение вставать и осторожно ходить, при помощи костылей, прямо с этим странным аппаратом на ноге. И не только герцог, выжили и сохранили конечности шестнадцать раненых инков из восемнадцати, умерли всего двое — одному аркебузная пуля угодила в бедро и порвала артерию, а другому ударом алебарды почти напополам разорвали печень.

За их жизни тоже боролись, как сказал главный медик инков — шанс был, если бы не слишком большая кровопотеря, очень ослабившая организмы раненых. Это потрясающе! Инки сшивали артерию и печень и даже надеялись на исцеление этих раненых. Не удалось, но раз пытались — значит надежду они и правда питали.

— Невероятно, мэтр. Ваше искусство поражает воображение. Точнее, я такого себе раньше даже вообразить не мог. Прошу вас взять меня к себе помощником и учеником. Согласен работать только за еду.

— Нет, Филипп, к себе я вас не возьму. Начинать вам придётся с азов. С изучения «забытого языка богов» и получения тех знаний, которые наши боги нам оставили. Эти знания очень обширны, их преподают годами, а у меня нет на это времени. Я обычный военный хирург, далеко не лучший, при этом.

Разгромленная под стенами Портсмута армия отравительницы и узурпаторши Екатерины Арагонской, была одной из трёх армий партии её сторонников, если считать армию шотландцев, присланную шотландским королём, Яковом Пятым Стюартом.

Две, пока не разгромленные армии, с каждым днём вызывали всё больше ненависти у англичан, поэтому торопиться их уничтожить Савелий не стал. Королеву-царицу Марию Генриховну должны возвести на трон сами англичане, а им нужно дать время дозреть и собраться.

О славной победе защитников Портсмута, под командованием бывшего шерифа Большого Лондона, сэра Томаса Кромвеля, напечатали на бумаге, и десять тысяч листовок-прокламаций разослали по английским приходам. Духовенство держало сторону Папы Климента Седьмого, а значит и Марии Генриховны, поэтому в широком распространении этой информации уверенность имелось. Не быстро, тут всё не быстро, но мы ведь никуда и не торопимся. Не нас ведь грабят, грабят англичан, вот они пусть и поторапливаются. А мы пока займёмся подъёмом и ремонтом английских кораблей. А чего зря без дела сидеть?

Шестнадцать галеонов на небольшой глубине, даже мачты кое-где торчат, поднять их не сложно, материалы для ремонта в Портсмуте есть, мастера тоже, их ведь здесь и строили. Там одних бронзовых пушек шестьсот сорок, да и других ценностей навалом. На каждом корабле своя казна, а на флагмане ещё и адмиральская. На ремонт этих денег точно хватит, да и портсмутцы (или портсмутчане?) заработают — верных людей нужно поощрять. Верность необходимо питать наградами, без наград она истончается.

«Перуна», с князем Бельским и сэром Томасом Мором, отправили в Царьград (Кёнигсберг) с докладами Василию Ивановичу и Марии Генриховне, а «Нептун», «Шива» «Виракоча» и «Марс» занялись подъёмом утопленников. Они попарно заякоривались с двух сторон от «клиента», принимали заведённые под него канаты, загружались камнями, тонн по пятьсот-шестьсот, обтягивались в отлив, после разгружались, и в прилив «клиент» всплывал по палубу. Под него подводились «пластыри» и начинали работать помпы.

Диво-дивное. Весь город собирался посмотреть. Особенно на водолазов (в том числе самого императора Интико-Роки-Савелия), в резиновых костюмах и масках с лапами. Пока без аквалангов, но тут и глубина небольшая, много — шестнадцать метров. За восемь дней подняли и оттянули на верфи всех. Добыча порадовала — только серебра в монете подняли на две с половиной тысячи французских ливров. Да каждый такой кораблик с пушками стоит тысячи по полторы, минимум. Неплохо поныряли, прямо скажем, очень выгодно...

— Зачем вы погружались сами, ваше величество? — поинтересовался Папа Климент Седьмой, — Если это не секрет, конечно.

— Никакого секрета в этом нет, ваше святейшество. Мне нравится подводный мир. Правда, водичка тут мутновата, но всё равно интересно посмотреть. Не хотите попробовать сами?

— Нет, благодарю вас. Я для таких забав уже староват.

— Бросьте, ваше святейшество. Сорок восемь — самый рассвет для мужчины. Силы ещё есть, а рассудок уже освободился от чрезмерного гормонального давления. Впрочем, воля ваша.

— А мне можно попробовать, ваше величество? — поинтересовался Увейс-паша.

— Извольте, друг мой. С удовольствием составлю вам компанию.

— А мне можно? — чуть ли не хором спросили послы Франции, Венеции и Ганзейского союза.

— Всем можно, кто умеет плавать.

Интерлюдия. 28 мая 1526 года.

Доклад сэра Томаса Мора, графа Саффолк, о разгроме под Портсмутом армии сэра Уильяма Паулета, русской царице и английской королеве Марии Виндзор, заставил последнюю глубоко задуматься.

По правде говоря, она почти не рассчитывала на возможность самой занять трон. То есть, мечтала, конечно, но это такое... из разряда несбыточных мечтаний. Расчёт был на уступки той стороны, на должности и титулы для сторонников, на деньги, в конце концов, но точно, что не на трон — это нереально, особенно учитывая вмешательство в династическую войну поганца Якова Стюарта. И вот — эти самые несбыточные мечты вдруг обрели вполне реальные формы.

В Англию прибыл сам император Интико-Роки, с тремя тысячами каких-то неуязвимых и непобедимых головорезов, которые служат в его гвардии, да ещё и с Папой Климентом Седьмым в придачу.

Именно инки разгромили под Портсмутом армию сэра Паулета, хотя и скрывают это почему-то. В отпечатанном манифесте говорится о славной победе сэра Кромвеля и отважных защитников Портсмута, про инков в нём ни слова. Как будто их император стесняется этой своей выдающейся победы.

— Я не могу принять решение, не посоветовавшись с супругом, граф.

— Конечно, ваше величество.

Русский царь Василий Иванович Рюрикович, тем временем, уже допросил князя Бельского. Бельский сильно изменился. Научился говорить и читать по-инкски и по-испански, да начитался там всякого. Говорит — две сотни книг уже прочитал. Брешет поди. Не может быть столько книг — про что в них писать-то?

Бельский абсолютно уверен в победе императора, то есть, той стороны, которую он поддерживает. Нашей стороны. Неожиданно, но очень приятно.

Супруга выглядела растерянно.

— Чем мы расплатимся с императором за такую помощь, государь?

— Бельский мне доложил, что император исключительно скромен, к тому же сказочно богат. Поди не станет обирать нас до нитки, сирот убогих, — усмехнулся Василий Иванович, — не переживай, государыня — увидимся — спросим. Помощь мы пока не приняли. Запросит слишком много — просто откажемся. Меня больше вопрос веры беспокоит. Ты ведь теперь православная, а примут ли тебя англичане с нашей верой-то?

— Граф Саффолк уверен, что примут. Он много общался с Папой Климентом Седьмым.

тот считает, что сейчас самое лучшее время для преодоления раскола христианской церкви, пред ликом Антихриста Мартина Лютера. Римская церковь, в его лице, готова к этому.

— Тогда вели своим девкам собирать тебя в дорогу. Поедем в этот ваш Портсмут, знакомиться и договариваться. Возьму с собой Матвея с Семёном и их воинов, да митрополита со служками. И ещё графа Камутамачева, пожалуй.

— На кого Царьград оставишь?

— На Бельского и оставлю. Матвей с Семёном перетолмачат, если сами чего-где не поймём.

— Граф Саффолк говорит, что император свободно общается по-испански, по-английски и даже по-турецки.

— Тем лучше. Его инкский от нашего русского тоже не слишком отличается. Камутамачева я понимаю, пойму и императора.

В конце мая 1526 года, пятидесятитысячное русское войско, под командование князя-воеводы, Василия Васильевича Шуйского-Немого, вошло в Крым. Настал для крымчаков срок оплачивать русским все вековые обиды. Хан Саадет Первый Герай выступил навстречу Шуйскому с почти сотысячной армией, но что может сделать лёгкая кавалерия с луками, пиками и саблями, против орудийной картечи и плотного ружейного огня? Ружейного огня, по такой крупной цели, как группа всадников, эффективного на расстоянии в полверсты... Правильно — только храбро умирать, или дезертировать. Тридцать первого мая, орда крымчаков была наголову разгромлена, а хан Саадет Первый погиб в одной из бессмысленных фанатичных атак.

В начале июня, стодесятитысячная армия султана Сулеймана Первого снова вторглась в Остмарк (Австрию) и осадила Вену, Линц и Зальцбург. Фердинанд Габсбург, младший брат императора Священной Римской Империи и короля Испании, Карла Пятого (Карлоса Первого), на этот раз покинул Вену заблаговременно. Едва получив сведения о наступлении турок-османов, он, с казной, перебрался в Регенсбург, где начал собирать войско наёмников. Вряд-ли ему это поможет. На этот раз, Сулейман привёл с собой сорок пять инкских пушек, за которые заплатил больше пяти тонн золота и ещё пять за боекомплект. Дорого, но Остмарк всё равно стоит на порядок дороже, так что всё выгодно, всё честно.

В середине июня, Франциск Первый Валуа, с сорокапятитысячным войском начал аннексию Бургундских Нидерландов, Люксембурга и Артуа, а его коннетабль, маршал, барон Анн де Монморанси, с пятнадцатью тысячами, вторгся во Франш-Конте (графство Бургундию). Для вооружения своего шестидесятитысячного войска, Франциску Валуа пришлось не только продать все шедевры из запасников Италии и Франции, но и прилично залезть в долг к императору Инков. Король Франции, подобно азартному игроку, поставил на кон всё. Ведь ему пришлось вооружить ещё и десяти тысячное войско своего шурина, мужа сестры Маргариты — короля Наварры, Генриха Второго д'Альбре. Проигрыш летней кампании 1526 года, теперь грозит Франциску Первому полным финансовым крахом, но и шансы на выигрыш у него имеются хорошие. Настолько хорошие, что французский король решил рискнуть всем. Кто не рискует — тот не пьёт шампанского, ага.

Генрих д'Альбре начал свою кампанию в Басконии в конце июня, в тепличных условиях, встречая у басков только всемерную поддержку и любовь. Карлос Первый всех своих подданных уже достал реально до печёнок.

Командующий Кастильской кампанией, герцог Паскуаль де Андагойя де Куба, с тремя тысячами «канарских ветеранов», прибыл в Севилью двадцать восьмого июня 1526 года.

Прибыл официально во главе войска Инкской Империи, под имперским флагом (красным полотнищем, с пятиконечной белой звездой в верхнем углу у древка, от серпа и молота Савелий решил отказаться).

К моменту прибытия командующего, герцоги Хуаны уже собрали в королевстве Кастилия сорокатысячный корпус ветеранов различных кампаний — десять терций пехоты и десять тысяч кавалерии. Плюс четыре тысячи собственно инкской армии и тысяча личной гвардии герцогской хунты, с пятьюдесятью миномётами. Карла Пятого Габсбурга раскорячило в немыслимую позу.

Первой, присягу Инкской Империи, в лице герцога Паскуаля де Андагойя де Куба, шурина императора, принесла, разумеется, Андалусия в Севилье. Пока ещё далеко не испанский и не христианский город, до трети населения в нём до сих пор составляют мавры-мусульмане, а с евреями и другими «понаехавшими», так всяких нехристей в нём реально почти половина.

Империя Инков провозглашает свободу вероисповедования для своих подданных и равенство всех народов её населяющих. То самое — «Нет ни эллина, ни иудея», да-да. Все равны перед законом и платят одинаковые налоги. Налоги почти на треть ниже, чем платили пришлому Габсбургу. Как от такого щедрого предложения откажешься? Тем более, что подкреплено оно очень грозной силой.

Собранный тут-же, по горячему, Севильский и Андалусийский Кортесы провозгласили Севилью графством в составе герцогства Андалусия и попросились в этом статусе в состав Великой Империи Нового Света. Герцога на Кортесах тоже избрали. Самого влиятельного из андалусийских сеньоров, дона Мануэля де Фуэнте, графа де Овехуна и Вакерос. Самого влиятельного, самого наглого и отмороженного идиота, именно поэтому получившего всецелую поддержку герцога де Куба. Паскуаль ведь наметил герцогство Андалусия для себя, а брат с собой в «новую жизнь» «старые кадры» он не хотел. Сам такой — других не надо. Но и просто их вырезать — неправильно, нужно всё сделать по закону, которому они сейчас все присягают. Аве!

Третьего июля, эскадра вице-адмирала, графа Тако Котага де Канариас, в составе шести «винджаммеров»: «Ареса», «Тора», «Аматерасу», «Брахмы», «Гора» и «Инти», пополнив запасы воды и провианта, направилась на восток, кошмарить побережье Арагонского королевства — Барселону и Валенсию.

И Балеарские острова, заодно, ещё одно владение Кастильского королевства. Испания ведь пока только считается единой. Карл Габсбург правит королевством Кастилия, как регент, при своей, сошедшей с ума и упечённой за безумие в монастырь, матери — Хуаны Первой Кастильской. А по поводу безумия Хуаны у подданных Кастильской короны мнения расходятся. Сам регент Карлос Первый, теперь очень многим представляется гораздо большим безумцем.

Двенадцатого июля 1526 года, в Портсмут прибыл «Перун» с царской четой Рюриковичей-Тюдоров на борту. Первая в этой реальности встреча по протоколу, возникшему в той истории в конце девятнадцатого века — с дорожкой, выстеленной коврами, почётным караулом и оркестром.

Да, с самым настоящим оркестром, про музыку Савелий тоже не забывал. Оркестр исполнил три мелодии — «Марш артиллеристов», «Авиамарш» и «Прощание славянки», символизирующие встречу трёх монархов-суверенов. Своих-то гимнов никто ещё не придумал, так что пусть пока эти побудут, может и приживутся — подарим, не жалко.

Салют холостыми зарядами, с шестнадцать отремонтированных галеонов. Шестьсот сорок пушек разом — этот салют, наверное, даже в Лондоне слышали...

На «саммит» глав государств, Савелий предложил пригласить Папу Климента Седьмого, вице-императора Чалько Юпанки (Эль Чоло), сэра Томаса Мора, графа Саффолк и митрополита Макария. Чтоб два раза не вставать, как говорится. Протокольным языком выбрали испанский, им владело большинство, только Василию Ивановичу и Макарию требовались толмачи. Взяли одного на двоих — графа Михаила Камутамачева.

Начал император инков без раскачки, его очень утомляли и раздражали бессмысленные дипломатические политесы.

— Итак ваши величества, ваше святейшество и почтенные сеньоры, раз уж мы все здесь собрались, полагаю нас всех добрыми друзьями, а потому предлагаю говорить начистоту, как это и надлежит делать друзьям. Начну я, раз уж невольно оказался зачинщиком нашего собрания. Империя Инков ценит отношения с русским царством и намерена всячески ему помогать, в том числе и предостерегая от ошибок. Почему — не спрашивайте. На всё воля Божья...

— В какого бога вы веруете, язычники? — перевёл вопрос митрополита Макария граф Камутамачев.

— Не перебивай меня, мракобес козлобородый. Ты не на базаре находишься, а на переговорах трёх монархов. Твой номер в нашем собрании — седьмой. Спросишь, что наболело, когда тебе разрешит твой государь. Бог един, в него мы и веруем. Веруем по-другому, но не тебе, дурню тёмному, нас судить. Продолжаю. Королевство Англия оказалось в затруднительном положении. Английский флот, прежде нам дружественный, без объявления войны, атаковал наши корабли. Мы воспринимаем это действие, как подлость группы преступных негодяев, отравивших нашего друга, короля Генриха Восьмого, и узурпировавших власть, а потому на королевство в целом обиды не держим. Однако, подлых и вероломных узурпаторов, мы теперь наказать обязаны и обязательно накажем. И Екатерину Арагонскую, и всю её партию, включая шотландцев Якова Пятого. Вашего племянника, ваше величество, — Савелий, не вставая, обозначил полупоклон Марии Тюдор.

— Вы в своём праве, ваше величество, — склонила в ответ голову Мария Генриховна, — надеюсь, вы будете милостивы к моей сестре и моему племяннику.

— Не буду, ваше величество, даже не надейтесь, — улыбнулся Савелий русской царице, — милости унижают сильных мира сего, а я унижать никого не планирую. Да воздастся каждому по заслугам его. «Кесарю — кесарево» — именно этой мерой им и воздастся. Продолжим про Англию, если не возражаете.

— Извольте, ваше императорское величество.

— Продолжаю. Ваша старшая сестра, Маргарита, вышла замуж за худородного шотландского графа, и с тем потеряла всякое право на английский престол. Екатерина Арагонская, несомненно, участвовала в преступлении против своего супруга и сюзерена. Теперь её ждёт суд и, скорее всего, казнь. По законам Империи, за преступления казнят. У нас даже за воровство казнят, поэтому и преступлений очень мало. Чего и вам советуем, кстати, но сейчас мы о другом говорим. Если вы, ваше величество, откажетесь от английского трона, королевство Англия я упраздню. Разделю на четыре имперских герцогства — Английское, Шотландское, Уэльское и Ирландское. «*Vae victis*» — это правило вечно.

— А если я соглашусь, ваше величество?

— Мы будем радостно приветствовать законную королеву, ваше величество. Приветствовать основание Русской империи, с Английским королевством в его составе. Империи Севера, первым императором которой станет ваш сын Иван Четвёртый Васильевич. Империи, которая объединит расколовшееся христианство. Мы на это надеемся, во всяком случае.

— Объединится на какой основе? — перевёл вопрос царя Василия Третьего граф Камутамачев. Перевёл для всех остальных, Савелий и без перевода царя отлично понял.

— На общей, Василий Иванович, на общей. Когда-то, до раскола, христианская основа ведь была общей, вот к ней и следует вам всем вернуться. Знаешь, что такое компромисс?

— Что?

— Компромисс — это договорённость, в равной степени не устраивающая обе стороны. Не устраивающая, ибо победителей в этой ситуации нет, но в равной степени. С равными уступками с обеих сторон. Римская Католическая Церковь готова начать переговоры по достижению компромисса. Я прав, ваше святейшество?

— Мы готовы, ваше величество, — степенно кивнул Джулио Медичи, Папа Климент Седьмой, — мы признаём ортодоксальное христианство христианством без всяких ограничений. Вражда, между нами, надумана по политическим соображениям. В большей степени, она возникла по вине Рима, — предвосхитил реплику козлобородого Макария умница Климент Седьмой, — свою вину мы готовы признать, но вина была не только нашей. Так не бывает.

— Разрешите говорить своему митрополиту, Василий Иванович.

— Говори, Макарий, — чуть заметно улыбнулся русский царь. Практически одними глазами улыбнулся, скорее, даже уголками глаз, но развитие переговоров на «саммите», ему точно нравится. Этот не мракобес. Этому стоит поддерживать.

— Кхе-кхе, — очень многозначительно зашёл издали митрополит, — христианство, конечно, раскололось политикусами, история эта, всем знающим, известна, но если мы будем объединяться — то кто тогда станет единым Главой всей христианской церкви? Папу-то ведь выбирали без нас.

— Папой, в Авиньоне, меня избрали без меня, и даже не спрашивая на то моего согласия, которого я бы тогда, скорее всего, не дал, — не растерялся Климент Седьмой, — я и сам об этом только через три месяца после выборов узнал. Как только мы объединимся — сразу проведём новые выборы. Ты же не отрицаешь, что церкви нужен Пастырь? Клянусь благодатью Христовой, что сам я, лично, проголосую за тебя, митрополит Макарий.

— Не спеши записывать меня в стяжатели, римлянин. Не о себе я забочусь, а только о вере Христовой.

— Идите-ка вы оба в другой зал, святые люди, и там обсуждайте своё «Богу — богово», — вмешался Савелий. Мракобесы подчинились безропотно — молча встали и прошли в соседний зал ратуши города Портсмута, временной столицы королевства Англия, — продолжаем, ваши величества и уважаемые сеньоры. Вопросы, по уже мной сказанному, есть?

— Есть, — чуть заметно кивнул Василий Иванович Рюрикович, — чем мы за всё это будем расплачиваться?

— За что за это? — не понял вопроса и переспросил по-русски Савелий.

— За пушки и воинов, которых ты присылал; за дружбу и выгодную торговлю с османами, она ведь тоже твоими стараниями случилась; за Английское королевство, которое

без тебя точно потеряли бы.

— Вот ты про что... есть у меня пожелание — сына вашего, цесаревича Ивана Васильевича, прошу прислать ко мне, в Новый Свет, в шестилетнем возрасте, для обучения и воспитания. А если учтёте мои рекомендации по назначению канцлерами — князя Бельского и графа Саффолк, будет совсем хорошо.

— Нет у нас на Руси канцлеров. Да и рано в шесть лет учиться начинать.

— В шесть лет — уже даже поздногато, начнёт цесаревич года на два-три раньше, ещё в Царьграде. Учителей я пришлю. А канцлера заведи, это в твоей власти. Не царское это дело — с боярской думой спорить

— А царское дело тогда в чём?

— Сейчас ты занимаешься как раз царским делом, — улыбнулся Савелий, — планируешь будущее развитие своей державы на много лет вперёд. И договоры соответствующие заключаешь.

Наступление из Портсмута на Лондон началось восемнадцатого июля 1526 года. Двадцатитысячное войско своих сторонников (включая Первую Гвардейскую бригаду Быстрого Реагирования) возглавляла лично королева Мария Тюдор. Формально возглавляла, конечно, командование ей не доверили, но стяг над армией развивался именно её личный.

Сражение с шестидесятитысячной объединённой английско-шотландской армией, под стягом узурпаторши Екатерины Арагонской произошло двадцать четвёртого июля возле городка Кимберли, в графстве Суррей, в полусотни километрах юго-западнее Лондона. Мятежники тоже наступали — на Портсмут. Удачно получилось, все негодяи собрались в кучу, не придётся потом ноги стаптывать, отлавливая их по всей Англии.

Савелий приказал остановиться на возвышенности и ждать атаки. Мятежников намного больше, у них только тяжёлой рыцарской конницы около двадцати тысяч, так что атаковать они будут обязательно. Так и получилось. Англо-шотландцы начали свою атаку через три часа, одновременно с этим, артиллерия — шесть пушек, которые привёз Иван Васильевич, и тридцать миномётов, накрыли ставку командования вражеской армии — шатры Екатерины Арагонской, герцога Олбани, сэра Томаса Уолси и графа Нортумберленд, Генри Эджернона Перси. Очень удачно накрыли, сразу всё в фарш.

Всё сражение продлилось меньше получаса, да и то двадцать минут ушли на отстрел, пытающихся отступить мятежников. Если кто-то и сбежал с этого поля «забоя», то считанные единицы — пешком по кустам.

Два дня простояли лагерем возле Кимберли — собирали трофеи и составляли списки погибших негодяев. Сами-то они отмучились, а вот их владения и имущество ещё ждёт конфискация. Екатерина Арагонская зачем-то взяла с собой в поход двенадцатилетнюю дочь Марию, погибли обе. Погибли Джон Стюарт, второй герцог Олбани и граф Марч; Генри Эджернон Перси, пятый граф Нортумберленд; и кардинал Томас Уолси, лорд-канцлер Английского королевства и архиепископ Йоркский. Гражданская династическая война в Англии закончилась.

Седьмого августа 1526 года, в Вестминстерском аббатстве, Папа Климент Седьмой и митрополит Макарий миропомазали правящей королевой Англии Марию Первую Тюдор, а принцем-консортом её супруга, Василия Ивановича Рюриковича.

Восьмого августа, королева Мария Первая назначила лордом-канцлером сэра Томаса Мора, теперь уже герцога Саффолк и графа Нортумберленд. Не остались без наград и другие сторонники королевы: Томас Кромвель стал графом Рочестер и лордом; Джон Фишер,

епископ Рочестерский, канцлер Кембриджского университета — кардиналом и архиепископом Йорка; а Томас Кранмер, архиепископ Кентерберийский — кардиналом и настоятелем Вестминстерского аббатства. Даже капитаны Матвей Егоза и Семён Новик получили владения и титулы баронов Арундела и Ламли.

Девятого августа королева Мария Первая официально объявила войну Шотландии и поручила командование двадцатипяти тысячной армией сэру Томасу Кромвелю, свежее испечённому графу Рочестер, официальному победителю в битвах при осаде Портсмута и при Кимберли. Свою армию шотландцы потеряли полностью, поэтому сэр Кромвель с задачей справится без труда, тем более при помощи артиллерийской батареи Матвея Егозы, барона Арундела, и роты охраны Семёна Новика, барона Ламли.

Савелий решил не вмешиваться. Злобствовать он желанием не горел, ничего плохого ему лично шотландцы не сделали, а раз так, то и ни к чему лезть в чужие семейные разборки. Яков Пятый Стюарт Марии Первой родной племянник, да и не принимал он решений, по причине юного возраста. Главного виновника — Джана Стюарта, герцога Олбани наказали и ладно. Шепнул только, перед расставанием, Василию Ивановичу и Томасу Мору, что королевство Шотландия, как таковое, следует упразднить, и присоединить к Английскому королевству, а значит и будущей Русской Империи, отдельными феодами. Те согласились, после чего император Инков нанял в Англии команды для трофейных галеонов и направился в Испанию, принуждать к миру Карла Габсбурга.

По пути в Севилью, нанесли визит вежливости португальскому королю Жуану Третьему Ависскому, чем вызвали немалый переполох в Лиссабоне. Ещё бы. Одиннадцать, уже легендарных-всесокрушающих, «виндjamмеров» и шестнадцать новейших галеонов на рейде порта португальской столицы выглядели очень грозно, несмотря на поднятые сигналы о дружелюбности намерений.

Не принято здесь наносить визиты, а несогласованные заранее, не было принято и там, но Савелия это не остановило. Эскадра адмирала Нуньеса бросила якоря и спустила на воду шестнадцативёсельный баркас, который мигом доставил на берег графа Васко да Гама де Видигейра. Через два часа с берега пришёл сигнал — салют береговых батарей холостыми и «Виракоча», на буксире двух баркасов, пришвартовался к единственному каменному причалу Лиссабона.

Первым на берег сошёл оркестр, потом почётный караул, за ними Папа Климент Седьмой, а уже после Савелий с Эль Чоло и компанией из четверых послов. Жуан Третий встречал лично, чем заработал в карму жирный плюс.

В Лиссабоне гостили трое суток. Очарованный инкским оркестром, король Португалии попросил его сыграть во дворце, для Двора и прочей изысканной публики. Сыграли, не жалко. Эль Чоло договорился о продаже четырёх трофейных галеонов за девять тысяч французских ливров серебра. Надо же, а Савелий их по полторы тысячи оценивал. Хорошо, что сам продавать не взялся — судя по довольным ромам португальцев, они и шамана нагрели.

Обменялись новостями. Кастильское королевство уже де-факто упразднилось, самораспустилось на десять крупных феодалов и все они подняли стяги Империи Инков, только Басконию захватил король Наварры. Ну и пёс с ней, с Басконией с этой. Моноэтническая территория, фанатично католическая, с ней получили бы только проблемы.

Зато остальные присягнули, радостно повизгивая от предвкушения. Даже не от снижения налогов, хотя и не без этого, приятно ведь, но главное их предвкушение — жизнь

по имперским законам, без местечкового беспредела отмоороженных феодалов и свободная торговля с Новым Светом. Свободная и теперь, к тому-же, безопасная — хоть девственниц с мешками золота вези, никто не ограбит.

А законы? Законы в Империи суровые, казнят даже за воровство, но это ведь проблемы только для воров и прочих преступников, а честным-то людям чего их бояться? Честным от этого только лучше будет.

Франциск Первый, вот ведь красавчик, за лето захватил все владения Карла Габсбурга, унаследованные тем от отца — Бургундские Нидерланды, Люксембург, Артуа и Франк-Конте. Беспорядки там ещё не до конца подавлены, но войска Габсбурга разгромлены, а значит теперь этот вопрос только во времени, ведь и на других фронтах Империя Габсбурга сыпется. Про Кастилию, наследство Карла от матери, Хуаны Безумной, уже говорили, но и наследство от деда по отцу (Остмарк, Штирию, Каринтию и Тироль), по непроверенным пока сведениям, уже полностью захватили турки-османы. Имперских маркграфств у Карла больше не осталось, поэтому Рейхстаг начал процедуру избрания нового императора. Начал и завис. Избираться в императоры в такой ситуации никто не хочет. Все, до одного, курфюрсты, бросились договариваться с османским султаном Сулейманом Первым и французским королём Франциском Первым — каждый сам за себя.

Франциск, по слухам, сейчас на севере, лично командует осадой Амстердама, отвлекать его не с руки, на обратном пути пообщаемся, герцог де Генуя, маркиз де Ритон своего короля успеет предупредить и подготовить.

Про Англию, Жоан Третий всё знал, поэтому Савелий и Эль Чоло поделились только имперскими новостями. Музыку слышали? А медицина у нас ещё лучше. Намного лучше. Ах, знаете уже, откуда, если не секрет? Герцогу на Канарских островах оторванную ногу обратно приделали? Какому герцогу, это точно не байки? Герцогу де Ямайка, Франциско де Гарай? Точно оторванную? Нет, почти не считается. То, что у вас считается почти, у нас давно лечат. У нас иногда лечат даже то, что у вас считается совсем. Поэтому милости просим в гости — заходите без лишних политесов, как друзья. Зубы? Зубы тоже лечим и даже вставляем утраченные, но пока только золотые.

Так что заходите запросто, вот прямо как мы к вам сейчас. И не затягивайте — чем раньше всякий сифилис начать лечить, тем больше у больного шансов на излечение. Папа Климент Седьмой вам тому свидетель, он многое наблюдал. Пообщались уже? Вот и славно.

Нет, винтовки и миномёты пока не продаются, пока всё производимое поступает на перевооружение собственной армии. После все товары можно будет купить в Маракайбо, как обычно. Сейчас там, кстати, должны прилично упасть цены на ружья и на патроны для них. Если они вам нужны — не зевайте.

В Севилье, прибытие императора с вице-императором Инков, вызвало вполне прогнозируемый аншлаг. Оповещённый о планах ещё в августе, герцог Паскуаль собрал в городе всех новых владетельных подданных Империи для присяги лично императору. Лично Сыну Солнца. Перчатку на правой руке и меч, скорее широкую шпагу, целовали часа четыре. Под оркестр и в присутствии почётного караула, из целого гвардейского батальона.

— Всю Кастилию я контролирую, Сир, — после присяги и, последовавшего за ней, торжественного фуршета-бала, Савелий и Эль Чоло уединились с герцогом Паскуалем де Андагойя, командующим имперской армией в Европе, — всю континентальную Кастилию, кроме Басконии. Её успели захватить наваррцы. Мы легко можем их оттуда выбить, я ведь сам баск. Нас трое басков в вашей герцогской хунте...

— В вашей хунте, Паскуаль. В вашей хунте вас трое басков, но никто не попросил себе Басконию. Почему?

— Именно потому, что мы сами баски, Сир, и слишком хорошо знаем остальных басков, — усмехнулся Паскуаль де Андагойя, — они очень беспокойные подданные.

— Так я и думал, — кивнул император, — мне такие подданные тоже не нужны. Пусть за них воюют Карл Габсбург с Генрихом д'Альбре и Франциском Валуа.

— Вы не хотите добить Габсбурга, Сир? — удивился герцог де Куба.

— Не хочу. За вторжение в Новый Свет мы рассчитались сполна, больше у меня к нему претензий нет. Если это взаимно, то мы заключим мир и будем торговать. Готовьте армию к походу в Арагонское королевство, Паскуаль. Мир легче всего заключать во вражеской столице.

— Слушаюсь, Сир.

Шесть трофейных галеонов Савелий и Эль Чоло решили включить в состав имперского флота и сформировать из них Средиземноморскую эскадру Атлантического океана. Хорошие кораблики, новые совсем, из морёного дуба — лет двадцать-двадцать пять послужат, только перевооружить их по-человечески. Балеарские острова нужно охранять, туда постоянно наведываются всякие бандиты из Магриба — то мавры, то арабы, то берберы, да и на средиземноморское побережье теперь уже Империи (Андалусию, Гранаду и Мурсию) эти отморозки наезжают постоянно. В общем, шесть галеонов здесь точно пригодятся, а вот ещё шесть нужно продать. Венецианцам, или османам? А кто больше заплатит, тот пусть и покупает. Нам всё равно.

Продавать трофеи отправился вице-император Чалько Юпанки (Эль Чоло) на «Шиве»; компанию ему составили венецианский посол, гражданин Лоренцо Саларино, на «Перуне»; и посол Османской Империи, Увейс-паша, на «Марсе». Встретиться с Эль Чоло договорились уже в Марселе. К тому времени, с испанскими делами должно быть покончено.

Под стены Сарагосы, столицы Арагонского королевства, десяти тысячный корпус армии Империи Инков подошёл двадцать шестого сентября 1526 года. Совсем небольшое войско, даже по нынешним временам, но очень боеспособное. Семь тысяч регулярной армии — Первая Гвардейская бригада Быстрого Реагирования в полном составе (три тысячи бойцов), по одному батальону от Чилийской, Бразильской, Аргентинской и Колумбийской бригад (четыре тысячи), тысяча герцогской хунты и две тысячи тяжёлой кавалерии из местных сеньоров, добровольно поступивших на регулярную армейскую службу. Не самые знатные и совсем небогатые, в основном младшие сыновья, которым «не светит» отцовское наследство, но тем и лучше. Эти будут служить очень старательно, примеры выдающихся карьер у них перед глазами — есть к чему стремиться.

Сарагосу брать в осаду не стали, даже не обстреляли. Разбили лагерь на возвышенности, километрах в трёх от города и отправили парламентёров — папского нунция Иакова Рихтера, того самого монаха доминиканца, угодившего в плен в Панамской кампании, а теперь личного секретаря и исповедника Папы Климента Седьмого, и герцога Паскуаля де Андагойя де Куба.

Карл (Карлос Первый) Габсбург находился не в том положении, чтобы отказываться от переговоров. От личных переговоров с императором, который уже подошёл с войском к твоей столице и запросто может её взять, а тебя самого убить, или низложить. Что Империя Инков — самый грозный из его противников, Карл оценить уже успел. Инкский флот

играючи расправился с арагонским и теперь блокирует порты Валенсии и Барселоны. Просто блокирует, не грабит, хотя возможность такую, несомненно, имеет.

Кастильскую корону ему было, конечно, жаль, но, если говорить честно, с момента принятия регентской власти над Кастилией, она приносила Карлу только убытки и проблемы. Каждый сбор налогов там проводился как военная кампания, и в итоге эти налоги даже не покрывали затрат на их сборы.

Другое дело — Остмарк (Австрийское эрцгерцогство), сейчас захваченное турками-османами; Бургундские Нидерланды, Люксембург, Артуа и Франш-Конте, которые подло захватил вероломный Франциск Валуа — вот это действительно потеря очень болезненная. Без них бороться за Кастилию? Помилуйте, тут бы Арагонскую корону вместе с головой не потерять. Даже если бы император не стоял у стен Сарагосы, французский король точно не успокоится. С Империей Нового Света нужен мир, как можно скорее. Мир и торговля. Тем более, что контрибуции император не требует, только признание Папы Климента Седьмого и изгнание сторонников Антипапы Мартина Шестого.

Мирные переговоры на высшем уровне прошли тридцатого сентября 1526 года, в огромном шатре, установленном ровно посередине между Сарагосой и лагерем имперского корпуса.

Карл Габсбург, совсем ещё молодой, двадцатишестилетний мужчина, выглядел лет на сорок. Не удивительно, учитывая, сколько несчастий на него свалилось в последние годы — такого и врагу не пожелаешь, а Карл на самом деле не враг. С чего бы ему быть врагом человеку из двадцать первого века совсем другой исторической реальности? Не повезло угодить «под раздачу», только и всего.

— Благодарю вас, ваше величество, что согласились на эти переговоры. Надеюсь, нам удастся заключить крепкий мир, а может и подружиться со временем. — начал Савелий.

— Вы очень великодушны, ваше императорское величество. Мне жаль, что всё так получилось, но будущего у меня, похоже, не будет.

— Бросьте унывать, ваше величество, ведь уныние — смертный грех, если я ничего не путаю. Пока вы живы — нужно бороться.

— Бороться я собираюсь до конца, ваше императорское величество, только... Только нечем мне больше бороться. Казна пуста, эрцгерцогство Остмарк захвачено османами, а Бургундские Нидерланды, Люксембург, Артуа и Франш-Конте — французами. Я «промотал» почти всё наследство своих великих предков, у меня осталась только честь.

— И Арагонское королевство. Что не так уж и мало, ваше величество. Я не заинтересован в вашей гибели, а потому готов помочь.

— Помочь в войне с османами, или с французами, ваше императорское величество?

— Не то и не другое, ваше величество, и в то же время — и то, и другое. Я готов помочь вам деньгами. Кредитом на закупку вооружений и не только. Кредитом Империи Инков дружественному королевству Арагон.

Договорились, не могли не договориться. Тем более, что формально отказываться от прав на Кастильскую корону от Карла не требовалось, так что лицо он сохранил. Королевство упразднено и распущено, а правом собрать его снова и восстановить — пусть продолжает владеть. Этого не жалко. Дружественное королевство Арагон, под залог острова Мальта, получило кредит в двадцать тысяч французских ливров серебра — десять наличными и десять на закупку вооружений и боеприпасов в Маракайбо, причём, с существенными скидками, так что к следующему лету, на европейской арене появится ещё

один мощный игрок. Мощный и сконцентрированный на одном противнике, который этого совсем не ожидает, ведь условия мирного договора известны только заключившим его монархам и никому более. Никому здесь и в голову не придёт, что Карла Габсбурга не ограбили до нитки, а наоборот поддержали деньгами. Так не бывает.

Заключение мира праздновали три дня — первого, второго и третьего октября, уже в самой Сарагосе, в королевском замке-дворце Альхаферия. Весело праздновали, с оркестром и пирами.

После праздников поднимали арагонских уопленников в Валенсии и Барселоне. Не за деньги, просто так, по дружбе. За неделю подняли всех — двенадцать галеонов и шестнадцать шхун. Снова нырнул сам Савелий, и Карл составил ему компанию. Хороший парень, толковый, рассудительный, отважный. Будет ли он благодарным? На это Савелий не рассчитывал. Если будет — получится приятный бонус, а так... крови из Европы попьёт — и ладно.

«Europa delenda est» — вот цель. Причём, разрушена она должны быть самими европейцами. А деньги... деньги для того и нужны, чтобы с помощью них достигать поставленных целей.

В Марсель, флот из восьми «винджаммеров»: «Нептуна», «Виракочи», «Ареса», «Тора», «Аматерасу», «Брахмы», «Гора» и «Инти», прибыл двенадцатого ноября 1526 года. На рейде порта Марсея уже ждали «Шива», «Перун» и «Марс», без трофейных галеонов, значит Эль Чоло удалось их продать.

Франциск Первый Валуа приехал познакомиться лично и, после протокольных приветствий, попросил разрешения осмотреть инкские корабли. Пусть смотрит, не жалко. Ничего такого он там не подсмотрит, что смог бы сам повторить во Франции, в обозримом будущем.

Трофейные галеоны шаман действительно продал, причём дороже, чем в Португалии — по две с половиной тысячи французских ливров серебра, только рассчитались с ним золотом, в соотношении один к девяти. Проблемы уже в Европе с серебром, чем, интересно, они его заменяют? Золотые монеты слишком дороги, а медные дешёвы.

Один галеон купили венецианцы, наверняка чтобы испытать и скопировать понравившиеся новинки, а ещё пять — султан Сулейман Первый Осман. Он действительно захватил эрцгерцогство Остмарк и теперь при деньгах — планирует увеличение торгового оборота с Маракайбо, для того и корабли купил. В добрый путь!

— Как тебе султан?

— Султан, как султан. Что можно понять о человеке через переводчика? Как у тебя в Сарагосе прошло?

Савелий пересказал.

— Безвозвратный кредит. — констатировал Эль Чоло и спросил, — Зачем нам Мальта?

— Незачем. Подарим кому-нибудь. Серебро нам тоже без надобности, а Карла поддержать было нужно. Должен же кто-то сдерживать Французский Рейх. Это сейчас у французов вполне приличный фюрер, а после него сплошные педики пойдут. Или тебе серебра жалко?

— Не жалко. Странно просто. Почему ты его русским не отдал?

— Боюсь. Слишком мало пока русских. И так уже нахапали столько, что боюсь — не переварят, растворятся в европейцах. Серебро здесь и сейчас — это оружие, никто его в мирных целях использовать не будет. Русским воевать сейчас противопоказано, даже

успешно, им свои бы земли освоить-заселить. Мы им по-другому поможем, Эль Чоло. Медициной, прежде всего. Медициной и образованием. А воюют пусть европейцы и турки. Воюют до тех пор, пока их всех вместе не станет меньше, чем русских.

— Понятно. Когда домой-то?

— Как сделаем то, ради чего вместе приехали, так и отправимся. Чудо-то мы ведь так пока и не сотворили. Папские нунции уже собирают большой богословский диспут в Кёльне. Всех курфюрстов уже «подмазали», так что, если Лютер не сбежит куда-нибудь в Данию-Швецию, к диспуту его обязательно принудят. А чего ты торопишься-то? У нас и здесь теперь свой дом есть.

— Дома интереснее. В Эль-Мутуне уже вторую домну должны запустить. Да и вообще... Скучно здесь, чужое всё...

— Потерпи шаман. Уже скоро мы все свои дела здесь закончим. Самому интересно, как там наш тихоокеанский адмирал в Азию сходил, но здесь-сейчас у нас задачи поважнее простой торговли.

— Терплю, Русо. Ради того и терплю, чтобы больше сюда никогда не возвращаться.

Интерлюдия. 25 ноября 1526 года.

Герцог Андалусии, граф Севильи, граф де Овехуна и Вакерос, Мануэль де Фуэнте, по своей природе был человеком вспыльчивым, а поэтому, когда имперский балый, простолюдин из горожан Севильи указал ему на несоответствие имперским законам его нового налога; дон Мануэль просто приказал этого дурака повесить. Просто и без затей. Без дурацких затей, вроде каких-то имперских судов. Имперские законы? Присяга и клятва на верность? Умные люди говорят, что любые законы можно поменять, если того требуют обстоятельства, а они того требуют. Деньги нужны! Империя свою долю получит, никто её обманывать не собирается. А император — совсем ещё мальчишка, поназначал тут всяких наглых простолюдинов, уехал и забыл про нас. Конечно забыл, ведь у него там таких Андалусий под тысячу, если по глобусу посчитать.

«Плевать ему на нас, а нам тут жить. К тому-же он пришлый язычник, а меня избрали своим сеньором Кортесы Севильи и Андалусии...»

И так далее, и тому подобное. Было кому герцогу Мануэлю внушать мысли, ведущие его в правильном направлении — напрямик в могилу. Его и ещё полторы с небольшим сотни его баронов. Таких-же необразованных, наглых и неблагодарных уродов, которым всегда всего мало. Именно уродов, моральных уродов, получающих удовольствие от издевательств над простолюдинами. Жадных уродов, которым законной доли показалось мало. Именно таких «братьев по разуму» и приблизил к себе новый герцог Андалусии и граф Севильи.

И не только он. Такие же отмороженные «Дворы» сейчас собирались по всему бывшему королевству Кастилия, во всех новообразованных герцогствах и графствах. Законы новыми «хозяевами жизни» нарушались везде и всюду. Нарушались нагло, с позиции силы, как им казалось. Им казалось, что с ними вынуждены будут договариваться, а законы специально для них обязательно перепишут. Это Европа, детка, ага.

Тут у нас не то, что у вас там, тут у нас все достойные люди, своим происхождением, простолюдинам не равны, все наши ведут свои родословные от рыцарей Карла Великого, а некоторые так и от самого Карла, пусть и через женские линии. Там, у себя, в Новом Свете, творите, что хотите, а здесь, у нас, нашу благородную специфику учитывайте. Мы тут есть такие все из себя особенные. В общем — долю свою получаете и радуйтесь, что хоть что-то получаете. А то и того не будет...

— Экселенц, у восточных ворот герцог Паскуаль де Куба с отрядом.

— Большой отряд?

— Человек двести пятьдесят, экселенц. С виду, обычный герцогский конвой, со свитой. В смысле, обычный для герцогов из Нового Света, экселенц...

Да, все герцоги из Нового Света богаты до неприличия, и свиты они действительно содержат королевские. Вот, например, у этого герцога де Куба, владение размером с Англию. Владение, в котором прямо на деревьях выращивают шоколад миллионами фунтов, а шоколад тот потом продают по трети веса серебра. Повезло же шакалу худородному жениться на сестре императора.

— Впускайте.

Было бы у герцога с собой хотя-бы тысяча, дон Мануэль приказал бы оставить конвой за стенами, но а двух с небольшим сотен-то чего бояться? Гарнизон в Севилье трёхтысячный.

Как бы ни были ловки ветераны герцога де Куба, против десятикратного преимущества ему не сделать ничего.

«Договариваться приехал» — успел подумать дон Мануэль, и тут по городу загремели взрывы. «Не пушечные выстрелы. Будто порох взрывается в совсем небольших бочонках» — безошибочно определил опытный вояка, а потом в его кабинет влетела свето-шумовая граната.

— И этот обосрался, — услышал дон Мануэль сквозь гул в ушах, как будто ветром в бурю донесло. Герцог де Андалусия потерял зрение и почти потерял слух, но не тактильные ощущения. Он и правда обосрался, и обоссался, и чувство это, напрочь ломало ему всю волю к сопротивлению. Сейчас бы вскочить, выхватить меч, и махать им во все стороны, несмотря на слепоту, но полные и мокрые кюлоты парализовали волю бесстрашного дворянина.

— Вымойте его и переоденьте, — услышал дон Мануэль низкий бас герцога де Куба, — через два часа, как раз он в себя придёт.

Зрение и слух действительно вернулись часа через два. Вернулись в одной из камер городской тюрьмы. Городской, не дворцовой! Тюрьмы, в которой держат всякую сволочь!

— Что происходит, Себастьян? — узнал арестованный герцог командира роты своей личной охраны.

— Нас всех арестовал герцог де Куба, экселенц. Только не спрашивайте меня как это произошло — я ничего не помню. Вспышка, грохот и я уже в этой камере.

Суд над имперскими преступниками происходил на главной-центральной площади Севильи, имперский судья, герцог Паскаль де Андагойя де Куба, шурина императора Инков, был немногословен.

— Всемиловейший наш император помиловал этих, недостойных милости, нечестивых созданий. Казни сегодня не будет, подданные Империи. Всех этих преступников передадут на службу к арагонскому королю, Карлосу Габсбургу, в штрафные батальоны. Где они, или с пользой сдохнут, или искупят свою вину кровью и увечьем. Никаких Кортесов, с выборами, вам, дуракам, больше не будет, не умеете вы выбирать. Я, Паскуаль де Андагойя, герцог де Куба, отныне и на веки, то есть, до следующей воли императора, объявляю себя герцогом Андалусии и графом Севильи. Расходитесь, подданные и запомните навсегда — Империя ласкова, как родная мать, к своим лояльным подданным, и очень сурова, ко всяким мерзавцам-преступникам.

Люди на площади пришли в замешательство, от такого наглого наезда какого-то баска, пусть и герцога, и расходиться не торопились. Герцог де Куба понимающе усмехнулся.

— Не слышу вашей бурной радости, горожане. Вы не любите меня, своего герцога и графа? Тогда наш император подберёт вам сюзерена ещё лучше. Язычника из Нового Света. Ну? Не хотите ещё лучше? Тогда орите, дураки. Орите — «Паскуаль»-«Паскуаль»-«Паскуаль», наш Великий император это обязательно услышит и оценит.

У Франциска Первого, в Фонтенбло, гостили больше месяца, ждали начала богословского всехристианского диспута в Кёльне. Именно всехристианского, с участием ортодоксов из Русского царства. Если уж показывать Чудо, то сразу всем, повторов на бис не будет, Эль Чоло больше в Европу не заманишь.

Время проводили весело и не без пользы. Балы, под инкский оркестр, с последующим блудом, чередовались с псовыми и соколиными охотами, в них принимал участие Савелий, в то время как шаман-вице-император делал политику — выменивал у, съехавшихся во

Францию, Курфюрстов Священной Римской Империи скульптурные и живописные шедевры, на оружие и боеприпасы.

Очень много всякого интересного выменял. Много такого, о чём интернет двадцать первого века не знает — под сотню только античных греческих и римских скульптур. Видимо, эта часть культурного наследия человечества была утрачена в череде бесконечных европейских войн. Теперь её, скорее всего, удастся сохранить. Не факт — случаются пожары и прочие бедствия, но шанс есть. В Европе же, в этой исторической реальности, уже точно будет ещё веселее.

Медики лечили всех страждущих. Не бесплатно, конечно, бесплатно только детей Франциска Первого, а остальных за деньги, весьма солидные деньги — курс пенициллина, сильные мира сего, покупали за полкилограмма золота. Детям французского короля, особенно десятилетней дочери Шарлотте и восьмилетнему дофину Франциску, помощь инкских медиков реально спасла жизни — оба ребёнка уже страдали от чахотки (туберкулёза). Не удивительно. Холодно и сыро в этих средневековых замках-дворцах, как в подвалах, каминные не согревают и не просушивают помещения, так, для красоты горят, только дрова зря переводят.

В феврале 1527, Савелий и Эль Чоло, в компании Папы Климента Седьмого, королей Франции и Наварры — Франциска Первого Валуа и Генриха Второго д'Альбре перебравшись в Льеж. Теперь уже французский город Льеж, утративший статус независимого княжества-епископства, в летней кампании 1526 года, после того как князь-кардинал Эрар де Ламарк вступил в войну на стороне Бургундских Нидерландов.

Странно всё перемешалось в этой исторической реальности. Кардинал Эрар де Ламарк поддержал одновременно императора Карла Пятого Габсбурга и реформатора-антипапу Мартина Шестого Лютера, злейших врагов, между прочим, и глупо погиб в чужой войне за чужие интересы. Льеж стал герцогством французской короны, а герцогом — средний сын Франциска Первого, семилетний Генрих Валуа.

Реформация превратилась непонятно во что. Папа Климент Седьмой провёл все предлагаемые Лютером реформы, а вот сам Лютер, Антипапа Мартин Шестой, на «своей территории» так пока ничего и не предпринял. Антипапская паства всё так же платит десятину и не слишком этим довольна, мягко говоря. Зато этим очень довольны имперские Курфюрсты, большинство из которых, «по совместительству», являются епископами и архиепископами в своих княжествах.

Ганзейские города признали Климента Седьмого, и на территории Священной Римской Империи воцарился самый натуральный религиозный бардак. Религиозный и, следующий из него, экономический — ремесленники ганзейских городов получили конкурентное преимущество и теперь разоряли ценами своих имперских коллег. При том, что добровольно жертвовали на церковь они ненамного меньше, чем раньше приходилось выбивать.

В Льеже прожили две недели. Снова лечили, снова проводили политику по милитаризации Европы. Наконец, шестого марта 1527 года, из Кёльна пришло сообщение, что конкурирующие мракобесы, торговцы опиумом для народа, на религиозный диспут собрались и даже уже провели первый тур — пока неофициальный, между «низкорейтинговыми бойцами», зато весёлый, с массовым мордобоем.

Князь-архиепископ Кёльнский, Герман Пятый фон Вид, горячий сторонник Мартина Шестого, в город впустил только две сотни, сопровождающих императора Инков, Папу и королей Франции и Наварры, солдат. Франциска Первого это унижение статуса изрядно

взбесило, но смириться его, общими усилиями, уговорили — не воевать ведь пришли, в самом деле. По полроты бойцов-ветеранов для личной охраны хватит — и ладно.

Два дня слушали — составляли и согласовывали с Папой списки. На третий день явили Чудо. Как раз во время «боя супертяжей», самих Папы с Антипапой, Климента Седьмого и Мартина Шестого. Климент Седьмой призвал Господа сотворить справедливый суд прямо здесь и сейчас, и Господь на его призыв откликнулся.

Савелий увёл сознание в двадцать первый век, где запустил с сохранённого места шестую «Цивилизацию», а Эль Чоло начал наносить «солнечные удары» своей медной кувалдочкой — тюк, и нет еретика-антипапы Лютера, ещё тюк, и нет еретика-князя-архиепископа Кёльнского, Германа фон Вида, тюк-тюк-тюк. Быстро как-то шаман «отработал», в хорошей он ещё форме, или домой сильно торопится — Савелий не успел даже достроить в «Цивилизации» Мон Сен Мишель, как уже всё закончилось. Закончились непримиримые еретики, а вместе с ними и публичный диспут. Католики с православными согласовывают своё объединение в закрытом режиме, не устраивая шоу на потеху толпе.

Свидетелей Чуда в живых осталось больше трёх тысяч, так что за авторитет Папы Климента Седьмого можно больше не беспокоиться. Зачем вообще было беспокоиться? Наш ведь сукин сын, не чужой. Он уже готов признать Сына Солнца христианским мессией, признать Второе Пришествие, но Савелий его пока сдерживает — ещё не время. Потом, как-нибудь потом, когда османы вытопчут всю Священную Римскую Империю до самого Рейна, и настанет пора гнать их обратно в Азию. К тому времени, как раз должны объединиться католики с православными, а то опять получится — эти признают, а те нет. Опять возникнет повод для раскола.

Богатейшее Кёльнское курфюршество-архиепископство досталось отличному парню Генриху д'Альбре, королю Наварры, графу де Фуа, де Бигорр, Басконии, Перигора и Арманьяка, виконту Беарна, Лиможа и Марсана, сеньору д'Альбре. Пусть будет ещё и Кёльнским курфюрстом-архиепископом, имперским князем, с правом голоса на выборах императора. Почему именно ему? Право распоряжаться имуществом поверженного сторонника Антихриста — Германа фон Вида, досталось Папе, на правах победителя Антихриста и его адского воинства, а Климент Седьмой, естественно, спросил Савелия. Он то точно знал — кто здесь на самом деле победитель. Савелию Генрих понравился. Этот красавчик попьёт из Европы крови — куда там тому Атилле.

Домой отплыли из Марселя, двадцать первого марта 1527 года, в шестую годовщину Пришествия в этот мир. Традиционно, в этот день подвели итоги, на этот раз европейского вояжа. Даже Эль Чоло признал, что европейские гастроли прошли с большой пользой.

Империя приросла семью герцогствами: Кастилией, Леоном, Астурией, Андалусией, Галисией, Мурсией и Гранадой и четырьмя графствами: Толедо, Кордовой, Балеарес и Канариас. Трюмы полны сокровищ, в том числе и тех, что в другой исторической реальности были утрачены. Пиратов разгромили, заложников освободили, да каких. В числе пленников у пиратов находился пока никому неизвестный Игнатий де Лойола, создавший там самый влиятельный и могущественный из христианских монашеских орденов — орден Иезуитов. Смог там, сможет и здесь. А подучим — так и ещё лучше у него получится.

Английское королевство, а значит будущая Русская Империя, завоевало и упразднило королевство Шотландию, включив его в свой состав герцогствами и графствами.

Друзья получили владение, титулы и влияние, враги повержены.

Что ещё? Есть такое. На европейской арене появились три сильных и кровожадных

хищника.

Вернулся в большую игру Карл Габсбург, которого все уже списали со счетов, а зря. Человек он очень талантливый, а теперь ещё и умудрённый, закалившийся неудачами, и нацеленный на реванш. Карл теперь совсем другой человек, и Франциска Валуа, в связи с этим, ждёт очень неприятный сюрприз.

Генрих Второй д'Альбре обязательно захочет поиграть в свою игру. Отличному парню Генриху обещаны скидки на вооружения и боеприпасы, если он будет воевать со Швабией, и он обязательно будет.

Третий хищник — королевство Англия. Сэру Томасу Мору, герцогу Саффолк, графу Нортумберленд и лорду-канцлеру королевства очень толсто намекнули на нежелательность существования всяких там Даний, Швеций и Норвегий. У сэра Томаса тоже скидки, регулярная армия ветеранов и успешный опыт расчленения Шотландии, так что и он без дела сидеть точно не будет.

Папа Климент Седьмой тоже возвращается в Маракайбо, хотя Франциск Первый и пообещал вернуть ему Рим. Не нужен теперь Папе Рим — старая столица старой Империи Старого Света. Всё там старое, а потому обречено на постепенное угасание. В Новом Свете начинается новая жизнь, сильная жизнь, которая переживёт Европу и будет править миром. Именно в Новом Свете случилось Второе пришествие, обесценившее Рим. Да и Иерусалим тоже. В Новом Свете рождается новая религия, в которой христианство станет Ветхим заветом, одним из Ветхих заветов, пропускать этого Папа не собирался.

Возвращается герцогская хунта в полном составе: Паскуаль де Андагойа герцог де Куба, герцог де Андалусия, граф Севильи; Хуан Понсе де Леон герцог де Пуэрто-Рико, герцог де Галисия, граф Сантьяго-де-Компостелы; Франсиско де Гарай герцог де Ямайка, герцог де Гранада, граф Альмерии; Хуан де Грихальва герцог де Эспаньола, герцог де Мурсия, граф Картахены — четверо самых богатых и влиятельных теперь феодалов Европы, им Савелий оставаться запретил. Не из-за опасений измены, такое практически исключается, но слишком уж деятельные и неугомонные эти герцоги, без присмотра точно какую-нибудь войну затеют. Наверняка ведь уже облизываются на соседские владения — Северную Африку, Португалию, Наварру и Арагон. Не нужно нам пока ничего из этого и ещё лет десять, как минимум, не будет нужно. А то и все двадцать. Сначала бывшее Кастильское королевство надо научить жить по имперским законам, чтобы оно другой жизни себе не представляло, а уже потом делать следующий шаг.

Учить есть кому. В Европе остались семеро бывших «лучших майоров» Панамской кампании, первых командиров бригад нового типа, бригад новой армии: Нууно Вимка, теперь герцог Кастилии и граф Вальядолида — первый командир Первой Гвардейской бригады Быстрого Реагирования и первый губернатор Лимы; Уанти Пачо, герцог Леона и граф Саламанки — первый губернатор Аргентины; первый губернатор Медельина Апу Павка теперь герцог Астурии и граф Овьедо; граф Толедо, Маро Рупак, губернаторствовал в Бразилии; граф Кордовы, Вака Томал, в Чили; а Литка Чамко, теперь граф Балеарес — в Маракайбо. Все они очень опытные администраторы, которые сумели ввести в цивилизацию дикие племена Нового Света, справятся и с дикарями в свете Старом. Тем более, что в помощь им оставлены три тысячи бойцов дембельского возраста, ставших европейскими баронами, вместо мятежных кастильских отморозков, которых лишили владений и титулов и приговорили в службе в штрафных батальонах Карла Габсбурга. Такой вот презент сделал Савелий своему новому другу. Мелочь, а приятно. Целая терция, которая будет воевать за еду

и надежду на помилование.

В герцогских европейских владениях разместили гарнизоны-батальоны Первой Гвардейской бригады Быстрого Реагирования, пополненные бойцами-ветеранами Европейской кампании, пока не достигшими дембельского возраста, и поступившими на службу добровольцами из местных младших сыновей небогатых дворян. Случись что — мятежи они подавят быстро и красиво. Но вряд ли кому-то придёт в голову затевать мятеж, в обозримом будущем, всех буйных «забрили», а в новом поколении таких будет уже гораздо меньше, даже на один полный батальон вряд ли наберётся.

Бывшему королевству Кастилия придётся привыкнуть к множеству новшеств. Во-первых, к религиозной и национальной терпимости. В Империи Инков не просто все религии разрешены, они ещё и законом защищены. Разжигание религиозной розни — тяжкое преступление, караемое самой позорной казнью — проведению остатка своих дней в яме со свиньями. Во-вторых, все претензии теперь решаются только через суд, по имперским законам — даже конфликты со своими собственными слугами.

Из старых послов возвращаются двое: португальский граф Васко да Гама де Видигейра и ганзейский Клаус Мюллер. Граф Васко да Гама уже пожилой человек, он очень ценит возможность продлить свои дни с помощью чудесной инкской медицины, которой в Куско пользуется совершенно бесплатно. А ещё он пишет книгу, которую издадут в Империи огромным тиражом. Ганзеец, Клаус Мюллер, бюргер города Гамбурга, кроме посольства, возглавляет ганзейскую торговую факторию в Маракайбо и делает там неплохие деньги, плюс имеет собственную транспортную компанию из трёх десятков судов — отличный бизнес. Он бы вернулся даже в том случае, если бы не получил продление полномочий посла.

Сэр Томас Мор стал лорд-канцлером Английского королевства, а князь Фёдор Иванович Бельский — канцлером Русского царства; Увейс-паша отозван Сулейманом Первым, и назначен «военным комендантом» эрцгерцогства Остмарк; французский посол, герцог де Генуя, маркиз де Ритон вышел на покой — слишком он теперь богат, чтобы мотаться туда-сюда через океан; венецианца, гражданина Лоренцо Саларино, тоже перевели с повышением — губернатором-прокуратором пограничной с османами Далмации.

Новых послов Османская Империя, Французское королевство и Венецианская республика в Новый Свет не послали, а русские с англичанами одного на двоих — князя Семёна Фёдоровича Бельского, младшего брата Ивана Фёдоровича Бельского, первого канцлера Русского царства и бывшего посла в Империи. Князю Семёну поставлена задача обживать надолго, он будет «дядькой» цесаревича и принца Уэльского, Ивана Васильевича Рюриковича-Тюдор, когда тому придёт срок учиться в Новом Свете. Своего посла отправило Арагонское королевство — кардинала-епископа Николаса фон Шёнберга, в знак примирения и всё такое. Фон Шёнберг в Новом Свете человек давно свой, он привозил выкуп за испанских пленников Панамской кампании и живёт Империи уже три года, знает всё и всех. Он уполномочен дважды послом — и в Империи и при Святом Престоле.

Остальные решили ограничиться контактами в Европе. Оно и понятно. Куско далеко и добираться до него долго, новый посольский пул сейчас формируется в Гранаде, вокруг дворцового комплекса Альгамбра, где Савелий оставил чрезвычайного и полномочного посла Империи. А у посла-министра Иностранных Дел, графа Саго Миачо, выпускника-отличника школы в Лиме, в распоряжении остались два «винджаммера»: «Аматерасу» и «Инти». Если где-то и в чём-то он сам некомпетентен, или не полномочен — запросит

консультацию «Центра» гораздо быстрее, чем придёт ответ от собственных послов из Куско. Удобно. Всем очень удобно.

Да и торговля с Империей, для европейцев теперь упрощается значительно. Свои товары (в том числе вооружение и боеприпасы) Империя будет сама привозить в Кадис, Виго, Картахену, Альмерию, Портсмут и Царьград (бывший Кёнигсберг), так что у кого есть наличное золото и серебро, как говорится — добро пожаловать и милости просим. В Новый Свет теперь покупателям плавать незачем, только продавцам. Империя до сих пор что-то покупает? Конечно. Многое покупает, если цены устраивают — сталь в слябах, медь, олово, свинец, шерсть, хлопок, воск, зерно, оливковое масло, да и на имперские товары цены в Маракайбо ниже, а их выбор больше, так что торговля с Европой не заглохнет ещё долго.

Девятого мая 1527 года, Имперский флот Атлантического океана прибыл в Маракайбо. Год и три месяца потратили на европейский вояж, но оно того, несомненно, стоило. Да и не потеряли это время в Империи, губернаторам были поставлены задачи на два года вперёд и, судя по строительству главного христианского храма всего мира и дворца для Папской Курии, поставленные, довольно сложные, задачи даже перевыполняются.

— Похоже, скоро у вас новоселье, ваше святейшество.

— Невероятно, ваше величество. Скорость строительства просто изумляет.

— Меня тоже, если честно. Даже не представлял, что можно так быстро строить без механизации, на голом энтузиазме.

— Как-же без механизации? А все эти лебёдки?

— Это слёзы, а не механизация, ваше святейшество. Надолго не прощаюсь. Не забывайте про моего протеже. Очень талантливый человек этот Игнатий до Лойола, у него большой потенциал. И за Бенвенуто Челлини присматривайте, нор у него слишком горячий, жалко будет потерять гения по глупости. Его глупости. Уберегите его.

— Я всё помню, ваше величество. Очень жаль, что вы так и не выбрали себе невесту. Жить во блуде — грех.

— Жить — грех. Но я в нём не живу, а привожу в порядок гормональный баланс, здоровья ради. До свидания, ваше святейшество.

Событий в Империи, за год с лишним, произошло довольно много. В августе 1526 года, вернулся из второго Азиатского похода адмирал Родриго Пике, граф де Пуно, а уже в ноябре он отправился в третий поход, по уже привычному маршруту — Марианские острова, Япония, Корея, Китай, Малайзия, Индия, Индонезия, Папуа-Новая Гвинея, Австралия Тасмания, Новая Зеландия, Гавайи. На этот раз он оставил «Посейдона» и взял с собой только большегрузные «винджаммеры». Целых десять: «Юнону», «Авося», «Кришну», «Одина», «Сварога», «Осириса», «Юпитера», «Зевса», «Хорса» и «Ра», общим водоизмещением более восемьдесят тысяч тонн. Как один средний океанский сухогруз там, но там — это там. Здесь и этого очень много.

Адмирал оставил подробный отчёт о втором походе и планы третьего. Отчёт очень порадовал. На Гуаме, Новой Гвинее, Тасмании и Гонолулу он основал по городу-форту, в Новой Зеландии два, а в Австралии целых три. Пока небольшие городки-форты, цивилизационные миссии, но все начинают с этого. Империя надёжно застолбила свои заокеанские владения, со временем их освоит.

Кроме имперских городов, граф-адмирал основал торговые фактории-форты в Японии (на Цусиме), Корее, Малайзии (в Сингапуре) и на острове Лусон (которому теперь точно не суждено стать Филиппинским), два в Китае (на востоке, в дельте Янцзы, где ещё не вырос

Шанхай, и на юге, на острове Гонконг), по три в Индии (на западном побережье, острове, который португальцы называли Бом-Байи, на Шри-Ланке и в дельте Ганга, примерно на месте будущей Калькутты) и в Индонезии (на Калимантане, Яве и Суматре). Форты пока слабенькие и, при желании, местные их затопчут, но с чего бы такое желание у них возникло? Земельные участки под фактории, граф де Пуно выкупил, для строительства нанимал аборигенов, на чём местные власти неплохо заработали, да и торговля им самим очень выгодна.

Бывает, конечно, что жадность побеждает здравый смысл, но это уже такое — спрогнозировать невозможно. Будем карать, если что-то подобное произойдёт.

Финансовый аспект Азиатских походов — выше всяких похвал. То, что в Европе ценится на вес серебра, там оценивают в золоте. Оружие и боеприпасы, приборы и предметы роскоши, шоколад и резиновые изделия (прежде всего подошвы для обуви), в Азии продаются почти в десять раз дороже. В Маракайбо теперь самый богатый и привлекательный рынок шёлка, специй, пряностей и благовоний, их там закупают даже португальцы и турки-османы — дешевле получается. А ведь это всего одна поставка. Что будет, когда они станут регулярными? Колонизация потеряет смысл? Просто невыгодно станет. Похоже на то.

В Эль-Мутуне запустили вторую домну с конвертером, строят третью. Скоро, очень скоро, лет через пять, стали хватит на строительство железных дорог. Проложить парочку — от Эль-Мутуна к месторождению каменного угля в Эль-Серрехоне и от Маракайбо, через Эль-Серрехон и Медельин к Буэнавентуре на Тихоокеанских берегах и тогда пойдёт. Пока всё сдерживают транспортные ограничения.

Полегче стало, по сравнению с самым началом, когда всё приходилось перетаскивать на своём горбу и своих ногах, теперь и лошади-тяжеловозы есть, и волы, но всё равно — это совсем не то. Слишком затратно и слишком трудоёмко. Ладно, жаловаться грех — у остальных и этого не имеется. И даже не мечтают они пока о таком, просто не представляют — о чём именно нужно мечтать.

Лима очень порадовала. Во-первых, паровыми двигателями на мазуте и твёрдом топливе. Машинки уже заменили водяные колёса, озеро-водохранилище слили, а производства перенесли на северную и южную окраины. Больше нет нужды держать закрытым целый город, достаточно только двух промзон, двух научно-производственных объединений. А ведь Лима сейчас становится торговым центром поважнее Маракайбо, так что это очень вовремя. Во-вторых, производство цемента достигло уровня ста тысяч тонн в год. Примерно одну десятую, от производства Уругвая в 2005-м году другой исторической реальности, но у нас ведь пока 1527 год, так что сравнивать нужно с учётом этого. Строительство железобетонных монолитов можно начинать. Многоэтажное строительство, пусть и не небоскрёбов, для начала. Опыт нужно копить постепенно, дойдёт очередь и до небоскрёбов. В-третьих, электричество. Пока одна экспериментальная (лабораторная) установка электрического тигеля выплавляет вольфрам, молибден и титан, а другая (электролизная) алюминий. Пока крохи и немного, в разы, дороже золота, но процесс осваивается, очень быстро осваивается, уже недалеко и до производства в промышленных масштабах. Через пару пятилеток — точно будет.

На внешний рынок, из новинок, Лима уже готова предложить карманные и наручные часы, самые разные музыкальные инструменты, граммофоны и патефоны, с пластинками — из предметов роскоши; красители, краски, лаки, морилки — из бытовой химии; пистолеты и

револьверы — из оружия. Совсем скоро начнётся производство дешёвых шерстяных и хлопчатобумажных окрашенных тканей, все необходимые машины созданы и опробованы, не хватает только сырья.

На внутренний рынок, кроме цемента — паровые машины; прокатные станы с паровым приводом; станки, аппараты электрической сварки и гальванические установки. Всё это очень нужно и не вызовет массового разорения ремесленников, как это происходило в Европе в той исторической реальности, просто потому что не имеется пока в Империи большого количества ремесленников, любая пара рук на учёте и всех «рукастых» сразу приставляют к большому делу в городах, где их постоянно не хватает. Так работает плановая экономика, хоть пока и примитивная.

Собрали первые урожаи кофе и винограда. Кофе вполне на уровне, а вино пока дрянь, но это нормально, лоза не сразу даёт качественный урожай. Пока всю дрянь перегоняют на спирт и уже залили первые бочки будущим коньяком. Бочки пока европейские, почему-то дубы в южном полушарии сами по себе не распространились. Их уже посадили, но растут они не так быстро, как эвкалипты. Ладно, должна же хоть чем-то Европа торговать, пока мы Северную Инку не освоили, не заселили.

Кстати, из привезённого графом-адмиралом ещё из первого Азиатского похода, прижились не только эвкалипты. В аргентинской кампе, успешно размножаются кенгуру и австралийские страусы Эму. Есть здесь и местные страусы, Нанду, но они мелковаты. Надо будет ещё из Африки привезти, там вообще гиганты живут, по двести килограммов, причём, живут они как раз в Южной Африке, никому пока не интересной, почти незаселённой людьми степи-буше. А ведь в Южной Африке отличный уголь почти на самом берегу. Его в трюмы пароходов прямо из шахт транспортёрными лентами там подавали. Длинными лентами, по сотне километров, но всё равно это рядом. Практически — рукой подать.

Да и вообще, Южная Африка — это настоящая шкатулка с сокровищами. Пригодится обязательно, нужно столбить. Новое поколение герцогов и графов на подходе, получают административный опыт губернаторами, а людей найдём. Из Европы люди уже сейчас едут полными трюмами, а ведь там пока относительно спокойно. Что же начнётся, когда османы усилят давление? На плотях поплывут, миллионами. Не все они в Южной Инке приживутся, найдут себе занятие, вот и будем приучать к имперскому порядку, и потихоньку заселять заокеанские владения. Как обычно — от берегов. Постепенно и буш заселим, до золота с алмазами доберёмся.

Интерлюдия. 11 июня 1527 года.

Город Гранада, не вошёл в состав одноимённого герцогства. Столицей герцогства Гранада стал портовый город Альмерия, а дон Франсиско де Гарай, герцог де Ямайка, герцогом Гранады и графом Альмерии соответственно.

Бывшая столица одноимённого эмирата, а после одноимённого королевства, Гранада, теперь город прямого имперского подчинения, европейская столица Империи Инков и, без какого-либо преувеличения можно сказать, что столица и всей Европы, пусть и неофициальная.

Дворцы, для своих дипломатических представительств, здесь строят все, без исключения, хоть сколько-то значимые владетели Европы.

Строят по утверждённому лично императором Интико Роки плану, вокруг великолепного дворцового комплекса Альгамбра. Участки земли у местных жителей выкупила Империя, а всем желающим передала их в аренду на девяносто девять лет, за

вполне умеренную плату. Очень умеренную, для Османской Империи она вообще может считаться символической, но и для небогатых королей Швеции, Дании и Норвегии, или курфюрстов, герцогов и маркграфов Священной Римской Империи, эта арендная плата вполне посильная, поэтому строительство своих дворцов-посольств в Гранаде затеяли все. А куда деваться? Оставаться на обочине политической жизни?

И не только ради политики строят, хотя в Гранаде и создаётся первый аналог ООН, или Лиги Наций в этой исторической реальности, очень привлекает всех медицина. Император Интико Роки повелел на одном из участков построить клинику-госпиталь, в котором будут лечить владетелей, их родственников и приближённых, волшебной инкской философской солью, почти всемогущие инкские медикусы. И если европейскую политику какая-нибудь Швеция, в силу своей географии, ещё может игнорировать, то вот медицину уже никак. Свои же родственники и близкие такого правителя изведут.

В общем, строится клуб сильных мира сего, каждый строит своё гнездо. Не все, конечно, успеют достроить, многих война сожрёт раньше, но ничего — достроим сами. Планы все имеются, их сдавали и продолжают сдавать на согласование-утверждение-пересогласование-переутверждение, так что достроим. Пусть останется потомкам этот роскошный первый ООН. Роскошный, ещё какой роскошный, никто в этом аспекте уступать не хочет, никто не хочет выглядеть самым бедным родственником, каждому хоть кого-то да нужно превзойти.

Если Французское королевство соревнуется с Османской Империей за «чемпионский титул», то Шведское королевство с герцогством Шлезвиг-Голштейн за предпоследнее, тоже почётное, место. Понятно, что всё это условности, но борьба за красоту у архитекторов-строителей разгорелась нешуточная, даже в середине «турнирной таблицы», между, например, Венецианской Республикой и Ганзейским союзом Вольных городов. Планы строительства постоянно изменяются в сторону удорожания, а на жителей города Гранада льётся золотой дождь.

Стоимость «рабочих рук» выросла уже вдвое, и так же вдвое выросли цены на все услуги — от аренды угла для ночлега, до ужина в трактире. Гранада славит Великую Империю и боготворит её императора. Славит в христианских церквях, мусульманских мечетях и иудейских синагогах. А ещё скоро в городе появится храм Создателя, храм Солнца-Инти — воплощения Создателя в нашем мире. Храм, где можно будет почтить своих предков-родоначальников пожертвованием, а можно никого не почитать и ничего не жертвовать — предки твои и забота о них твоя, никому до вас, жлобов, дела нет. Приходить просто так, обсудить новости, тоже никто не запрещает. В Храме Инти не проводятся религиозных служб, это тоже своего рода клуб. Клуб, в котором изучают «утраченный язык богов», с библиотекой «наследия богов» и читальным залом. Дворец Культуры, тот самый, советский, да-да.

Дворцы ещё только начали строиться, как посольские резиденции, так и культурный с медицинским, но политическая жизнь в Гранаде кипит-бурлит уже во всю.

Лето 1527 года началось с вторжения двадцатитысячной армии турок-османов, под командованием султана Сулеймана Первого, уже прозванного Великолепным, в Баварию; а французов, тоже под личным командованием монарха — Франциска Первого Валуа, в Арагонское королевство. И если османы уже взяли Пассау и осадили Регенсбург с Мюнхеном, то французы получили очень чувствительный пинок в зубы под Жироной, потеряв ещё на марше до пятнадцати тысяч, и отступив не солоно хлебавши.

Не удивительно. Армией Арагонского королевства формально командовал сам Карл (Карлос) Первый Габсбург, а фактически — герцог Кастилии и граф Вальядолида, Нууно Вимка, первый командир Первой Гвардейской бригады Быстрого Реагирования. Командир, который воевал по уставам двадцатого века другой исторической реальности. Воевал зряче, с отличной разведкой, с применением большого количества взрывчатки на дорогах и мостах, с засадами, в том числе и артиллерийскими, ложными очагами сопротивления и диверсиями в тылу противника.

Так здесь ещё не воюют, поэтому у Франциска Первого шансов не имелось. Самого не угробили — пусть скажет спасибо императору, который это запретил. Могли, запросто могли. И убить могли, и даже в плен взять, если сильно постараться. Было кому. Герцог Кастилии и граф Вальядолида привёл с собой три роты своих ветеранов-добровольцев-наёмников, самый настоящий спецназ, по нынешним временам.

Французы откатились в Прованс, герцог Нууно Вимка со своими головорезами вернулся в Кастилию, а Карл (Карлос) Первый поспешил в Гранаду, перековывать военную победу, первую за долгое время, в политическую — сватать свою сестру Екатерину Австрийскую за португальского короля Жоана Третьего Ависского. Ну, а где ещё проводить такие встречи-ритуалы, если не в великолепной Альгамбре, на безопасной и нейтральной для всех территории? Да и не только из-за нейтральности и безопасности.

Накануне, король Арагона провёл переговоры с министром Иностранных Дел Империи графом Саго Миачо, где выяснил — можно ли прямо сейчас продать уже заложенную Мальту, и сколько за это можно получить.

Оказалось можно, все полномочия для проведения этой сделки у графа имелись, император такой вариант развития событий предвидел и заранее оставил указания на этот счёт. Он предвидел даже брачный союз Жоана с Екатериной и, последующий за этим, политический и военный союз Арагона и Португалии. Всё предвидел, всё просчитал, не наживаться не стал — предложение за Мальту превзошли самые смелые ожидания Карла Габсбурга — ещё пятнадцать тысяч французских ливров (семь с половиной инкских тонн) серебра.

Щедро, очень щедро. Этого хватит и на достойное приданное для сестры, и на закупку дополнительных вооружений с боеприпасами, и на наёмников. Как жаль, что нельзя нанять блистательного герцога Кастилии и его непревзойдённых душегубов, они воюют только с личного одобрения императора, а такое одобрение уже использовано под Жироной. Запросить ещё одно? Без проблем, но ответ придёт ближе к осени, так что только на следующий год, в положительном случае. Ладно, не беда. Герцог Кастилии и граф Вальядолида согласился поучить воинским уму-разуму брата Карла, Фердинанда Габсбурга, всё равно болтающегося без владения и дела.

Фердинанд не глуп и очень амбициозен, в Жиронской кампании находился при штабе герцога Кастилии, всё увидел, всё понял, а значит учиться будет старательно. Ему тоже не хочется доживать свою жизнь заштатным феодалом, с владением из занюханного провинциального городка и пары сотен ферм вокруг него.

Слава тебе, Господи, что имперцам приглянулась эта никчёмная Мальта. За такие деньги они вполне могли купить Сардинию, или Корсику. Или даже Сицилию, ну чуть подороже. Для чего Империи этот кусок скалы, граф Саго Миачо, Министр Иностранных дел, не знал, или не хотел рассказывать, но покупку королю Португалии, на трёхсторонней встрече, подтвердил. Как и готовность немедленно выплатить всю сумму наличными, или

товаром со скидкой в десять процентов.

— Нам никогда не понять этого Сына Солнца, — констатировал Жуан Третий, — он практически владел Кёльном, но подарил его Генриху д'Альбре. Для него в нашем мире нет значимых ценностей.

— Разве не Папа подарил Генриху д'Альбре Кёльн?

— Нет. Точно, что нет. У Папы во Флоренции сын и сотни голодных родственников. Медичи — очень большая семья. Сам бы он никогда не отдал одно из ключевых курфюршеств-архиепископств Священной Римской Империи в чужие руки. Это точно сделал император. Про этого Сына Солнца ходит множество слухов, которые лучше не повторять, чтобы не получить обвинение в ереси.

— Вы про чудеса?

— Про них. Чудеса в Панаме и на Кубе, а теперь вот в Кёльнском соборе, в присутствии тысяч свидетелей. Мой посол в Империи, граф Васко да Гама де Видигейра, верит во Второе пришествие. И Папа в него верит. Поэтому они оба и вернулись в Новый Свет.

— Почему-же Папа не возвещает?

— Значит, не время пока. Возвестит, перед самым началом Страшного Суда.

— Император действительно очень странный, совсем не похож на земных владетелей. В нём совсем нет величия, он избегает почестей, они его явно стесняют. Но Второе Пришествие... по-моему, это уже слишком. Зачем Мессии скупать скульптуры и живопись?

— Не знаю. Но странного вокруг этого императора очень много. Все эти новшества из Нового Света... они уже полностью изменили нашу жизнь — и войну, и мир. Эпоха уже сменилась. Теперь нам нужно учиться жить заново.

— Всё-таки жить, а не ждать Страшного Суда, сложа руки?

— Не ждать. Ждать слишком скучно. Начнём с принуждения к миру Франциска Валуа. Только я предлагаю сделать ставку не на сухопутную кампанию, а на морскую, на море мы намного сильнее. Нам нужно суметь потопить его флот и разрушить верфи в Гавре, Марселе и Генуе, лишить французов торговли с Империей.

— Теперь всё можно купить в том-же Кёнигсберге.

— Можно. Можно ещё заказывать ганзейцам и венецианцам, но получится намного дороже. Да и то, можно только купить, продать там ничего не получится. Долго Франциск не продержится.

— Согласен. На что претендуете вы, по итогам войны?

— Сначала, в этой войне нужно победить.

— Прежде чем войну начинать, нам необходимо договориться. Я планирую вернуть своё — Бургундские Нидерланды, Люксембург, Артуа и Франш-Конте. А вы?

— Сардиния и Корсика меня вполне устроят. Согласны?

— Согласен. Нам бы теперь ещё Англию к союзу привлечь. За Нормандию и Бретань.

— И Османскую Империю, за Сицилию и Неаполь, — понимающе улыбнулся король Португалии, — пробовать будем, конечно, но рассчитывать сразу предлагаю только на свои силы.

Русских, которых выкупили у османов, в Империи проживало уже довольно много, больше десяти тысяч. Большинство из них возвращаться не хотело — такие расселялись по новым землям и заводили хозяйство, или селились в городах и работали на производстве. Но имелось и меньшинство, которое ностальгировало по родным берёзам, православным крестам и морозным снежным зимам. Таких призывали на флот, для подготовки русских

экипажей и понемногу в армию. Ещё несколько рот и батарей Василию Ивановичу точно не помешают. Но, в основном, на флот.

«Виндjamмеры» строились быстро, во восемь килей в год, поэтому все морально устаревшие корабли, Савелий решил подарить русскому царю. Отличные ведь кораблики, это они в Империи устарели, а в Европе даже трёхмачтовые шхуны ещё не все научились делать. Те же датчане и шведы до сих пор каракки с каравеллами строят. Про клипперы и объяснять не стоит. Стальные килевые балки такой длины, даже клёпанные — это для Европы век грядущий.

В июне 1527 года, все четыре шхуны и три клиппера Тихоокеанского флота (включая уже легендарный «Посейдон») почистили свои днища от водорослей и отравились огибать Мыс Горн. Уже с русскими экипажами, пока разбавленными англичанами, нанятыми в Портсмуте на трофейные галеоны. С английскими капитанами, но с русскими старпомами.

Еще четыре клиппера к этой эскадре присоединятся в Маракайбо и три шхуны в Лас-Пальмасе, на острове Гран-Канариас. Итого, семь плюс семь. Вполне приличный флот, для начинающей морской державы. Позже, когда они сами начнут готовить моряков, передадим и оставшиеся шесть трофейных галеонов. А то сейчас наймёт Василий Иванович англичан, да немцев, и не будет русского флота. Проще ведь ему так.

Русских армейцев из всех бригад тоже отозвали, сформировали из них ещё три батареи и три роты охраны, и начали проводить боевое слаживание в составе новых подразделений. К декабрю-январю как раз будут готовы. Будет готова личная гвардия царя. Ядро новой армии. Всего шестьсот человек, считая уже отправленных, но они не числом сильны, а умением и знаниями. Это скелет, который постепенно обростёт мышцами, жилами и шкурой. Или фундамент, на котором построят здание, если угодно.

Не жалко отдавать? А что с ними делать? На язычниках они жениться не хотят, страдают без привычного мракобесия, так что пусть едут. Всего армейцев с моряками получится меньше полутора тысяч из десяти-одиннадцати, а это не так уж это и много. Империя уже может себе позволить делать такие подарки. Да и внесут они в русское общество новые веяния, волей-неволей внесут. Все образованные, «утраченный язык богов» изучили, научились читать-писать. Все освоили математику с азами геометрии, многие испанский язык. Это не только армии и флоту фундамент, но и науке с образованием. Не будет в этой исторической реальности у русских нужды в привлечении иностранцев, с таким-то пулом, да при имперской поддержке на месте. Наоборот, теперь русских будут сманивать в Европу — и на здоровье.

Освободившиеся от посольств дворцы в Куско: Амаруканча, Пачакутека, Инки Рока, Синчи Рока и Манко Капака, начали переоборудовать в художественные музеи. Четыре под современное искусство — Средневековья и Возрождения и один под античное.

Как нельзя лучше эти постройки годятся под музеи. Каменные (а значит безопасные в пожарном плане), сложенные полигональной кладкой (устойчивые при землетрясениях, они бы и до наших дней в той исторической реальности целыми достояли, если бы не, разрушившие их, испанские варвары, со своим христианским мракобесием), на высокогорном плато (где всегда чистый воздух и низкая влажность, способствующие сохранности шедевров культурного наследия человечества, которое не так-то просто сохранять, между прочим). В общем, то, что нужно, только вентиляцию и освещение добавить.

Пока эти будущие музеи будут использоваться как хранилища, но со временем, Куско

несомненно станет одной из культурных столиц мира. Пусть. Столицей Империи Куско не бывать, слишком маленькое плато, здесь даже полумиллиона не расселишь — для столичного города огромной Империи это крайне мало, а вот для культурной столицы в самый раз.

Новой столице Империи, скорее всего, быть в Северной Инке, примерно в районе тамошних Чикаго-Детройта, «Ржавого пояса». Не случайно именно там создавалась промышленная мощь сверхдержавы Нового Света. Относительно мягкий климат, изобилие самых разнообразных ресурсов и отличная транспортная доступность дают колоссальное конкурентное преимущество промышленности. В Южной Инке очень мало угля и нефти, для старта хватит, но не до космоса, а ведь планы сразу надо строить именно космические. Раз уж заранее известно, что до этого обязательно дойдёт. Причём дойдёт до этого гораздо быстрее, чем там. Скоро уже дойдёт, очень скоро, к концу шестнадцатого — началу семнадцатого веков. Сколько там прошло от начала промышленного использования электричества до космоса? Чуть больше полувека, а ведь они там вслепую тыкались, у нас даже быстрее получится. Наверстаёт человечество, упущенное во времена Средневекового мракобесия, время. Нагонит и перегонит.

Интерлюдия. 16 июля 1527 года.

Сэр Томас Мор, герцог Саффолк, герцог Глазго, граф Нортумберленд, лорд-канцлер королевства Британия, впервые собрал совет лордов-пэров Британии в полном составе.

Королевством Британия теперь называется объединённое королевство Англии и Шотландии и этот ход, подсказанный императором Интико Роки, действительно поспособствовал смирению шотландской знати и шотландцев вообще. Второе особенно важно, знать то перебить можно, не так много её осталось, после разгромов армий герцога Олбани под Кимберли и графа Гамильтона под Эдинбургом, но всех шотландцев перебить решительно невозможно, а значит нужно искать их лояльность.

Первый хороший ход подсказал император, а до второго сэр Томас Мор додумался сам. Раз уж королева не пожелала вырезать весь род Стюартов, включая своего племянника, бывшего короля Якова Пятого и Джона Стюарта, третьего графа Леннокс, а также второго мужа своей сестры Маргариты — Арчибальда Дугласа, шестого графа Ангуса; то следует их наделить достойными владениями и включить в состав совета лордов-пэров королевства Британия.

Освободившихся достойных владений имелось достаточно и в Англии, и в Шотландии, поэтому хватило, чтобы очень щедро наделить всех. Сам сэр Томас Мор стал герцогом Глазго, хоть и не претендовал на этот титул, но королева настояла. Настояла, чтобы пэры нового королевства стали владельцами в обеих его частях — и в английской, и в шотландской. Так, бывший король Яков Пятый Стюарт, стал герцогом Эдинбурга, герцогом Мальборо и герцогом Ричмонда, что очень неплохо, прямо скажем, даже по сравнению с утраченной им короной; Джон Стюарт, третий граф Леннокс — герцогом Олбани и герцогом Бофорт; а муж Маргариты Тюдор, Арчибальд Дуглас, шестой граф Ангус — герцогом Хайленда и герцогом Сомерсета. На этом неслыханный аттракцион щедрости не закончился.

Кардинал Джон Фишер, епископ Рочестерский, архиепископ Йорка, канцлер Кембриджского университета, стал архиепископом Эдинбурга и епископом Данди; кардинал Томас Кранмер, архиепископ Кентерберийский, настоятель Вестминстерского аббатства, канцлер Оксфордского университета — архиепископом Глазго и епископом Абердина; сэр

Томас Кромвель, граф Рочестер — герцогом Абердиншира и герцогом Норфолка; имперский рыцарь Матвей Егоза, барон Арундел — герцогом Аргайл и графом Линкольн; а имперский рыцарь Семён Новик, барон Ламли — герцогом Монтроз и графом Эссекс.

Получился очень интересный состав совета лордов-пэров Британской короны. Четверо бывших англичан, из них двое кардиналов, не передающих свои владения и полномочия по наследству; трое бывших шотландцев, которые никогда не договорятся между собой; и двое имперских рыцарей, ближайших сподвижников царя Василия Третьего, которые отстаивают интересы исключительно королевы Марии и её супруга, принца-консорта Василия Рюриковича, а значит и императора Нового Света. Впрочем, и сам сэр Томас Мор, собственных интересов в политике не имел. Он и так добился уже много большего, чем мечтал в начале своей карьеры. Он уже вписал себя в историю крупными буквами, как один из основателей Британского королевства, его первый лорд-канцлер и один их крупнейших феодалов за всю историю.

Кроме того, он теперь шурин императора Интико Роки, муж его самой старшей, овдовевшей сестры; свояк вице-императора Чалько Юпанки и Паскуаля де Андагойя, герцога де Куба, герцога де Андалусия, графа Севильи; а ещё сооснователь (с самим Сыном Солнца) Царьградского (Кёнигсбергского) университета и его первый канцлер (ректор), а значит и один из основателей будущей Империи Севера, Русской Империи, которую создаст Иван Васильевич Рюрикович-Тюдор, когда войдёт в возраст. Интересно получится — отец и мать сегодняшнего наследника-цесаревича и принца Уэльского станут его вассалами. И ведь станут, никуда не денутся, Иван ведь будет императором Севера. «Imperator Septentrionalis», а королевство и царство войдут в состав Империи. Очень интересно, дожить бы... А пока...

— Милорды. Днями я принимал послов королей Португалии и Арагона. Нам предлагают войти в их союз против Франциска Первого.

— Они уже заключили такой союз, милорд-канцлер? — удивился самый молодой лорд-пэр, бывший король Шотландии, Яков Пятый.

— Оба посла утверждали именно это, милорд. Нам они предлагают Нормандию и Бретань.

— Что значит предлагают? Предлагают признать наше право владения, когда мы сами завоюем Нормандию и Бретань, сэр? — титулование кардинал Джон Фишер показательно упустил. По праву старшего по возрасту лорда-пэра в совете, он имел двойной голос, за себя и за королеву, если та на совете отсутствует, как сейчас.

— Именно так, милорд. Завоевать нам всё предстоит самим. Бретань и Нормандия — наследие Плантагенетов.

— Наследие Плантагенетов от Алиеноры Аквитанской не ограничивается Нормандией. Оно включает в себя Аквитанию, часть нынешнего Наваррского королевства, Арманьяк, Анжу, Мэн и Пуатье, милорд-канцлер, — заметил кардинал Томас Кранмер.

— Я сообщил об этом послам, милорд. Они ответили, что это будет обсуждаться на втором этапе нашей союзной кампании.

— Эти ничтожества хотят, чтобы мы отвоевали для них Бургундские Нидерланды, Люксембург, Артуа, Франш-Конте и что там они ещё для себя наметили. Я против, милорд-канцлер, — категорично высказался сэр Томас Кромвель, — ведь сами они собираются поиграть в кораблики, а нас подставить под удар на суше. Я угадал?

— Угадали милорд. Нас просят высадить двадцатитысячную армию в Бретань.

— А чем плох замысел? — спросил Джон Стюарт, герцог Олбани, третий граф

Леннокс, — Португальский король свяжет боем флот Франциска Валуа, Карл Габсбург будет угрожать ему вторжением в Прованс... двадцати тысяч нам вполне хватит на завоевание Нормандии, или Бретани. Не самых бедных владений французской короны, кстати сказать, милорд-канцлер.

— Я не говорю, что замысел плох, милорд. Но он ломает наши планы, поэтому я и собрал совет. Милорд Дуглас, что скажете?

— Владения Плантагенетов и владения Алиеноры Аквитанской, от нас никуда не денутся, милорд-канцлер. Как были они от нас за Каналом, так там и останутся. Псы не зовут охотника на охоту, а мы, в этой ситуации, именно охотники. Конечно, заманчиво всё это выглядит — владения в Нормандии и Бретани, титулы и добыча гораздо ценнее, чем в Швеции и Дании с Норвегией, но своих планов нам ломать не стоит. Пусть псы обессиливают кабана, мы добьём его, когда сами сочтём это нужным.

— Принято. Милорд Матвей?

— Я пару раз лично общался с императором, милорд-канцлер, и запомнил на всю жизнь две его мудрости — первая: «самые лучшие замыслы всегда губят излишние жадность и злобность»; и вторая: «слишком большой кусок рвёт глотку». Поддерживаю герцога Хайленда. Мы здесь охотники, и мы выбираем дичь. Не псам менять наши планы. А потом, мы ведь можем и Португалию, или Арагон выбрать, там видно будет. Пусть боятся.

— Принято. Милорд Семён?

— Матвей правильно сказал. Не всяким шавкам нас натравливать. Я тоже за герцога Хайленда. У нас хороший план, а «лучшее всегда враг хорошего» — так мне говорил сам император. Европа от нас никуда не уплывёт.

— Принято. Все друг друга услышали. Голосуем, милорды. Кто за следование прежнему плану? Единогласно. Благодарю вас. Готовим кампанию лета будущего года. Послам Португалии и Арагона я откажу.

Лето (европейское лето) 1527 года, прошло для Савелия в научно-производственных хлопотах. Он писал новые учебники, разбирался с исследовательской деятельностью учёных-жрецов, что-то замораживал, что-то притормаживал, а что-то пытался ускорить. Спасибо Эль Чоло, который взял на себя заботы о политике и экономике, поработать удалось продуктивно.

Продуктивно, в том числе, в плане выбора новой стратегии развития.

— Перебираться нам нужно, шаман. На север, к Великим озёрам. Чёртова Амазонка непреодолима. Я надеялся, что её можно пересечь в предгорьях, у истоков, но увы. Разделяет она нашу Южную Инку практически на два континента, надёжнее любых океанов. А возить уголь из Эль-Серрехона в Эль-Мутун большим крюком, с тремя перегрузками, просто не имеет смысла, золотой уголёк у нас получится.

— Нужно, значит нужно. Будем готовиться к следующему году. Место-то выбрал?

— Детройт, или Чикаго, там посмотрим, что больше понравится в плане природной эстетики.

— Ты только столицу нашу новую так не назови.

— Назову Эль Чоло, — кивнул Савелий, — пусть потомки гадают — что это значит.

— Ты много гадал, что значит Москва?

— Река такая.

— А почему река называется Москва?

— Мне всё равно.

— Вот и нашим потомкам будет всё равно. На февраль-март отправку планировать?

— Где-то так. Подарок Василию Ивановичу отправим, а следом и я тронусь.

— Без меня?

— Без тебя. Ты дождёшься нашего Тихоокеанского адмирала, наградишь, и поставишь ему новую задачу — в Южной Африке. Там самый удобный для нашего Эль-Мутуна уголь, самый дешёвый получится.

— Чем награждать?

— Титулом и владением. Пусть будет герцогом Гавайев, или Новой Зеландии. А по деньгам сам решишь, по итогам второго и третьего походов. Он у нас самый эффективный, если смотреть в перспективу, поэтому не жадничай.

— Может женить его? У тебя ещё одна сестра овдовела. По возрасту подходит в самый раз.

— Жени, если согласится. Он ведь христианин, а Чакта язычница.

— Он христианин, а ты император. Томаса Мора и Паскуаля де Андагойя это не остановило.

— Да какие они теперь христиане...

— Родриго Пике такой-же, не сомневайся.

В ноябре 1527 года, получили развёрнутый доклад графа Саго Миачо о европейских делах.

Сулейман Первый Великолепный, в ходе летней кампании, захватил половину Баварии, с городами Регенсбург, Мюнхен, Ингольштадт, Аугсбург, Амберг, Пассау и Ландсхут, но в конце августа потерпел довольно чувствительные поражения под стенами Нюрнберга и Кемптена, потеряв до шестидесяти тысяч пехоты и почти всю артиллерию.

Имперцы наконец осознали глубину пропасти, к которой подошли уже вплотную, и объединили усилия. Объединились не только все имперские князья (кроме красавчика Генриха д'Альбре), в антиосманский союз вступили Вольные города Ганзы и Швейцарские Кантоны. Против такого мощного объединения, не вытянул даже султан Сулейман, действительно гениальный правитель и полководец.

Впрочем, шестьдесят тысяч, пусть даже ветеранов, для османов — потери не критические и даже менее значимые, чем сорок для Германского союза. Воинственные ногаи уже обжились в Богемии и Венгрии; а не менее воинственные крымчаки, выселенные за Дунай князем-воеводой Василием Васильевичем Шуйским-немым, уже обживаются в Остмарке так что «пушечным мясом» Сулейман располагает в огромном количестве, а пушки... Пушки купит новые, денег у него тоже навалом. В общем, на востоке Западной Европы всё только начинается.

Союзный флот Португалии и Арагона в июле-августе одержал три победы над флотом французским, очень слабым флотом, для такой мощной державы, откровенно говоря, и высадил десанты в Гавре, Марселе и Генуе. Небольшие по численности, по два-три батальона в каждый из портов, но наступательных задач им и не ставилось. Верфи сожгли, ограбили по-быстрому, по-пиратски, до чего успели дотянуться, и ретировались. Франциск Первый в это время собирал свою, уже регулярную, армию в Перпиньяне, готовясь к новому вторжению в королевство Арагон. Там и простоял, так и не решив — куда бежать и кого спасать в первую очередь. Бывает. Не повезло. Злее будет.

Укол чувствительный, но точно не смертельный. Это ещё далеко не катастрофа. Французы уже договариваются о союзе с венецианцами. Отдадут им несколько городов на

Адриатическом побережье и получают флот куда сильнее прежнего.

Из печального — в Генуе погиб герцог. Хороший знакомый Савелия и Эль Чоло, почти друг, первый европейский посол в Империи Инков — Этьен Фуке, герцог де Генуя и маркиз де Ритон. Человек, который привёз в Новый Свет Микеланджело и ещё два десятка творцов калибром поменьше. Не нужно было ему торопиться на покой выходить...

Регулярную армию готовит и король Наварры, Генрих Второй д'Альбре. Готовит в княжестве-архиепископстве Кёльн. Армию не слишком большую, примерно двадцатитысячную, но этого ему точно хватит, чтобы от души порезвиться в Швабии. Послы Османской Империи и Наваррского королевства ведут в Гранаде активные переговоры, о чём конкретно договариваются — неизвестно, но точно, что не об укреплении культурных связей.

Кстати, о Гранаде и первой «Лиге Наций». Начали строить дворцы для своих посольств султаны Марокко, Ахмад Абу-ль-Аббас, и Алжира, легендарный в другой исторической реальности, Хайреддин Хызыр, по прозвищу Барбаросса. Хайреддин Барбаросса, формально является вассалом Сулеймана Первого, но фактически правитель независимый. Нечем Сулейману на него давить, слабые позиции у османов в Магрибе, вся их сила направлена на Европу.

В Англии готовятся к кампании 1528 года, стоят флот галеонов и тренируют армию. Регулярную, разумеется, армию, не феодальную, уже сорокатысячную. Британскими лордами-пэрами (английскими графами и шотландскими герцогами) там стали двое подданных Империи Инков — Матвей Егоза и Семён Новик. Головокружительную карьеру сделали два капитана, бывшие османские пленники, выкупленные в самой первой партии. Именно они и готовят армию, так что королю Фредерику Первому Ольденбургу и его Кальмарской унии (Дании и Норвегии), следующим летом придётся очень нелегко. Впрочем, и шведскому королю Густаву Первому Эриксону Ваза тоже наверняка не поздоровится. Слишком истощены они оба войной друг с другом — и в деньгах истощены, и в людях. Англичане же получают поддержку русских из Нового Света, наверняка ведь Василий Иванович их в этой войне задействует.

Русские осваивают Поволжье, Дикое Поле и Крым. Ногаи откочевали в Европу сами крымчаков выселили силой, Казанский и Астраханский ханы, Сафа-Гирей и Хусейн бин Джанибек, принесли Василию Ивановичу вассальную присягу и впустили в свои города русские гарнизоны и дьяков. Не захотели уходить в Европу, к османскому султану. Ну, и правильно. Настоящий русский должен быть отчасти татарин.

Русь строит-пашет-сеет-жнёт. Заселяет новые земли по имперскому образцу, перемешивая русских с немцами, пруссами, ляхами, чухонцами и прочей чуждью белоглазой. Расселяет незаконные поселения воровских казаков из Днепровского Запорожья, не всегда миром, но тут уже горе побеждённым. Много крови казачки с Руси попили, во всех набегах крымчаков и ногайцев участвовали, так что обид к ним накопилось выше крыши. Пусть ещё спасибо скажут, что убивать не стали, а только переселять на восток, в Поволжье. Там, оторванные от корней, они уже станут лояльными подданными, самыми русскими среди переселенцев.

Что ещё? У Василия Ивановича и Марии Генриховны родилась дочь — Софья Васильевна. Событие в общем-то рядовое, если бы не одно но. Жизнь Марии Генриховны и Софьи Васильевны спас инкский медикус-многостаночник, в том числе акушер и хирург, Уайна Чатко, сделавший кесарево сечение матери. Что в этом такого особенного? Рядовая

ведь операция. Так время-то на дворе сейчас какое? Самое, что ни на есть, мракобесное время. На всё здесь у них воля божья и всякое такое. Допустить мужчину к роженице, хоть бы и доктора... здесь такое пока просто немыслимо, а Василий Иванович решился, чем и спас жену с дочерью. На всё воля божья? Значит и на это тоже. Честь ему за это и хвала.

А медиков на Русь нужно отправить побольше и побыстрее. Вот с войском и поплывут. И учителя для Ивана Васильевича тоже. Пока доберутся — ему уже три года исполнится, самое лучшее время для обучения языкам. В таком возрасте они все «зайдут» как родные.

Интерлюдия. 7 ноября 1527 года.

Жоржи ди Менезиш стоял на шканцах «виндjamмера» «Ахура Мазда», флагмана эскадры из восьми огромных, однотипных, пятимачтовых кораблей, серии «виндjamмер-три» и наслаждался выпавшей и на его долю удачей.

Практически сразу, после общения с инкским адмиралом, графом Родриго Пике де Пуно, Жоржи ди Менезиш покинул португальский флот Восточных морей. Он довёл свою каравеллу «Сан-Пауло» до Гоа, где подал губернатору Индии прошение об отставке, не объясняя причин. Дон Лопу Вж де Сампаю эти причины выяснять и не пытался, наплевать ему было на причины, по которым один из почти сотни капитанов, подчинённого ему флота, выходит в отставку. В королевстве Португалия очень много отличных моряков, которые будут только рады освободившейся вакансии капитана. Губернатор задал несколько вопросов по поводу торговой фактории Империи Инков на Цейлоне и отпустил с миром.

До Португалии, бывший капитан Жоржи ди Менезиш добирался почти полгода. Каравелла «Сан-Педро», на которую он сел в качестве пассажира, дважды ремонтировалась после попаданий в сильные штормы. Первый раз в форте Эспириту-Санту, в устье одноимённой реки на юго-восточном побережье Африки, а второй — в самом настоящем городе Лас-Пальмас, на бывшем испанском, а теперь имперском острове Гран-Канария, столице графства Канариас.

В Лас-Пальмасае, Жоржи ди Менезиш уже бывал. Четыре года назад, он останавливался здесь для пополнения припасов, прежде всего воды, на пути в португальскую Индию. Тогда это был невзрачный посёлок вокруг совсем небольшого форта, а сейчас настоящий город, тысяч на пять жителей, и порт, с причалом, пусть пока и деревянным. А ведь здесь два года хозяйничали пираты, Империя пришла на Канарские острова совсем недавно, всего полтора года назад.

В Лас-Пальмасае, Жоржи ди Менезишу повезло познакомиться с ещё одним инкским адмиралом. Вице-адмиралом Атлантического флота, графом Тако Котага де Канариас, владельцем всего Канарского архипелага. Ничего себе у них в Империи графства...

Прочитав рекомендательное письмо адмирала Тихого океана, граф де Канариас был чрезвычайно любезен, угостил великолепным обедом, с шоколадом и бесподобной французской выпечкой на десерт, и посоветовал маршрут в Империю.

Из Португалии нужно будет добраться до Альмерии, оттуда самое частое сообщение с Маракайбо. Каждый месяц, по расписанию, уходит регулярный рейс, а ещё случаются дипломатические и навалом всяких частных торговцев. В общем, больше недели ждать точно не придётся, в самом худшем случае. А ещё, любезный граф уверил, что с рекомендательным письмом от адмирала Родриго Пике, графа де Пуно, место в инкском флоте практически гарантировано; дал пару дельных советов — что выгоднее всего везти в Новый Свет и где лучше остановиться в Маракайбо; и предостерег от покупки инкских товаров в Европе. Во-первых, они там почти вдвое дороже, а во-вторых, подделывают их всякие проходимцы

безбожно.

Милейший человек, этот граф, хоть и язычник. Очень образованный, свободно общается по-испански, владеет английским и учит турецкий. Это помимо двух родных имперских языков, один из которых — «забытый язык богов», когда-то общий для всех людей на Земле. Только Инки сохранили этот язык! Точнее, только один из инков — их нынешний император Интико, что означает — Сын Солнца.

В Лиссабоне, Жоржи ди Менезиш подал прошение об исключении из подданства и, к своему немалому удивлению, был призван в королевский дворец и очень обстоятельно допрошен лично его величеством, Жуаном Третьим. Король не пенял на измену, изменил и изменил, сейчас половина Португалии мечтает в Новый Свет переселиться, благо, денег у них на это нет, а то бы сбежали, даже не попрощавшись. В Империи всех наделяют землёй, по сто гектаров, из которых минимум половина угодий — пашни, или выпаса, а столько в Португалии даже не все дворяне имеют, что уж тут про простолюдинов говорить.

Король вдумчиво и неторопливо, постоянно возвращаясь назад, расспрашивал отставного капитана, одного из полутора сотен своих капитанов, о впечатлениях от общения с имперцами. Личных впечатлениях об адмиралах, как о людях. Очень радушные — это как? Чему они на самом деле были рады? Насколько были щедры и почему? Считает ли граф Пуно своего императора Мессией? Станный допрос, очень странный, но король остался чем-то доволен и сделал бесценный подарок — поручил доставить своё личное письмо императору Интико Роки, с которым он, оказывается, знаком и даже приятельствует.

Оказывается, император три дня гостил у его величества в прошлом году, и оставил о себе в Лиссабоне очень добрую память. Особенно, своим оркестром — это для придворных, которые вспоминают те дивные вечера, с заметной тоской в глазах. С тоской и завистью к человеку, который получил хороший шанс устроиться на достойную службу в Империи. Придворных туда не приглашают. Только архитекторов, скульпторов и живописцев. А моряков? Не слышали, вы первый такой баловень судьбы. Нет, испанцы Империи служат, это общеизвестный факт, но как они туда попали... это загадка.

В Альмерию, по личному совету самого короля, Жоржи ди Менезиш отправился посуху. Из Лиссабона, через Севилью и Гранаду, в чудесной инкской повозке, с откидной крышей и очень плавным ходом, называемой «подрессоренным кабриолетом». Эта повозка буквально парила над дорогой, как корабль над волнами, мягко покачиваясь, при довольно высокой скорости — экипаж почти всю дорогу тянули рысью. Узлов пять-шесть, не меньше. Волшебно!

Севилья цвела. В городе идеальный порядок, никто не выливает ночные горшки в уличные канавы, никто не выбрасывает в них мусор — теперь, по расписанию, каждый день, в одно и то же время, проезжают телеги, принимающие все отходы. За это приходится платить коммунальный сбор, но не слишком большой, за такую-то чистоту и благолепие в городе. В Севилье пахло цветами, как на лесной лужайке, а не как в нормальном городе. Ни одного нищего попрошайки, всех побирушек власти отлавливали и пристраивали к делу.

Тунеядство — преступление против Империи. Не тяжкое, на первый раз простят и найдут посильную работу, а вот на второй уже, в лучшем случае, переселение. За воровство же сразу казнят, а за разбой и другие тяжкие преступления казнят позорно — посадением в яму со свиньями. Кстати, к тяжким преступлениям относится и разжигание религиозной розни, поэтому чаще всего к свиньям сажают наглых дураков-монахов. Вчерашних инквизиторов, хозяев жизни. Поделом мерзавцам!

Гранада! Гранада-Гранада-Гранада моя! Город мечты. Жоржи ди Менезиша приняли гостем в португальском посольстве, в одном из готовых флигелей строящегося дворца, который, это уже видно, точно будет монументальней и роскошнее лиссабонского королевского дворца Либейра.

А окружение? А архитектурная композиция, с бесподобной и неподражаемой Альгамброй в центре — резиденцией имперского министра Иностранных дел, графа Саго Миачо? Графа, всего лишь графа, одного из чиновников, подумать только...

В Альмерии ждать не пришлось — из волшебной повозки сразу в волшебный корабль — четырёхмачтовый «Арес», с каютами для благородных пассажиров. Каюты на четверых, со шконками в два яруса и столом между нижними, но с застеклённым открывающимся иллюминатором над столом, который можно открыть в хорошую погоду, и чувствовать себя в каюте, как на палубе, или закрыть в шторм и наслаждаться качкой лёжа на своей полке. Каждый день горячие и очень вкусные обеды с офицерского камбуза и даже отдельный гальюн для благородных пассажиров, в котором тоже пахло цветами. Ладно, это уже, наверное, перебор, могло и показаться-померещиться, в море такое бывает, случается даже у опытных моряков, но запомнилось очень отчётливо — цветами там пахло.

Маракайбо! Город, в котором есть всё, и это всё вдвое дешевле, чем не в Маракайбо. Жоржи ди Менезиш не был богачом, второй сын мелкопоместного португальского барона, но кое-какой капиталец на службе скопить успел. Цены поражали воображение, поэтому соискатель имперской службы сразу приобрёл себе атлас морских карт, секстант, морской компас и хронометр на карданных подвесках, самый мощный бинокль, из имеющихся в наличии, и говорящего попугая в клетке, тоже с карданной подвеской. Попугай говорил всякие непристойности и это очень веселило, самое то с ним в компании штормовать.

На это ушли почти все сбережения, но в Европе на все сбережения было не купить и половины всего этого великолепия. Всё пригодится в любом случае — примут его на службу Империи, или нет. Где-нибудь да примут обязательно, хоть бы у тех же скуповатых ганзейцев.

Жоржи ди Менезиш оплатил «номер» в припортовой таверне «Отель три звезды Чимкатола» на неделю, но переночевал в ней всего дважды. Успел только посетить строительство дворца для Папской Курии и величественнейшего христианского храма. Храма пока без посвящения, просто христианского, но уже точно самого большого в мире и самого роскошного. Главный купол ещё не построили, но в уже готовых нефях, размером с большой европейский храм, службы проводились во всю. Проводились кардиналами, а иногда и самим Папой. А великолепие этих служб и нефов храма просто потрясали. И кардиналы лично причащают и благословляют паству, и даже за свечи платить не надо. Считаешь возможным — оставь пожертвование, а если стеснён — бери бесплатно.

На третий день, дона Жоржи ди Менезиша пригласили к губернатору. Именно пригласили, а не вызвали, или, тем более, не повели под конвоем. Отказываться он, конечно, не стал, и прибыл в резиденцию за час до назначенного времени.

Губернатор Маракайбо, совсем ещё молодой человек, видимо, родственник кого-то из высших, самых высших вельмож Империи, оказался таким-же радушным, как инкские адмиралы. Прочитал рекомендации, осмотрел, запечатанное в конверт послание короля Португалии, и выдал предписание — содержать за счёт казны, в «Отеле четыре звезды Тауантинсуйу». Оказывается, отелями у них называются таверны с гостевыми комнатами, а количество звёзд указывает на класс обслуживания. Эти звёзды присваивают тавернам-

отелям имперские чиновники, так что на этом поле не особо забалуешь. Мошенничество в Империи могут приравнять к воровству, ну, а за воровство здесь — в лучшем случае петля на шею, как за пиратство. И это правильно!

В «четырёхзвёздочном отеле Тауантинсуйу» дважды кормили за счёт имперской казны, поэтому Жоржи ди Менезиш приобрёл себе пару книг. Удивительно дешёвых здесь книг, которые в Европе продаются на вес золота, если не за два веса, а здесь они дешевле серебра. Две чудесные драгоценные книги: «Мой путь», графа Васко да Гама ле Видигейра и «Страны Востока. Политическое устройство, религия, обычаи и традиции», уже в новом, третьем издании, интересно будет сравнить и найти изменения. Третья редакция книги авторов Чалько Юпанки и Родриго Пике. Именно так поименовали их на обложке. Хоть и золотым тиснением, но без какого-либо титулования. Без титулования вице-императора и графа. Просто Чалько и Родриго, читайте себе на здоровье. Странно всё здесь, всё очень странно, но очень интересно, очень притягивающе.

Вице-император Чалько Юпанки, свояк императора, муж одной из шести его сестёр, высший вельможа Великой Империи и главный жрец, принял Жоржи ди Менезиша в Медельине, огромном городе, тысяч на семьдесят жителей, таком же правильно квадратном городе, с очень широкими и прямыми улицами, как в Маракайбо и опять без крепостных стен. Очевидно, что инки здесь никого не боятся.

Вице-император тоже проявил радушие и простоту в общении, пригласил к роскошному обеду, во время которого поговорили о Португалии; после выдал предписание-подорожную до Лимы, через Куско — столицу Империи, и наказал обязательно навестить графа Васко да Гама де Видигейра во дворце Колькампата, посольстве королевства Португалия. Письмо короля Жуана Третьего, вице-император забрал себе и велел не беспокоиться. Император сейчас где-то на юго-востоке Южной Инки, как вернётся — получит, а Жоржи ди Менезишу предстоит служба на западном, тихоокеанском берегу, в Лиме.

Куско — город-крепость, с огромными каменными стенами. Сразу видно, очень древний город, может быть даже старше самого Рима. Граф Васко да Гама де Видигейра ничуть не смутился сменой подданства у своего бывшего подчинённого-соплавателя и проявил традиционное инкское радушие с гостеприимством, поселив Жоржи ди Менезиша в своём дворце-резиденции-посольстве.

Вместе сходили в дипломатический клуб во дворце Ауакпинта, поиграли в занимательную игру, под названием бильярд с русским князем Семёном Бельским. Когда-то здесь было многолюдно и шумно, но европейская дипломатия теперь занимается политикой в Гранаде, а в Куско остались только старый граф Васко да Гама, да князь Бельский, теперь этот клуб для них двоих, поэтому гостям они всегда рады.

Губернатор Лимы, тоже очень молодой, принял Жоржи ди Менезиша по-инкски, накормил обедом, ознакомился с предписанием вице-императора и выдал назначение — старшим помощником капитана корабля «Мардук», пятимачтового гиганта, серии «виндjammer-три».

На «Мардуке», Жоржи ди Менезиш сходил на север, до Сан-Франциско, а после возвращения получил назначение на «Ахура Мазду», уже капитаном. Капитаном! Первым, после Бога! Правда ненадолго, только до Маракайбо, где корабль останется, а ему придётся снова вернуться в Лиму, но корабли у инков строятся быстро, к его возвращению спустят на воду ещё четыре: «Гермеса», «Сатурна», «Варуну» и «Демиурга», которые войдут в состав Тихоокеанского флота адмирала Родриго Пике, графа де Пуно. На Тихом океане, под

командованием старого знакомого адмирала, первого знакомого из всех инков, и предстоит служить капитану Жоржи ди Менезишу, а пока...

Пока он ведёт эскадру в Маракайбо, вокруг Мыса Горн, ведёт в качестве флагмана, эскадренного адмирала, ведёт, чтобы передать самому императору восемь великолепных кораблей, непревзойдённых в своём совершенстве гигантов-красавцев. Просто не будет, «Ашшур», «Амон», «Варуна» и «Баал» приняты в состав флота всего три месяца назад, и хоть моряки на них опытные, экипажи ещё не сплавались, не притёрлись друг к другу, поэтому по пути будут проводиться учения. И проводить эти учения будет он, флагман эскадры, капитан Жоржи ди Менезиш.

— Так держать!

Господи, какое же величественное зрелище, какая мощь! В трюмы этой эскадры можно загрузить целый город, а пушками целый город смести с лица Земли. Какое же счастье служить такой могучей Империи, ощущать себя её частью.

— Принимайте командование, — приказал капитан старшему помощнику. Старпом, Авдей Шишка, сменит его на мостике в Маракайбо, ему тоже опыт нужен, опыт капитана, прежде всего, которого у Жоржи ди Менезиша хватает. Португалец теперь учится командовать эскадрами кораблей. У него забот хватает, ему нужно ещё посидеть-подумать над планом похода и учений. Да и «утраченным языком богов» позаниматься, без него карьеру не сделаешь, это уже очевидно. Все учебники на нём, а какая карьера может сложиться у неуча?

— Слушаюсь, капитан.

Авдей русский. Русским император почему-то благоволит особо, наверное, потому что их язык ближе всех к «утраченному». В общем, благоволит, не важно, почему именно, поэтому карьера у старпома сложится обязательно, если сам дурака не свалает. Не должен. Моряк уже опытный и человек серьёзный, ответственный. С ним обязательно нужно поддерживать дружеские отношения.

— Встретимся за ужином, дон Авдей. Я пока поработаю у себя в салоне. Вас сменит второй помощник. Если будут сигналы с эскадры, присылайте за мной вестового.

Сигналы с эскадры теперь отлично видны даже ночью — их подают специальными сигнальными ракетами разных цветов. Всё у этих инков продумано до мелочей, совершенство во всём.

И всё-таки, почему они не открыли Европу? Странно это, очень странно...

Монтевидео. Город, возле которого Савелий прожил почти половину жизни в той исторической реальности. Впрочем, почему прожил? Живёт ещё, ядерную войну дожидается.

Уругвай вообще и Монтевидео в частности — вторая Родина для Эль Русо. Здесь, в этой истории, тоже всё началось с форта на холме, который испанский вперёдсмотрящий назвал горой — то самое «Montem video». В эту эпоху испанский язык отличается от латыни незначительно, по сути, он и является латынью, только вульгарной, варварской, примитивной.

Чего вдруг сюда потянуло? Ничего в Уругвае нет, кроме пастбищ, а поди ж ты, захотелось посмотреть. Ностальгия, что ли?

Хотя почему ничего? Бухта здесь самая лучшая на всём Южном Конусе, именно здесь океанские суда, в той истории, перегружали на речные, отсюда получали грузы Буэнос-Айрес и Асунсьон.

И в этой истории всё будет так же, с географией не поспоришь. Отсюда будет идти отправка сельскохозяйственной продукции с огромной территории, отсюда будут выходить океанские траулеры на лов, в самые богатые рыбой районы океана — на шельфы Сэндвичевых и Мальвинских островов, а значит городу быть. Эх, жаль людей пока мало...

Так, вон Пунта-Карретас, а дальше Пунта-Горда, между ними пляжи Поситос, Мальвин и Бусео, именно там располагались самые престижные городские районы, там и начнём, ни к чему изобретать велосипед. Кстати! Велосипед! Ладно, об этом позже.

— Вот, мэтр Ришар, — через час план застройки в черновике был готов. Береговая линия и, поделенная на квадраты-кварталы, прибрежная территория, — план очень примерный, уточните его уже в процессе, но принцип обязательно сохраните. Застройку начинайте вот с этого квадрата. Четыре здания в углах периметра — дворец губернатора, храм Инти, городское управление и... и пусть пока будет отель с таверной, а между ними площадь, центральная площадь города. С отеля, пожалуй, и начните, нужно же вам будет где-то жить и питаться.

— Будет исполнено в лучшем виде, ваше величество, — почтительно поклонился первый губернатор и, по совместительству, главный архитектор Уругвая, — не близко ли к морю? Во второй линии...

— В самый раз. Море здесь всегда спокойное, даже зимой. Постарайтесь привлечь к работам аборигенов. Лаской и щедростью. Они тут довольно миролюбивы.

Интерлюдия. 11 февраля 1528 года.

Франциск Первый Валуа, король Франции, Италии и Сицилии, герцог Бургундский Нидерландов, Милана, Неаполя, Сардинии и Корсики; в компании с ближайшим сподвижником, соратником и советником, а также и своим лучшим другом, коннетаблем Французского королевства, герцогом Анном де Монморанси, графом де Франш-Конте, рассматривал очередные подарки от императора Интико Роки.

После возвращения императора в Новый Свет, в Старом произошло довольно много событий, и событий весьма неприятных для Франциска Первого. Главная неприятность, конечно — это разгром, который французскому флоту учинили подлые португальцы и арагонцы, уничтожившие не только корабли, но и верфи. Именно за этот разгром, милости короля лишился ещё один его друг детства, адмирал Французского королевства, герцог Гийом Гуфье де Бониве, граф де Артуа. Опальный герцог отправлен в Венецию договариваться с дожем Андреа Гритти о союзе, и с запретом возвращаться к двору короля до исправления своих ошибок

Вторая по значимости неприятность — категорический отказ короля Наварры, а теперь ещё и курфюрста-архиепископа Кёльна, Генриха д'Альбре, вступить в союз против Португалии и Арагона. Слишком впечатлился шурин разгромом французской армии под Жироной, подписал с Карлом Габсбургом мир и даже выплатил ему компенсацию за Басконию. Хорошо хоть не отказался принимать в Бильбао и Сан-Себастьяне грузы для Франции, неблагодарный сукин сын. Да-да, грузы... не отказался... Кто бы их ещё привозил, эти грузы...

Сама Империя завозит только оружие и боеприпасы и только в Кадис, Альмерию, Виго, Картахену, Портсмут и Кёнигсберг (теперь Tsargrad), а тащить оттуда посуху долго и дорого, море же теперь контролируется подлыми португальцами и арагонцами.

А из этого следует уже третья неприятность — ганзейцы втрое задрали цены за свои услуги из-за рисков. Слишком велик теперь шанс попасть под удар. Союз Вольных городов

Ганзы не хочет ссориться с Португалией, вблизи берегов которой проходит самый выгодный ныне торговый маршрут — в Маракайбо; а Жуан Третий Ависский предупредил торгашей, что заходы во французские и наваррские порты будут им расцениваться как враждебные действия. Вуаля! И как теперь воевать?

Имперцев, конечно, никто не тронет, подарки они привезли в Марсель, но чем их можно заинтересовать, для организации регулярных поставок? Нечем. Ничего для них интересного во Франции и Италии не осталось, да и в Европе все эти скульптуры-картины уже заканчиваются. Нет, это нереально. Не будут имперцы возить на своих кораблях зерно, точно не будут. Проще отдать венецианским торгашам Верону, Феррару и Равенну и, с их помощью, наказать сначала Арагон, а потом и Португалию. Наказать и упразднить эти подлые королевства, как поступила империя с Кастилией, а Англия с Шотландией. Жалко трёх богатых городов, конечно, но это, по крайней мере, вполне реально. Дойдёт и до самих венецианцев черёд. Обязательно дойдёт. Когда-нибудь...

Король Франциск размышлял, рассматривая подарки. Начал он, разумеется, с оружия. Что это такое, он понял сразу. Короткоствольные огнестрельные игрушки производил ещё Леонардо да Винчи, это просто их воплощение с инкским совершенством. Одна «игрушка» с более длинным стволом и подачей патронов круглым барабаном, и совсем небольшой пистолет, который можно незаметно носить в кармане инкских штанов, или куртки. Так вот, оказывается, зачем нужны эти нелепые карманы, уродующие одежду... Интересно, насколько убойны эти «игрушки»? Патрончики маленькие совсем, инкского пороха в них помещается немного... получается, это оружие, чтобы бить почти в упор, по меркам огнестрела, конечно.

Франциск Первый, при помощи инкского инструктора, разобрал пистолет, в очередной раз подивился изобретательности и мастерству инкских оружейников, собрал обратно. Ничего сложного, если запомнить последовательность действий. Потом он исследовал револьвер, зарядил обе «игрушки», хотел было пойти пострелять, но решил отложить. Не всё интересное ещё рассмотрено и оценено.

Часы. Часы побольше, с крышкой и секундной стрелкой, на цепочке, опять, видимо, для кармана, и поменьше, с ремешком, эти точно для ношения на руке. Подумать только, до чего же маленькие. А ведь часы — довольно сложный механизм. Даже инкские напольные, с маятником, могут повторить считанные единицы ремесленников во Франции и Ломбардии, а про такое совершенство и говорить не приходится.

Инструктор вскрыл механизмы. Господи, их даже рассмотреть трудно, не то, что сделать, а ведь все эти колёсики не из бронзы, а из стали, да ещё и нержавеющей. Невероятно. Просто невероятно.

«Так, а что это Монморанси так долго молчит? Часа полтора уже. Что это он вдруг затих, чем так увлёкся?»

— Что вы там читаете, герцог? Монморанси, вы оглохли?

— Что? Извините, Сир! Слегка увлёкся.

— Очень интересно?

— Просто потрясающе! Сначала читалось тяжело, орфография непривычная, но как втянулся — оторваться уже не мог.

— Maurice Druon «Les Rois maudits», «Le Roi de fer»* (*Морис Дрюон «Прокляты короли», «Железный король»). Кто этот Морис Дрюон?

— Понятия не имею, Сир, но с удовольствием бы с ним познакомился. Это роман в

семи частях. Начинается всё с казни Великого магистра ордена Тамплиеров.

— Даже так... любопытно, нужно будет почитать. Так, а это что... Joseph-François Michaud «Histoire des croisades»* (*Жозеф Франсуа Мишо «История крестовых походов»). Про Мишо вы, конечно, тоже никогда не слышали, герцог...

— Никогда и ничего, Сир.

— Так я и думал. А инки уже издали его «Историю крестовых походов» в трёх томах. Издали на французском языке и прислали нам. Зачем?

— Читать, Сир.

— Я похож на идиота, Монморанси? Разумеется — читать. А из прочитанного сделать выводы. Кстати, мне кажется, вы начали читать не сначала. По хронологии, первой должна быть «История крестовых походов».

— Наверняка вы правы, Сир. Начинайте с «Истории», а я продолжу «Проклятых королей». Потом ещё раз перечитаю. Вы разобрались с этим маленьким оружием?

— Конечно, герцог. С оружием разобраться проще всего. Как его инки изготавливают — непонятно, но использовать точно не сложно. Нужно испытать.

— А эти штуки, Сир? — герцог де Монморанси и граф Артуа указал на патефон и граммофон.

— Эти ещё нет. Милейший идальго, что это за механизмы? — спросил король у инкского инструктора по-испански.

— Это механизмы для воспроизведения звука, ваше величество. Мне проще показать их работу, чем объяснять словами.

— Извольте.

Инструктор вставил кривую штуку из нержавеющей стали в специальное гнездо и покрутил, взводя пружину. Достал из конверта чёрный диск, с небольшим отверстием и бумажной наклейкой в центре, уложил его на «тарелку» механизма, запустил вращение и поставил какое-то, встроенное в механизм, приспособление с острой иглой снизу, этой самой иглой на самый край вращающегося диска, и

Дар речи первым вернул себе герцог де Монморанси, минут через пять, после того как стихли волшебные звуки музыки.

— Ciao Bambino Sorry* (*песня Мирей Матье) — это по-итальянски, Сир.

— Вы пытаетесь сказать мне обидную гадость второй раз за несколько минут, Монморанси. Конечно «Чао бамбино» по-итальянски, а «сорри» по-английски, чёрт побери. Я даже девицу узнаю по голосу. Это та самая мадмуазель-крестьянка, любовница императора, которую он забрал с собой в Новый Свет. Мы, помнится, тогда немало ехидничали по этому поводу.

Было дело. Император подобрал в окрестностях Фонтенбло девицу-простолюдинку, сироту, смуглую от солнца, да ещё и страшную — слишком высокую и худую, с едва заметным бюстом и узкими бёдрами. Уродина, самая настоящая уродина, правда с симпатичным личиком, но лицо-то прикрыть просто, в отличие от всего остального. А он, оказывается, не глазами её выбирал. И может быть даже не как любовницу...

— Кто-же знал-то, Сир.

— Нас тычут носом в нашу непроходимую глупость, герцог. Тычут очень куртуазно, изящно и почти не обидно, но очень поучительно. Музыка послушаем после, она слишком увлекает, а мне не терпится испытать это маленькое оружие. Составите мне компанию, или продолжите читать?

— После почитаю, Сир, всё равно семь томов — это надолго, а новое оружие мне тоже очень интересно.

Двадцать третьего февраля 1528 года, из Маракайбо в Царьград (бывший Кёнигсберг) отправилась эскадра из семи «клипперов» и четырёх шхун, с русскими экипажами, слегка разбавленными англичанами, с английскими капитанами, но русскими старшими помощниками. Эскадра взяла на борт экипажи для ещё трёх шхун с Канарских островов, три артиллерийские батареи с подготовленными расчётами и командирами и пять рот пехоты — три роты охраны батарей, разведывательно-диверсионная рота и музыкальную роту-оркестр в составе сорока двух исполнителей, вполне приемлемого качества, особенно по нынешним временам.

Всего тысяча семьсот двенадцать человек, но расовых русских, бывших османских пленников, меньше полутора тысяч. Нашлись добровольцы и среди расовых инков, сносно владеющих «утраченным языком богов». В диверсионно-разведывательной роте, например, почти три четверти личного состава из таких, а в охранных около половины. Расовые инки из арауканов, очень воинственных племён юга Чили и Аргентины, которые сами арауканами себя не называют. Это их инкское название — означает «враг», на языке кечуа. Повоевать за Русское царство захотели больше двух сотен очень воинственных «товарищей врагов», не слишком теплолюбивых, при этом. Минусовая температура для них шоком точно не станет, а в морозы оденутся потеплее. «Не бывает плохой погоды, только плохая одежда».

Ещё с эскадрой отправлялись сорок два медика и восемь учителей для русского цесаревича и принца Уэльского, Ивана Васильевича Рюриковича Тюдор. Учителя японского, китайского (ханьского), хинди, арабского, турецкого, и «утраченного» языков, с учебниками и книгами аутентичных сказок; учитель математики и логики и учитель физической культуры и гигиены. Европейские языки Иван Васильевич и так выучит, носителей вокруг хватает.

Только пригодятся ли они ему? Кто в Европе сохранит свой язык, свою идентичность и свою культуру? Даже за Англию теперь поручиться нельзя. Знать в Англии уже учит «утраченный язык богов», слишком она там впечатлена знаниями сэров Томаса Мора, Матвея Егозы и Семёна Новика, подчерпнутыми из «наследия богов». А ведь эти трое сделали благодаря этим знаниям просто немыслимые карьеры. Всем теперь хочется приобщиться к этому наследию, причём, обогнать при этом потенциальных конкурентов.

Такой же процесс запущен в Испании. Не только в её имперской части, бывшем королевстве Кастилия, но и в Португалии, Арагоне и Наварре. «Утраченный язык богов» усердно изучают Карл и Фридрих Габсбурги, Жуан Ависский, Генрих д'Альбре, а с ними и высшая знать трёх королевств Пиренейского полуострова. Выучат все, никуда не денутся, а как выучат сами, начнут учить «младших». Знаниями ведь мало обладать, их нужно применять, нужно работать руками, а для этого к ним придётся приобщать и смердов.

Не жалко знаний? Нет. Нисколько не жалко. К тому времени, когда Европа ими в достаточной мере овладеет, разрыв в технологическом и экономическом аспектах станет уже непреодолимым. Знания помогут европейцам вовремя сдаться. Не важно кому — Империи Инков, или Русской Империи Севера. Всё равно это лучше, чем выродиться в никчёмных, не воспроизводящихся естественным путём педиков.

До Канарских островов, эскадру проводят два корабля, серии «винджаммер-три»: «Птах» и «Вишну», они идут на замену трёх шхун, отправляемых к русским. И между островами Канарского графства связь держать нужно, и с имперскими герцогствами-

графствами в Кастилии, да и с «большой землёй» связь тоже может понадобиться.

Двадцать первого марта, в годовщину, по уже сложившейся традиции, подвели с Эль Чоло итоги года. Восьмого года их воздействия на эту историческую реальность. Обсуждали в основном духовную составляющую.

Папа Климент Седьмой теперь непререкаемый авторитет в христианстве. Ещё бы, после кельнского-то забоя еретиков «солнечными ударами» медной кувалдочки. При этом, Папа, в «девичестве» Джулио Медичи, продолжает оставаться на удивление лояльным Империи, несмотря на то что вся Европа уже пала к ногам его.

Папа «дрессирует» Игнатия де Лойолу, дрессирует верного пса, сам не зная зачем.

Зачем нам христианский пёс? А пригодится. Христиан много, очень много, если посчитать всех, а всех теперь и нужно считать. Раскол они преодолели, это уже вне сомнений. Раскол то ведь произошёл по политическим обстоятельствам, а теперь этих обстоятельств не существует. Автокефальные мракобесы в Русском царстве поставлены перед выбором — признать, или отвалить. Католики всё признали, так что заменить вас, удаков, есть кому. Все теперь православные, нет больше деления на Рим и Константинополь, все христианские пути сошлись в Новом Свете, в Маракайбо.

Храмы Инти начали строить не только в имперских, бывших Кастильских, герцогствах и графствах, но и в Царьграде, Лондоне, Портсмуте, Сарагосе, Барселоне, Валенсии, Кельне Памплоне и Лиссабоне. Храмы Солнца, Дворцы культуры, в которых ничего не проповедают, только учат. А чего проповедовать, если Создатель всемогущ? Всемогущ и всеведущ, тебя Он знает, как облупленного от рождения и до смерти, знает даже то, что ты ещё не совершил. Нужны ли рабы Всемогущему? Такие ничтожные в своих возможностях рабы? Вопрос риторический.

Живите по совести, люди. Будьте людьми. Людей-людей, от людей-животных, отличает совесть — именно в совести наше подобие Создателю. Только в совести и ни в чём больше.

Третьего апреля 1528 года, Савелий, с флотом из двенадцати «винджаммеров», отправился на север, основывать новую столицу Империи. Компанию ему составили Папа Климент Седьмой, послы: русский, князь Семён Фёдорович Бельский; португальский, граф Васко да Гама де Видигейра; и ганзейский, бюргер города Гамбурга Клаус Мюллер; а также имперские герцоги-испанцы, все четверо, вся хунта: Паскуаль де Андагойа герцог де Куба, герцог де Андалусия, граф Севильи; Хуан Понсе де Леон герцог де Пуэрто-Рико, герцог де Галисия, граф Сантьяго-де-Компостелы; Франсиско де Гарай, герцог де Ямайка, герцог де Гранада, граф Альмерии; и Хуан де Грихальва герцог де Эспаньола, герцог де Мурсия, граф Картахены.

О планах основать Тауантинсу́йу (именно так, по самоназванию Империи Инков на языке кечуа, решили назвать город Савелий и Эль Чоло) — новую столицу Империи в Северной Инке, широко известно стало полгода назад, когда имперская казна объявила о возобновлении закупок, по фиксированным ценам: стали, лошадей и мясомолочного скота, с поставками в Нью-Йорк и Монреаль. Тогда же и пошли просители — взять их в свидетели этого эпохального события.

Пусть будут. Чем представительнее компания, тем больший след событие оставит в истории. Да и на запланированной мировой презентации фотографии, приуроченной к основанию новой столицы, лучше запечатлеть персон повлиятельнее. Никому ведь не интересно разглядывать неизвестных людей.

Пока Империя Инков занимается основанием новых городов, освоением территорий и

развитием промышленности и науки, Европа готовится к войнам лета 1528 года. Сухопутным войнам, морские и зимой на паузу не встают. На этот раз воевать будет вся Европа в полном составе, в стороне от великих и славных дел не останется никто.

Русское царство и Английское королевство (Северный союз) планируют завоевание и упразднение королевств Швеции, Дании и Норвегии; Османская Империя и Наваррское королевство (пока не объявившие о своём союзе) собираются воевать против Германского союза Священной Римской Империи, Швейцарских Кантонов и Вольных городов Ганзы; а южане продолжать, начатую в прошлом году, войну Западного союза (королевств Португалии и Арагона) с королевством Франция и, примкнувшей к Франции, Республикой Венеция (назовём это объединение Центрально-Средиземноморским союзом).

На море военная конфигурация ещё более затейлива. Турки-османы, для охоты на торговцев-ганзейцев, базируют свои эскадры во французских Амстердаме и Антверпене. Базируют на коммерческой основе, как торговцев, но это такое себе лукавство, не слишком лукавое, все всё отлично понимают — союз крупнейших в моменте европейских игроков — Французского королевства и Османской Империи намечается очень явно.

А кроме того, Европе грозит опасность крестьянских войн. Даже не крестьянских, а классовых. Европейская знать всё больше тратит на роскошь и диковины из Нового Света — это помимо постоянно растущих военных расходов. Все инкские новинки моментально становятся модными, а мода ведь дело такое — только отстань от неё и сказу прослывишься деревенщиной. А все эти новинки дороги, очень дороги, и их ассортимент постоянно пополняется.

Не успели все обзавестись зеркалами, по цене в два веса серебра — нате вам напольные часы и музыкальные шкатулки; только местные ремесленники освоили производство «контрафакта» — нате часы уже карманные и наручные, а вместо музыкальных шкатулок — патефоны и граммофоны с пластинками. А ещё шоколад, какао, кофе и сахар — теперь продукты ежедневного потребления в определённых кругах, инкская парфюмерия, да и про медицину забывать не стоит, жить-то хочется. И прочая, и прочая... А всё это стоит дорого, очень дорого и высасывает из Европы монетарные металлы — золото, серебро и медь.

Европейские оружейники ничего не могут противопоставить инкскому военно-промышленному комплексу, хоть и додумались уже до проковки стволов из проволоки на оправах — ВПК Империи от этой дорогущей технологии давно отказался. Себестоимости производства в Новом Свете постоянно снижается, поэтому есть возможность давить местечковых конкурентов ценами. Только-только где-нибудь наметится серьёзное производство, сразу начинается демпинг, и это производство разоряется.

А налоги всё растут, серебра в обороте всё меньше, кредиты всё дороже — и куда бедному простолюдину податься?

В общем, классическая революционная ситуация: «Верхи больше не могут, а низы не хотят», уже назрела, теперь вполне возможна смычка крестьянства с люмпен-пролетариатом (разорившимися ремесленниками) на четыре века раньше, чем в той исторической реальности, да плюс орды нищенствующих беженцев от турков-османов, со счетов сбрасывать не стоит, этим вообще нечего терять, ими всё уже потеряно. Тяжелее всех, ситуация в Священной Римской Империи, а легче — в Русском царстве.

В Русском царстве, канцлер, князь Иван Фёдорович Бельский, по имперскому образцу организывает крупные казённые производства. Относительно крупные, конечно, но в Европе и такого нет. Словом, у него все мастерские при деле, да и крестьянству не до бунтов

— полным ходом идёт программа заселения земель Дикого поля, Поволжья и Крыма. Государева программа, обязательная для всех, в том числе и для вотчинных бояр. Каждому выписана разрядка — сколько молодых семей выделить для переселения. И попробуй не выдели — запросто лишишься не только вотчины своей, но и головы.

Если Руси какой-то бунт и грозит, то феодальных владетелей, а это не так опасно. Страшно далеки они от народа, князя с боярами, никто их не поддержит. Соберут, в лучшем случае, тысяч десять, и прихлопнет их Василий Третий Иванович даже не напрягаясь. Кстати, Русскому царству это только на пользу пойдёт, между нами говоря.

В Британии, в этом плане, обстановка похуже, чем на Руси, но всё равно гораздо лучше, чем у всех остальных европейцев. Лорд-канцлер Британского королевства, сэр Томас Мор, герцог Саффолк, герцог Глазго и граф Нортумберленд, в проведении модернизации экономики, от своего русского коллеги и хорошего приятеля не отстаёт. Он тоже создаёт казённые производства, которые поглощают и разорившихся ремесленников, и лишних крестьян. Да и флот с армией растут постоянно, изымая из общества самые буйные кадры. К тому же, из Британии проще всего перебраться в Новый Свет, среди прочих европейских держав — рейсы в Портсмут имперский флот совершает регулярно, каждый месяц, и бесплатно перевозит переселенцев на обратном пути. Желających большая очередь, но надежда на лучшее будущее в них пока жива, так что бунтовать они вряд ли начнут.

В Османской Империи, Франции (с Италией), Португалии, Арагоне, Наварре Венецианской республике, Швейцарских кантонах и Ганзейском союзе Вольных городов, экономическая ситуация находится где-то между Британией и Священной Римской Империей. Везде одно и то же — повышение налогов, разорение ремесленников, обнищание крестьян и никакой надежды на лучшее будущее. Завтра будет ещё хуже, ага. Это понимание уже доходит до самых тёмных людей, до самых до окраин.

А на этом печальном европейском фоне блестит и сверкает витрина Империи Инков — имперские герцогства и графства бывшего королевства Кастилия. Нет пока массового туризма в Европе, но купцы-торгаши слухи разносят. Слухи про Рай на Земле.

Рай, в котором нет нищих и воров. Первых там пристраивают к делу, которое их кормит, а вторых просто казнят. Рай, в котором всех желающих перевозят в благословенный Новый Свет за счёт казны, а там их наделяют землёй. Да не по чуть-чуть, а по двести пятьдесят английских акров, самыми настоящими шателениями* (*владение мелкого феодала), а то и баронствами. И земля там, в Новом Свете, волшебная — палку сухую в неё воткни и вырастет из палки дерево. Вырастет волшебное дерево и заколосится шоколадом изобильно, и пожрать вдоволь хватит и на продажу останется...

Интерлюдия. 12 апреля 1528 года.

Адмирал Родриго Пике, граф де Пуно, свой третий Азиатский поход провёл в обратном порядке. Начал он с имперских владений, чтобы разгрузиться и оставить там переселенцев, а заканчивал его в Японии. Точнее, на острове Цусима, который сам когда-то для японцев завоевал, ну, помог завоевать. На Цусиме, где у Империи теперь имелась торговая фактория, адмирал собирал конвой азиатских торговцев, чтобы вести его в Лиму — показать дорогу и представить на месте.

Собирал он купцов отовсюду: из Японии, Кореи, Китая, Малайзии, Индии и Индонезии. Не существовало пока многих из этих государств в природе, это имперское определение этнических территорий, раздробленных пока на всякие султанаты, махараджества, ванства и прочие княжества, но не суть, тем и лучше. Каждый местный князёк своего торговца

снарядил — почти две с половиной сотни посудин к походу готовы. Не все они, конечно, дойдут до Лимы на этих ушатанных корытах, жалких подобиях европейских каракк — Великий океан любит кушать такие, почти беспомощные, жертвы, но тут уже ничего не сделаешь. Дойдут лучшие, а после расскажут остальным.

Империи нужны азиатские товары, нужны хлопок и шёлк, благовония, пряности и специи, всякие металлы и продукты крестьянского труда, но не самим же всё это возить. Адмирал-граф мыслил категориями государственными — сами азиаты пусть всё добывают, перерабатывают, выращивают и сами же привозят. А в Лиме уже подумают — покупать, или подождать снижения цены. Не хотите цену снижать — никто не заставляет, везите всё обратно, так дорого нам это всё не нужно. Это называется «рынок». Отличная штука, которую придумал сам Сын Солнца, император Интико Роки и устроил в Маракайбо. А чем Лима хуже? Ничем, даже лучше. С Азией сейчас торговать гораздо выгоднее, чем с Европой.

В общем, пусть азиаты сами свои дешёвые товары в Лиму возят, а имперскому флоту Тихого океана найдётся более благородное занятие — война с пиратами и снабжение своих городов. Только народившихся и пока непривлекательных для торгашей, но своих, родных, имперских городов. Да и самые ценные грузы из факторий — золото, серебро, медь, драгоценные камни, жемчуг и самые дорогие специи-пряности-благовония кому попало не доверишь.

Азиатский «рынок» требовал гораздо больше, чем смог бы перевезти адмирал на вверенном ему флоте. Гораздо больше и туда, и обратно, поэтому граф Пуно решил рискнуть, взять на себя ответственность, и проводить караван в Лиму. Всё равно, где она расположена — эти азиаты уже знают, атласы карт все купили, как и навигационные приборы, так что найдут со временем, континент ведь не спрячешь, не передвинешь, это не корабль.

Да и к чему прятаться от торговцев, которые везут тебе доходы? Наоборот, им нужно организовать самый благоприятный маршрут, со стоянками на марианском Гуаме, или на гавайской Оаху. Стоянками, с бункеровками водой и провиантом, такое уже возможно. А дальше пусть конкурируют наперегонки. Империи это будет очень выгодно. Так рассудил имперский адмирал Родриго Пике, граф де Пуно. И он не ошибся.

Купцы собирались на Цусиме под гарантии безопасности дайме Асикага Такаудзи, двоюродного дяди сёгуна Асикага Ёсихару, хорошего приятеля, можно даже сказать — друга адмирала-графа Империи Инков.

Именно с Такаудзи и его самураями, в своём первом Азиатском походе на одиноком «Посейдоне», тогда ещё не граф и не адмирал, а капитан, Родриго Пике, топил пиратский флот у Цусимы; именно с дайме Цусимы, ведёт он японскую торговлю. Почему-то, на большие острова, которые японцы именуют страной Ямато, чужеземцев не пускают. Странные люди. Себе же хуже делают — большую часть прибыли отдают Цусиме.

Дайме Асикага Такаудзи пользуется этим в полной мере. Флот и армия у него теперь сравнимые с японскими, а казна даже больше.

Теперь друг Такаудзи практически независимый правитель — сюзерен пусть и маленького, но богатого государства. Он сам решает — с кем воевать, а с кем заключать мир. Он уже захватил корейский остров Коджедо и отбил у, перебравшихся туда с Цусимы, пиратов остров Чеджудо. Каждый год Такаудзи проводит китайские кампании, по ограблению прибрежных территорий, довольно успешно проводит, увеличивая свою славу и богатство, что, в свою очередь, привлекает к нему всё больше самураев из Японии-Ямато,

которые перебираются к дайме Цусимы целыми кланами.

А теперь Асикага Такаудзи заключит дипломатические отношения и сам начнёт торговать с Империей за всю Японию, да и Корею, пожалуй. Только он, из всех азиатов, отправляет своё посольство в Куско. Он будет первым, и получит лучшие условия, которыми обязательно воспользуется.

Дайме Цусимы учится много и старательно. Он уже успел понять и по достоинству оценить ценность знаний, заложенных в имперские книги, знаний «утраченного наследия богов». Такаудзи уже читает и общается по-испански, говорит правда с сильным акцентом, заменяя звук «л» звуком «р», но фразы свои строит очень грамотно и даже, можно сказать, благородно. Читает на «забытом языке богов» и постоянно просит привезти ему новые книги. Теперь он сам будет покупать их в Империи.

— Скажите, друг мой, граф Родриго-сан, продаст ли мне Империя такие корабли, как у вас?

— Не знаю, друг мой, герцог Такаудзи-сан. Такие решения у нас принимает сам император, Сын Солнца. Может разрешить продажу, а может нет.

— А вы не могли бы походатайствовать, друг мой?

— Обязательно это сделаю, не сомневайтесь, Такаудзи-сан. Вы — самый верный друг Империи в Азии, в этом я уже убедился, и обязательно доложу это моему императору. Если кому-то и продадут такие корабли, то вам в первую очередь, будьте уверены. Кстати, один из кораблей нашего флота называется «Аматерасу», правда служит он в Атлантическом океане.

— Это хороший знак, Родриго-сан. Ваш Сын Солнца проявляет уважение к нашей богине Солнца. Значит там, наверху, у них хорошие отношения.

— Я тоже так думаю, Такаудзи-сан. Такие же отношения должны возникнуть между нами и здесь, внизу. Тогда император пойдёт вам навстречу. Конечно, он поставит условия, но уверен, что не потребует ничего, унижающего ваше достоинство и честь. Об этом уже должен договариваться ваш посол. У него достаточно полномочий для заключения союза с Империей?

— Не сомневайтесь, друг мой, Родриго-сан. Сиоку Орусата будет говорить от моего имени, а я отвечать за все его слова.

Город Тауантинсуйу, новую столицу Империи Инков, официально основали шестнадцатого июня 1528 года, закладками символических первых камней в фундаменты будущих зданий.

Больше Савелию понравилось место, где в другой исторической реальности стоял Детройт, там и затеяли торжественную церемонию, с участием лично императора, Папы Климента Седьмого и других высоких гостей, под прицелами объективов двух десятков фотографов. Уж об этом то событии, история точно сохранит достоверную память.

Местные племена уже оценили выгоду от сотрудничества с пришельцами с юга — они два года выгодно торговали с Нью-Йорком и Монреалем, сбывая намытый в ручьях никчёмный жёлтый металл, мягкий и тяжёлый, и приобретая за него отличные стальные ножи и мечи, бронзовые наконечники для копий и стрел и, конечно, «огненную воду» для праздников и ритуалов. Алкоголь задорого, действительно только для главных праздников и самых ответственных ритуалов, спаивать будущих подданных Империи никто не собирался.

Люди пока слишком ценный ресурс, а совсем никчёмных людей не бывает. Каждый может принести пользу, будучи употреблённым на своём месте. А про неполноценные народы и говорить нечего — это хуцпа бывших египетских рабов. Те же европейцы всего

полторы-две тысячи лет назад жили в большей дикости, чем здешние аборигены. Да и сейчас... Грязные, вшивые, вонючие, дерьмо прямо из окон на улицы выливают. Да и в моральном плане они местным сильно уступают. Позаимствовали свою моральную проказу у беглых рабов неизвестного истории фараона.

Северная Инка, в районе Великих озёр, не имеет равных конкурентов по возможностям промышленного развития, среди других регионов мира. Всё сырьё рядом, либо на берегах системы озёр, либо на ближайших ко входу в систему островах. Транспортировка по воде всегда выигрывала конкуренцию по стоимости у наземной, а тут даже каналов строить не пришлось. Бесценный подарок природы.

Именно здесь, в другой исторической реальности, создавалась промышленная мощь США, так что велосипед изобретать не требуется, просто всё повторить, проведя работу над ошибками, которых там хватало.

Итак, первым делом нужны пароходы. Причём пароходы-буксиры лёгкого ледового класса, способные взламывать тонкий лёд на озёрах и в протоках между ними и работать круглый год.

Верфь так и просится в Нью-Йорк. Сталь в слябах из Европы уже везут, леса под пережог в древесный уголь в округе навалом, всё равно поля под пашни расчищать нужно, так что верфь может начинать работу на следующий день, после своей постройки. Это объект номер один.

Объект номер два — сталеплавильный завод в окрестностях Тауантинсуйу, южнее по течению реки Детройт (кстати, река пусть так и называется), у входа в озеро Эри. Завод именно сталеплавильный, а не комбинат полного цикла. Содержание железа в руде с месторождения Месаби, расположенного на западном берегу озера Верхнее, семьдесят четыре процента. С этого показателя начинали там, а здесь мы ещё и обогатить сумеем, процентов до девяносто пяти — девяносто семи, так что получим практически чистое железо в порошке.

Отсюда третий объект — город-порт на озере Верхнее, с обогащительным производством, а значит собственной электростанцией. Тамошний Дулит для этого отлично подходит — и речка там подходящая протекает, и дамбу на ней известно где нужно строить.

Четвёртый объект — город и порт на острове Новая Шотландия, возле угольного месторождения Уэствилл. Там город назывался Новый Глазго, пусть и здесь называется так же. Шурина, лорду-канцлеру Британского королевства, сэру Томасу Мору, приятное сделаем, он ведь теперь ещё и герцог Глазго, помимо всего прочего.

Ну, а сам Тауантинсуйу, получается — объект только номер четыре. Здесь запросто можно строить из кирпича, а значит, с кирпичного завода наша новая столица и начнётся. Это помимо уже традиционной центральной площади, с четырьмя зданиями-дворцами по углам. Вот исходя из этих приоритетов, имеющийся в наличии народ, по строительным площадкам и нужно распределить. Ничего сложного.

Интерлюдия. 17 июня 1528 года.

Василий Третий Иванович Рюрикович уже третий день обследовал свой новый флот, корабль за кораблём, и недоумевал. Почему этот совсем молодой император из Нового Света так благоволит к Русскому царству? Ведь подарок этот даже не царский-королевский-императорский, а действительно Божественный. Четырнадцать кораблей, равных которым не имеет никто в Европе. Строят и побольше размером, те же галеоны, но артиллерия на них бронзовая, собственного дремучего производства, которая дальность стрельбы имеет втрое

меньшую, против стальной инкской.

Каждый корабль несёт всего по двенадцать пушек — погонную, ретирадную и по пять на борт, но этого за глаза хватит даже для эскадры галеонов. Эти пушки не бьют залпами в ту сторону, авось что-нибудь да попадёт, эти попадают почти всегда, а всего трёх, много четырёх, попаданий галеону достаточно для утопления. По три четыре выстрела, эти пушки делают за минуту, вот и считайте.

Снаряды для них жутко дороги, но и их привезли по сотне выстрелов на ствол. А ещё три батареи полевой артиллерии, три роты охраны, специально подготовленную роту разведки и диверсионной борьбы и полуроту музыкантов. Всех в полном снаряжении, с вооружением, боеприпасами и инструментами, подготовленных по инкским уставам. Да и опытные все уже, никто меньше полутора лет не служит. В боях пока не участвовали, но у них, говорят, там учения, как у нас тут бои. Из присланных тысячи семисот человек, полторы тысячи наших, православных, которых император выкупил у османов. Выкупил! Выкупил, откормил, научил воевать, снарядил, вооружил и подарил, вместе с кораблями — сильнейшим, хоть и небольшим, флотом Европы.

Не холопов зависимых подарил, сами то по себе, все они теперь свободные имперские подданные, но, по присяге, свой срок отслужить обязаны, иначе, это будет считаться дезертирством. Тяжким преступлением, за которое в Империи пожизненно сажают в яму со свиньями. Затейники, да. Вроде и не казнят, но лучше уж на колу по-быстрому отмучиться, чем так доживать — со свиньями за обедки драться.

А вдобавок к этому великолепию — сорок два инкских медикуса-чародея, со всеми инструментами и запасами «инкской соли» и восемь учителей для цесаревича, с целым возом книг.

«Повезло Ваньке, кто бы обо мне так в детстве заботился... Тут одними книгами на полтора пуда золота, не меньше».

Про прочие подарки можно и не упоминать, хотя и они, как всегда, с половину Русского царства стоят. И что он за всё это попросил? Не лезть Русскому царству за Одер, не нарушать договор с османским султаном Сулейманом Первым, а если возникнет нужда там повоевать каких-нибудь слишком наглых ганзейцев, то делать это следует под Британским флагом. Швецию, Данию и Норвегию воевать можно и нужно. Весь огневой припас, который будет на них потрачен, император пообещал возместить за свой счёт.

Вот и понимай, как хочешь. Знает ведь откуда-то и про обиду на Ганзу, хотя Василий Третий эти обиды ни с кем и никогда не обсуждал, и план сразу предложил очень интересный — поверстать за службу толковых и радивых княжичей и бояричей, младших сыновей, в британские бароны-рыцари, хоть бы и в той-же Дании, а после уже их руками... Всё равно ведь, все они будут подданными-вассалами Русской Империи Севера, императора Ивана Васильевича Рюриковича-Тюдор, вот и пусть начинают перемешиваться, привыкать друг к другу, к порядкам и обычаям.

Вечером, двадцать второго июня, всё тщательно проинспектировав, Василий Иванович собрал «Малый совет» — любимую жену, Британскую королеву, Марию Первую Генриховну Тюдор; канцлера Русского царства, князя Ивана Фёдоровича Бельского и посла Империи в Русском царстве, графа Михаила Камутамачева.

— Говори, граф — чем мне за такие подарки твоего императора отдариваться придётся? — граф Камутамачев получил свою, дипломатическую почту, наверняка там ему что-то объяснили, поэтому Василий Иванович начал с него.

— То — подарки, государь. Отдариваться за них не требуется, иначе — это уже не подарки, а корытный засыл. Подарки дарятся не для получения отдарков. То, что просит мой император — ты знаешь, письмо от него ты получил. Большого мне неведомо.

— Ничего он не просит. Все его пожелания — к моей же пользе, а не к его.

— Сына Солнца, нам, простым смертным, понять невозможно, государь. Считай, что твоя польза, суть есть часть его замысла, а почему — то мне уже неведомо. В моей почте он тоже ничего не объясняет. Просит девиц найти, со слухом музыкальным и голосистых, и предъявить их капитану твоей музыкальной роты Пахому Сироте, чтобы тот отобрал парутройку лучших, для отправки в Империю.

— Полюбовниц так не выбирают, — заметил канцлер-князь Бельский, прибывая в задумчивом состоянии.

— Сказал бы что-нибудь умное, — буркнул Василий Иванович, — это мне и без тебя понятно. Полюбовниц у него там и так целая Империя, да и вся Европа в той очереди стоит.

— Не вся. — возразила Мария Генриховна.

— Не придирайся, — вздохнул Василий Иванович, — ты меня отлично поняла. Да и причём здесь вообще любовницы? Я о них ни слова не говорил — вон в Бельского ядом своим плюйте, ваше королевское величество. У меня своё болит. Он ведь, на самом деле, не корабли, батареи и роты нам дарит, а через них королевства и ханства. Это до меня только недавно дошло, а он это годами тому назад запланировал. Чем мы ему так любимы?

— А какая разница — чем именно? Главное, что любимы. Император холост, нужно предложить ему невесту. Согласится — отлично, а откажется — тоже хорошо, он обязательно обоснует свой отказ, хоть что-нибудь понимать начнём.

— Ты про Софью?

— Конечно. Другой дочери у нас с тобой пока нет.

— Это какое-же за ней приданное давать придётся... Император своим зятьям даёт герцогства, с королевство размером. Или войска, для их завоевания, как твой лорд-канцлер в Портсмуте получил.

— Я ведь не предлагаю нам с ним равняться, это было бы слишком глупо, мой государь. Предложим, что можем — невесту и... пусть за ней будет Ирландия. Я уверена, что приданное в этом марьяже далеко не главное. Согласен, муж мой? Объявлять Софью наследной Ирландской принцессой?

— Мелко как-то это. Ирландия какая-то... Похоже на попытку откупиться задёшево, но лучше никто ничего не предложил. Только вот как Софья замуж за язычника пойдёт? Император ведь креститься окажется.

— Ногами пойдёт, — улыбнулась Мария Генриховна, — левой-правой, правой-левой. Мой сэръ Томас Мор женат на язычнице, сестре императора — Навите. Женат на язычнице и ничего, Господь его за это не карает, а совсем наоборот. Как и герцога Паскуаля де Андагойя. В имперском храме Инти запросто их обвенчают, на религию молодожёнов там внимание не обращают. Папа тоже возражать не будет, наш Папа прибывает в свите императора и очень дорожит своим местом в ней, никого не стесняясь. Ходят слухи, что император подарил ему Маракайбо, но это пока только слухи. Вы слышали что-нибудь об этом, граф?

— Слышал, ваше величество. По своим официальным дипломатическим каналам. Сын Солнца не подарил Маракайбо Папе, он подарил ему все доходы города, превышающие обязательные имперские налоги и сборы, да и не вообще Папе, а лично Клименту Седьмому.

Но всё равно, это очень щедро. Ведь Маракайбо сейчас — самый богатый город в мире.

— Потом про чужие богатства поговорите, — прервал эту беседу Василий Третий Рюрикович, — не то мы сейчас обсуждаем. Пока ничего объявлять не будем, сватов зашлём тайно. До осени император будет заниматься своей новой столицей, в Северной Инке, а Нью-Йорк не так далеко от нас, как Маракайбо, успеем там его застать.

Бывший «Посейдон», получивший в русском флоте имя «Князь Владимир», увёз в Северную Инку посольство сватов, возглавленное лично канцлером Русского царства, князем Иваном Фёдоровичем Бельским, двадцать второго июня 1528 года, а уже двадцать седьмого, Василий Третий Иванович Рюрикович, через шведского посла в Царьграде, объявил войну королевству Швеция.

Первого июля, войну королевствам Дании и Норвегии объявил лорд-канцлер королевства Британия, сэр Томас Мор, герцог Саффолк, герцог Глазго, граф Нортумберленд.

К этому времени, боевые действия в Южной и Центральной Европе уже шли полным ходом. Сулейман Первый Осман снова осадил, не покорившиеся в прошлом году, Нюрнберг и Кемптен; Генрих Второй д'Альбре — Штутгарт; Франциск Первый Валуа — Аахен и Франкфурт на востоке и Жирону на западе.

Венецианцы высадили десант в тылу армии Карла Пятого Габсбурга под Барселоной, опустошали окрестности и затрудняли снабжение; вассал Османской Империи, султан Алжира, Хайреддин Барбаросса отправил своё войско под Валенсию; португальский король, Жуан Третий Ависский, послал двадцатитысячный армейский корпус на завоевание Сардинии, а ещё пятнадцать тысяч на помощь атакованному с трёх направлений Арагонскому королевству; Швейцарские Кантоны отправили сорокатысячную армию под Кемптен — последний имперский город на пути турок-османов к уже их Санкт-Галлену; а пятидесятитысячная сборная армия курфюрстов Священной Римской Империи и Ганзы пошла на помощь Нюрнбергу.

На море союзниками теперь выступали османский, алжирский и венецианский флоты, а к союзу Португалии и Арагона присоединился флот Вольных городов Ганзы.

Отличный получился замес, особенно учитывая, что русские отправили воевать только десять тысяч регулярной армии, которой без дела сидеть противопоказано. Ополчение и посошную рать не собирали, крестьяне по утверждённому плану заселяли новые земли и пахали-сеяли-собирали урожай. В отличие от остальных участников замеса, которые уже начали проводить у себя мобилизации. Не в действующие армии, а в службы снабжения, но всё равно, крестьян с лошадьми от работы отвлекли.

Двадцать восьмого июля 1528 года, из третьего Азиатского похода, в Лиму вернулся адмирал Родриго Пике, граф де Пуно. Вернулся с огромным флотом торговцев и посольством Цусимского дайме.

Не все торгоши дошли, из двухсот пятидесяти четырёх судов, сорок шесть пропали в Великом океане, но двести восемь добрались, а это неплохо, даже больше, чем изначально рассчитывал адмирал.

Через неделю, в Лиму прибыл вице-император Чалько Юпанки, теперь ещё и наместник всей Южной Инки.

Предложение взять в жёны овдовевшую сестру императора Чакту, с которого начал общение вице-император, адмирал принял сразу и с благодарностью. Ещё бы, ведь этим он роднился не только с самим императором Интико Роки, но и с вице-императором Чалько Юпанки, и с влиятельнейшими европейскими вельможами: лордом-канцлером королевства

Британия, сэром Томасом Мором, и герцогом Паскуалем де Андагойя.

— Для меня это великая честь, ваше величество.

— Какое-же я вам величество, граф?

— Самое настоящее, ваше величество. Даже превосходящее всех остальных, кроме нашего императора, конечно. Вы наместник континента, размером с Европу.

— Наместник, не монарх. Наместничество не наследуется. Да и пустое всё это, слова и не больше того, сотрясение воздуха. Вернёмся к нашим делам. От имени императора, поздравляю вас с производством и владением. С сегодняшнего дня, вы — герцог Гавайев. Владетельный имперский герцог.

— Безгранично благодарен, ваше величество.

— Императора поблагодарите, когда вернётся. Раз уж мы условились о свадьбе, вам придётся его дожидаться. В четвёртый азиатский поход отправим младшего флагмана, вашего вице-адмирала Юмко Науту. А пока, герцог, расскажите мне свои личные впечатления об этом дайме Цусимы. Подготовьте меня к переговорам с его послом.

— По моему личному мнению, дайме Асикага Такаудзи очень достойный и благородный человек, ваше величество. Умный и рассудительный правитель, богатый и славный, умелый полководец и флотоводец. Из него получится хороший союзник Империи в Азии. Я бы порекомендовал продать ему «Юнону» и «Авося». Только они у нас трёхмачтовые и потому замедляют скорость остального нашего флота.

— Продать — не продадим, но можем отдать, как приданное. У императора ещё две сестры на выданье, и он поручил мне заниматься их устройством. Талакте уже двадцать один год, ей давно пора замуж. Готовы ли вы рекомендовать дайме Цусимы в качестве мужа для сестры императора и нашего общего родственника?

— Готов, ваше величество. Асикага Такаудзи женат, но проблемой это не станет, сыновей у него пока нет. Там это просто решается — вернёт жену родственникам вместе с приданным, да приплатит немного сверху, ко всеобщему удовольствию.

— Это хорошо. Прошу вас отложить отдых и заняться подготовкой эскадры вице-адмирала Юмко Наута. Он повезёт невесту, если я договорюсь с послом.

— Договоритесь, ваше величество, в этом я не сомневаюсь.

— Тогда пусть «Юнона» и «Авось» сменяют экипажи и чистят днища. Тянуть с этим не будем. С послом будем говорить вместе. Завтра, вечером... нет, лучше днём — переговорим и все вместе пообедаем. У нас тут тоже неплохую японскую кухню подают, пусть порадует.

Восемнадцатого августа 1528 года, в Тауантинсуйу из Царьграда прибыло посольство сватов, во главе с хорошим приятелем императора, канцлером Русского царства, князем Иваном Фёдоровичем Бельским.

О свадьбе договорились быстро. А чего тянуть, если все согласны, кроме невесты, но она пока и говорить то ещё не научилась, чтобы своё мнение высказывать. Да и не интересуется здесь никто мнением девиц на выданье, не то время.

Ирландия в приданное. Королевство Ирландия, в котором, кроме собственно Ирландской короны, принадлежащей бывшим английским, а теперь британским монархам, есть ещё три — короны Десмонда, Тир Эогайна и Томонда; трёх крошечных, буквально микроскопических королевств на юге, севере и западе острова. Все эти короны, включая саму Ирландскую, придётся упразднить. Не должно быть в составе Империи королевств, тем более, королевств моноэтнических и с длинной историей. Такие квази-государственные

образования — это всегда мина, заложенная под имперское единство, даже если короны находятся в унии у одного правителя, всё равно это претензия на особость, на определённую исключительность — мы не такие, как все остальные. Не нужно нам этого.

Тянет весь остров целиком на герцогство, вот им он и будет, а микроскопические ирландские корольки станут обычными баронами, их наследные владения даже на графства не вытягивают. Сами корольки, конечно, такому повороту не обрадуются, но ирландцам в целом это только на пользу пойдёт.

О помолвке возвестили уже вечером восемнадцатого августа, следующий день объявили праздничным-выходным. Тем более, что он совпал с днём рождения будущей императрицы Инков, Софьи Васильевны, ей как раз исполнялся один год. До свадьбы осталось всего пятнадцать.

— Поздравляю, ваше императорское величество.

— Благодарю, ваше святейшество. Приглашаю вас на свадьбу. Как раз дворец построить успею.

— Дворец вы, конечно, успеете достроить и не один, вот только я боюсь не дожить, ваше императорское величество.

— Бросьте, ваше святейшество. Вам всего пятьдесят, самая интересная жизнь у вас только начинается. Не хотите же вы бросить начатое дело по объединению христианства?

— От моих хотений зависит не так много, ваше императорское величество. И до пятидесяти-то далеко не все доживают. Люди смертны. Но с объединением церквей, Римской католической и Русской православной, я надеюсь успеть. Дело идёт и стремление к объединению проявляют обе стороны. Только есть ведь ещё патриарх Константинопольский, а с ним мы диалог ещё даже не начинали.

— Хотите начать? Я договорюсь с султаном. Вашему посольству препятствий чинить не будут. Кстати, как там мой протеже, не разочаровал вас?

— Начать хочу. Как раз Игнатия де Лойола я бы в посольство и отправил. Очень способный молодой человек.

— Отправим де Лойолу. Только статус ему нужно повысить. Вы не возражать против учреждения им монашеского ордена? Собственно, я даже предложил бы вам объединить все ордена, а его назначить главным над всеми монахами. Как в русском православии. У них же нет деления на ордена. Да и у византийцев-греков нет такого. Возражать вам никто не посмеет.

— Недовольные будут, но возражать не посмеют, — согласился Климент Седьмой, — только зачем всё это? Я могу повысить статус Игнатия де Лойола кардинальской шапкой, ваше императорское величество.

— Да какой это статус... То ли дело — глава единого христианского монашеского ордена, да с владетельным главным командорством. Я готов подарить такому ордену Мальту, как имперское графство. Для начала, соберём туда остатки разгромленных султаном иоаннитов-госпитальеров. Вот и будет у вас статусный нунций. По совместительству — мой имперский граф, магистр ордена, да ещё и в вашей красной кардинальской шапочке. Он тогда и с Константинопольским патриархом договорится, и остальных монахов сам подомнёт.

— Такой орден нужен вам, ваше императорское величество?

— Пригодился бы, ваше святейшество. И мне, и вам. Нашлось бы ему дело. А то собрали в монастыри почти всех грамотных, но пользы они никакой не приносят. Паразитируют на

верующих. Это безобразие, которое идёт христианству во вред.

— Я должен подумать, ваше императорское величество. Это довольно сложный процесс.

— Какой процесс вы имеете в виду, ваше святейшество?

— Объединение орденов.

— Так не с этого ведь нужно начинать, ваше святейшество. Как говорил один очень неглупый человек — «Прежде чем объединяться, нужно окончательно размежеваться». Дайте Игнатию благословление на учреждение ещё одного ордена, а всё остальное он сделает сам. С моей помощью и вашими молитвами.

Двадцать восьмого ноября 1528 года, император вернулся в Маракайбо, хотел он остаться на зимовку в Тауантинсуйу, но Эль Чоло настоятельно призвал приехать на свадьбу сестры. Своими сёстрами, этих кобыл, Савелий не воспринимал, но раз шаман настаивает, значит это действительно важно. Ему виднее, он в этой кухне крутится-варится.

Свадьба адмирала Родриго Пике, герцога Гавайев и графа де Пуно с сестрой императора Чактой Капак состоялась двадцать первого декабря. Церемонию организовали двойную — в восточном нефе уже достраивающегося главного христианского храма, так пока и не получившего посвящения и названия, и в, уже достроенном, храме Инти. Храме, дворце Культуры и загсе, три в одном здании. Храм бога Солнца поменьше главного христианского примерно вдвое, но в роскоши как минимум не уступает своему христианскому коллеге по опасному бизнесу торговли опиумом для народа.

Если главным архитектором-дизайнером у христиан работал Микеланджело Буонарроти, гений, несомненно гений, но уже довольно пожилой, а потому слишком консервативный, то для языческого храма, Савелий подрядил на эту должность молодого гения, на всю голову отороженного творца, не признающего никаких авторитетов в искусстве, Бенвенуто Челлини. Вот они и соревновались своими гениями, устраивая в храмах музеи своих скульптур-шедевров, на благо Великой Империи Инков. Пока побеждал молодой Челлини, быстро освоивший процесс золочения бронзовых статуй гальваническим способом и последующей их полировки. Его скульптуры и статуи блистали, поражая воображение наблюдателей, абсолютно уверенных, что все эти гениальные творения отлиты из чистого золота.

Поражали и привлекали. В том числе и христиан, ведь и Христу нашлось место в храме Солнца, да и молиться ему там никто не запрещал. Организовывать массовые ритуальные служения запрещалось, а тихо, сам по себе — молись на здоровье. И молились, приходили помолиться даже христианские священники, ведь Челлини действительно создал настоящий шедевр. Шедевр и из самого Христа, и из всей своей храмовой экспозиции, внутренней и наружной.

Приданным за Чакту, герцог Родриго Пике де Гавайи, граф де Пуно, получил ещё одно владение — Новую Зеландию и ещё один герцогский титул.

Возможный будущий сепаратизм таких крупных феодалов несколько не смущал Савелия. Это на фоне Европы они крупные, а для Империи — тьфу и растереть. Империи Южной, Северной и Западной Инки, с, превосходящей всех остальных на порядок, экономикой, и, превосходящими на пол тысячелетия, наукой и технологиями.

Разрыв, конечно, будет сокращаться, и довольно стремительно, ведь знания в мир уже запущены, довольно скоро все научатся производить «инкскую соль» для производства бездымного пороха и капсулей, но опережение, как минимум, на век сохранится, уже

навсегда.

В экономиках уже пропасть, а она всё расширяется и расширяется. Пусть Европа умнеет, самые умные всё равно уедут из неё в Империю. И из заокеанских имперских феодалов уедут, нечего им там будет делать. Герцогства и графства занимаются купи-продаем, продавая имперское и покупая всё, хоть сколько-нибудь востребованное, но ни науки, ни производств они не развивают. И не потому, что запрещено, нет. Имперские герцоги и графы в первом поколении не видят в этом смысла. Есть у них добрая, нежная, заботливая и кормящая мама — Империя, и слава тебе Господи. А после, для их потомков, будет уже поздно.

Потомки-наследники феодалов будут воспитываться в Империи, в Лиме, получая образование — среднее образование, или даже высшее, по способностям и интересам. Не захотят новые феодалы бунтовать против Империи. Ведь они точно будут знать, что лучше уж сразу застрелиться, чем рисковать быть посаженным в яму со свиньями пожизненно. Конечно, найдутся отморозки, обязательно найдутся, но это даже к лучшему — на их трагическом примере будут крепить свою лояльность остальные.

Эль Чоло, мудрый и дальновидный шаман-вице-император, кроме Чақты, пристроил замуж ещё одну здешнюю сестру Савелия — Талкату. Договорился с послом дайме Цусимы, Коджедо и Чеджудо — Асикаги Такаудзи; и отправил её к будущему мужу, с эскадрой вице-адмирала Юмко Науты, не дожидаясь возвращения императора. Ну и правильно. Эти кобылы Эль Чоло даже роднее, ведь он и сам на одной из них женат, а Савелию они просто в наследство достались, вместе с телом донора.

Отправил шаман Талкату с приданным — из острова-имперского герцогства Новая Гвинея и двух «винджаммеров» первой серии, бывших «Юноны» и «Авося», которые для нашего флота уже стали тормозом. Да и Новая Гвинея не такая уж ценность, прямо скажем, на ней пока всего один город-форт основан, полезных ископаемых там нет, только своим размером этот остров и ценен. Для японца ценен, в Империи и без него места более чем достаточно.

В общем, за два морально устаревших корабля и ненужный остров, получили в Азии имперского герцога, близкого родственника нынешнего сёгуна. Уж ему-то никак не откажут в доступе на землю Ямато. А если вдруг откажут, он просто сам станет сёгуном, ничего слишком сложного в этом нет. При имперской то поддержке...

В Европе, 1528 год выдался осень горячим. Священная Римская Империя и Вольные города Ганзы потерпели очень чувствительные поражения на суше: под Нюрнбергом, от османского султана Сулеймана Первого и под Франкфуртом, от французов, под командованием коннетабля, герцога де Монморанси, графа де Франш-Конте; и на море — в Северном море, в полусотне миль северо-западнее Гамбурга, где объединённый ганзейско-португальский флот был разгромлен османско-алжирско-венетским. Верфи в Гамбурге тройственные союзники сожгли, вместе с половиной города. Вот и на землю Ганзы пришла война, не получилось у них повоевать «малой кровью на чужой территории».

Кроме Нюрнберга и Франкфурта, Священная Римская Империя потеряла, захваченный турками-османами, Кемптен; Аахен, который сдался на милость Франциска Первого Валуа, и Штутгарт, взятый штурмом королём Наварры и князем-архиепископом Кёльна, Генрихом д'Альбре. Последний своими успехами порадовал особо. Друг Генрих, из незначительного королька вырос в мощную политическую фигуру, которая вдоволь попьёт кровушки из всех европейских игроков без исключения. Друг Генрих — это новый Карл Великий, или

несостоявшийся пока Наполеон Бонапарт. Амбиции его достигают именно такого уровня, за это и ценим.

Генрих д'Альбре предоставил очень широкую автономию баскам, чем купил их лояльность и всецелую поддержку, и теперь не испытывает проблем с кадрами, для комплектования своей армии, а воины баски отличные. Только их в Испании и не смогли завоевать и покорить мавры-арабы, а это говорит о многом.

Карл Габсбург держится из последних сил. Жирону ему снова отстоять удалось, но алжирцы и венецианцы разграбили окрестности Валенсии и Барселоны — самые богатые районы королевства Арагон. Сами города отбились, а вот урожай в большей части потеряли — что оккупанты не сожгли, то вытоптали.

Португальский король, Жуан Третий Ависский, захватил Сардинию, но в морской битве у Гамбурга потерял большую часть флота метрополии. Теперь он вынужден отзывать флот Восточных морей, чтобы держать коммуникации с Сардинией. Не заладилась в этой исторической реальности колонизация европейцами Востока. Теперь португальцам не удержать даже Гоа. Они это отлично понимают и уже начали в Гранаде переговоры с графом Саго Миачо, о продаже своих восточных владений Империи. Переговоры о продаже Гоа, всё остальное там ничего не стоит, оно в придачу пойдёт, всё равно бросать придётся.

Объединённая армия Швейцарских Кантонов не смогла выручить Кемптен, который пал раньше её подхода и отступила в Санкт-Галлен, не вступая в сражение. Швейцарцы попали в полное окружение — турками-османами с востока и северо-востока, французами и итальянцами с запада и юга и наваррцами с северо-запада и теперь пытаются выйти из войны, но пока тщетно. Отрезанные от поставок инкских оружия и боеприпасов, они обречены — это отлично понимают и они сами, и их противники. Да и без закупок европейского продовольствия в горах долго не протянуть, там даже соли своей нет, вся привозная. Кантоны ждёт очень тяжёлое лето в наступающем 1529 году, прощать обиды, которых у всех их противников накопилось немало, швейцарцам никто не собирается.

Англичане захватили весь Ютландский полуостров и Норвегию с Осло и Бергеном, а русские Стокгольм и Або, всю восточную Швецию, с шведской Финляндией, некогда владением Новгородской республики, острова в Ботническом заливе и Готланд. Впрочем, захватили — громко сказано. Скорее заняли, аннексировали без боёв, мелкие стычки можно не считать.

Сражений состоялось всего два и оба на море, англичане не без труда одолели датчан, а русские легко разгромили шведов, после чего Осло, Берген, Стокгольм и Або открыли городские ворота и вынесли освободителям-избавителям символические ключи от городов. Грабить их, естественно никто не стал, свои ведь теперь.

Шведский король Густав Первый Эриксон Ваза теперь контролирует лишь западный берег своего королевства, с укреплёнными городами Мальмё, Хельсингборг и Гётеборг, а датско-норвежский Фредерик Первый Ольденбург только острова. Островов у него много, но сопротивляться недобитые датчане будут, вероятнее всего, только на Зеландии с Копенгагеном и Фюне с Оденсе.

Будут сопротивляться, если переживут зиму на одной рыбе, все поставки продовольствия из Европы прекращены, всю торговлю в Балтийском море контролируют британские и русские корабли, которые очень тщательно ищут поводы для предъявления претензий к Вольным городам Ганзы. Впрочем, одну зиму на рыбе датчане и шведы наверняка переживут, если русские и англичане позволят им эту рыбу спокойно ловить, а

это вряд ли. Следующим летом нужно ждать упразднение ещё двух европейских королевств, а после них, дело дойдёт и до Ганзы.

Британское королевство ведь не принимало на себя никаких обязательств, ему и карты в руки. Балтийское море должно стать и станет внутренним морем Империи Севера, Русской Империи Севера. Именно Русской Империей. Не этнической, а языковой. Язык — это главное. Язык — это культурно-цивилизационный код. Именно поэтому, Савелий не запускает в мир книг и песен на английском, для англичан всё только на русском, «забытом языке богов», даже «Властелин колец» Толкина.

Восьмого февраля 1529 года, из Лимы вышел флот нового родственника императора, адмирала Родриго Пике, теперь герцога Гавайев, герцога Новой Зеландии и графа де Пуно. Младшим флагманом адмирала стал его же протеже на имперской службе, теперь контр-адмирал Жоржи ди Менезиш; а в компанию к ним напросился, постоянно скучающий в мирной жизни Паскуаль де Андагойя, герцог де Куба, герцог де Андалусия и граф Севильи.

Этот флот отправился «столбить» в имперское владение Южную Африку и Мадагаскар. Не из-за золота и алмазов, хотя и они потом не помешают. Сейчас Империи нужен уголь. Много угля, очень много, срочно нужно. Через три-четыре года, в океаны выйдут пароходы, а к тому времени нужно успеть создать угольные станции на всех маршрутах, а значит по всему миру.

Часть третья. Орден Священного Препуция.

Второго марта, из Маракайбо, вышел имперский флот Атлантического океана. Адмиралу Андреасу Нуньесу, графу де Хувентуд, с эскадрой из пяти вымпелов: «Нептуна», «Шивы», «Перуна», «Виракочи», «Марса» предстояло перехватить, выпадающую из слабеющих датских, некогда цепких, лапок, Исландию; эскадре контр-адмирала Авдея Шишки, тоже из пяти вымпелов: «Ареса», «Тора», «Аматерасу», «Мардука» и «Ахура Мазды», проделать то же самое с Фарерскими островами, а после утвердить имперскую администрацию в Ирландии; а эскадре вице-адмирала Тако Котага, графа де Канариас, из четырёх кораблей: «Ашшура», «Амона», «Варуны» и «Баала», доставить в Константинополь-Стамбул посла Империи и Святого Престола, Игнатия де Лойолу, магистра рыцарского-монашеского ордена Священного Препуция, кардинала и, в качестве магистра, имперского графа Мальты.

Графство Мальта стало совместной собственностью Империи и Церкви, под управлением магистра ордена Святого Препуция, которого утверждали совместно император (в качестве графа) и Папа (как главу ордена).

Первому графу-магистру Игнатию де Лойола предстояло вести переговоры не только с Константинопольским патриархом об объединении всего христианства в одну церковь, но и с султаном Сулейманом Первым, от имени Империи Инков. Сулейман Первый, как никто другой, может поспособствовать процессу объединения, у него рычагов давления на Константинопольского патриарха и всю греко-восточную христианскую ортодоксальную церковь хватает, вот и пусть поспособствует.

Взамен есть что предложить, хоть бы и те же «винджаммеры» второй серии, таких у Империи семь: «Нептун», «Шива», «Перун», «Виракоча», «Марс», «Арес» и «Тор». Не бесплатно, конечно, османы тоже ничего бесплатно не дают, тех же русских пленников пришлось выкупать, но по божеской цене. Если граф-магистр умно разыграет свою партию, а он ведь действительно умница, раскол западного христианства с греко-восточниками удастся преодолеть даже раньше, чем с русской автокефалией, а тогда уже и этот процесс

ускорится значительно.

Христианская церковь теперь имперский актив и актив очень ценный, поэтому повышать его значимость и стоимость в наших интересах. Что не говори, а христианство себя ещё далеко не изжило, народ в Европе действительно верует — и простолюдины, и высшее общество; а такой мощный инструмент воздействия не использовать просто глупо. Найдётся ему применение, применение и внутреннее, европейское, и внешнее — турок-османов то из Европы кто изгонять будет, когда они там своё дело сделают?

В Северную Инку, Савелий решил в этом году не ехать. Нечего ему там делать, если хорошо подумать. Задачи нарезаны на пятилетку вперёд, и корректировать их точно ещё рано, а вот в Южной Инке дел как раз хватает.

Пришло время выводить образовательную систему на новый уровень — делить научные и преподавательские кадры Лимы, и на их базе создавать университеты в Маракайбо и Медельине. Ещё двух городах, где численность населения скоро превысит стотысячную отметку. Настоящих университетов советского образца, а не современных европейских, где студюзусы изучают в основном богословие. То есть, не в основном, а в обязательной программе, всё остальное там изучается факультативно. Да и Василию Ивановичу, в Царьградский университет, кадров выделить не помешает.

Нужны новые учебники и справочники, пора начинать осваивать производство двигателей внутреннего сгорания и больших турбин для электростанций. Без мощных электростанций не будет алюминия и титана, а какой без них прогресс? Не из чугуна же двигатели делать. Если сейчас начать, до серийного промышленного производства дойдёт лет через десять-пятнадцать. Как раз к свадьбе, да.

Нужно начинать модернизацию верфей в Лиме, или строительство новых. Пароходы — это уже не отдалённое будущее, это уже наше завтра. Впрочем, «Виндjamмеры» себя ещё не изжили, а изживут только когда их научатся делать сами европейцы с азиатами, то есть ещё очень нескоро. «Виндjamмер» дешёв в постройке и эксплуатации, по сравнению с пароходом, и как грузовое судно, на некоторых маршрутах, при перевозке массовых и недорогих грузов, вроде угля, использовать его гораздо выгоднее. Так что верфи нужно строить новые.

Нужен город Асунсьон, с портом на Паране, и железная дорога от него до Эль-Мутуна. Пока её построим, в Монтевидео начнёт поступать уголь из Южной Африки, так что нужен и коксохимический завод в Уругвае. Эль-Мутун — это очень надолго. Самое богатое железорудное месторождение мира, из открытых к двадцать первому веку той исторической реальности, а неоткрытыми там остаются только подводные залежи, да ресурсы Антарктиды, поэтому в железную дорогу Асунсьон — Эль-Мутун точно стоит вложиться.

Ещё нужно... Да много чего ещё нужно, на самом деле, но читать это всё слишком скучно.

Интерлюдия. 17–18 марта 1529 года.

Король Наварры, Генрих Второй д'Альбре, граф де Фуа, де Бигорр, Басконии, Перигора и Арманьяка, виконт Беарна, Лиможа и Марсана, сеньор д'Альбре, князь-архиепископ Кёльна и герцог Швабии, прибыл в Маракайбо семнадцатого марта 1529 года. Совершив первый, а значит исторический, визит главы иностранного государства в Империю Инков. Первый, если не считать Папу Климента Седьмого, который тоже формально считается главой государства, но в Империю то он прибыл кардиналом Джулио Медичи, а Папой стал уже здесь, так что друг Генрих опередил в этом забеге всех, и снова заработал себе жирный плюс в карму.

Чёткий парень, Генрих д'Альбре, выполнил поставленную перед ним задачу в Швабии и теперь нуждался в новых наставлениях на путь истинный. Наставления Папы Климента Седьмого, который, как думал Генрих, подарил ему княжество-архиепископство Кёльн, и императора, благодаря чьим мудрым советам и некоторой помощи, королю крошечной Наварры удалось завоевать герцогство Швабия, большое и богатое. Очень богатое, богаче всех остальных его владений, вместе взятых.

Прибыл друг Генрих не с пустыми руками. В Швабии, по сложившейся уже традиции, он лишил титулов и владений всех, выступивших против него, феодалов, «забрав» их самих в штрафной батальон, а их владения обчистил и продал своим сторонникам, на чём, естественно, очень прилично нажился.

Может Генрих д'Альбре сейчас и не богаче Франциска Валуа, если считать все их активы, но у короля Наварры гораздо больший капитал в «наличке», а не в постоянно дешевающей недвижимости. С собой он привёз двадцать тысяч французских ливров серебра (десять тонн), из которых половина предназначалась Папе на всякое богоугодное, в качестве частичной благодарности за его благодеяние, а половина на закупку вооружений и боеприпасов у Империи. Но и друга императора друг Генрих подарком не обнёс, вычистив в Швабии, а также прочих своих владениях, все закрома, на предметы искусства. Нашлось у него там, кстати сказать, очень немало.

Маракайбо удивлял всех, впервые попавших в него европейцев, своей необычностью, удивил он и короля Наварры. Ещё бы, для того и строим так быстро, чтобы европейские дикари дивились. Площадь «Чалько Юпанки», на одном из углов которой отстроили гостевой дворец, специально для таких случаев, вымощенная площадь, да не неровными камнями, а ровными фигурными тротуарными отливками из бетона, раскинулась на двадцать пять гектаров (больше шестидесяти английских акров, пятьсот на пятьсот метров), на целый городской квартал, а со всех четырёх сторон «омывалась» тоже немислимо широкими проспектом, улицей и двумя бульварами.

По диагонали, напротив гостевого дворца, размещался храм Инти. Языческий храм самого Создателя Вселенной, Всемогущего Создателя пространства, времени, материи, энергии, жизни и разума. Великолепный храм, блистающий во все стороны своими монументальными золотыми статуями, установленными снаружи. Справа, на восток, по проспекту «Чалько Юпанки», стоял дворец Паскуалья де Андагойя, герцога де Куба, герцога де Андалусия и графа Севильи, сейчас пустующий, своего зятя император куда-то отправил, а слева, на запад, по бульвару «Чалько Юпанки», находился дворец того самого Чалько

Юпанки. Его величества вице-императора, наместника Южной Инки, верховного жреца и прочая, и прочая. Высшего вельможи Империи Инков. Улица с северной стороны-границы площади тоже носила его имя, а бульвар с южной назывался «Эль Чоло».

И таких площадей в этом городе разместилось много. Не самый большой по количеству жителей, а Маракайбо уступал в этом отношении и Риму, и Константинополю, и Парижу, да и Лондону, пожалуй, тоже, город раскинулся на огромную территорию, недоступную городам внутри крепостных стен, да и чистотой своей он был никому недоступен. А ведь это не столица. Свою новую столицу, друг император, только начал строить где-то на севере, а старая у него где-то на западе, высоко в горах.

Главный христианский храм мира поражал своей монументальностью не меньше самого Маракайбо. Внутри него и на площади, окружённой колонными портиками в стиле античного Рима, сможет молиться весь город. Языческий город, в котором христиан пока — раз, два и обчёлся. Целиком, храмовый христианский комплекс зданий занимал два типовых городских квартала, пересекаемый одним пешеходным бульваром. Здесь же достраивался дворец Папской Курии, дворец-резиденция самого Папы, дворцы имперских герцогов: Хуана Понсе де Леон герцога де Пуэрто-Рико, герцога де Галисия, графа Сантьяго-де-Компостелы Франсиско де Гарай, герцога де Ямайка, герцога де Гранада, графа Альмерии; Хуана де Грихальва, герцога де Эспаньола, герцога де Мурсия, графа Картахены; и Родриго Пике, герцога де Гавайи, герцога де Новая Зеландия, графа де Пуно; главных жертвователей Папского престола и христианской церкви.

За проспектами, улицами и бульварами, опоясывающими христианскую двухквартальную территорию, в первой линии, строят свои дворцы феодалы калибром поменьше. Поменьше имперских владетельных герцогов, но по европейским меркам и они самые настоящие гранды.

Даже имперское баронство может по размеру превышать иное европейское княжество, например: баронства Гран-Канариас и Тенерифе, в имперском графстве Ислас Канариас. Они-то уж точно побольше нынешних Дании и Швеции. Да и самого Наваррского королевства они больше, если считать только земли короны, без остальных владений лично Генриха д'Альбре. Имперские баронства, ничего не значимые, в масштабах такой Империи, по площади больше целого европейского королевства!

«О, Господи, спасибо Тебе, что сподвиг меня на этот визит! Красота то какая!»

А какое спокойствие и законопослушание в этом городе! По прибытии, Генрих д'Альбре отправился на прогулку в сопровождении десятка охранников и постоянно ловил на себе недоумённые и насмешливые взгляды. Взгляды цивилизованных людей, пусть и простолюдинов, в цивилизованном городе, на богатого, но глупого варвара.

И действительно, охраной здесь только смешить горожан. Здесь сами император, вице-император и Папа обходятся без конвоя, лишь несколькими, почти незаметными в толпе, охранниками. Но об этом, Генрих д'Альбре узнал только вечером второго дня, на торжественном приёме в его честь у губернатора Маракайбо. Узнал он и другие новости.

— Наш император сейчас в Эль-Мугуне, ваше величество, Папа Климент Седьмой путешествует вместе с ним, они всегда путешествуют в компании, а вице-император в Медельине, или Лиме. Гонцов я к нему послал, но, сами понимаете, у нас тут не ваша Европа, где всё близко, всё рядом. Но я чиновник категории «А» и уполномочен на многое, очень многое, поэтому можете начать обсуждение со мной.

— Это радует, ваша светлость.

— Не светлость, ваше величество. Моя должность губернатора Маракайбо и одноимённой провинции, соответствует графу, в нашей табели о рангах, так что я всего лишь сиятельство, в вашем понимании.

— Бросьте прибежаться, любезнейший губернатор. Что у вас, в Империи, соответствует нашему графу, я уже отлично понял. Впрочем, пусть будет ваше сиятельство, если вам так угодно.

— Благодарю вас, ваше величество. Итак, я не в праве продавать только корабли нашего военного флота.

— Корабли мне и не нужны, граф, своих моряков у меня пока нет. А как насчёт пушек и всего остального?

— Всё положительно, ваше величество. Для вас будут самые лучшие цены. Вы определены императором, как друг Империи Инков, поэтому — всё, что вам угодно.

— Мне угодно получить совет, любезнейший граф.

— К вашим услугам, ваше величество.

— Франциск Валуа меня склоняет на войну против Арагона, а осман Сулейман против Швейцарии...

— А вы этого не хотите, ваше величество?

— Конечно, не хочу. Я же не идиот, чтобы воевать за чужие интересы. У меня Саксония уже буквально на ладони. Не будут ли против Папа и император, против моей кампании в Саксонии?

— За правым берегом Рейна и до самого Одера, для вас никаких ограничений нет, ваше величество. Любые ваши действия там Империя поддержит. Всё, что вам угодно.

— Отлично, любезнейший граф, тогда давайте посчитаем. Пушек сорок восемь, ружей десять тысяч...

Эль Чоло, Генрих д'Альбре в Маракайбо дождался и не прогадал. Вице-император и наместник Южной Инки сделал ему воистину королевский подарок — тридцатипроцентную скидку от и так уже льготных цен, предложенных милейшим губернатором, так что король Наварры увез в Бильбао почти вдвое больше вооружений и боеприпасов, чем рассчитывал изначально.

А ещё, его величество Чалько Юпанки дал своему молодому коллеге мудрый совет — искать союза с королевством Британия. Британия уже на континенте, на бывшем датском полуострове Ютланд, и, без сомнения, на этом не остановится. Поэтому кампании в Священной Римской Империи лучше сразу координировать с Лондоном. Кроме того, у Британии самый большой в Европе флот — и военный, королевский, и грузопассажирский, частный, а флот — это коммуникации с Империей и снабжение всем необходимым. А то мало ли, как будут развиваться события, боеприпасов ведь запросто может и не хватить.

«А ну как сговорятся недобитые германские имперцы и ганзейские города с султаном, и все свои силы бросят на вас, друг мой? Такое исключать нельзя. Сулейман Первый может заключить такое перемирие и переключиться на Швейцарские Кантоны, а французы могут увязнуть в королевстве Арагон. Британия — мощный и надёжный союзник. Надёжный, по сравнению с турками-османами и французами. Швабию вам германцы не простят никогда, так что придётся вам их добивать. Здесь — или вы их, или они вас, третьего не дано».

Кроме того, мудрый вице-император разрешил трём скучающим имперским герцогам — Хуану Понсе де Леон, Франсиско де Гарай и Хуану де Грихальва присоединиться со своими охранными батальонами к Генриху д'Альбре, в качестве частных лиц. А три

герцогских батальона — это три тысячи винтовок и тридцать миномётов, которые в Европе пока не продают никому. Плюс три медицинских взвода, с шестью инкскими хирургами-чародеями и запасом лекарств.

«Чем с ними рассчитывать? В дороге договоритесь. А если не договоритесь, они просто навезят свои европейские владения. Всё равно давно просятся».

В Маракайбо, из поездки по маршруту Медельин — Кито — Лима — Куско — Эль-Мутун — Асунсьон — Монтевидео — Порто-Аллегре — Рио-де-Жанейро — Форталеза Савелий вернулся двадцать восьмого июня 1529 года. Из Монтевидео уже на императорской яхте, первом «виндjamмере» четвёртой серии — шестимачтовом «Посейдоне».

От обычного военного корабля, яхта отличалась внутренней планировкой — с шестнадцатью большими и роскошными каютами (с собственными санузлами, ватерклозетами и ванными комнатами) для императора и его гостей, сорока восемью каютами для свиты, двумя огромными салонами, отдельным императорским камбузом и отдельным кубриком для прислуги, всё это за счёт грузовых трюмов; плюс паровая машина на мазуте, привод для электрического генератора (но их теперь будут устанавливать на все корабли инкского флота, как и электрические моторы для одного ходового винта и четырнадцати вспомогательных машин — на подъём парусов, якорей и так далее) а в остальном всё то же — тридцать пушек: погонная, ретирадная и по четырнадцать на борт; та же по штату команда; так что хоть завтра в бой. Лишнюю мебель вынеси, лишние перегородки сними и вперёд.

Примерно за милю до входа в узость горловины озера Маракайбо, «Посейдон» спустил паруса и пошёл против течения и довольно крепкого ветра только на винте, вызывая изумление у береговых наблюдателей. Медленно пошёл, со скоростью в три с половиной узла, но всё равно значительно быстрее, чем, как обычно, на буксире у шлюпок. А не было бы встречного ветра, так и все семь узлов дал бы.

— Хороший кораблик получился, мне нравится.

— Не скромничайте, ваше императорское величество, — граф Васко да Гама де Видигейра, как и Папа Климент Седьмой, теперь сопровождал императора во всех поездках. Крепкий ещё мужчина, хоть и пожилой, но не старый — всего то пятидесяти девяти лет от роду, а в той исторической реальности умер очень рано. С графом де Видигейра, Савелий по-настоящему сдружился, как и с Папой, впрочем. Именно эти двое составляли ему компанию при ежедневных обеденных трапезах и в игре в преферанс пару раз в неделю, поэтому и общались они как друзья, без лишних церемоний и политесов, — корабль волшебный.

— Настоящий морской дворец, — согласился Климент Седьмой, — никогда не думал, что можно путешествовать по морю с таким комфортом.

— Можно и с большим, на самом деле, ваше святейшество. Нет пределов совершенству. Так... кто там нас дома ждёт... вижу «Виракочу» и «Ахура Мазду», значит, Нуньес и Шишка уже вернулись. «Князь Владимир» и «Баал» ещё разгружаются — узнаем самые свежие новости.

Собственного дворца в Маракайбо, Савелий не строил, «квартировал» у Эль Чоло Обнялись.

— Привет, шаман.

— Привет, Русо. Вовремя ты.

— Это я уже понял, — о прибытии на «Баале» короля Португалии, Жуана Третьего

Ависского, с высочайшим и дружественным визитом, императору сообщили ещё в порту, как и о уже состоявшемся визите короля Наварры, Генриха Второго д'Альбре. Жаль, что с другом Генрихом не удалось повидаться, но кто же знал-то. А вообще, давно пора заняться радиосвязью. Лампы накаливания делать умеем, сделаем и радио. Вот, кстати, и работа ордену Священного Препуция — быть монахам в Европе связистами, — на завтра встречу с ним запланируем, пусть сегодня пообщается с Папой и графом де Видигейра, а ты пока расскажи мне новости.

Новостей, за без малого полгода, накопилось преизрядно. Друг Генрих д'Альбре увёз из Империи не только вдвое больше оружия и боеприпасов, чем планировал, но и троих истосковавшихся по войне имперских герцогов, с их гвардейскими батальонами, так что герцогу Брауншвейг-Люнебурга, Генриху Пятому Вольфенбюттелю, этим летом точно не поздоровится, как и ганзейским Гамбургу, Ганноверу, Дюссельдорфу и Бремену. Впрочем, наверняка уже нездоровится, лето то ведь как раз в разгаре. Самое нездоровое для европейцев время, да-да.

В конце апреля, с Цусимы вернулся вице-адмирал Юмко Наута. Миссию он свою выполнил успешно, конвой азиатских торговцев довёл обратно почти без потерь, Талакту замуж выдал, привёз сотню фотографий и личные впечатления.

По его мнению, в лице дайме Асикага Такаудзи, Империя получила очень достойного во всех отношениях герцога — храброго, образованного, жадного до новых знаний и, не смотря на свою относительную молодость (ему всего тридцать два), рассудительного правителя и житейски мудрого человека. Талкате оказаны все положенные почести, она всем вполне довольна (вот это то как раз без разницы, но Наута за сестру своего императора беспокоится, что похвально). После свадьбы и сопутствующих торжеств, вице-адмирал проводил нового императорского родственника в Джаяпуру, столицу отошедшего ему герцогства Новая Гвинея, а сам вернулся через Брисбен, Сидней, Мельбурн, Хобарт, Крайстчерч, Веллингтон и Окленд — Австралию, Тасманию и Новую Зеландию.

Все города строятся и развиваются, земли вокруг расчистили-распахали больше, чем достаточно, с местными не ссорятся, торгуют, в Мельбурне аборигены столько золотого песка сдают, что только им все семь городов в регионе окупают.

Эль Чоло предложил наградить вице-адмирала титулом и владением. Правильно предложил, заслужил вице-адмирал. Наградим, тем более что Юмко Наута сейчас отдыхает в Маракайбо. Всё равно, праздник в честь визита Жуана португальского устраивать, вот и совместим это всё в одних торжествах.

Адмирал Андреас Нуньес, граф де Хувентуд, сопротивления в Исландии не встретил, не такой уж отсталый там народ, во всяком случае в Рейкьявике. Об империи там все слышали и ничего против неё не имеют. Нуньес оставил в Исландии гарнизон, имперского наместника и «Ареса», на всякий случай.

Местных он рекомендует как кадровую кузницу флота, моряки-рыбаки они там все с раннего детства, да и послужить Империи во флоте совсем не против. Только разговаривать их научить на человеческом языке и вперёд.

Муй бьен, сеньор адмирал, вот ты этим и займёшься. Нуньес тоже в Маракайбо, и его добавляем в список награждённых.

Контр-адмирал Авдей Шишка, примерно то же самое доложил о Фолклендских островах. Никакого неприятия Империи среди местных нет, как и какой-либо лояльности королю Дании. Тоже отличные моряки-рыбаки, служить готовы, он даже принял к себе на

корабли два десятка юнг. Гарнизон и наместника аборигены в Торсхавне приняли чуть ли не с радостью, имперские налоги оказывается почти вдвое ниже, чем с них вымогали жадные оккупанты датчане. Знаем и про датчан, тоже те ещё педики.

В Ирландии без конфликта не обошлось, но уладил Авдей всё почти бескровно, полсотни убитых и сотню раненых, которым оказали квалифицированную медицинскую помощь, можно не считать. На комендантский гарнизон-батальон с миномётами, винтовками и ручными гранатами попытались «наехать» меченосцы и копыеносцы чуть ли не в звериных шкурах. У нас потерь нет. Дикарей разогнали, главарей повязали, Шишка привёз их в Маракайбо — не знал, что с ними делать. За мятеж не казнишь, они ведь не имперскими подданными в тот момент были, но и оставлять смутьянов совсем безнаказанными он счёл неправильным.

Молодец, Авдей. Третьим в список вносим, быть ему графом Фарер. А ещё..., а почему бы и нет...?

— Та Колькате мужа ещё не нашёл, Эль Чоло?

— Не горит вроде пока, ей же всего шестнадцать. Даже искать ещё не начинал.

— Мне кажется, я уже нашёл. Посватай её завтра за Шишку.

— Чего тебе вдруг в голову взбрело? Для девицы можем и получше партию найти. Не вдова ведь.

— Лучшее — враг хорошего, шаман. Не нужно лучше, мне Шишка нравится. Толковый парень, далеко пойдёт. Хорошего родственника получим, не сомневайся.

— Тебе решать.

— Вот я и решил. Посватай ему Колькату завтра до праздника. Что там у нас дальше?

Британцы высадили войска на Зеландии и Фюне в начале июня. Новостей оттуда пока нет, но вряд ли стоит ожидать плохих. На Зеландии корпусом командует Матвей Егоза, герцог Аргайл, граф Линкольн и барон Арундел; а на Фюне — Семён Новик, герцог Монтроз, граф Эссекс и барон Ламли; с моря их поддерживает Томас Кромвель, герцог Абердиншир, герцог Норфолк и граф Рочестер. Лучшие военные и военно-морские кадры Британии, это без сомнений, да и сил у них достаточно, по двадцать тысяч на суше и сорок два галеона на море. Сам король Дании и Норвегии, Фредерик Первый Ольденбург, заперся в Копенгагене, а в Оденсе его старший сын Кристиан. Безумству храбрых — салют посмертный. Впрочем, может это и не храбрость, а отчаяние обречённых, как у загнанных в угол крыс, бежать то им всё равно некуда, нигде их не ждут, никому они не нужны.

Русские, под командованием лично самого царя, Василия Ивановича, осадили Гётеборг, в котором засел Густав Первый Эриксон Ваза. Флот блокирует море, так что теперь никто никуда не сбежит. Адмиралом, первым адмиралом Русского флота в этой исторической реальности, стал Степан Медведь, бывший османский пленник, бывший десятник Рязанского ополчения, что очень радует. Нет, Степана император лично не помнил, порадовало его то, что не из англичан Василий Иванович себе адмирала назначил, а из своих выбрал.

Молодец, тоже награду заслужил. Шесть галеонов, велосипед и фотоаппарат. Про велосипед и фотоаппарат — шутка, конечно, хоть и стоят они сейчас на вес золота в Европе, а галеоны действительно подарим. Вместительные сундуки, но слишком уж медленные, ни к чему нашим адмиралам к такому ритму похоронного марша привыкать.

Султан Сулейман Первый Осман действительно переключил своё внимание на Швейцарские Кантоны, но и перемирие со сборной курфюрстов Священной Римской

Империи и Вольных городов Ганзейского союза заключать не стал. Побрезговал. Сулейман, судя по всему, тоже классный парень, нужно обязательно с ним познакомиться. А турок в Европе начём гасить уже после него. Всё равно после него бардак начнётся. А как не начаться бардаку, если только признанных родных сыновей у султана уже под два десятка?

Хорошую религию придумал Пророк Мохамед, салават Мухаммаду расулуллах, но в этом аспекте он точно облажался. Богатые и влиятельные имеют по нескольку законных жён и наложниц на все деньги, а простолюдины трахают коз и овец, и от этого никакого приплода не имеется — ни людей, ни баранов, ни даже козлов, на худой конец. А дети знати, особенно высшей сановной владетельной знати, потом режут друг дружку почём зря, остаётся только один из десятка, в лучшем случае — выходит, что зря бабы мучились, рожали.

В общем, после Сулеймана, там обязательно начнётся, но сам он пацан-пацан. Рыцарь-рыцарь, последний, наверное, кто воюет исключительно ради славы, а не ради бабла. К нему обязательно нужно будет наведаться и посидеть с ним за кальяном. Настоящий Абдель Кадер Хан из «Шантарама». А если не стремиться знакомиться и общаться с такими людьми — зачем тогда вообще жить?

В общем, побрезговал султан заключать договор с недобитыми германцами, за что ему честь и хвала. И всемерная поддержка Империи до самого до города Парижа. Парижа, Марсея и Амстердама. Расовые германцы, французы, бельгийцы и голландцы в двадцать первом веке той исторической реальности выродились в настоящий позор человечества, как биологического вида, вот и полечим их прививками генов расовых кочевников тюрков.

Франциск Первый Валуа, отправил коннетабля, герцога де Монморанси, графа де Франш-Конте, воевать в юго-западную Швейцарию, даже не столько воевать, сколько склонять к признанию вассалитета, перед угрозой нашествия мусульман, а сам возглавил сорокатысячное войско, в третьей попытке взять Жирону. Ключевую точку обороны всей Каталонии.

По донесениям источников, приближенных к информированным, Франциск Первый Валуа разругался со своим затем, Генрихом Вторым д'Альбре, не на шутку.

«И посмотрели они в разные стороны, и сплюнули свою досаду, и пожелали друг другу сдохнуть».

Королевство Арагон держится из последних сил, а союз с Португалией пошёл ему только во вред, как, впрочем, и Португалии союз с Арагоном. Этим своим союзом, он привлекли на сторону короля Франции и Италии, Франциска Первого — Османскую Империю, Алжирский султанат и Венецианскую республику — три самые мощные военно-морские державы Средиземноморья. Да и сам Франциск сейчас строит флот вдвое больше прежнего. Флот восьмидесятипушечных галеонов венецианского типа, быстро строит. Осознал, что держава у него морская, с очень длинной береговой линией, и за море придётся драться всерьёз.

Карлу Габсбургу, во избежание бунтов, пришлось простить Валенсии и Барселоне налоги 1528 года, да ещё и поддержать ограбленные регионы деньгами и провизией, а он ведь и без этого испытывал сильные финансовые затруднения. Так что, хоть у него рынок инкского оружия и под самым боком — в Картахене, покупать это оружие ему просто не на что.

Карлу бы пойти на мир с Франциском, признать утрату Бургундских Нидерландов, Люксембурга, Артуа и Франш-Конте, уступить их французской короне, но он, что

называется, «закусил удила». Ничем хорошим это для него не закончится. Слишком не равны весовые категории противников.

Португалия... про Португалию лучше послушаем самого короля, не зря же он океан пересёк, да ещё и на нашем корабле, а не на своём.

В Гранаду, в «Лигу Наций», прибыло посольство шахиншаха Ирана, Тахмаспа Первого. Посольство добиралось до Южной Испании более полугодом — большим крюком — до Ярославля по Волге, потом до Царьграда сушей, а от Царьграда до Альмерии морем, вокруг всей Европы, на русском военном корабле, клиппере «Князь Рюрик», бывшим в имперском флоте «Меркурием».

Василий Третий Иванович Рюрикович не собирался нарушать признанные им южные границы по Большому Кавказскому хребту и Сырдарье, поэтому никаких претензий к Ирану-Персии у него не имелось, зато торговля с южным соседом у Русского царства наладилась очень выгодная. Пусть и большим крюком, но инкское оружие из Царьграда в Иран попадало. Вдвое дороже, чем оно обходится самим русским, но тут уж кому как повезло с географией. Свой берег Индийского океана персы-иранцы не контролируют, там у них всё разграблено, а если бы и имелся порт, то до Лимы ещё добраться нужно, мимо очень недружелюбных Индии, Малакки, Индонезии и через совсем неласковый Тихий океан.

Впрочем, судя по установившимся отношениям между Русским царством и шахиншахством Иран, а устанавливать их в Царьград приезжал лично сам регент малолетнего шахиншаха, Див султан Румлу; у них эта дружба завязалась всерьёз и надолго.

Очень толковый «премьер-министр», кстати, если верить информации из интернета двадцать первого века, и, в этой исторической реальности, он, к тому-же, не погиб два года назад, а значит течение истории изменилось уже глобально.

В общем, отношения установились взаимовыгодные и к обоюдному удовольствию. Пусть и дорого, но зато надёжно, Див султан Румлу получит оружие, которым наконец наведёт порядок на вверенной ему территории. У его противников, мятежников, сепаратистов и прочих бандитов, ведь такого оружия не будет, они так с луками, копьями и саблями и останутся.

А дальше... Дальше будет видно. Пусть сначала порядок у себя в Бендер-Аббасе наведёт, а уже после, на территории закона и порядка, можно будет открыть имперскую факторию. Всё равно, тогда ему от Бендер-Аббаса до Бомбея будет рукой подать и «русский транзит» сам собой зачахнет. Транзит оружия зачахнет, но установившиеся торговые связи останутся, купцы обязательно переключатся на что-нибудь другое, найдут на что, возделанные полянки они бросать не любят. Своего леса, в достаточных количествах, в Иране нет, вот и пусть экспортируют пиломатериалы, флот то им строить нужно будет из чего-то. Да и сталь Русское царство обязательно продавать начнёт, Волгу уже перешли, а там богатый отличными рудами Урал совсем рядом.

В Северной Инке без происшествий, всё по плану. Купцам англичанам-британцам предложили оплату за доставку переселенцев, так что народ на «стройки века» прибывает со всей Европы. Прибывают в Империю не наглые колонизаторы-сверхчеловеки, а кроткие беженцы от нищеты и разрухи, готовые работать за крышу над головой и кормёжку не впроголодь. Для них и это теперь счастье. После расселим, наделим землёй по всей стране, чтобы не кучковались землячествами. На том же западном берегу Северной Инки европейцев пока совсем нет, а ведь регион то очень перспективный, его развивать и развивать.

Интерлюдия. 28–30 июня 1529 года.

Вечером, двадцать восьмого июня 1529 года, в честь возвращения императора и визита короля Португалии, в Маракайбо устроили грандиозный фейерверк. В небо над озером выпустили восемьсот сорок снарядов со специальными вышибными зарядами. Для европейцев, сам по себе фейерверк уже не диковина, в Италии их запускали ещё в пятнадцатом веке, но масштаб...

Семьдесят гаубиц, с нарезными стволами, калибром в сто пятьдесят два миллиметра, сделали по двенадцать выстрелов, раскрыв в ночном небе восемьсот сорок огромных и прекрасных цветов. Высоко в небе, очень высоко, обычная гладкоствольная пушка калибром в сто миллиметров, доступная европейцам для покупки в Империи, так высоко-далеко не бьёт, это король Португалии, Жуан Третий Ависский, понял сразу, хоть и ни разу не артиллерист, но оружием он интересовался. Все теперь интересовались — за что приходится платить такие бешеные деньги. Волей-неволей все в этом вопросе начали разбираться, пришлось, куда деваться-то...

Праздничный фейерверк, король Жуан Третий смотрел с балкона гостевого дворца в Маракайбо, в компании со своим послом в Империи, графом Васко да Гама де Видигейра. Встречу император назначил на завтрашний день. Начнётся она с торжественного совместного обеда во дворце вице-императора и наместника Южной Инки, Чалько Юпанки. Торжественного обеда, на который приглашены также Папа Климент Седьмой, четыре посла: Русского царства — князь Семён Бельский, королевства Арагон — кардинал Николас фон Шёнберг, Вольных городов Ганзы — бюргер города Гамбурга, Клаус Мюллер, и королевства Португалия — граф Васко да Гама де Видигейра; а кроме того, три имперских адмирала: адмирал флота Атлантического океана, Андреас Нуньес, граф де Хувентуд; вице-адмирал флота Тихого океана, Юмко Наута; и контр-адмирал Атлантического флота, Авдей Шишка.

Подумать только, император приглашает за свой стол простолюдина... Хоть этот бюргер-торгаш Клаус Мюллер и посол, но как не крути, а происхождения он подлого, такого сам Жуан никогда бы не пригласил, но здесь он и сам в роли гостя, а порядки всегда устанавливают хозяева. Ладно, купчишку можно просто не замечать, его присутствие за столом с лихвой компенсируют император с вице-императором, самые влиятельные персоны в мире.

— Из чего это они стреляют?

— Какие-то новые пушки, ваше величество. Я их ещё не видел.

— Вам разрешат их осмотреть, граф?

— Думаю, да, ваше величество. И вам, и мне, осмотреть их разрешат. Насчёт покупки сильно сомневаюсь, а осмотреть наверняка разрешат.

— Покупка... Одна такая пушка наверняка стоит фунтов триста золота. Такое может себе позволить только султан Османов, да и то, одну-две, много три. Хотя и это... Лучше бы их вообще не продавали. Столько всего хочется купить, а приходится тратиться на оружие. Я понимаю, что вам неприятно слышать такое, граф, но я приехал предложить императору выкупить наши восточные владения.

— Мне это вовсе не неприятно, ваше величество. Я отлично понимаю, что колонии в Индийском океане нам не удержать, и очень рад, если мои открытия и основанные колонии позволят королевству наполнить казну, в такой трудный момент. Если император ими заинтересуется.

— Может не заинтересоваться?

— Если бы на его месте находился обычный человек, я бы ответил вам определённо — совершенно точно не заинтересуется, ваше величество. Зачем ему что-то у нас покупать, когда в Индии и прочей Азии ему доступно буквально всё. Ему везде рады и готовы дарить земли под имперские фактории — ведь даже подарить их очень выгодно. Вокруг имперских факторий вырастают богатые города. Я уж не упоминаю про воинскую силу Империи... Но Сын Солнца, к нашему счастью, не обычный человек. Выкупил же он ненужную ему Мальту, чтобы подарить её Ордену. Он подарил Папе доходы от богатейшего в мире города, и, хотя сам не христианин, больше всех жертвует Церкви. Вы представляете себе обычного человека, способного на такие поступки? Так что да, шанс есть. Он может выкупить Гоа, чтобы потом его кому-нибудь подарить.

— Сын Солнца... Вы в этом уверены, граф?

— В этом уверен Папа Климент Седьмой, ваше величество, а я с ним согласен. Более того, у Папы имеются доказательства, хоть он их пока и не предъявляет. Помните, чем закончился всехристианский богословский диспут в Кёльнском соборе?

— Климент призвал Господа совершить правосудие, и наш Всемогущий Господь на его зов отозвался.

— Или на его зов отозвался не Всемогущий Господь, а просто могущественный Сын Солнца. Такие чудеса, как в Кёльнском соборе, он творил и раньше, ваше величество. О них почти неизвестно за пределами Куско, но я-то в этом городе прожил пять с лишним лет. И Папа, тогда ещё кардинал Джулио Медичи, тоже там жил и, несомненно, знает о них. Мы с ним своими глазами видели подобные чудеса, при захватах императором Панамы, Порто-Белло и Гаваны. Я уверен, что Кёльнский собор — это Чудо из того же ряда, оно сотворено той же волей. И я безмерно счастлив, что император разрешил мне войти в свою свиту.

— Император относится к вам очень благожелательно. Как вы думаете, граф, почему?

— Не знаю, ваше величество. Я много об этом думал, да и до сих пор думаю, но так пока ни до чего и не додумался.

— Спросили бы прямо, вы же довольно близки.

— Спрашивал, ваше величество. И у императора спрашивал, и у вице-императора. В ответ они оба только улыбаются. За книгу «Мой путь. Мемуары адмирала» мне заплатили десять тысяч французских ливров серебра, вдвое больше, чем стоит моё графство Видигейра. А ведь книгу издали тиражом всего в тысячу экземпляров, да и то, в основном, её дарят. Не Маракайбо и не Мальта, конечно, но и я ведь не Церковь и не Орден, обычный посол.

— Завтра, после торжественного обеда, у меня запланированы переговоры с императором и вице-императором, и я хочу, чтобы вы на них присутствовали.

— Вряд ли это сильно поможет, ваше величество, но почту за честь принять участие в судьбоносных для королевства переговорах. Только я должен заранее знать, сколько мы будем просить за Гоа и на что собираемся тратить эти деньги.

— Я бы хотел получить тридцать пять тысяч ливров, как Карлос Первый за Мальту, только не за Гоа, а за все наши колонии в Индийском океане.

— Это одно и то же, ваше величество. Империи не нужен даже Гоа, у них совсем рядом, на Бом Байи имеется очень крупная фактория, а остальное им тем более не интересно. Они заплатят, может быть даже больше заплатят, если им понравится то, как вы собираетесь распорядиться этими деньгами, понравятся ваши планы. Всегда держите в голове мысль, что общаетесь вы не с обычными людьми.

— Я бы хотел закупить оружие, естественно. И, может быть, это чудесное освещение в свой дворец.

— Электричество. Это называется электричество, ваше величество. Оно меня очень сильно интересует, ведь оно может не только светить, но и крутить винты корабля, как я вам рассказывал, или делать любую другую работу. Электричество — это очень сложная система различных машин, устройств, приборов и проводов, его мало купить, с ним нужно уметь обращаться. Людей этому нужно учить, учить здесь, в Империи, больше нигде. А вы точно хотите продолжать войну?

— Господи, да нет, конечно. Быстро принудить к миру Франциска Валуа нам не удалось, а в долгую мы ему проиграем, это очевидно, тем более что он подло союзничает с мусульманами. Но куда мне теперь деваться, граф? Половина нашей армии на Сардинии, её ведь там не бросишь, да и перед Карлосом Первым у меня имеются определённые обязательства.

— Извините, ваше величество, но Карлос Первый и сам гордо идёт в могилу, и вас ведёт за собой. Это просто гордыня и ничего больше. Это один из смертных грехов. Да и неизвестно ещё — жив ли он до сих пор, французы ведь привели к Жироне вдвое войск, против прошлой кампании. Мы, в отличие от Арагона, конечно, отсидимся за спинами имперских герцогов и графов, по земле они к нам никого не пропустят, но с моря нас блокируют обязательно. Армия на Сардинии пропадёт, несмотря на все ваши усилия. Но это будет только началом конца. Сначала нас блокируют, а потом начнут высаживать десанты. Один мы точно отобьём, второй скорее всего, может быть, с Божьей помощью, отобьём и третий, но ведь на этом всё не закончится. Пришлют и четвёртый десант, и пятый, если понадобится... Надеюсь, что дожить до этого момента мне уже не суждено, очень на это надеюсь.

— Проклятье! Всё, что вы говорите — ужасно, и ужаснее всего то, что это очень реально, граф. Но не могу же я нарушить клятву. После такого мне жить точно будет незачем. Ведь это буду уже не я, а подлый клятвопреступник.

— Скажите, ваше величество, а вы ещё не задумывались о том, что нашему королевству будет гораздо лучше в составе Империи? Конечно, они язычники, и законы у них от наших сильно отличаются, но ведь живут то они гораздо лучше нас, а значит есть в этом смысл. Мы могли бы передать императору вашу клятву Карлу Габсбургу и зажить, как нормальные имперцы. А император бы нашёл для него нужные слова, в этом я несколько не сомневаюсь.

— Думал, — тяжело, совсем по-стариковски, вздохнул, ещё довольно молодой король Жуан Третий, — не один раз думал, граф, я постоянно об этом думаю. Хорошо было бы, только ведь королевства в свой состав Империя не принимает.

— Простите меня, если я выскажу кощунственную мысль, ваше величество, но ведь Португалия может войти в состав Империи двумя герцогствами — Большим Лиссабоном и Большим Порту. Южной и Северной Португалией. В Империи хватает герцогов с двойным владением, таким могли бы стать и вы. Мне трудно судить, насколько важен королевский статус, об этом знают только сами короли, но наша любимая Португалия, земля наших предков, за которую они отдавали свои жизни и проливали свою кровь, от такой вашей жертвы, выиграла бы очень много.

— Законы... О введении имперских законов в своём королевстве я давно мечтаю граф, у меня ведь примеры совсем рядом, прямо перед глазами — Галисия, Кастилия, Андалусия и Леон прямо на моих границах, и туда бегут мои подданные. Продают своё хозяйство почти

за бесценок, продают жидам и мусульманам, или вовсе его бросают, если оно долгами обременено, и бегут... Вот вы сказали о пяти десантах, но нам и третьего не отбить, на самом деле. Некому будет его отбивать, к тому времени, все сбегут. А что делать? Что я не сделаю, всё будет плохо, или ещё хуже. А статус... Королевский статус — очень важен в Европе, но здесь, император, на совместный со мной торжественный обед, пригласил простолюдина из Гамбурга. Он даже свой, императорский статус не слишком ценит, приглашая на обед человека подлого сословия, а ведь он властелин половины мира, если по глобусу судить. Сын Солнца, говорите... Мой статус тоже обсуждается, друг мой. Это ведь будет уже не европейский туземный статус, а цивилизованный имперский. Чёрт меня побери, но я действительно завидую имперским герцогам, у них-то всё это волшебное электричество уже давно есть, а оружие... Такого, как у них, никому не продают. Пусть и у меня будет только небольшая гвардия, но самая боеспособная, с самым современным вооружением и... Нет, пожалуй, это уже лишнее, на Европу мне тогда будет наплевать и забыть...

Перед торжественным обедом во дворце вице-императора, состоялась не менее торжественная церемония награждения за службу владениями и титулами. Адмирал Андреас Нуньес, граф де Хувентуд, получил корону герцога Исландии; вице-адмирал Тихоокеанского флота Империи, Юмко Наута, корону графа Тасмании, приличного такого графства, ненамного меньше всей материковой Португалии, контр-адмирал Атлантического флота Империи. Авдей Шишка корону графа Фарер, а бюргер вольного города Гамбурга, Клаус Мюллер стал владельцем графства Наветренных (Восточных Карибских) островов.

Сразу одиннадцати островов — Ангильи, Сент-Китс-и-Невиса, Монтсеррата, Антигуа-и-Барбуды, Гваделупы, Доминики, Сент-Люсии, Гренады, Сент-Винсента-и-Гренадин и Барбадоса. Оказывается, этот простолудин не только послом Ганзы в Империи служил, но и заодно успешно делал себе имперскую карьеру. Его собственный флот, из более чем шестидесяти невооружённых шхун, теперь выполняет большинство грузопассажирских перевозок у восточных берегов Нового Света. К тому-же, он за свой счёт уже основал поселения на всех одиннадцати островах своего графства. Поселения, которые выращивают какао и сахарный тростник, а это теперь даже выгоднее, чем добывать серебро. Вот тебе и простолудин...

Обед прошёл в очень оживлённой атмосфере. Не императорский обед, а какой-то пир конунга викингов со своими ярлами. Громко говорили, много шутили, много и громко смеялись. И что самое интересное, не только граф Васко да Гама де Видигейра отлично вписывался в эту компанию, но и его святейшество Папа, Климент Седьмой. Хотя, чему тут удивляться, все они давние знакомые и у них у всех имеется множество общих знакомых, так что интересных тем для обсуждений им хватает, как и поводов для шуток.

В углу огромного обеденного зала, на роскошном белом концертном рояле, который не мог себе позволить купить король Португалии, ведь он стоил почти как галеон, исполнял различные мелодии виртуозный музыкант. Иногда соло, а иногда аккомпанировал, не менее виртуозной, девице-скрипачке в странном, очень вызывающем наряде. Узком, почти обтягивающем, красном платье, длиной чуть ниже колена, и красных же туфлях на очень высоких и тонких каблуках-шпильках.

Срамота, конечно, но мило, очень мило, стоит это признать. Хотя девица не очень, так себе, прямо скажем. Слишком высокая, слишком худая, с узкими бёдрами и едва заметным бюстом, пусть личико и симпатичное, но... Если бы не такой вызывающий наряд —

смотреть было бы абсолютно не на что, а так взгляд буквально приковывает. И музыка просто волшебная, но её никто не слушает. Наслушались уже... Живут же люди...

Переговоры начались с обсуждения возможности продажи Гоа. Озвученная королём Жуаном сумма, оставила императора совершенно равнодушным.

— Выкуплю за сорок тысяч французских ливров серебра, даже чуть больше, за двадцать имперских тонн, но только вместе с герцогом.

— На Гоа нет герцога, ваше императорское величество, это вице-королевство.

— Это легко исправить, ваше величество. Нужный мне герцог сидит рядом с вами, это милейший граф Васко да Гама де Видигейра. Жалуйте ему владение с титулом, он это точно заслужил, и уступите мне всё вместе — И Гоа, и герцога.

— Действительно, легко. Поздравляю, герцог. Официально я об этом объявлю на вечернем приёме. — жалованный герцог Гоа встал и почтительно, но с большим достоинством поклонился. Король Жуан Третий, не вставая, склонил голову в ответ и печально вздохнул, — Всё-то у вас так легко, ваше императорское величество. Скрывать не буду — очень завидую.

— А к чему усложнять такие простые процессы, друг мой? Верных и заслуженных слуг просто необходимо достойно награждать, а иначе их верность очень быстро истончится. Итак, первый вопрос закрыли. Что бы вы хотели приобрести у Империи, или желаете забрать серебро?

— Пушки. Тридцать, нет, тридцать шесть. Двадцать тысяч ружей. Восемнадцать тысяч снарядов и два миллиона патронов. И электрическое освещение для дворца в Лиссабоне, если на него хватит.

Хватило и на оружие, и на освещение. Точнее, не хватило, но цену специально для короля Португалии снизили и, кроме того, подарили тот самый белый рояль, стоимостью почти в галеон. Таких роялей в Европе всего три — у султана Османской Империи, Сулеймана Первого, в Константинополе-Стамбуле; у короля Франции, Франциска Первого, в Фонтенбло; и у Русского царя, Василия Третьего, в Царьграде-Кёнигсберге. А электрическое освещение и вовсе имеется пока только в Царьградском дворце. Даже сэр Тамас Мор, лорд-канцлер Британского королевства, герцог Саффолк, герцог Глазго и граф Нортумберленд, таким у себя, во дворце Плацентия, в Лондоне, ещё не обзавёлся. А ведь он родственник императору с вице-императором.

К вопросу о возможности вхождения Португалии в состав Империи двумя герцогствами, император интереса не проявил: — «Пока ваше королевство находится в состоянии войны, обсуждать это преждевременно». Зато пообещал помочь с эвакуацией оккупационного корпуса с Сардинии, если в том возникнет нужда. Необходимый флот должна будет выделить сама Португалия, но имперские корабли обеспечат успешное проведение такой операции. Если потребуется, если в этом возникнет необходимость.

А пока куда торопиться? Для начала хоть какие-то уступки со стороны Франциска Первого нужно попытаться получить, какой-никакой, а Сардиния — это козырь в будущих переговорах. Карл Габсбург не хочет ничего слышать о переговорах? Это пока он Жирону не потерял, а ведь именно к этому всё и идёт. Когда французы подойдут к Барселоне, он станет гораздо сговорчивее. А не станет — его проблемы. Если человек очень сильно хочет самоубиться, отговаривать его бесполезно, нужно просто подождать. А пока ждёте, набирайте побольше козырей для переговоров с Франциском Валуа.

Что такое козыри? Герцог де Гоа вам объяснит, что это такое и почему они козыри.

Корсика, например, отлично подходит, войск там у французов очень мало, да и на Сицилии не очень много.

Слишком опасная операция для флота? Можно что-нибудь придумать. Мы не против продать вам пару «винджаммеров» второй серии. Это которые с четырьмя мачтами. Не дёшево, ведь дёшево и хорошо одновременно не бывает. Зато таких кораблей в Европе пока ни у кого нет. Туркам-османам такие предложены, но пока они думают, вы уже полные руки козырей наберёте.

Денег нет? Денег нет, но вы держитесь. Вам дадим в кредит, под честное слово, без залога, после Корсики и Сицилии рассчитаетесь. Не возвращать же их Франциску совсем не ограбленными, это для него уж слишком жирно будет. Так и быть, уступлю вам на время своего герцога Васко да Гама де Гоа, графа де Видигейра. Лучше адмирала для проведения такой кампании вам не найти. И мне спокойнее будет, что не утопнут кораблики зря, вгоняя вас в зряшную долговую кабалу.

На императорский приёме, в том-же дворце вице-императора Чалько Юпанки, герцогскую корону получил не только дон Васко да Гама де Гоа, граф де Видигейра, но и контр-адмирал Авдей Шишка, граф Фарер, обручившийся с младшей сестрой императора. Шестнадцатилетней девицей в самом соку. Король Жуан Третий поймал себя на мысли, что с женитьбой он очень сильно поторопился. Девица, конечно, язычница, но зато какое приданное! Бывшее королевство, а ныне герцогство Ирландия. Живут же люди...

Праздничный приём развлекли три певицы, так же вызывающе бесстыдно одетые в короткие платья, с обнажёнными почти до колен ногами, что и обеденная скрипачка. По голосам этих девиц король Португалии сразу узнал, все пластинки для граммофона он у себя заслушал-запилил чуть ли не до дыр. Француженка Мирей Матье, испанка из Кастилии — Дженифер Лопес и русская — Вика Цыганова. Все три девицы не красавицы, полное подобие скрипачки Ванессы Мэй, но до чего же славно поют. Видимо, музыкальный дар у таких тощих и длинных развивается лучше, чем у красивых. Славно поют под чарующую музыку целого оркестра виртуозов. Струнно-симфонического оркестра. Живут же люди... Веселятся и танцуют, настоящего горя не знают.

С утра, тридцатого июня, король Жуан Третий, первым делом отправился на осмотр «винджаммеров» второй серии, четырёхмачтовых красавцев «Шивы» и «Виракочи». На «Шиве» его уже ждал адмирал, теперь имперский герцог Васко да Гама де Гоа, граф де Видигейра, одетый в имперский адмиральский мундир и восторженно сверкающий глазами.

— Дал Господь на старости лет. Теперь мы здорово удивим всю Средиземную лужу, ваше величество. На таких кораблях можно вершить воистину великие дела. Например, сжечь к демонам проклятый Венецианский арсенал. Снарядов полные погреба, всем уродам хватит... никто из них не уйдёт от нас без хорошего подарка, никого не обездолим...

— Вы ночевали здесь, герцог?

— Конечно, ваше величество. Едва дождался окончания приёма, настолько не терпелось. Как назовём этих красавцев?

— А, чего мудрить... Так и назовём — «Васко да Гама» и «Жуан Третий». Как вы думаете, когда эти корабли будут готовы к бою?

— Они полностью готовы, ваше величество.

— Я имею в виду команды для них, герцог.

— Команды готовы, эти экипажи прослужат у нас целый год, в качестве наёмников. Так распорядился император. А через год мы точно подготовим им смену.

— Да, уж... Вы были правы, герцог. Сын Солнца очень необычный человек, если он вообще человек. Понять бы ещё, чем он руководствуется при принятии решений. Чем мы ему так понравились?

— А какая теперь разница, ваше величество. Главное, что понравились. Вот закончим войну и не будет у нас препятствий для вступления в Империю, если вы, конечно, не передумаете.

— В этом не сомневайтесь, герцог. Я уже и место себе для дворца присмотрел.

— А вот с этим я вам торопиться не рекомендую, ваше величество. Лет через пять, много шесть, Двор Империи переедет в новую столицу. Это у здешних вельмож денег куры не клюют, они могут себе позволить строить дворцы в разных городах, но в Португалии ведь не растут кофе, какао и сахарный тростник.

— Зато на Гоа они должны отлично расти, насколько я в этом деле понимаю.

— Даже если это и так, я найду на что потратить деньги с большим толком, чем дворец в Маракайбо. У меня ведь пять сыновей и дочь, ваше величество. Двум старшим достанутся владения и титулы, а младших ещё нужно обеспечить.

— Очень разумно, друг мой. Последую вашему примеру. Кстати, вы так и не объяснили мне — что такое козыри. Смысл-то я, в принципе, понял, но что это за термин?

— С удовольствием научу вас играть в преферанс, ваше величество. Оттуда и козыри, и прикуп. Только для игры нам понадобится третий. Не возражаете, если им станет мой медикус, Филипп фон Гогенгейм-Парацельс? Я собираюсь выделить ему баронство на Гоа, так что он уже не совсем простолюдин, а медикус отменный, настоящий чародей, его инки настойчиво звали преподавать в университете, но я сманил.

Интерлюдия. 28 июля 1529 года.

Имперский граф, магистр Ордена Священного Препуция, кардинал Игнатий де Лойола с полным основанием мог считать, что свою миссию исполнил блестяще.

Заручившись в самом начале поддержкой султана Сулеймана Первого Османа, которого настолько впечатлили подарки императора и привлекла цена двух «винджаммеров», что он распорядился оказывать послу Империи все возможные услуги. Хочет он говорить с христианскими патриархами, вот и соберите их скорее, а захочет их заменить на более покладистых — тоже помогите, не самому же ему этим заниматься.

В мае 1529 года, султан Сулейман Великолепный отправился на войну, а уже в начале июня, в Стамбуле собрали не только четверых патриархов (Иерусалимского, Александрийского, Антиохийского и Константинопольского), но и шестнадцать митрополитов — всех высших предстоятелей ортодоксальной христианской церкви.

Граф-магистр-кардинал Игнатий де Лойола был блестяще образован и умён действительно до гениальности, а кроме того, на его стороне находились сила власти и сила денег, поэтому договориться удалось. Нет, договориться не о подчинении, выборы Папы состоятся сразу после объединения всех христианских церквей, а его святейшество Климент Седьмой пойдёт на них одним из кардиналов, как его высокопреосвященство Джулио Медичи, но только все ведь отлично понимают, что это не более чем формальность.

После Кёльнского собора, а об этом событии известно уже всем христианам, в том числе и восточным, авторитет нынешнего Папы находится на недостижимой, немислимой высоте, поэтому на его место никто не претендует, но принять участие в исторических выборах главам объединённой христианской церкви из восточников очень хочется. Всем хочется, всем двадцати. Это предполагалось заранее, поэтому Игнатий де Лойола,

поторговавшись для приличия, с лёгким сердцем уступил. Пусть будет у церкви ещё двадцать кардиналов, кому они помешают? А выборы теперь вполне возможно провести в самом Иерусалиме, что очень важно с точки зрения мистического символизма — в Иерусалиме христианство зародилось, в нём оно и должно объединиться.

Все догматические разногласия договорились преодолевать постепенно, в ходе закрытых переговоров и дискуссий, как с автокефальной Русской церковью, а пока считать догмами то, что имело место до раскола 1054 года, а всех, по отдельности канонизированных с того момента, святых, пока считать подвижниками-кандидатами на Всеобщую канонизацию. Так их и поминать — заслуженный христианский подвижник, кандидат в святые. Вполне разумная позиция и справедливое предложение. Ведь компромисс — это «Договорённость, достигнутая при равном неудовлетворении сторон», то есть, при его достижении, чем-то поступиться должны все, а именно это и было всем предложено. Причём, Римская католическая церковь первой сделала шаг навстречу и очень широкий шаг, признав подделкой «Дар Константина». Да, ошибки были, и даже преступления были, но ведь их совершали обычные люди. И преступления, и ошибки совершали обычные грешные люди, разве это повод продолжать держать христиан в расколе?

Ну, и деньги, конечно. Их, эти самые деньги, «святые» люди, восточные иерархи, очень сильно любили, а денег у графа-магистра-кардинала Игнатия де Лойола с собой имелось вполне достаточно. И Папа не поспешил, а император так и вовсе сказал: — «Платить всем в разумных пределах, по самой верхней границе разумного. А неразумные (то есть сумасшедшие) единой церкви просто не нужны».

До верхней границы не дошло ни у кого из восточников, деньги-то они любили, но и цену свою примерно знали. Или, скорее, чувствовали её, как говорит император: «спиным мозгом». Чувствовали, что есть у его высокопреосвященства Игнатия де Лойола и другие методы убеждения, вплоть до летальных исходов всех недоговороспособных и особо хитрозадых, не видящих краёв разумного.

Слишком цинично? «Цель оправдывает средства». А слишком много денег вымогать не слишком цинично? Так что всё честно, компромисс достигнут.

Патриархи-иерархи действительно чувствовали могущество Игнатия де Лойола спиным мозгом. Не зря ведь его в Константинополе принимают с таким-же почётом, как и вице-императора из Нового Света, не как кардинала ведь его здесь принимают, а как имперского графа и посла.

В общем, договорились. Договорились именно в общем, но этого уже хватит, для объявления о преодолении раскола и воссоединении западной и восточной христианских церквей. Осталось северная, Русская православная церковь, но там переговоры ведёт кардинал Иаков Рихтер, бывший личный секретарь Папы, тот самый монах, первым известивший Святой Престол о Втором Пришествии. Что ж, достигнутая с Константинополем договорённость, кардиналу Рихтеру абсолютно точно поможет, здесь ведь корень Русской православной церкви, пусть и автокефальной, именно здесь он, в Константинополе.

Останутся ещё автокефальные христианские церкви в Эфиопии, Армении и Грузии, но это уже не раскол, а так... очень мелкие осколки, которыми можно и пренебречь. Раскольные деревенские приходы. Такие случаются постоянно, никто священников от сумасшествия не гарантирует, они ведь тоже простые люди-человеки, такие же грешные и

подверженные страстям.

Своим великим визирем, султан Сулейман Первый Осман назначил своего единокровного брата, Увейс-пашу. Неслыханное ранее у османов, да и вообще на Востоке, назначение, которое, скорее всего, тоже произошло под влиянием Империи Нового Света, где Увейс-паша продолжительное время служил послом и смог довольно близко сойтись, можно сказать подружиться с императором и вице-императором. Да и с Папой он вполне приятельствовал, кстати говоря.

Вполне ново-светский вельможа, полиглот, свободно изъясняющийся на шести языках, отлично образованный и не прекращающий своего образования, с широким кругозором и прогрессивными взглядами, с таким очень интересно побеседовать за кальяном и кофе, пофилософствовать о всяком таком, о чём мракобесам лучше не знать. Ведь мракобесы — это удел низших по положению в религиозной иерархии. Мракобесие — удел дна, как осадок в вине, или том же кофе. Мракобесие допустимо у нищенствующего странствующего монаха, оно иногда даже полезно бывает, ведь без осадков не бывает ни вина, не кофе, но выше — это уже психическое отклонение. Выше таких сумасшедших допускать ни в коем случае нельзя. Ну, а кто они, если не сумасшедшие, если они из своей веры делают непоколебимое убеждение? На основании чего? Слишком цветных снов, или тому подобных «озарений»?

Великий визирь, Увейс-паша, и сам мракобесом не являлся, и не подпускал таких к власти на пушечный выстрел.

— Всё, друг мой. Все свои дела я здесь закончил. Пришёл с вами попрощаться, завтра моя эскадра отчалит из благословенного Стамбула.

— Мне будет очень не хватать нашего общения, друг мой, граф Игнатий. Надеюсь, сегодня вы составите мне компанию за обедом, а после одарите своей мудростью, во время беседы за кальяном?

— В этих беседах я набираюсь мудрости у вас, друг мой, великий визирь. Конечно, я не пропущу ещё одной возможности пополнить свой капитал мудрости.

— Жаль, что вы не дождётесь султана Сулеймана Великолепного, моего брата. Вам действительно нужно так спешить?

— Чем быстрее я вернусь, тем быстрее вы увидите нашего императора лично. Мой доклад его императорскому величеству, обязательно поспособствует ускорению его визита в благословенный Стамбул, который он давно планирует, насколько мне известно. А я сюда вернусь ещё не раз, друг мой, Увейс-паша. Скорее всего, именно мне поручат организовывать объединительный съезд в Иерусалиме. Но даже, если его святейшество найдёт для этого лучшего организатора, я ведь теперь ваш сосед на Мальте, да и в качестве кардинала на конклав обязательно прибуду.

— Сыграем до обеда в нарды? Или в шахматы?

— Давайте лучше в нарды. Сейчас совсем не хочется думать, хочу расслабиться и загадать на удачу.

Интерлюдия. 12 августа 1529 года.

Король Наварры Генрих Второй д'Альбре, граф де Фуа, де Бигорр, Басконии, Перигора и Арманьяка, виконт Беарна, Лиможа и Марсана, сеньор д'Альбре, князь-архиепископ Кёльна и герцог Швабии в одном лице, внимательно рассматривал в бинокль укрепления вольного ганзейского города Гамбурга.

Тем же самым занимался его штаб, имперские герцоги, высшие вельможи Империи,

приехавшие в Европу развлечься своим любимым делом, войной: Хуан Понсе де Леон герцог де Пуэрто-Рико, герцог де Галисия, граф Сантьяго-де-Компостелы; Франсиско де Гарай герцог де Ямайка, герцог де Гранада, граф Альмерии; и Хуан де Грихальва герцог де Эспаньола, герцог де Мурсия, граф Картахены. Великие воины, сумевшие понравиться самому императору, и уже отлично проявившие себя в ходе этой кампании, развивающейся столь успешно, благодаря их бесценным советам. Бесценным советам и бесценным гвардейским герцогским батальонам.

В Империи, владельческому сеньору такого ранга можно иметь в подчинении всего одну бригаду, трёхбатальонного состава. Одну на всё — и на гарнизоны в своих владениях, и на выход, если вдруг захочется поразвлечься войной, с позволения императора, конечно. Ну, или вице-императора, его величества, Чалько Юпанки, как в этом случае, но это практически одно и то же. Император и его самый старший зять никогда друг другу не противоречат, все их решения общие, но речь сейчас не об этом.

Имперские герцоги, понимая, что поразвлечься на войне они смогут только с одним из своих батальонов, сделали эти «выходные» батальоны настоящими Всадниками Апокалипсиса, Всадниками по имени Война. Или Смерть, если угодно. Каждый боец имперских герцогов, с таким оружием и с такой подготовкой, стоил в Европе, как минимум, десятка своих коллег по опасному ремеслу. Три тысячи умножаем на десять. Смело умножаем, на самом деле умножать нужно на двенадцать-пятнадцать, да плюс сорок тысяч войска самого Генриха д'Альбре, основу которого составляют баски, вот и считайте.

— Подлый город подлых быдлян, — высказал своё мнение дон Франсиско де Гарай герцог де Ямайка, герцог де Гранада, граф Альмерии, — я бы на вашем месте, ваше величество, снёс бы его, как подлый Карфаген и засыпал это проклятое место солью, а новый город построил уже поближе к морю.

— Не слушайте этого психа, ваше величество. — не отрывая глаз от окуляров бинокля, прокомментировал этот совет дон Хуан Понсе де Леон герцог де Пуэрто-Рико, герцог де Галисия, граф Сантьяго-де-Компостелы, — У него, после ранения на Гран-Канарии, мозги сильно набекрень. Ничего такого подлого, чтобы всё разрушить и засыпать солью, я не наблюдаю. Надаём быдлянам пинков и загоним их в строй, как миленьких. После нас они надолго забудут всякую блажь про вольные города. Да и пограбить надо, зря что ли воевали. Сам-то я обойдусь, но солдатикам обязательно нужно дать трофеи. Я ведь и сам десятником в терции начинал, помню ещё, насколько это для них важно.

Да, трофеи солдатикам дать нужно, всю Нижнюю Саксонию уже захватили, взяли и оставили не разграбленными пять городов, да каких городов: Брауншвейг, Ганновер, Дюссельдорф, Ольденбург, Оснабрюк и Бремен. Впрочем, из шести, пять именно взяли, только в Брауншвейге герцог Генрих Пятый Вельф оказал сопротивление, а свои Вольные города бюргеры сдали без боя. Но вовсе не это останавливало Генриха д'Альбре от их разграбления, сдались без боя, значит трусы, значит слишком хотят жить. Жизнь им сохранили, ну, а всё их имущество, в любом случае, достаётся победителю, по древнему и священному правилу войны: — «Горе побеждённым». Словом, речь идёт не о гуманизме и прочих глупостях, выдуманных бездельниками философами, король Наварры просто очень сильно торопился к Гамбургу.

Успел, слава Богу! Англичане город ещё не осадили, а договорённость с ними имелась именно такая — «Кто первым успел, тот и съел». Границу между Британией и Наваррой (и Наваррой, да-да) договорились провести по Эльбе, а Гамбург ведь расположился на обеих её

берегах, поэтому его судьба решалась в соревновании на скорость ведения войны, которое выиграл Генрих д'Альбре.

Могли ли британцы опередить? Конечно, они имели все возможности осадить Гамбург ещё в июне, когда на датском острове Фюн освободился корпус Семёна Новика, герцога Монтроз, графа Эссекса и барона Ламли; но сэр Томас Мор, лорд-канцлер Британского королевства, предпочёл захватить южный берег Балтийского моря и выйти на сухопутную, точнее, речную границу с Русским царством. Впрочем, резон у него на это имелся — Киль, Любек, Росток и Висмар — очень неплохие призы, а Любек, так вообще Ганзейский бриллиант. Основоположник союза торгашей, его столица. Тот самый город, откуда вся эта ересь о Вольных городах и попёрла. Теперь ему конец. Конец Любеку, конец Ганзе, конец ереси. Остался Гамбург. Он последний.

«И правда, что ли, сжечь всю эту погань? А пожарище потом разрушить до основания и засыпать солью? Это великое, благородное и славное деяние обязательно попадёт в историю... Нет, жалко. Историю будут читать другие, а нам нужно жить здесь и сейчас, для жизни же необходимы деньги. Гамбург — это деньги. Гамбург — это флот, собственный флот Наваррского королевства. Бюргеров солдатики ограбят, но город-то и верфи останутся, как и мастера с работниками. Ещё и лучше после этого работать будут. Бунтовать, конечно, тоже будут, бунтовать много и со вкусом, но тем хуже для них самих. Будем сажать таких мерзавцев в ямы со свиньями, как имперцы. Самые ушлые, говорят, по неделе в таких ямах выживают, будет очень любопытно посмотреть, как им удаётся со свиньями договариваться».

— Драться собираются, — дон Хуан де Грихальва герцог де Эспаньола, герцог де Мурсия, граф Картахены, произнёс эти два слова с большим удовольствием, — не такие уж они пропащие. С моря нам их блокировать нечем, а потому затевать осаду смысла нет. Предлагаю штурмовать с ходу.

— Поддерживаю, — на «психа», дон Франсиско де Гарай несколько не обиделся, равнодушно пропустил между ушей, — штурмовать нужно сходу, тремя колоннами. Их пушки со стен посбиваем миномётами, наши пушки вышибут трое ворот и рванём, пока они баррикад не понастроили.

— К ночи только ворвёмся. Не сожгли бы солдатики город в запале, — возразил ему вечный оппонент и лучший друг, дон Хуан Понсе де Леон.

— Заранее объявим, что всё добро бюргеров отойдёт им, тогда точно жечь не будут. И сами не будут, и горожанам не позволят. Решайте, ваше величество.

— Ваш план принимается, дон Франсиско, командуйте артиллерией. Я возглавлю колонну, которая войдёт в самые южные ворота, от них ратуша ближе всего.

Интерлюдия. 22 августа 1529 года.

Франциск Первый Валуа, король Франции и Италии, герцог Бургундских Нидерландов Люксембурга, Сицилии, Неаполя, Милана и Франкфурта, и прочая, и прочая, в ожидании доклада рассматривал карту Европы, раскрашенную разными цветами.

Восточнее Одера, северо-восточнее Судетских гор и севернее Дуная, расположилось Русское царство. Северное царство, никому, кроме самих русских неинтересное. Говорят, там такие морозы случаются, что кожа на лице лопается, да плюс с востока бескрайние степи, из которых постоянно прут бесконечные орды кочевников — то гунны, то печенег, то половцы, то монголы. Конечно, теперь кочевники уже не представляют такой угрозы, как лет двести-триста назад, но всё равно, соседство это малоприятное. Русским приходится

держат на востоке большую часть своей армии. Они вообще странные, эти русские. При всём богатстве выбора в Европе, полезли завоёвывать такую-же, никому неинтересную, Швецию. Самую бедную страну Европы и такую-же северную, как Русское царство. В Большую Европейскую игру, русские вряд ли вступят, хотя Британию обязательно поддержат.

Британское королевство разделалось с унией Дании и Норвегии, захватило Шлезвиг-Гольштейн и южный, ганзейский, берег Балтийского моря, с Любеком, Росток и Висмаром. Теперь Балтика — внутреннее море Русского царства и Британского королевства, будущей унии, ведь наследником обоих является сын Василия Третьего Рюриковича и Марии Первой Тюдор, цесаревич и принц Уэльский, Иван Васильевич. Полезут ли британцы дальше, вступят ли в Большую Европейскую Игру? Однозначно, да. И зариться они скорее всего, в первую очередь, будут на Нормандию и Бретань, ведь с Генрихом д'Альбре у них дружба и полное взаимопонимание, почти союз.

Генрих д'Альбре, неблагодарный зятьёк, захватил в этом году всю Нижнюю Саксонию, это в плюс к прошлогоднему трофею — Швабии, и позапрошлогоднему подарку Папы Климента Седьмого — княжеству-архиепископству Кёльн. Наваррские владения теперь рассечены на три части Францией, а что это значит? Хорошего мало, вот что это значит. Сукин сын, Генрих д'Альбре, чертовски амбициозен, а Франкфурт ему очень мешает. Обменять его, что ли, на что-нибудь? Фуа, Бигорр, Перигор, Арманьяк, Беарн, Лимож Марсана... Как раз примерно равноценны французским владениям в Священной Римской Империи. Бывшей Империи, уже бывшей, что там от неё осталось? На одну летнюю кампанию, много на две. Впрочем, Арманьяк Генриху лучше оставить, это и приданное и вассальное от французской короны графство — пусть помнит своё место, вассал. Тогда в минус Аахен. Аахен, конечно, не стоит Арманьяка, но это столица Карла Великого. По деньгам не стоит, а в качестве символа власти намного дороже. В Аахене начиналась прошлая Империя, в нём-же начнётся Империя Французская, Империя императора Франциска Первого Валуа. Да, пожалуй, поменяться стоит. Заодно и граница с османами сократится.

Османь... Сейчас они не противники, а на море даже союзники, но надолго ли такое положение? Снова однозначно, но теперь уже нет. В Швейцарии мы уже сошлись на суше, в Италии нас разделяет только слабая Венеция. Как только Сулейман Первый разделается с Республикой венецианских торгашей, так сразу всё и начнётся. Два-три года осталось — это максимум. А что это значит? С Арагоном необходимо разделаться раньше, проклятая Жирона продержала нас на месте три года, гореть ей вечно в Аду, как она уже горит на земле. А ещё нужен флот. Нужен очень мощный флот, чтобы Гаврские, Марсельские, Генуэзские и Сардинские казусы больше никогда не повторялись. Османь контролируют западный берег Одера уже до границ с Британией на севере. Западнее них, пока Имперские, то есть ничейные, Брауншвейг, Магдебург и огрызок Верхней Саксонии с Лейпцигом, на которые теперь три претендента — сами османь, британцы и наваррцы. Вот бы они между собой сцепились... Мечтать не вредно, а готовиться надо к худшему. Ладно, чему быть, того не миновать, воевать всё равно придётся, как не оттягивай. Подготовиться бы только успеть. Проклятая Жирона...

С Арагонским королевством очень желательно покончить за год. Это возможно, теперь открыты пути и на Сарагосу, и на Барселону, и на Валенсию, теперь можно реализовать численное превосходство, Карл Габсбург на три части не разорвётся. Это если он ещё жив до

сих пор, а не горит вместе с проклятой Жироной. После Арагона, вышвырнем португальцев с Сардинии и начнём готовиться к Большой Игре.

— Сир, — в ставку короля наконец вернулся герцог Гийом Гуфье де Бониве, граф де Артуа, — по показаниям пленных, Карл Габсбург находился в городе.

— Что значит находился, герцог? А сейчас он где?

— Скорее всего, уже в Аду, Сир. — ухмыльнулся адмирал флота Франции и друг Франциска Валуа с детства.

— Тело, значит, так и не нашли?

— Да как же его найдёшь, горит же всё. Может и весь сгореть.

— Может и так. А где Фердинанд?

— В городе его не видели, Сир.

— Ладно, найдём, никуда он теперь от нас не денется. Отправляйте разведку на все три дороги. Пусть ищут арагонцев, не все же они в этой проклятой Жироне сгорели.

Интерлюдия. 30 августа 1529 года.

Паскуалю де Андагойя, герцогу де Куба, герцогу де Андалусия и графу Севильи, новый имперский герцог и его новый родственник, дайме Цусимы, Коджедо и Чеджудо, Асикага Такаудзи, понравился. Стоит признать, что с новыми родственниками ему сильно везёт. Император и вице-император, без комментариев, с ними всё понятно без слов, но и остальные не подкачали: лорд-канцлер королевства Британия, сэр Томас Мор, герцог Саффолк, герцог Глазго и граф Нортумберленд; дон Родриго Пике, герцог Гавайев, герцог Новой Зеландии и граф де Пуно; а вот теперь ещё этот очень шустрый азиат, Асикага Такаудзи-сан, дайме (японский князь) трёх островов и герцог Новой Гвиней.

На Цусиму, эскадра адмирала, дона Родриго Пике, пришла из Южной Африки, где, по воле императора, были основаны девять городов: Антананариву, в центре острова Мадагаскар, возле одноимённой деревни туземцев; Махадзанга, на западном побережье острова, опять же, возле одноимённого рыбацкого поселения; Мапуту, на восточном берегу Африки, возле бывшего португальского форта Эспириту-Санту; Дурбан, тоже на восточном берегу, парой сотен миль южнее Мапуту; Порт-Элизабет и Кейптаун, на самом юге материка; Виндхук, уже на западном берегу, в трёхстах пятидесяти милях севернее Кейптауна; и два города внутри материка: Кимберли и Йоханнесбург, в пустой саванне, по полученным от императора географическим координатам. Сын Солнца велел искать возле Кимберли алмазы, а возле Кейптауна золото. И ведь нашли! Впрочем, это уже давно никого не удивляет. Найдут и уголь севернее Дурбана, в этом сомнений нет.

В Африке повеселились. Поохотились на львов, буйволов и негров, особенно на негров, но те первыми начали. Удивительно наглые и несговорчивые дикари, вообще в переговоры не вступают, сразу нападают, как только видят чужого, вот их от городов и отгоняли, чтоб хоть что-то можно было вспахать и засеять. Весело здесь будет поселенцам, негров довольно много, на такой-то огромной территории, и они обязательно будут приходить, не всех ведь напугали, далеко не всех. Да и пуганых согнали на чужие земли, в чужие уголья, где им совсем не рады. Это только кажется, что места здесь навалом, на самом деле, племенам охотников уже довольно тесно. Хорошо, что они и друг с другом с удовольствием воюют, всё полегче отбиваться будет.

После Африканской кампании, Тихоокеанский флот Империи разделился на две эскадры. Пять кораблей, под командованием контр-адмирала Жоржи ди Менезиша отправились собирать «кассу» с факторий, а три, с адмиралом Родриго Пике и Паскуалем

Андагойя, отправились навестить нового родственника в городе Цусима, на острове Цусима, в Цусимском проливе Тихого океана. Тихого, да-да. Какой идиот назвал его Тихим, интересно? Штормы там такие, что свалили даже Паскуалья де Андагойя, никогда до этого не страдавшего от морской болезни.

Новый родственник гостям очень обрадовался и сразу предложил дело — забрать в имперское владение гряду островов Окинава, где расплодилось видимо-невидимо пиратов, а заодно и остров Тайвань, раз уж нас теперь много. На Тайване ведь имперской фактории нет, а значит, он ничейный, будет наш. Очень шустрый азиат. И отлично образованный, гремучий хлопок для взрывчатки уже производит. Сам научился, по имперским учебникам химии. Далеко пойдёт, если императора однажды не рассердит. Как наказывает Сын Солнца, рассердивших его родственников, узком семейном кругу широко известно. Наказывает он их точно так-же, как еретиков в Кёльнском соборе.

Расширили круг посвящённых на нового родственника. Забрать для Империи несколько островов, мы, конечно, можем, но решать — кому ими владеть, будет уже сам император. Хотя, он, без сомнений, учтёт все наши заслуги. Да и пограбим эти острова именно мы, а у пиратов всегда есть, чем поживиться. Согласен? Ну, тогда погнались.

Сходили, пограбили, имперские владения «застолбили», вернулись, отпраздновали. По пьяне, уговорили нового родственника нанести визит императору, с вице-императором. Нет, корабли не бери, кораблей у нас хватает, увезут и привезут. И жену не бери, она в тягости, а в океане поболтает будь здоров.

Толковый азиат, очень толковый, в преферанс научился играть за пару дней, даже проиграться как следует не успел. И вот уже «везёт» благородным донам и родственникам, Родриго Пике и Паскуалью де Андагойя, вистов четыреста пятьдесят, гадёныш ускоглазый...

— Ты не жульничаешь-ли, амиго, — вызверился дон Паскуаль на вскрытый прикуп, — почему опять два козыря?

— Ты же сам сдавал, — ухмыльнулся наглый японец, — убейся об стену.

Да, вместе с преферансом, в эту историческую реальность пришли не только карточные термины, вроде козырей, прикупа, марьяжа и мизера, но и все ругательства императора. Удивительно быстро они прилипают.

Такаудзи-сан сыграл девятерную и зарыл пулю, с почти пятьюстами вистов, по золотому «юпанке» за вист. Родственник, мать его японскую.

— Ещё одну распишем? Время-то «детское»...

— Я пас, — «съехал» дон адмирал, — лучше, пойду почитаю.

— Что читаешь-то? — поинтересовался дон Паскуаль, — Неужели ещё не всё прочитал?

— «Властелина колец» я ещё не читал.

— Детские сказки. И ради такого ты оставишь друзей и родственников скучать без партнёра? Позор! Неслыханный позор!

— Отвали, Паскуаль, — беззлобно отшил дважды герцога и графа Родриго Пике, — и никогда не суди о книгах, не читая их. Можешь начать, первый том я уже прочитал.

— Да ну её. Пойду лучше дротики побросаю. Ты со мной, Такаудзи-сан? Партию в дартс, на те триста монет, что ты у меня только что выиграл?

— Пожалуй, я лучше начну читать сказку. Родриго-сан плохого не посоветует. Да и не хочу тебя обдирать ещё сильнее.

— Предатели. Эгоисты и предатели...

Интерлюдия. 15 сентября 1529 года.

Русский царь, Василий Третий Иванович Рюрикович, тоже рассматривал карту Европы. Такие карты, «контурные», как их называют в Империи, раскрашивали уже дьяки, согласно поступающей информации об изменении обстановки. Вот и сегодня появилось изменение — пал последний город Швейцарской Конфедерации, под названием Берн.

Ещё один участник большого европейского политикуса исчез с европейской арены. Четвёртый уже в этом году, следом за Датским и Шведским королевствами и Союзом Вольных городов Ганзы. Не считая Северного союза, будущей унии Русского царства и Британского королевства, будущей Империи Севера, Русской Империи, остались на карте Европы семеро: Османская Империя, королевство Франция, королевство Наварра, королевство Португалия, королевство Арагон, Республика Венеция и совсем маленький огрызок Священной Римской Империи, крохотный беззащитный пяточок, в самом центре её былой мощи.

Так проходит земная слава, да. «Sic transit gloria mundi», как говорится. Грызут эту некогда огромную Империю со всех сторон, но уже совсем скоро догрызут. Не такой уж она огромной оказалась, закончилась довольно быстро.

Больше всех, за это лето, приросло королевство Наварра. Молодой там король, горячий, первым в Новый Свет визит совершил, первым и обрёл искомое. Привёз столько оружия и наёмников, что хватило на всю Нижнюю Саксонию с Вольными ганзейскими городами: Гамбургом, Бременом, Ганновером, Дюссельдорфом, Ольденбургом и Оснабрюком.

А ещё говорят (говорят посол Империи в Русском царстве, граф Камутамачев, и посол Русского царства в Империи, князь Семён Бельский, а им можно верить), что подружился император Инков с королём Наварры, Генрихом Вторым д'Альбре, оттуда все успехи короля и выросли. Очень может быть, очень даже. Генрих д'Альбре действует слишком толково, для коронованного «малолетнего дурачка», каковым он и является, на самом деле. Наверняка ему там, в Империи, не только оружия щедро отсыпали, но и мудрости пару кошельей. Генриха д'Альбре теперь нужно воспринимать всерьёз, об этом твердят и Камутамачев и Бельский, хотя и без них всё уже понятно.

Император запустил в европейский пруд ещё одну здоровенную щуку. Запустил с запада, со стороны Франции. Оно, конечно, Генрих д'Альбре Франциску Валуа шурина, но и более близкие родственники резались не на жизнь, а на смерть, брат против брата, сын против отца, а уж такое родство и вовсе почти ничто в большом политикусе.

Первым делом, король Наварры договорился с Британией. Королевством, управляемым сейчас лордом-канцлером, шурином императора, а это говорит об очень многом. Если договорился с Британией, значит, имел в виду и Русское царство, необъявленный пока Северный Союз.

К чему его объявлять, если и так всем всё понятно. А что тут можно не понять, если Мария Генриховна коронована Русской царицей, а Василий Иванович принцем-консортом королевства Британия, и у них растёт сын, цесаревич и принц Уэльский, Иван?

Формально, до совершеннолетия Ивана, Британией будет править совет Пэров, во главе с герцогом Саффолк, герцогом Глазго и графом Нортумберленда, сэром Томасом Мором, но это формально. Сэр Томас Мор главный и самый активный сторонник Империи Севера. Главный сторонник Империи и главный её строитель. Вот уже Балтийское море наше, его стараниями. И море наше, и Ганзы безбожной не стало, и снизу, из Нижней Саксонии, всё это подпирает почти союзник, Генрих Второй д'Альбре.

И неважно, кто эту всю игру затеял — сам сэр Томас Мор, или его родственник

император, главное — результат. А результат-то ведь ого-го!

Русь распахивает Дикое Поле и Поволжье, про голодные, неурожайные, годы, теперь можно забыть навсегда. Из Русского царства теперь вывозятся только излишки, действительно излишки, которые некуда загрузить, вывозят, когда самим не хватает закромов. Запас зерна в государевых амбарах, заложен уже на полные два года. Надёжно заложен, по инкским правилам — не сгниёт, ни мыши с голубями его не пожрут. Зерно копится про запас, а чем больше копится, тем больше растёт на него цена в Европе, которая пахать-сеять почти перестала.

И ведь легко понять — почему перестала. Даже если по твоему полю не проскачет отряд, тысяч в пять османских драгунов, то урожай всё равно почти весь отберут свои же власти, так зачем-же его сеять и возделывать? Нужно всё немедленно продавать и уезжать в Новый Свет. Благословенный Новый Свет, настоящий Рай на Земле. Языческий Рай, да. Но все бегут в одночасье, до кого-то раньше доходит, до кого-то позже, но бегут, и ещё как бегут. Наперегонки, сверкая пятками.

Европе не позавидуешь, но и горевать о её доле нам ни к чему. Когда та Европа горевала за наши беды? Вот и жрите теперь русский хлеб по тройной цене в серебре, а мы ещё государевых амбаров-элеваторов построим, чтобы лет на пять запастись. Мы зерном будем скотину откармливать, чтобы у неё зимой молоко не пропадало, а вам за это платить придётся. За наше зимнее молоко на столах у смердов... Готовьтесь...

В общем, союз Русского царства, Британии и Наварры — уже почти свершившийся факт, хоть и не подталкивает Империя к этому. Император вообще избегает любых обсуждений европейского политикуса, для него, на словах, все друзья, но тут уже как сам сообразишь. На словах-то, на словах, а на деле, в Царьград, три недели тому назад прибыл очередной подарок — шесть галеонов Имперского флота Атлантического океана, Средиземноморской его эскадры.

Нет, формально-то это не подарок, официально, эти корабли Русскому царству Империя продала, но продала-то она их по медной копейке за корабль, каждый из которых стоит под две тысячи французских ливров серебра. Вот и думай — что тут к чему и почему. Люба Русь императору, больше всех люба, но и другим он в помощи не отказывает. Про Генриха д'Альбре говорено уже достаточно, про Британию тоже, но ведь и все остальные подарков из Империи получили очень щедро. Королевство Франция начинало свою кампанию в Италии на имперские деньги, об этом теперь знают все, это не секрет. И союзник Франции, Республика Венеция, поддержала Франциска Первого за имперские деньги, это тоже общеизвестный факт.

Франциск, на эти деньги, завоевал всю Италию, Савойское и Сицилийское герцогства, а потом не смог остановиться, следом пошли герцогства Бургундских Нидерландов, Люксембурга, графства Артуа и Франш-Конте, Франкфурт и Аахен, Жирона и Арагонское королевство, после чего император к Франциску охладел. А ведь дружили не разлей вода, вместе ведь целый месяц в Фонтенбло развлекались балами, охотами и блудом. Вместе Папу в Кёльн сопровождали, да и посла своего в Империю французы первыми отправили. Инкские медикусы всех приближённых Франциска вылечили, а родных детей, так просто спасли, и поди ж ты... Разошлись, как в море случайные корабли. Тихо, молча, без упрёков, но точно разошлись, для Франции теперь у Империи скидок с цены на оружие нет. Возгордился Франциск Валуа, вот и охладел к нему Император.

Было от чего возгордится, этого не отнять. Франциск Первый сейчас в Европе фигура

сравнимая с самим османским султаном Сулейманом Великолепным. Ещё бы, ведь за ним теперь, кроме самой Франции — вся Италия, вся Ломбардия, вся Сицилия, все Нидерланды половина Швейцарской Конфедерации и приличный такой кусок Священной Римской Империи, а кроме того, после взятия Жироны, перед ним, как на ладони лежит, всё, почти беззащитное, королевство Арагон.

С Арагоном тоже будет покончено очень скоро, у французов армия уже под сто тысяч, а Карлос Первый Габсбург почти всё свою уже потерял, да и была она совсем небольшой, если с французской сравнивать. Добьёт Габсбурга Валуа к следующему лету, у них там, в Испании, и зимой воевать можно, погоды стоят, примерно, как у нас в мае и сентябре. Добьёт и куда дальше направится? Османов воевать начнёт, или шурина своего, Генриха д'Альбре?

Османская Империя останавливаться тоже не собирается. Султан Сулейман под ружьё уже сто пятьдесят тысяч поставил, да султан Алжира, Хайреддин Барбаросса, вассал его, ещё пятьдесят. Двести тысяч, с ума сойти! А вместе они могут воевать только на юге, только против владений Франциска и союзной ему Венеции. Скорее всего, так и будет, как только покончит Сулейман со Священной Римской Империей, так и сцепится с Франциском.

А потом? Потом, кто бы из них не победил, придёт наша очередь, раз лорд-канцлер союз с Генрихом д'Альбре затеял, то и Руси в стороне не отсидеться. Лихие годы нам предстоят, очень лихие, армии теперь от ста тысяч серьёзной воинской силой считаются. Да не ополчение, или пососная рать, а регулярные армии инкского образца. Поневоле о Конце Света задумаешься.

— Чего печалишься, государь, — отвлеклась от чтения Мария Генриховна.

— Скоро начнётся, душа моя. Не отсидеться нам будет в стороне.

— Так мы вроде и не собирались отсиживаться. Да и не так уж скоро для нас начнётся. Успеем подготовиться, пока османы с французами воюют.

— А коли они сговорятся, и вместе по Генриху д'Альбре ударят? По союзнику нашему?

— Тогда нас император поддержит.

— Откуда знаешь?

— Не знаю, думаю.

— Думать-то и я думаю, а хотелось бы знать точно. Не желаешь нанести визит нашему будущему зятю, пока всё ещё спокойно? Очень уж мне хочется своими глазами на эту чудесную Империю посмотреть. Как оно всё там на месте устроено. Перенимаем ведь многое, но всё как-то без представления, что у нас в итоге получится.

— С удовольствием, государь. Ивана ведь скоро на учёбу отправлять, а после Софью навсегда. Да и навещал нас император, ответный визит сам напрашивается.

— Вот и я говорю. Вели собираться. Пока зима, обернуться успеем. Да и императора в Южной Инке застанем.

Интерлюдия. 17 октября 1529 года.

Король Наварры, Генрих Второй д'Альбре, граф де Фуа, де Бигорр, Басконии, Перигора и Арманьяка, виконт Беарна, Лиможа и Марсана, сеньор д'Альбре, князь-архиепископ Кёльна, герцог Швабии, герцог Нижней Саксонии, и сам хотел предложить Франциску Первому Валуа размен владений, но так получилось даже лучше. Ведь кто предлагает сделку, тот всегда оказывается в худшем положении, первым вскрывая свою заинтересованность.

Кампания лета 1529 года, блистательно завершилась взятием с ходу большого и очень хорошо укрепленного города Гамбурга, а сам король Наварры первым ворвался в город. Да,

получил ранение, но это ерунда, инкские чудо-медики поставили короля на ноги всего за две недели, зато как возрос личный авторитет Генриха д'Альбре в войсках.

С имперскими герцогами, король рассчитался передачей Империи графства Баскония. И с Империей рассчитался, и с герцогами, и с басками. Все остались довольны. Герцоги получают благодарность своего императора, а это они ценят выше владений, или, тем более, денег; баски снижение налогов до имперского уровня и жизнь по имперским законам, как в соседних Галисии и Кастилии, чему они немало завидовали; а император ещё одно графство и предложение выкупить корону Наварры, если согласится признать Генриха д'Альбре королём Западной Германии и склонит к такому-же признанию Папу.

Должно получиться. Корону, император, конечно, упразднит, как и Кастильскую с Ирландской, но это уже его дело. В общем, со своими Пиренейскими владениями, Генрих д'Альбре уже разобрался и как раз собирался начать переговоры о Франкфурте и землях бывшего Вольного города, разделяющих его будущее королевство Западная Германия на северную часть, герцогство Нижняя Саксония, и южную, герцогство Швабия, да ещё и отделяя столичное княжество-архиепископство Кёльн от обоих герцогств, но и тут повезло, Франциск предложил провести обмен первым.

Предложение он сделал справедливое и даже щедрое, но не соглашаться же сразу. По крайней мере, нужно и от него добиться признания короны нового королевства. Британцы в этом не откажут, а с ними и русские, остаются только Франциск и португальский король Жуан Третий. От османского султана признания не требуется, а венецианцами, недобитыми курфюршествами Священной Римской Империи и королевством Арагон можно пренебречь. Даже если они против, всё равно недолго им всем осталось противиться. Венеция? Она вообще республика, её мнение в этом вопросе ничтожнее мусульманского.

— Вы хотите отгородиться мной от османов, Франсуа.

— Да бросьте, Генрих. С османами я уже граничу в Северной Италии и Южной Швейцарии.

— То Италия и Швейцария, а то сама Франция, разница есть и очень существенная, согласитесь. Там горные перевалы, проходимые только летом и с мощными крепостями, а здесь равнина, которую очень трудно защищать от османских драгунов. А их у султана уже под сорок тысяч.

До концепции драгунов, по сути, очень мобильной пехоты, которая коней использует для маршей, а не для войны, Сулейман Великолепный додумался сам, без подсказок. Додумался, опробовал и теперь наращивает эти грозные силы в стремительном темпе. А им действительно в горах применения нет. Нет в горах возможности обойти укрепления и резвиться у них в тылу, или так же обойти вражеское войско и резать ему коммуникации снабжения, оставляя на голодном пайке. И как бороться с такой Ордой, никто пока не придумал.

— Разница есть, — согласился король Франции, — для меня есть, а для вас нет, Генрих. Ваша Швабия всё равно под ударом. Франкфурт и его земли в этом плане ничего не изменят, зато улучшат для вас возможность манёвра войсками — будете водить их по своей земле.

— Насчёт своей земли я и хочу с вами обсудить один вопрос. Я собираюсь основать новое королевство, Франсуа. Королевство в моих германских владениях. Пусть будет королевство Западная Германия. Если вы готовы его признать — мы договоримся.

— Мы договоримся, если вы в качестве ответной любезности, признаете Французскую империю, которую собираюсь основать я.

— Вас признает Святой Престол?

— А вас?

— Я на это надеюсь.

— И я надеюсь. Но мне, для начала, хватит только вашего признания. Итак, мы договорились?

— Договорились. Поздравляю вас, ваше императорское величество.

Привезённые графом-магистром-кардиналом, Игнатием де Лойола, из Константинополя-Стамбула договорённости об объединении Римской католической и Византийской ортодоксальной христианских церквей, да ещё и с уже назначенной на Пасху 1531 года датой начала работы объединительного всехристианского съезда, сильно ускорили ход переговоров митрополита Макария с папским нунцием, кардиналом Иаковом Рихтером.

Оно и понятно, если христианство договорится о преодолении раскола 1054 года, то раскольниками останутся только автокефальные церкви, и им придётся как-то обосновывать свою приверженность раскольничьему пути. Объяснять пастве, да не тёмным крестьянам, а боярам, князьям и самому царю. Боярам и князьям, которые во множестве получили уделы в Литве, Польше, Пруссии, Дании и Швеции и стали там баронами и даже графами, которые причащаются святых таинств в тамошних церквях и планируют родниться с английской знатью. Объяснять царю, который теперь ещё и принц-консорт Британского королевства и всячески поторапливает процесс объединения. Грозному царю, который может упорствующих в расколе просто изгнать, если не того хуже.

В общем, всё идёт к тому, что Русская православная церковь тоже примет участие в объединительном съезде в Иерусалиме и выборах единого главы всего христианского мира.

— Блестяще, граф, — оценил результат император, — очень рад, что не ошибся в вас. Надеюсь, что христианство когда-нибудь по достоинству оценит ваши заслуги и причислит к лику равноапостольных святых. Как и Папу, конечно. А пока просите награду за переговоры с султаном. Их итоги меня тоже очень порадовали.

— Лично меня вы уже щедро наградили за всю службу до конца жизни, ваше императорское величество. Слишком щедро, я даже опасаясь, что всё отслужить не успею. Я бы попросил за Орден, если позволите. Помнится, вы говорили, что найдёте Ордену дело. Важное и полезное дело.

— Говорил и от своих слов не отказываюсь. Будет вам важное и полезное дело, как только Орден станет достаточной силой, чтобы за такое дело взяться. Для начала, ваш Орден должен заменить собой все остальные католические Ордены. Перенять у них все монастыри и навести в этих монастырях порядок, по своему уставу.

— Возможно ли такое, ваше императорское величество? Ведь другие монашеские Ордены будут противиться. Не силой же их принуждать.

— Не будет никаких других Орденов, граф. Папа их распустит, как только вы будете к этому готовы. Принуждать, конечно, лучше добрым словом, но не все, к сожалению, способны понимать добро, поэтому и возможность принуждения силой исключать не будем. «Цель оправдывает средства», не так ли? А насчёт возможности — не сомневайтесь. Вы объединили христианство, а на этом фоне, предстоящая вам задача — сущий пустяк. Согласуйте свои действия с его святейшеством и работайте. Как только у вас появится надёжная и полностью контролируемая вами структура, получите и дело. Очень важное, очень полезное и очень доходное дело. А что касается награды за переговоры с султаном, пусть её за вас тоже получит Орден. Передаю вам, как магистру, «Нептуна». Путешествовать

вам теперь придётся очень много, пусть будет у Ордена собственный корабль. Только команду мне вернёте. Через год, этого времени точно хватит, чтобы подготовить новую, уже из братьев-монахов.

Сулейман Первый Осман решил приобрести два «виндjamмера» второй серии по шесть тысяч французских ливров серебра, по цене трёх галеонов каждый, но это очень дёшево, на самом деле. Три галеона с бронзовыми пушками «виндjamмеру» на один укус, если капитан не допустит ошибки и не даст им приблизиться до дистанции действенного ответного огня. Но с таким преимуществом в скорости, нужно быть совсем уж неумехой, чтобы это допустить. Неумехой, или психически ненормальным, возомнившим себя неуязвимым.

Два корабля у Португалии, один теперь Орденский, остаются ещё два — «Перун» и «Тор». «Перуна», пожалуй, подарим Русскому царству, а вот «Тора» можно выставить на аукцион. На аукцион в Гранаде. Нужно же как-то узнать его реальную рыночную стоимость, чтобы и Сулейман Первый, и Жуан Третий оценили сделанные им уступки. То, что торговля за «Тора» пойдёт бойкая, с повышением ставок, сомнений нет. И так бы не было, а после того, как адмирал, герцог Васко да Гама де Гоа, граф де Видигейра, «похулиганит» возле Корсики и Сицилии, цену вполне можно ожидать и выше десяти тысяч. Даже значительно выше. Интересантов-то сколько: Франциск Первый точно; Хайреддин Барбаросса, несомненно; Венецианская Республика обязательно; да и друг Генрих д'Альбре теперь парень очень состоятельный, а о собственном флоте он давно мечтает.

Двадцать четвёртого октября 1529 года получили развёрнутый доклад о ситуации в Европе от графа Саго Миачо, имперского министра Иностранных Дел в Гранаде.

В Жироне погиб Карлос Первый Габсбург. Для чего он заперся в городе, теперь можно только гадать, но самая реальная версия — это он выбрал такой героический способ самоубийства. Дела у него шли очень плохо, и шли они чем дальше, тем хуже, вот он и потерял какую-либо надежду. Сыновей Карл родить не успел, поэтому права на корону Арагона перешли к его младшему брату, Фердинанду, но успеет ли тот хотя бы короноваться — большой вопрос. Всё идёт к тому, что и эту корону, уже к лету, получит Франциск Первый Валуа.

Французы воюют в Арагоне почти стотысячной армией, а «против лома нет приёма». Как говорил Фридрих Великий: «Бог на стороне больших батальонов», и он чертовски прав. К лету, Империя получит сухопутную границу с Францией. Теперь в любом случае получит её, поэтому королевство Наварра, у друга Генриха д'Альбре, можно и выкупить за запрошенную цену в сорок тысяч ливров. Всё равно, друг Генрих почти все эти деньги потратит на оружие, так что не стоит скупиться.

Прекратила своё существование Швейцарская Конфедерация. Юг, с Люцерном, и запад, с Базелем, добровольно признали свой вассалитет перед французской короной, если уместно вообще говорить о какой-либо добровольности, при такой явной угрозе оккупации турками-османами; а север, с Санкт-Галленом, Цюрихом, Берном и Цугом, захватили османы. Захватили очень кроваво, освобождая место для, переселяющихся с Северного Кавказа, черкесов, не пожелавших остаться под властью неверного Русского царя. Вот и решился Кавказский вопрос ко всеобщему удовольствию, если не считать швейцарцев, конечно.

Хорошая Европа получается. Бывшую Венгрию заселили ногаи, бывший Остмарк (Австрию) крымчаки, а бывшую Швейцарию скоро заселят черкесы. И этот Альпийско-Дунайский халифат теперь останется даже после ухода османов. Будет вам европейский Афганистан, с боролатыми моджахедами и вечным джихадом. А пока это неисчерпаемый

кадровый резерв для армии Сулеймана Великолепного. Ногаи и крымчаки уже выставили сорок тысяч драгунов. Не любят они работать, зато воюют с большим удовольствием. «Каждому своё».

За это лето, с европейской шахматной доски исчезли сразу четыре фигуры: королевства Дании и Швеции, Швейцарская Конфедерация и Союз Вольных городов Ганзы. Священная Римская Империя и королевство Арагон точно не переживут 1530 года.

В 1531-ом можно ожидать начала войны османов с французами, Португалии нужно продержаться всего полтора года. Это вполне реально, даже если Жуан Третий не сможет выйти из войны с Франциском Первым раньше, через полтора года, французскому королю будет уже точно не до Португалии.

В ноябре 1529 года, Империю посетили сразу две высочайшие особы, царственная чета — Русский царь и принц-консорт Британского королевства, Василий Третий Иванович Рюрикович, и его супруга, королева Британии и русская царица, Мария Первая Генриховна Тюдор; да ещё и привезли они с собой сэра Томаса Мора, британского лорда-канцлера, герцога Саффолк, герцога Глазго, графа Нортумберленд и мужа сестры императора.

В ноябре-же, вернулся в Лиму адмирал флота Тихого океана, Родриго Пике, герцог Гавайев, герцог Новой Зеландии и граф де Пуно. Вернулся вместе с Паскуалем де Андагойя герцогом де Куба, герцогом де Андалусия и графом Севильи, и привезли они с собой ещё одного императорского родственника — Асикага Такаудзи, герцога Новой Гвинеи, дайме Цусимы, Коджедо и Чеджудо.

Контр-адмирал Атлантического флота Империи, Авдей Шишка, герцог Ирландии и граф Фарер, тоже находится в Маракайбо, принимает эскадру «винджаммеров» четвёртого поколения, поэтому так получилось, что разом собрались все здешние родственники Савелия и Эль Чоло, императора и вице-императора Инков. Да, Василий Иванович и Мария Генриховна тоже родственники с момента помолвки, хоть невесте ещё всего лишь два года, и она ещё только учится ходить и разговаривать. Научится, куда она денется, все научились, и она научится.

Асикага Такаудзи императору понравился. Также типичный Наполеон Бонапарт, как и друг Генрих д'Альбре, только раскосый расовый азиат. Такаудзи-сан получил во владение графство Окинава, кампанию по захвату которой он сам спланировал и организовал, и задание привести в Империю Филиппинские острова. Желательно миром.

Паскуаля де Андагойя, наградили не наследуемым титулом его величества вице-императора и должностью имперского наместника на Африканском континенте и островах в Индийском океане.

Адмирал Родриго Пике тоже стал величеством вице-императором, в должности имперского наместника в Азии, Австралии и на островах Тихого океана.

Контр-адмирал Авдей Шишка получил чин вице-адмирала и должность наместника императора в Северной Инке.

Не обошли наградами и повышениями отсутствующих:

Нууно Вимка, герцог Кастилии и граф Вальядолида, получил во владение графств Баскония, титул его величества вице-императора и должность имперского наместника в Европе. А куда деваться? Подданных в Европе у императора теперь почти как в Южной Инке, а ведь ещё Португалия в кандидатах на вступление и Наваррское королевство вот-вот войдёт в состав. Нужен наместник, причём титулованный, в Европе этому придают очень большое значение. Нууно Вимка — первый командир Первой Гвардейской бригады

Быстрого Реагирования и первый местный приятель Савелия, можно сказать друг. Не был бы Нууно женат, точно получил бы в жёны одну из сестёр императора. Он отлично справился со всеми поручаемыми ему заданиями — именно его стараниями создана регулярная имперская армия, он строил Лиму, а теперь блестяще управляет Кастилией, сделав из неё самую настоящую сверкающую витрину Империи. Именно Кастилии больше всех завидовала Баскония, его баски примут с радостью. А ещё он первым организовал у себя регулярный футбольный чемпионат. Вроде ерунда, но хватает же у него времени. Потянет наместничество в самом сложном регионе, точно потянет.

Адмирал Атлантического флота Андреас Нуньес, герцог Исландии, граф де Хувентуд, получил чин генерал-адмирала и должность командующего флотом Империи и начальника имперских верфей в Лиме, Маракайбо и Нью-Йорке. Он больше всех тянется к технике и прогрессу, он и будет строить новый военный флот, а потом им командовать.

Вице-адмирал Тако Котага, граф де Канариас, стал герцогом де Канариас, графом Кабо-Верде, графом Сан Томе и Принсипи и адмиралом Атлантического флота Империи.

Юмко Наута, граф Тасмании, вице-адмирал флота Тихого океана, стал владетельным герцогом Мадагаскара.

Контр-адмирала Тихоокеанского флота Жоржи ди Менезиша, жаловали графством Гуама и Марианских островов.

Лучшего из капитанов Атлантического флота Апату Вуиса произвели в контр-адмиралы и сделали графом Фолклендских островов и Южной Джорджии.

Герцогская хунта: Хуан Понсе де Леон герцог де Пуэрто-Рико, герцог де Галисия, граф Сантьяго-де-Компостелы; Франсиско де Гарай герцог де Ямайка, герцог де Гранада, граф Альмерии; Хуан де Грихальва герцог де Эспаньола, герцог де Мурсия, граф Картахены; получила деньгами, по шесть тысяч французских ливров серебра, примерную стоимость графства Баскония, которое они «завоевали» для Империи в Нижней Саксонии. Владения им выделять смысла не имеет, не любят они с управлением возиться, а деньги найдут куда потратить, ещё по дворцу себе построят, теперь уже в Тауантинсуйу.

Денег не жалко. Даже если не считать того золота, что сдают туземцы в Анкоридже, Сан-Франциско и Мельбурне, а сдают они его там тоннами, внешняя торговля Империи высасывает монетарные металлы у всех торговых партнёров с бешеной скоростью. Что вполне естественно, монополия ведь, цена на имперские товары устанавливается в три-четыре себестоимости, а «партнёры» вынуждены конкурировать на рынке. Естественно, торговое сальдо у них сильно отрицательное, вот и вынуждены доплачивать драгоценными металлами. Всё честно. Никто ведь ничего покупать не заставляет. Сами, всё сами. Сами доводите своё население до нищеты безумными тратами, сами за это и ответите.

Маракайбо уже христианский город. В смысле, населения в нём в большинстве христианское, европейское. Неожиданностью для Савелия и Эль Чоло это, естественно, не стало, не мог Папский Престол не послужить магнитом. Нет в этом ничего плохого. Пусть будет один город христианским. Всего один в Империи, но зато столица всего христианского мира. Теперь точно всего. Василий Иванович сообщил, что Русская православная церковь в объединительном съезде в Иерусалиме участие обязательно примет, вот и славно.

Маракайбо — столица христианства, а кто контролирует столицу, тот контролирует и всё остальное. А языческим расовым инкам места хватит, три континента в их распоряжении и под сотню больших островов. Зато теперь всё честно. Папа Климент

Седьмой получает доходы с христианского города, в виде подоходного налога, а Империя налоги на добавленную стоимость, на недвижимость и таможенные платежи. Город очень богатый, пожалуй, самый богатый в мире, богаче Стамбула-Константинополя, не говоря уже про остальные города, так что доходов с него хватает всем — и Империи и Папскому престолу.

Естественно, что самый большой и роскошный христианский храм в мире, так пока никому и не посвящённый, просто христианский, их величества Василий Иванович и Мария Генриховна и сэр Томас Мор обследовали очень тщательно, на что у них ушло целых три дня. Спасибо Папе за заботу — развлёк гостей. Впечатлились все трое до глубины души.

Из Маракайбо, царственная чета и лорд-канцлер Британского королевства, в сопровождении русского посла в Империи, князя Семёна Васильевича Бельского, и имперского посла в Русском царстве, графа Михаила Камутамачева, отправилась «инспектировать» университет в Лиме, где предстояло учиться цесаревичу и принцу Уэльскому, Ивану Васильевичу, будущему первому императору Империи Севера, Русской Империи.

Университет в Лиме их точно не разочарует, как и гимназия, где отроки получают среднее образование. Да и кроме них, в Лиме есть что посмотреть. Научно-производственные объединения, из чьих стен выходят все диковины, верфи, самая большая и богатая библиотека в мире, огромный порт и огромный рынок с азиатскими торговцами. Если бы в это время существовала индустрия туризма, Лима бы совершенно точно была одним из самых популярных туристических центров. А на обратном пути, осмотрят ещё одну «жемчужину», бывшую столицу Империи — Куско. Теперь город-музей, в который собраны почти все европейские шедевры скульптуры и живописи. Все десять старых дворцов Куско, в которых раньше размещались посольства, теперь музеи. Музеи пока без посетителей, но зато с какими экспозициями. В общем, месяца на три гости дорогие уехали.

Гости уехали, а Савелий и Эль Чоло остались. Как чувствовали, что дорогие гости в эту европейскую зиму будут ещё. И не ошиблись. Дождались друга Генриха д'Альбре. Оказывается, он теперь король Западной Германии, Генрих Первый, уже признанный в этом качестве Франциском Валуа. К тому же, они произвели обмен владений, так что король Западной Германии утратил длинный шлейф титулов всяких графств, виконтств и сеньорий, вместе с ними самими, а взамен получил Франкфурт со всеми его землями, так что Западная Германия теперь очень внушительное европейское королевство — единое пространство от Эльбы на севере до Альп на юге.

Генрих д'Альбре приехал получать признание от Империи и Святого Престола, продавать Наварру и Андорру, закупаться оружием и просто пообщаться с умными друзьями. Пообщаться на предмет — как ему не стать следующей целью османского султана Сулеймана Великолепного, а направить того султана на дорогого родственника Франсуа. Как бы подставить под следующий удар венецианских торгашей? Нет, война, конечно, дело благородное, но сначала нужно придумать, как бороться с османскими драгунами, которых у султана уже сорок тысяч, а может он их собрать и сто, только ружей ему для этого пока не хватает, всадники уже есть.

— Мы заплатим тебе сорок тысяч за Наварру и Андорру, Энрике. Не потому, что они нам нужны, а потому что ты наш друг.

— Спасибо, Интико. Это мне здорово поможет. Не сказать, что я совсем на мели, но лишними эти деньги точно не будут. Ты поможешь мне получить признание короны

Западной Германии от Папы?

— Считай, что ты его уже получил и не только от Папы, но ещё от Русского царя и королевы Британии, они как раз гостят у нас, в Империи, так что вы ещё увидите. А как тебе удалось получить признание от Франциска?

— Признаниями мы с ним обменялись. Я признал его императором Французской Империи. Не нужно было?

— Это твоё дело, Энрике, нам всё равно. Пала в Европе Священная Римская Империя пусть там теперь будет Французская. Мы её тоже признаем, а вот с Папой пусть Франциск договаривается уже сам. У Святого Престола к нему много претензий.

— А вот это уже мне всё равно, — ухмыльнулся король Западной Германии, — я так понимаю, гостевой дворец занят. Где вы меня приютите?

— Выбирай любой из герцогских, всё равно они в Европе. Кто из них тебе больше понравился? Вот ему и окажи честь.

— Думаешь, это честь, поселиться в доме, в отсутствие хозяина?

— Конечно. Не сомневайся в этом. Оставишь там свою фотографию, с благодарственной надписью за гостеприимство. Эта фотография ещё и семейной реликвией станет.

— Тогда я поживу во всех трёх, по очереди. Не хочу никого из них обижать. Что у вас нового? Есть новые певицы?

— От блуда, детородный орган стачивается, Энрике, — с улыбкой предостерег молодого коллегу вице-император, — если будешь слишком усердствовать — может и вовсе отвалиться.

— Не пугай, — улыбнулся Савелий, — Эль Чоло шутит, Энрике. У настоящего мачо, орган от этого только крепче становится, с каждым разом. Новые певицы есть, как не быть. Испанка Шакира и француженка Эдит Пиаф. С какого творчества начнёшь знакомство?

Интерлюдия. 25 ноября 1529 года.

Король Португалии, Жуан Третий Ависский, очень впечатлённый рассказами адмирала, теперь увы, адмирала Империи Инков, герцога Васко да Гама де Гоа, графа де Видигейра, о возможностях новых кораблей флота Португальского королевства, решил лично поучаствовать в кампаниях по высадке десантов на Корсике и Сицилии.

В Португалии задержались на полтора месяца, до конца сентября. Собирая и вооружая войска под Лиссабоном (хорошо хоть подготовку они прошли заранее, хоть и с одним ружьём на десятерых, но обращаться научились все), инспектируя флот, очень воодушевившийся, при виде такого грозного пополнения, и, вернувшегося к командованию, легендарного адмирала.

Капитанами-стажёрами на «Жуана Третьего» и «Васко да Гаму», герцог де Гоа назначил своих сыновей — второго и третьего, дона Эштевана да Гама и дона Криштована да Гама, а вице-адмиралом, командующим эскадрой из двух с половиной сотен транспортов (каракк и каравелл) с десантом, старшего сына, дона Франсишку да Гама.

Боевая ударная эскадра вышла в море тридцатого сентября 1529 года, в неё, самый старший да Гама включил только двенадцать новых галеонов. Все двенадцать, которые успела построить Португалия. Королевство оставалось практически беззащитным, без флота и армии, но риск этот сочли оправданным. На севере серьёзных вражеских сил нет, если и успели построить французики пяток корабликов, то высадить они смогут тысячу, много полторы, а с такой мелочью разберутся старики из гарнизонов и дворянское ополчение.

«Главные силы врагов в Средиземной луже, а оттуда мы вряд ли кого-нибудь выпустим, ваше величество».

Свой штаб, в который он включил и короля Жуана Третьего, адмирал разместил на «Жуане Третьем», вот и получился «Жуан в Жуане», для одних — повод гордиться, а для других — гордясь, шутить.

Ударную эскадру, герцог де Гоа повёл у побережья Африки и не ошибся. Первыми ему попались четырнадцать разномастных кораблей султана Алжира, Хайреддина Барбароссы. Как такового боя не получилось, алжирцы сначала бросились в атаку, и потеряли в этой атаке шесть кораблей, даже не приблизившись на дистанцию пушечного выстрела, из своих «допотопных» (по определению императора) бронзовых орудий, а потом попытались сбежать, но разве сбежишь на старых корытах от «винджаммеров»? Подняли ещё парусов, оторвались от своих галеонов, как от стоячих. Алжирцев нагнали всех, ещё двоих потопили, а шестеро сдались на милость победителя. Первый улов. Ливров по двести пятьдесят-триста эти лоханки стоят, так что четверть цены одного из «винджаммеров» уже вернули в казну. Ну, пусть не четверть, а пятую-шестую часть, морякам ведь тоже призовые положены, но это ведь только начало.

Пока шли до Сицилии, перехватили ещё три эскадры, ещё одну алжирскую и две венецианских, число трофеев увеличилось до двадцати одного, в том числе на шесть новеньких республиканских галеонов, стоимостью по две тысячи французских ливров серебра. «Жуана Третьего» уже окупили, а ведь основная кампания ещё даже не началась, это по пути насобирали, между делом, как грибы, по дороге на охоту.

Возле Сицилии повстречали османскую эскадру. Обстреляли издали, демонстрируя свои возможности, одну из османских шхун подожгли, остальных развернули на восток, преследовать не стали, император рекомендовал воздерживаться от нанесения серьёзных обид собственному флоту Османской Империи (алжирцы не в счёт). Не послушаться советов своего императора, адмирал, герцог Васко да Гама де Гоа, граф де Видигейра не мог, даже если бы король приказал атаковать, но Жуан Третий, разумеется, такой глупости не приказал. Он вообще ничего не приказывал, только учился у моряков и наслаждался победами.

Эскадру транспортов с десантом, ведомую вице-адмиралом, доном Франсишку да Гама, дождались возле западной оконечности Сицилии и повели к Палермо. Десант высаживали прямо в порту, сразу подавив все артиллерийские батареи огнём «Жуана Третьего» и «Васко да Гамы». Отличные снаряды для этих целей придумали имперцы, не пришлось вскрывать валы укреплений, сделали по паре залпов шрапнелью над позициями и всё. Кого прямо там не убило, сбежали впереди собственных воплей ужаса.

Через неделю, точно так же высадили ещё один пятнадцатитысячный корпус в Катании, тоже прямо в порту, с комфортом разгрузились на причалы, как «белые люди». Ещё через две недели, пятнадцатитысячный корпус высадили в корсиканском Аяччо, после чего зашли на Сардинию, за водой и частью размещённых там войск. Держать целых двадцать тысяч, на уже покорившемся острове, не имело никакого смысла, поэтому десять загрузили на эскадру дона Франсишку да Гама. Десять с Сардинии и пять из Португалии — целый армейский корпус взял с собой адмирал, герцог де Гоа, для нанесения ответного «визита вежливости» в Венецианскую Республику. Ответного, за разграбление союзной Барселоны. Пусть и не самой Барселоны, а её предместий и окрестностей, пусть это Арагонскому королевству уже ничем не поможет, пусть...

Как сказал император: «Мстить нужно не ради удовлетворения собственной злобы, а чтобы молодцам впредь неповадно было». Мудрейший человек, хоть и молодой совсем ещё. А может и не молодой, может и не совсем человек, но это уже неважно, главное здесь — мудрейший, а этого уже никто оспорить не сможет, при всём желании.

Основные силы Венецианского флота, «домашнюю» эскадру Адриатического моря, в составе шестидесяти семи вымпелов разного класса, повстречали на траверзе Анконы. В ударную эскадру адмирала, герцога де Гоа, теперь входили сорок девять кораблей, но шли они очень широким фронтом, поэтому с венецианцами столкнулись левым крылом, которое вёл сам адмирал. Здесь «Жуан в Жуане» впервые попал под обстрел и даже получил лёгкое, но очень живописное ранение — отколовшейся от фальшборта деревяшкой, ему расчертило лоб напополам, да хорошо так расчертило, с рваными краями раны — шрам получится на загляденье, певички в Маракайбо будут млеть от одного его героического вида.

В этом бою случились и первые потери — два галеона и шесть единиц старья (шхун, каравелл и каракк), но и призы получили соответствующие. Сдались двадцать шесть республиканских кораблей, из которых одиннадцать новейшие венецианские галеоны. Лучшие галеоны, чем пока может строить сама Португалия, стоит это признать. «Жуан Третий» и «Васко да Гама» себя окупил уже в полуторном размере, только за счёт морских призов, не считая будущих трофеев с Сицилии и Корсики, а ведь кампания ещё не закончилась, можно сказать — только-только во вкус вошли.

Вот она, притворявшаяся девственницей, поганая коварная шлюха, Республика Венеция, лежит беспомощная, с раздвинутыми ногами. Долго ждали этого исторического момента все благородные люди на Земле, долго терпели выходки этой республиканской шлюхи, но всему когда-то приходит конец.

Адмирал, герцог Васко да Гама де Гоа, граф де Видигейра, приказал войти в неё, в проклятую Венецию, и обесчестить с особым цинизмом — «Сжечь, или взорвать всё, что невозможно забрать с собой»»

Настал наконец-то момент истины — горит, пылает, богомерзкий Венецианский арсенал, который Данте сравнивал с Адом. Горит и взрывается Арсенал, горит и взрывается весь остров Кастелло, да и остальные поганые острова тоже горят и взрываются, жаль, что отсюда всю картину не видно, но ничего, на фотографиях потом внимательно всё рассмотрим, насладимся ещё раз

— Чему вы улыбаетесь, ваше величество, если не секрет?

— Секрет, но не от вас, мой дорогой герцог. Карл Габсбург благодарит меня, я слышу его. Да и самому мне это очень приятно.

— Нанесём на обратном пути «визиты вежливости» в Геную и Марсель, ваше величество?

— Обязательно, друг мой, нанесём обязательно и непременно. На новые снаряды для пушек, мы только серебром набрали ещё на пару десятков таких кампаний, так что визиты дорогому Франциску Валуа, мы нанесём обязательно. Очень щедрые по расходу боеприпасов визиты. Пусть ему Арагон поперёк горла встанет, упырю ненасытному.

— Велите командовать сбор?

— Пусть ещё пограбят солдатики, друг мой. Для них ведь это тоже исторический момент, о нём они будут рассказывать своим внукам. Пара дней ведь ничего не решает. Или у вас другое мнение?

— Два-три дня ничего не решают, ваше величество. Запад средиземноморской лужи

наш. Наш надёжно, до тех пор, пока такие корабли не получают османы. Пусть солдатня пограбит, порадует. Не желаете расписать пульку? По золотому венецианскому дукату за вист? Признаться, мне уже порядком надоело смотреть на эти пожары, старею, наверно.

Интерлюдия. 25 декабря 1529 года.

Дон Нууно Вимка, герцог Кастилии, граф Вальядолида, граф Басконии, его величество вице-император, имперский наместник в самом проблемном регионе Европа, прибыл в Гранаду двадцать пятого декабря 1529 года. В Рождество Бога христиан, рабов Божьих, рабов, распятого простыми смертными, славными былыми имперцами, античными-римлянами, Бога рабов — Иисуса Христа.

Историю великой Римской Империи, той, античной, а не этой, гнилой, Священной Римской-христианской, вице-император и имперский наместник в Европе знал отлично. Он свободно читал не только на «утраченном языке богов», но и на латыни, на испанском, на французском и на португальском, это помимо родного кечуа, теперь языке дипломатической переписки в Империи Инков. Впрочем, последние три европейских языка тоже латынь, просто исковерканная этими варварами почти до неузнаваемости. До неузнаваемости, если варваров слушать, а если читать их на бумаге — то ничего так, всё очень даже понятно.

Книг в Империи на эту тему издавалось очень много, так что просвещённый вице-император, тоже уже начал понимать полезность для Империи этой религии рабов. Понимать так, как понимает это император. Как понимает это сам Сын Солнца, Интико, который осчастливил Нууно Вимка своей приязнью. Своим, расовым своим, в эту христианскую мерзость верить нельзя позволять, а чужих наоборот — нужно к этому склонять и даже принуждать всеми средствами.

Его величество, вице-император, не был изнеженным европейским вельможей. В старой Империи Инков, он, девятая вода на киселе родственник правящему Дому Капаков, начинал свою армейскую карьеру в чине десятника тупорылых и на всю голову отможенных бойцов, которые приняли его начальство, как объект для шуточек. Да-да. Это в современной имперской армии такое немисливо, чтобы отморозки-рядовые и унтера проверяли на слабо офицеров, а тогда такое считалось нормой. Не можешь поставить на место своих подчинённых в мирное время — и какой тогда из тебя командир во время военное?

Нууно Вимка поставил на место сначала десятков, потом полусотню, потом сотню, начал ставить тысячу, но в этот момент в Империю снова снизошёл Сын Солнца, сын Инти — Интико.

Непонятно чем именно приглянулся Сыну Солнца, только что назначенный тысячником, Нууно Вимка, но понимать божественные логики — не дело для скудного ума простого тысячника, одного из двух с лишним десятков таких-же скудоумных тысячников в имперской армии, к тому-же, куда более заслуженных.

Сын Солнца приблизил тысячника Нууно Вимка. Из Панамы, его «батальон» отходил последним, «арьергардным», в полной боевой готовности и без груза, зато с императором и вице-императором в составе колонны. Тогда-же, Нууно Вимка научился играть в преферанс. Научился играть очень хорошо, тысячник Вимка всему учился на хорошо и отлично, поэтому в походных «пульках» обыгрывал самого Сына Солнца, чем немало его веселил.

Потом, после возвращения из Панамы, тысячнику Нууно Вимка, пришло назначение командиром Первой Гвардейской бригады Быстрого Реагирования. Пришло назначение на языке кечуа, узелковым письмом, поэтому звучало всё не так грозно, как на «забытом языке

богов», а то бы тысячник Вимка точно оробел. Но повезло. В узелковом письме нет подробностей, вроде «Первой Гвардейской» и «Быстрого Реагирования», там только цифры и приказы к действию — принять под команду три тысячи бойцов за западном побережье Империи. Абсолютно диком побережье, где туземцы даже на кечуа не понимают. Где ловят, солят и вялят рыбу, мерзкую мерзость, которую жрёт Империя только в самые голодные годы.

Первая Гвардейская бригада Быстрого Реагирования, постоянное общение с Сыном Солнца, постоянная учёба, на которой тот сильно настаивал. Покорился «забытый язык богов» и в голову полились знания. К учёбе принуждать нужды уже не было, учился комбриг Нууно Вимка самозабвенно и истово, особенно, после прочтения «Тайны третьей планеты».

Первый губернатор Лимы, первый её застройщик, одновременно с этим, первый командующий регулярной армией, её создатель. Что уж тут скромничать среди своих — создатель регулярной Империи. Плохо тогда служил, теперь-то это уже самому понятно, мог намного лучше, но Сын Солнца опять не наказал, а поощрил.

Поощрил назначением герцогом Кастилии и графом Вальядолида. Уже владельцем и судьёй обширной территории. Пусть и на краю земли, пусть и в краю, населённом сущими дикарями, которые не веруют в Создателя всего сущего, Инти, и Сына Солнца, Интико, а поклоняются распятым идолам, в качестве их рабов, пусть, всё пусть. Пусть это назначение и с понижением (после Лимы-то), зато о нём объявил сам Сын Солнца и даже обнял на дороге.

В дикой Европе, на самом краю Земли, повоевать удалось только один раз. Сын Солнца, Божественный император, разрешил тогда помочь двум бедствующим туземным вождям — Карлу и Фридриху Габсбургам, на которых «наезжал» какой-то совершеннейший дикарь-отморозок с севера — король франков, Франциск Валуа. Варвара Франциска тогда прогнали с территории дружественных туземцев хорошими такими пинками, началось уже было веселье, но тут пришёл приказ императора — в разборки европейских дикарей больше не вступать.

И вот северный варвар, Франциск, забил, когда-то дружественных нам, европейских туземных вождей, в могилу, и вышел прямо к имперским границам, границам герцогства Мурсия. А Хуан де Грихальва герцог де Эспаньола, герцог де Мурсия, граф Картахены, такой же туземный дикарь, как и северный король Франциск, теперь копытом бьёт, что тот горный козёл. И два его дружка, Хуан Понсе де Леон, герцог де Пуэрто-Рико, герцог де Галисия, граф Сантьяго-де-Компостелы, и Франсиско де Гарай, герцог де Ямайка, герцог де Гранада, граф Альмерии, такие же тупые горные козлы точно так же копытцами в нетерпении сучат. Нравится дикарям убивать друг друга без всякого смысла, Божественный император, Сын Солнца, об этом предупреждал, так что мы готовы.

Министр Иностранных дел Империи Инков, граф Саго Миачо, формально имперскому наместнику в Европе, вице-императору Нууно Вимке не подчинялся, но сейчас не до формальностей. Прямо на границе имперского владения, герцогства Мурсия, в Валенсии, сосредоточена почти сотысячная армия короля Франков, а у вице-императора под командованием всего восемнадцать тысяч, считая гарнизоны, которые совсем оголять ни в коем случае нельзя. Валентных сил всего девять тысяч, а этого чертовски мало, несмотря на лучшую подготовку и лучшее вооружение.

Конечно, варвар Франциск не может не понимать, что в случае его нападения, Империя пришлёт столько войск, сколько потребуется, чтобы стереть с лица Земли всю его

варварскую Францию, вместе с такой-же варварской теперь Италией, но на то он и варвар, чтобы действовать вопреки всякой логике. Мурсия очень богата, куда там тому Арагону. В Картахене большие склады с оружием и боеприпасами, а это почти на границе. Может рискнуть? Да запросто, соблазн-то очень велик, а варвары ради денег и добычи готовы на всё. У них родные братья, или сыновья с отцами, между собой воевали не один раз, в истории тому примеров навалом.

— Что нового из важного я пока не знаю?

В резиденцию министра Иностранных Дел Империи Инков, замок-дворец Альгамбра вице-император прибыл к полудню двадцать пятого декабря 1529 года и, не отдохнув, сразу затребовал отчёта.

— Важного много, ваше величество, но ещё не все новые сведения проверены.

— Оставь это нелепое величание дикарям, Саго, и говори как нормальный, цивилизованный человек. Я надеюсь, что ты ещё не до конца одичал в этой дыре и остаёшься настоящим имперцем. Что там из важного и непроверенного?

— Португальцы захватили Сицилию и Корсику и разгромили Венецию.

— Насчёт островов — готов поверить, ничего сложного в их захвате нет, сложно будет удержать. А вот с Венецией — наверняка какая-то чушь. У Республики ведь отличная пятидесятитысячная армия и огромный флот. Откуда сведения?

— От португальского посла. Армию и флот не разгромили, венецианская армия в основном в Далмации, да и их флот в разгоне в разных местах. Разгромили именно Венецию. Город. Столицу. Полностью разгромили, всё сожгли, а что не горело — взорвали. Посол клянётся своим распятым богом, что это правда. Обещает вскоре предоставить фотографии.

— Очень интересно. Допустим, что он не выдумывает, не выдаёт желаемое за действительное. И чего нам следует, в связи с этим, ожидать? Ведь город Венеция, пусть и столица, но это далеко не вся их варварская Республика.

— Сложно делать прогнозы. Со слов посла — дож Андреа Гритти, избранный глава Республики погиб, как и большинство выборщиков — Комитета сорока одного. Так что Республике, в привычном виде, точно конец. Большая часть армии в Далмации, а прокуратором-наместником там гражданин Лоренцо Саларино. Ты должен его помнить, Нууно. Он служил послом Республики у нас, в Куско.

— Только мне и забот, чтобы помнить всяких варваров. Никогда его не видел, в Лиму ведь послов тогда не допускали. И что, толковый гражданин? Сможет стать Диктатором?

— Если захочет — сможет. Гражданин действительно толковый, три года в Империи прожил, не раз лично общался с Сыном Солнца, набрался ума-разума.

— Почему он может не захотеть?

— Слишком опасный пост, в наше время, а у гражданина Саларино очень выгодная коммерция. Его судоходной компании, которая подрядилась возить переселенцев в Северную Инку, принадлежит шесть десятков судов. Сменит флаги на имперские и будет жить, не тужить. А Диктатор совершенно точно подставится под двойной удар — и изнутри, и снаружи. Ведь Диктатора запросто могут не признать французы, или османы.

— Или — и те, и другие, что ещё вероятнее. Значит, этому союзу конец. И что это нам даёт?

— Даёт практически сто процентную уверенность, что Франциск не нападёт на Мурсию.

— Если его не спровоцируют три наших бешеных козлика-герцога... Фердинанд

Габсбург точно погиб?

— Труп я не видел, но французский посол утверждает именно это. Фотографий пока не предоставил.

— Вряд ли врёт. Смысла в таком вранье никакого. Хотя, европейцы много всякого делают без какого-либо смысла. Дрянь людишки, за очень редким исключением. Ладно, играем тем, что на руках, прикупа не будет. Значит так, ты вызываешь французского посла, и вручаешь ему ноту, с требованием немедленно отвести войска от имперской границы, а я в Картахену, пока наши бешеные козлики сами там войну не устроили.

Интерлюдия. 22 января 1530 года.

Самопровозглашённый император Франции, Франциск Первый Валуа уже месяц прибывал в состоянии тихого бешенства. Проклятая Португалия напрочь испортила праздник победы над Арагоном и провозглашения Империи.

Подлый Жуан Третий купил у Инков два корабля, равных которым в Европе ни у кого нет, разгромил с их помощью эскадры союзных алжирцев и венецианцев, взял под контроль весь запад Средиземного моря, захватил Сицилию и Корсику, уничтожил Венецию, натурально уничтожил, сравнял город с землёй, вместе с Арсеналом, на котором строился французский флот, уже оплаченный флот, чёрт побери, а на обратном пути снова разрушил только что восстановленные верфи в Генуе и Марселе.

И это ещё не всё. Король Португалии заявил о своих правах на корону Арагона, ведь теперь, после гибели Карла и Фердинанда, единственной законной наследницей королевства остаётся его жена, их младшая сестра — Екатерина Австрийская. Пощёчина получена очень звонкая и ответить на неё нечем, увы. Западное Средиземноморье теперь практически внутреннее море Португалии, которая уже ведёт в Гранаде переговоры с послами Османского и Алжирского султанов. Переговоры о мире и дружественном нейтралитете, которые вот-вот завершатся успехом.

Выход из войны с Португалией османов и алжирцев, ничем хорошим для Французской Империи не закончится, морской союз с Францией и Венецией станет для мусульман обременением, а ненужное бремя несут только полные идиоты.

Венеции конец, там за месяц уже сменилось шесть диктаторов и конца-края этому процессу не видно. Точнее, конец виден, конец самой Республики, а не процесса. Уже этим летом, османы Венецию наверняка проглотят и окажутся в Италии. Проглотят с лёгкостью, в этом никаких сомнений нет, и не нужно им будет с большими потерями пробиваться через Альпы. С территории бывшей Республики — вся Италия как на ладони в любое время года, и чем там останавливать османских драгунов? А флот чем? Португалия ведь теперь с такой-же лёгкостью разрушит верфи в Гавре, Антверпене и Амстердаме. Тысячи лье беззащитного морского берега Французской Империи теперь находятся под постоянной угрозой.

Вот и завоевали чёртов Арагон... Братья Габсбурги на Том Свете сейчас точно надрываются от смеха. Прав был император Инков — «Слишком большой кусок рвёт глотку».

После этого разгрома, Франциск не стал подвергать опале адмирала, герцога Гийома Гуфье де Бониве, графа де Артуа. Толку-то? Что здесь мог поделаться Гийом, если португальцы с лёгкостью размазали жидкой грязью очень мощную морскую державу Венецию? Не весь венецианский флот они разбили и даже не четверть его, но как единая управляемая структура этот флот существовать перестал. Венецианские адмиралы, со вверенными им эскадрами, теперь играют каждый сам за себя, того и гляди начнут воевать

между собой за острова. Да даже если и не начнут, будут разбиты османами, которые тоже купили у Инков два таких корабля-монстра.

Ещё один корабль Инки собираются выставить на публичные торги — кто больше заплатит, тот и получит. Попытаться его купить можно, но одного мало. Нужен флот таких кораблей. Ну, пусть не флот, а эскадра. А ведь это идея! И большой кусок из глотки достанем, пока он нас не убил, и претензии Жуана Третьего на корону Арагона перенаправим на Инков, и флот получим. То есть, эскадру.

Но начать нужно с мирного договора с Португалией. Пока мы ещё ту эскадру получим, пока экипажи подготовим, вошедший во вкус Жуан разорит нам всё Атлантическое побережье... Да и не покупают Инки территории у воюющих держав.

— Значит, так... Монморанси, вы отправляетесь в Лиссабон. Нам срочно нужен мир с Португалией.

— Какой ценой, Сир? Жуан Первый наверняка потребует признания в его владении Сардинии, Сицилии и Корсики.

— Наверняка потребует, а сам откажется признать наше владение королевством Арагон, — согласился первый император Франции, — уступайте, Монморанси, мир с Португалией для нас сейчас — это вопрос жизни и смерти. Потом мы эти острова вернём. Придёт наше время — и острова вернём, и контрибуцию с репарациями получим. И на признании Арагона не слишком настаивайте, так, поторгуйтесь для вида. Вам всё понятно, герцог?

— Всё понятно, Сир.

— Теперь вы, де Бониве. У вас задача посложнее. Вы отправитесь в Новый Свет продавать этот чёртов Арагон и покупать нам флот. Флот и оружие, очень много оружия. Нам предстоит война с османами, друзья мои. Очень скорая война, поэтому нам всем стоит сильно поторапливаться. Задача ясна, герцог?

— Нет, Сир. Сколько стоит Арагон?

— Откуда мне знать? Сто пятьдесят... двести тысяч ливров... не знаю. Поторгуйтесь там. Поторгуйтесь и за королевство, и за корабли, и за оружие. Нам предстоит битва за Италию, а то и за саму Францию, так что очень постарайтесь. Теперь вам всё ясно?

— Постараюсь, Сир.

Интерлюдия. 12 марта 1530 года.

Русский царь, Василий Третий Иванович Рюрикович читал. Читал в роскошном обставленном адмиральском салоне «Князя Святослава», «виндхаммера» второго поколения, огромного, красивого и очень быстрого корабля, очередного подарка зятя, императора Интико.

Визит в Империю Нового Света прошёл очень успешно. Получили всё, что хотели и даже намного больше. Тройственный оборонительный союз Русского царства, Британского королевства и королевства Западной Германии заключен. Заключен под гарантии Империи Инков, которая взяла на себя обязательство следить за надлежащим исполнением договора о союзе всеми сторонами. А кроме того, в случае нападения на кого-то из участников союзом Французской и Османской Империй, пусть и очень маловероятным союзом, но всё-таки возможным, в войну против агрессора, обязалась вступить уже сама Империя Инков.

Интико настоял на том, что пределы расширения в Европе для Русского царства, королевств Британии и Западной Германии уже достигнуты. Оптимальные пределы на данный момент, поэтому захватывать больше ничего не нужно, пусть остатки Священной

Римской Империи забирает себе султан Сулейман Первый Осман. Тройственному союзу надлежит крепить общую оборону и заниматься развитием своих экономик.

Развивать экономики — производство и торговлю и ждать момента для нового передела Европы. Такой момент обязательно настанет. Лет через десять, когда у воюющих между собой Французской и Османской Империй истощатся все силы и ресурсы. И то, и другое конечно, поэтому всем нужно набраться терпения и ждать.

Как именно развивать экономику, как раз и читал русский царь, Василий Третий. И русская царица, королева Британии читала, и лорд-канцлер её читал, только они свой, британский план развития. Такие планы, император составил и отпечатал для все троих участников союза.

Всё, как всегда у зятя, очень толково и продуманно до последних мелочей. Все залежи природных богатств помечены на картах, как и очерёдность их разработки, с советами по наиболее эффективному использованию. Всё оказывается есть в Русском царстве. Огромном царстве, до самого до Тихого океана на востоке. На освоение такой огромной территории и целого века не хватит, причём, освоения мирного. Относительно мирного, конечно, но всё равно, с европейской бойней стотысячных армий, это не идёт ни в какое сравнение.

В общем, осваивать ещё свою собственную территорию и осваивать, заселять и заселять, так что народец нужно беречь. Оказывается, самый ценный экономический ресурс — это люди. Тратить их в войнах — глупость превеликая. Будут люди, будут и богатства — добудут, произведут, наторгуют.

Но и не только за Уралом сокровища расположены. И сам Урал — настоящий ларец с драгоценностями, и поближе есть — в бывшем Диком Поле. И руда есть богатая, и уголь каменный, для металлургии пригодный, и всякие приплавки для производства отличной стали имеются, да всё в огромных количествах. Столько можно выплавлять, что действительно хватит и на стальные мосты через большие реки, и на «железные дороги». Железные дороги, по которым от Царьграда до Урала можно будет за три дня добраться. С ума сойти! А ведь это не сказка. В Империи такую дорогу уже строят, жаль, что в живую увидеть не довелось, только на фотографиях. И будут по этой железной дороге бегать огромные стальные «локомотивы», тысячи лошадей заменяющие, а то и десятки тысяч. Такими же паровыми машинами, что электричество крутят, будут крутиться их колёса, да с такой скоростью, что и птица не угонится, не то, что лошадь.

А вот когда забегают по железным дорогам и стальным мостам чудесные локомотивы с паровыми машинами, тогда и до Европы дело дойдёт. До полностью разорённой войной нищей Европы. Когда там людишки будут готовы за еду весь день работать, да ещё и за счастье это считать.

Василий Третий отложил свой план-атлас, снял очки, бережно их протёр и убрал в футляр. Такую великую драгоценность никаким слугам не доверишь, даже самым преданным и радивым. Очки сделали и для сэра Томаса Мора, а вот у супруги, Марии Первой Генриховны, зрение пока в полном порядке. Тоже не навсегда, с годами всё в человеке изнашивается, а глаза едва ли не быстрее всего прочего, как утверждают инкские медики-чародеи, но у Марии-Машеньки пока с этим полный порядок. Повезло.

План зятя, расписанный на десяток лет вперёд, вполне выполнимый, если забрать у бояр всех холопов. Возможно ли такое? В Империи так и есть — все смерды там подданные только императора, и других тягот не несут. Даже во владениях феодалов, действуют имперские законы, без всякой отсебятины. Налоги везде собираются одинаковые,

имперскими чиновниками, а феодалы, герцоги и графы, просто получают свою законную установленную долю из этих самых налогов. А раз имеют долю, значит они заинтересованы в увеличении дохода со своих владений, чтобы и им больше доставалось. Привечают людишек в своих владениях, землёй их наделяют, помогают на первых порах — всё ведь это обязательно окупится и очень быстро окупится, это все в Империи понимают. Вот и стараются, вроде и за свою долю, а на самом деле для блага всей Империи. Возможно ли такое у нас? В Империи ведь есть, но там и люди совсем другие. Люди образованные и с пониманием, что так лучше, так выгоднее. А у нас?

Завопят ведь о крушении вековых традиций, разбивании православных скреп, о пришествии Антихриста и прочую блажь. Вот ведь суки, научились блажить по любому поводу, и теперь не тронь эту выгребную яму, чтобы бурлить не начала, и мухи зелёные из неё не разлетелись.

Правда, что ли, взять, да покончить разом со всеми этими вековыми традициями? Раз и навсегда. Верных бояр сделать графами, а князей герцогами, по имперскому образцу и с имперскими правами... А где чиновников взять, которые налоги будут правильно собирать и правильно делить? И чтоб не воровали при этом. В Империи даже за мелкое воровство казнят, а за крупное, которое существенный урон наносит — сажают в яму со свиньями. Возможно ли у нас такое? Совсем ведь без людей останемся, без всякой войны. Зато свиней откормим ого-го. Да, уж. Это было бы очень смешно, если бы не было так печально.

— О чём задумался, государь?

— Да вот, вспоминаю, размышляю, душа моя. Возможно ли у нас устроить жизнь так же, как в Империи?

— Сразу — точно нет. Но всё сразу и не нужно. Мы начнём — Иван достроит.

— Вот я и думаю — с чего начинать. С кем затевать производство железное, да заселение Урала. Как у бояр людишек забрать? Добром ведь не отдадут...

— Не изводи себя пустыми думами, государь. Если добром не отдадут — заберёшь силой. Сил у нас теперь хватает, раз воевать ни с кем не собираемся. И на бояр твоих хватит, и на переселение датчан со шведами и норвежцами. На Урале они быстро русскими станут.

Двадцать первого марта 1530 года, исполнилось десять лет с начала вмешательства двух попаданцев в историческую реальность этого мира. Две пятилетки. Насыщенные и плодотворные пятилетки. Есть чему порадоваться. И за себя, и за друзей.

Начнём радоваться с себя. Перепись населения в прошлом году проводить не стали, просто исчезла необходимость в этой процедуре — министерство Статистики теперь ведёт учёт зарегистрированных налогоплательщиков, их смертей, браков, рождения в этих браках детей и получения паспортов в шестнадцатилетнем возрасте, возрасте совершеннолетия. Так вот, по данным министерства Статистики, в Южной Инке теперь проживают восемьдесят миллионов совершеннолетних налогоплательщиков, то есть восемьдесят миллионов семей, а в этих семьях воспитывается по три и семь десятых ребёнка. Смешно ребёнка на десятки делить, но это статистика, ей всё делить можно.

Грамотных, умеющих читать-писать-считать таблицу умножения, двадцать шесть миллионов. И это только в Южной Инке.

В Европе двадцать восемь миллионов налогоплательщиков, по три с половиной ребёнка в семье и восемнадцать миллионов грамотных. В Северной Инке двенадцать миллионов налогоплательщиков (считая индейцев, вовлечённых в торговлю, а значит получивших паспорта), по четыре и четыре ребёнка на семью и три с половиной миллиона грамотных.

Остальные: Азия, Австралия, Океания и Африка, дают ещё четыре миллиона налогоплательщиков, по три с половиной ребёнка на семью и два с половиной миллиона грамотных.

Сложно сказать, сколько сейчас население в Китае, но пятьдесят миллионов грамотных там точно нет. Столько нет во всей не имперской Азии, а скорее всего и во всём не имперском мире. А ведь это только начало. В четвёртой пятилетке планируется введение всеобщего бесплатного и обязательного начального трёхлетнего образования. Нет, скармливать свиньям родителей, не отдавших в школы детей, никто не собирается — это не преступление, а дремучесть, за неё будут наказывать «рублём». Дремучим перестанут продавать некоторые виды товаров, в том числе и алкоголь, и так дорогой до безобразия, а у перекупщиков он вообще на вес золота станет. Дремучим перестанут продавать оружие (наконечники для копий и стрел, ножи, мечи и топоры), инструменты (всякие пилы, стамески, рубанки и опять же топоры), у дремучих будут закупать товары со скидкой, на налог за дремучесть и так далее. Хочешь жить пеньком дремучим — живи себе. Никто тебя силой к просвещению, к цивилизации, к космосу, тянуть не будет. Без тебя, дурака, в космосе обойдёмся, но и ты не рассчитывай на равные с имперцами цены и права. Прежде всего цены, конечно. Пока только они здесь правами и воспринимаются. Права покупать и продавать, а эти права ограничить очень просто.

Ещё про себя. Положительное сальдо внешней торговли превышает триста процентов. Европа, Магриб и Ближний Восток выдаиваются с сумасшедшей скоростью, скоро придётся им на войну в долг давать. Всякий гламурный ширпотреб в Европу продаётся всё меньше, зато весь его теперь успешно поглощает Азия. Поглощает весь европейский поток, да ещё и добавки постоянно требует.

Скоро, довольно скоро в исторической перспективе, мир останется вообще без монетарных металлов — всё, что где-то там добывается, будет «с колёс» уходить на погашение кредитных процентов. Вот тогда и придёт время бумажных денег — имперских «юпанок», как бы золотых и серебряных, но в бумажном виде. Придёт время полного финансового диктата Империи.

Северная Инка успешно осваивается, земли у туземцев «честно» выкупаются за зеркала, бусы и, конечно, всякий оружейный хлам, которым местные индейцы с большим удовольствием друг друга убивают. А что поделаешь, если они друг друга людьми не считают? В языках индейцев всего два определения — мы (свои) люди, а остальные (чужие) враги. Мы инки, они арауканы. Мы славные люди могикане, они — подонки-ирокезы. Мы потомки благородного и чистого гризли, а они вонючего и поганого обосранного койота.

Они, местные индейцы, всегда друг друга убивали, ради этого они и живут, по большому счёту, так что всякое оружейное старьё не внесло в эту извечную борьбу людей с нелюдьми ничего нового, кроме большей технологичности орудий убийства. Прогресс просто ускорил процесс. Естественный процесс. Естественный ход. Пусть выживет сильнейший.

А слабым мы дорогу к выживанию показали — работники нам нужны везде. Работники и имперские налогоплательщики. Жить захочешь — научишься и работать, а на нет — и суда нет, живите, как умеете. Такая вот у нас справедливая имперская свобода воли — геноцид мы никого не планируем, но и сопли никому утирать не собираемся. Всё честно.

Производство развилось уже до радиоламп и первых двигателей внутреннего сгорания. Пока в штучных, экспериментальных образцах, но процесс запущен, опыт проб и ошибок копиться начал. Года через два-три получим первые длинноволновые приёмники-

передатчики, пусть и с железнодорожный вагон размером и энергопотреблением, как у немаленького такого посёлка из двадцать первого века той исторической реальности, но цена — это проблема потребителей услуг связи.

Вот и будет у монастырей Ордена Священного Препуция полезная, востребованная и высокооплачиваемая работа узлами связи и одновременно главпочтамтами. Кто-нибудь хочет поспорить, что за связь будут платить любые деньги? За связь Центра с регионами, за связь командующего с войсками, во время войны? Никто не хочет, и правильно. Эти услуги практически бесценны, а уж содержать на них Орден Священного Препуция, Орден Игнатия де Лойола, а через него и самого императора — можно будет на одном шоколаде, лишь бы задницы у «святых людей» не слиплись от такой диеты.

Двигатели, в виде нормально (в плане ресурса) работающих прототипов штучного изготовления, появятся лет через пять, плюс ещё три-пять пройдёт до массового производства. Массового не в смысле миллионами единиц, а в смысле простыми заводскими работягами, где-нибудь в глуши Северной Инки, а не учёными и элитными инженерами НПО Лимы. Пусть их будет производится для начала тысяча штук в год, больше пока и не нужно. Больше их при всём желании не удастся задействовать самим и, тем более, не продать другим. Нет пока на такой товар большего устойчивого платёжеспособного спроса, ни в самой Империи, ни в Европе и Азии с Африкой.

В Северной Инке строится новая столица Империи — Тауантинсуйу, на острове Новая Шотландия уже добывается уголь, а возле озера Верхнее — руда с содержанием железа под семьдесят пять процентов. Строится обогатительная фабрика и порт в Дулите, на Верхнем озере; порт и сталеплавильный завод южнее Тауантинсуйу; порт в Новом Глазго и порт в Нью-Йорке. Кроме порта, в Нью-Йорке достраивается верфь, с небольшими сталеплавильным и сталепрокатным производствами, для обеспечения потребности верфи. Скоро уже, через год, весь этот промышленный кластер даст Империи очень дешёвую по себестоимости сталь для пароходов и паровозов, железных дорог и мостов через полноводные реки.

Первую железную дорогу строить уже начали — в Южной Инке, от Эль-Мутуна до Асунсьона. В проекте дорога от Лимы до Маракайбо, через Медельин. Очень многообещающий проект, который свяжет Тихий океан с Атлантическим и три пока крупнейших города Империи.

Теперь про друзей. Очень неожиданно, в результате хитрого хода покойного короля Англии, Генриха Восьмого, в числе друзей Империи оказались британцы. Но это пока ещё совсем не те британцы-англосаксы, что возомнили себя хозяевами мира в той исторической реальности. Эти — вполне ещё нормальные люди, без «жёсткой верхней губы» и не в «красных мундирах». Обычные такие люди, с обычными проблемами и запросами, ещё не поражённые вирусом мании величия. На фоне «священных римских имперцев», бюргеров Вольных городов Ганзы, или граждан Республики Венеция, выглядят британцы очень пристойно. Скромно и благородно.

Британское королевство присоединило к себе Шотландию, Данию, Норвегию, Шлезвиг-Гольштейн и бывшие Вольные города Ганзейского Союза на южном берегу Балтийского моря — Киль, Любек, Росток и Висмар. Очень богатые города с обширными прилегающими владениями до самого Одера — границы с Русским царством.

Русское царство тоже прилично расширило свои пределы, теперь его западная граница проходит по левому берегу Дуная до Судетских гор, по горам до истока Одера и по Одери до

Балтики; южная — от устья Дуная по северному берегу Чёрного моря, Большому Кавказскому хребту, Каспийскому и Аральскому морям и Сырдарье до самой Средней Азии, а на севере и востоке границы по океанам — Тихому и Северному Ледовитому. До своих северных и восточных границ русские пока не добрались, но это и не к спеху. На те земли никто не претендует, так что освоят не спеша, без штурмовщины.

Сейчас, канцлер Русского царства, князь Иван Фёдорович Бельский, занимается переселением и перемешиванием народов из бывших Шведского и Польского королевств, Великого княжества Литовского, владений Тевтонского Ордена в Восточной Пруссии, Моравии и Валахии — в Дикое Поле, Крым, Поволжье, на Северный Кавказ и Южный Урал.

Людей не обижают, землёй наделяют щедро, да лучшей землёй, чем имелась у них на старом месте, так что недовольных почти не случается. Новые владения Русского царства осваиваются и заселяются всеми народами вперемешку. Через поколение-другое все они станут русскими. Станут обязательно, ведь раскол христианской церкви преодолеть удалось, а именно по нему славяне разделились на западных и восточных в другой исторической реальности. Теперь им делить нечего — переженятся и забудут, кто откуда сюда попал.

Друг Генрих д'Альбре теперь Генрих Первый. Первый король Западной Германии, герцог Нижней Саксонии, герцог Швабии, герцог Франкфурта, герцог Гамбурга, герцог Ганновера, князь-архиепископ Кёльна и прочая, и прочая. Энрике наградил своих басков землями в новом королевстве, выделив им почти тридцать тысяч баронств (командирам) и шателений (бойцам), разом сменив всю элиту в королевстве. Очень решительный парень. Баски-сеньоры привезли в Германию свои семьи, а семьи у них большие, так что кадровый резерв для армии, Генрих Первый себе обеспечил.

Отличный резерв, кстати сказать — очень боеспособный народ эти баски, да к тому-же теперь преданный своему королю всей душой. Теперь они все в одной лодке — захватчики-оккупанты на чужой земле, и просто вынуждены друг друга поддерживать, так что их лояльность королю Генриху Первому обеспечена на долгие годы.

Друг Васко да Гама герцог де Гоа, граф де Видигейра, помог своему королю выпутаться из сложной политической ситуации, в которую Жуан Третий вляпался, женившись на младшей сестре Карлоса Первого Габсбурга и в, сопутствующий этому браку, союз против Франции. Помог герцог де Гоа Жуану Третьему не только выпутаться из скверной ситуации, но и обрести обширные владения — Сицилию и Корсику, а кроме того, ограбил и уничтожил Венецию. Пока город Венецию, но скорее всего и вообще всю республику с этим названием. Подранки в этом суровом мире не выживают, кто-нибудь обязательно добьёт — или Сулейман Первый Осман Великолепный, или Франциск Первый Валуа, теперь император Французской Империи.

Теперь Жуан Третий должен имперскому герцогу по гроб жизни, посмотрим, насколько щедро он отблагодарит своего спасителя. Скуповат португальский монарх, что есть, то есть.

Двадцать девятого марта 1530 года, в Гранаде состоялась аукционная продажа «винджаммера» второго поколения, носившего в инкском флоте имя «Тор», которого все интересанты имели возможность тщательно осмотреть в порту Альмерия. Торги, неожиданно для всех, выиграл посол султана Алжира, Хайреддина Барбароссы, предложивший тринадцать тысяч французских ливров серебра. В два с лишним раза больше, чем за точно такие-же корабли заплатили Жуан Третий и Сулейман Первый.

Очень удачно получилось, отлично подыграл друг Генрих, лично присутствовавший на торгах в Альгамбре и поднявший ставку до двенадцати тысяч. С другом Энрике имелась

договорённость, что половина суммы ему потом вернётся поставками имперских товаров, но алжирский посол удивил всех, без исключения. Впрочем — это к лучшему. Если сговор императора с королём Западной Германии всеми воспринимался как вполне вероятный, то с султаном Хайреддином Барбароссой, возможность такого сговора полностью исключалась. Вот и узнали текущую рыночную цену. Узнали и сами изрядно удивились.

Итоги торгов в Гранаде, Савелий и Эль Чоло узнали восемнадцатого мая 1530 года уже в Тауантинсуйу. Узнали от герцога Васко да Гама де Гоа, графа де Видигейра, который приехал в новую столицу Империи выбирать место под свой дворец и организовывать его строительство. Герцог де Гоа знал планы императора провести это лето в Северной Инке, поэтому встретились с ним Савелий и Эль Чоло не случайно.

Рассказ о зимней кампании 1529-30 годов выслушали с огромным удовольствием, как и посмотрели фотографии настоящего Апокалипсиса в отдельно взятом городе. Особенно сильно подивились щедрости Жуана Третьего, который не только решил выплатить за полученные в кредит корабли по восемь тысяч ливров, переплатив по две тысячи сверх уговора, но и наградил адмирала Васко да Гама, герцога де Гоа и графа де Видигейра двенадцатью тысячами. Очень солидная награда, а ведь это ещё не всё, после заключения мирного договора с Французской Империей, последует дополнение в виде владений и титулов. И для самого герцога де Гоа, и для всех пятерых его сыновей, которые тоже принимали участие в этой, безусловно, эпической кампании.

Но больше всего, Савелий и Эль Чоло удивились тому, что у Жуана Третьего не пропало желание вступить в состав Империи. Зачем ему это теперь? Угроза ведь снята.

— Временно снята, ваше императорское величество. Временно, на не слишком-то продолжительный срок. Король это отлично понимает. С союзом мусульман нам в Средиземном море не справиться, да и желанием новых побед Жуан Третий не горит. Он ведь очень мирный человек, на самом деле. Он мечтает жить в столице Империи, как вы выражаетесь — «Как белый человек». Считает статус владетельного имперского герцога как минимум не уступающим королевскому в Европе.

— Очень интересно... Неожиданно, прямо скажем. Ладно, обсудим, когда приедет, если к той поре ещё не передумает. А вы, значит, решили обосноваться в Тауантинсуйу? А как-же герцогство Гоа?

— Туда я отправил старшего сына, Франсишку, пусть осваивает наследство. А я, признаться, слишком привык к вашему обществу и очень по нему скучал. Хотел бы продолжить состояние в вашей свите, ваше императорское величество. Если вы не против, конечно.

— Помилуйте, друг мой, с чего бы мне противиться. Это очень лестно для меня. Милости просим на борт, герцог. Поздравляю вас с успешным, даже триумфальным, возвращением домой.

Шестнадцатого июня 1530 года в Тауантинсуйу прибыл чрезвычайный и полномочный посол императора Франциска Первого Валуа, герцог Гийом Гуфье де Бониве, граф де Артуа Друг детства Франциска Валуа и хороший приятель Савелия и Эль Чоло ещё со времён совместного (иногда весьма распутного) времяпровождения в Фонтенбло, с последующим общим выездом на всехристианский диспут в Кёльне.

Герцог де Бониве добирался да новой столицы Империи Инков большим крюком, через Маракайбо, поэтому свежих новостей он не привёз, даже наоборот, отстал от жизни больше чем на месяц. Поделались новостями с французским послом: турки-османы захватили

остаток Священной Римской Империи. Брауншвейг, Магдебург и Лейпциг ещё держатся в осаде, но они обречены, а не сдаются только потому, что в последнее время османы очень сурово расправляются с пленными — в лучшем случае угоняют в рабство. Города сопротивляются отчаянно, но уже понятно, что к нынешней осени текущая война в Европе закончится. Закончится уничтожением Священной Римской Империи. Империи, всего семь лет назад бывшей самым мощным игроком на европейской арене. А если посчитать всю унию Карла Габсбурга, с королевствами Кастилия и Арагон и прочими его европейскими владениями: Бургундскими Нидерландами, герцогством Люксембург и графствами Артуа и Франш-Конте, то игрок этот был не просто мощным, а выдающимся по своей мощи, однако ему не повезло столкнуться в Панаме с Империей Инков, Империей из Нового Света.

Ещё новость: Французская Империя подписала с королевством Португалия мирный договор, признав переход Сардинии, Корсики и Сицилии в вассалитет к португальской короне.

— Благодарю, ваше императорское величество. Эти новости вполне ожидаемы, так что на мою миссию они никак не влияют. Даже наоборот, хорошо, что вы уже знаете о нашем мире с Португалией, ведь вы не покупаете владений у воюющих сторон.

— Вы приехали продавать Бургундские Нидерланды?

— Не угадали, ваше императорское величество. Мне поручено продать вам королевство Арагон.

— Даже так... Королевство, наверное, уже ограблено до нитки?

— Скорее всего, — ухмыльнулся герцог де Бониве, — но земли-то с городами остались на месте. Вам это интересно?

— Пока не знаю, ведь вы ещё не назвали цену.

— Двести тысяч ливров, ваше императорское величество.

— Не интересуется.

— Сто восемьдесят?

— Сто двадцать.

— Сто пятьдесят, из которых пятьдесят серебром, а ещё на сто тысяч корабли и оружие.

— Цену на наши корабли вы знаете?

— Знаю, ваше императорское величество, — вздохнул герцог и адмирал Французской Империи, — именно поэтому я и не могу спуститься ниже ста пятидесяти. Мне нужны шесть кораблей.

— Ого! Ну у вас и аппетит, однако. Только «винджаммеры» второго поколения уже распроданы. Третье поколение, пятимачтовые, стоят, соответственно дороже. Скажем, по пятнадцать тысяч и то это по дружбе.

— Тогда мне не хватит на оружие, — расстроился Гийом Гуфье де Бониве, — может быть, вы сделаете скидку?

— Может быть и сделаю, это зависит от планов вашего императора. Смотри, с кем он собирается воевать. У нас в Европе есть друзья.

— Венеция входит в число ваших друзей, ваше императорское величество?

— А вы коварны... Венеция не входит в число наших друзей, но Республика ведь ваш союзник.

— Да какой это теперь союзник... Это вынужденный шаг, ваше императорское величество. Поймите нас. Мы ведь не можем допустить османов в Италию.

— Османы же тоже ваш союзник.

— Мы были союзниками на море, против Португалии, Арагона и Вольных городов Ганзы. С Португалией, османы и алжирцы замирились первыми, остальных больше нет, так что и союзу нашему пришёл конец. Мой император уверен, что османы уже нацелились на нашу Италию.

— Не исключено, — согласился Савелий, — так и быть, шесть кораблей третьего поколения по двенадцать, оружия и боеприпасов на двадцать восемь и пятьдесят наличным серебром, но с одним условием...

— Каким, ваше императорское величество? — повеселел герцог де Бониве.

— В церквях городов: Ле-Пюи-ан-Веле, Сантьяго-де-Компостела, Антверпене, Шартре Хильдесхайме, Шарру, Меце, Конке, Лангре, Фекане, Калькате и в самом Риме, хранятся реликвии, называемые Священными Препуциями. Я не знаю, который из этих препуций настоящий, поэтому решил приобрести, на всякий случай, все, для храма в Маракайбо. Один из них, который хранится в Сантьяго-де-Компостела уже у меня, с вас остальные одиннадцать. По рукам?

— Десять у нас, а один в Хильдесхайме, у Генриха д'Альбре. Вдруг, он не захочет с ним расставаться?

— Постарайтесь его уговорить. Его величество, Генрих Первый, не слишком-то набожен, так что весь вопрос только в цене. Пятьдесят тысяч наличными вы увезёте, этого вполне должно хватить, — улыбнулся император, — ведь шанс, что настоящий препуций именно у Генриха, всего один из двенадцати. Исходя из этого и поторгуйтесь. Мы договорились, герцог?

— Договорились, ваше императорское величество. Если не секрет, зачем они вам нужны?

— Я же сказал — для храма в Маракайбо. Препуций — самая первая реликвия, которую обрели христиане, уже на восьмой день, после рождения Христа. А раз эта реликвия самая первая, то значит и самая главная, я именно так полагаю. Главный христианский храм должен владеть и главной христианской реликвией. По-моему, всё очень логично.

Тауантинсуйу, новая столица Империи Инков, сразу планировался как самый большой и самый роскошный город мира, поэтому со своим столичным дворцом Савелий решил не скромничать, отведя под него и лесопарк вокруг участок, размером в шестнадцать типовых городских кварталов, квадратом, на берегу озера Сен-Клер. Довольно далеко от центра — в пятнадцати километрах на северо-запад. В противоположную сторону от сталеплавильного завода и пролетарского района. В пригород, причём не ближний, но это пока. Со временем, город разрастётся и императорский дворцово-парковый комплекс, как и окружающие его дворцы владетельных имперских феодалов, окажутся в городской черте огромного мегаполиса, но всё равно, он останется с краю, отдельным районом, не мешающим жизни большого города.

Ведь придёт время, когда для проезда кортежей высоких лиц придётся перекрывать уличное движение. Это время обязательно придёт, это точно известно, так почему бы не озаботиться удобной планировкой заранее. Удобной для всех, пусть потомки наслаждаются этим удобством, а не стоят в пробках, сжигая свои нервы, время и горючее.

В первой линии, за бульварами, с трёх сторон от своего столичного «владения», Савелий выделил участки размером в городской квартал четверым вице-императорам: Эль Чоло, наместнику Южной Инки; дону Паскуалю де Андагойа герцогу де Куба, герцогу де Андалусия, графу Севильи, имперскому наместнику в Африке и на островах Индийского

океана; дону Родриго Пике, герцогу Гавайев, герцогу Новой Зеландии, графу де Пуно, имперскому наместнику в Азии, Австралии и Океании, адмиралу флота Тихого океана; и дону Нууно Вимка, герцогу Кастилии, графу Вальядолида, графу Басконии, имперскому наместнику в Европе.

Четыре участка для родственников: царственной чете Василия Третьего и Марии Первой; сэру Томасу Морю, герцогу Саффолк, герцогу Глазго, графу Нортумберленд, лорд-канцлеру королевства Британия; дону Авдею Шишке, герцогу Ирландии, графу Фарер имперскому наместнику в Северной Инке, вице-адмиралу Атлантического флота; и дону Асикага Такаудзи, герцогу Новой Гвинеи, графу Окинавы, дайме Цусимы, Коджедо и Чеджудо.

Два участка выделил друзьям: королю Западной Германии, Генриху Первому д'Альбре; и герцогу Васко да Гама де Гоа, графу де Видигейра.

Один под гостевой дворец и ещё один зарезервировал для Жуана Третьего, если тот всё-таки надумает стать имперским герцогом Жуаном Ависским. А не надумает, так будет два гостевых дворца, или ещё что-нибудь сообразим.

На перекрёстках бульваров первой линии, в юго-западном и северо-западном углах императорского дворцово-паркового комплекса — храмовые площади.

Итого, с трёх сторон по четыре дворца, а с четвёртой очень красивое озеро, с отличной рыбалкой. Хороший такой получится «домик в деревне», чтобы встретить старость. Интересно, а осетры здесь приживутся? В двадцать первом веке той исторической реальности, где только их не выращивали, нужно будет попробовать. Нарушение экосистемы? Не в этом случае. Осетровыми любую экосистему точно не испортишь, а только улучшишь.

Во второй линии, за бульварами, ещё восемнадцать участков-кварталов для дворцов крупнейших имперских феодалов, в том числе князя Семёна Фёдоровича Бельского, возведённого, с согласия русского царя, Василия Третьего, в достоинство владетельного имперского графа Тринидада-и-Тобаго; и графа-магистра Ордена Священного Препуция, сейчас кардинала Игнатия де Лойола. Для Папы отдельный дворец решили не строить. Друга Климента Седьмого полностью устраивает отдельный флигель в императорском дворце, а кто там дальше после него будет — пока неизвестно. Пусть живёт у себя в Маракайбо, если флигель Климента его не устроит.

Снова линии бульваров и снова застройка. Теперь уже для уровня губернаторов, заслуженных офицеров армии и флота и имперских баронов. Здесь участки гораздо меньше, уже не под дворцы, а под особняки, но всё равно это очень почётно.

За третьей линией, со всех трёх сторон, по километру лесопарковой зоны, которую планируется со временем огородить литыми чугунными решётками. Получился прямоугольник пять на девять километров, вдвое больший, чем сам город, но это пока.

Посольский квартал? В Тауантинсуйу он не нужен. Посольский квартал для европейцев уже создан в Гранаде, а для азиатов построим где-нибудь на Тайване, или Хайнане. Скоро уже появится радиосвязь, появится она гораздо раньше, чем всё это построится, так что лезть всем в столицу смысла нет. Созвонимся. Пользуйтесь услугами связи Ордена Священного Препуция.

Вместо посольского квартала, западнее вельможного района и севернее городского центра начали строить стадион. Пока олимпийский, с беговыми дорожками (для первой олимпиады), но сразу с планом реконструкции в чисто футбольный, тысяч на шестьдесят

зрителей, а ещё в десяти километрах северо-западнее стадиона, оставили место под будущий аэропорт. Место размером с целый город. Именно таким должен быть столичный хаб. Столичный для всего мира, да-да.

Король Португалии, Жуан Третий, прибыл в Тауантинсуйу двадцать шестого июля 1530 года. Прибыл с твёрдым намерением передать Португальскую корону Империи и зажить одним из богатейших владетельных имперских феодалов, в Высшем имперском свете, как «белый человек». Прибыл сразу с женой и всем Двором, уже не имея намерения возвращаться в унылую отсталую Европу.

Жуан не питал никаких иллюзий, относительно планов императора Франциска Первого, поэтому острова Сардиния и Корсика были им жалованы спасителю королевства, герцогу Васко да Гама де Гоа, графу де Видигейра. Не ему самому, а его старшим сыновьям, произведённым в герцоги, дону Франсишку да Гама, вице-адмиралу в кампании зимы 1529-30 годов, теперь герцогу де Сардиния, и дону Эштевану да Гама, капитану-стажёру «Жуана Третьего», теперь герцогу Корсики. Дону Криштовану да Гама, капитану-стажёру «Васко да Гамы», Жуан Третий жаловал графство Мадейра; а Сицилию предложил Империи, в качестве «входного билета». Потрясающая щедрость для такого скупердяя.

Такое стремление к прекрасному, к прогрессу, космосу и всему остальному хорошему, растрогало даже насквозь прожжённых циников — императора с главным вице-императором, Савелия и Эль Чоло. Жуана Ависского приняли в «имперскую семью» двойным герцогом — Большого Лиссабона (Южной Португалии) и Большого Порту (Северной Португалии), а за Сицилию отдарились герцогством Бом Байи в западной Индии участком под дворец в Тауантинсуйу и двадцатью тысячами ливров серебра. Плюс, выкупили за шестнадцать тысяч теперь уже легендарных «Жуана Третьего» и «Васко да Гаму». Имперским феодалам собственные военные корабли в Империи содержать запрещалось. Торговые суда — сколько угодно, а вооружённые нельзя никому, кроме Имперского Военно-Морского флота. Жуан бы их и так отдал, кораблики эти, но мы-то ведь не крохоборы.

«Жуан Третий» честно заслужил своё место в столичном музее имперской военной и военно-морской славы, а «Васко да Гаму» подарим другу Энрике под яхту, негоже такому солидному монарху фрагтовать чужие корабли. Тем более, что он теперь каждую зиму приезжает в Империю, вот и пусть приезжает солидно, с подобающим достоинством.

Генрих за всё добро расплатится, в этом сомнений нет. Сполна расплатится, с лихвой. Хороший парень, честный, пусть владеет, для него не жалко.

А Жуан Ависский, герцог Большого Лиссабона (Южной Португалии), герцог Большого Порту (Северной Португалии), герцог Бом Байи, между тем, стал богатейшим владетельным феодалом Империи. Ведь у него ещё и флот из белее чем трёх сотен различных кораблей имеется, которые, после разоружения, станут отличными транспортными судами, с исключительно выгодной коммерцией в трансокеанской Империи Инков.

Конечно, все трое старших сыновей герцога Васко да Гама де Гоа, графа де Видигейра, со своими владениями, тоже вошли в состав Империи. Для младших сыновей у него теперь наследство есть — и владения, и титулы, а для единственной дочери, самой-самой младшей, а потому и самой любимой из всех детей, скоплено очень солидное приданное. Столько за своих дочерей не дают даже короли, поэтому партия для доны Изабель ди Атаида да Гама, ожидается самая блестящая. В общем, жизнь у друга Васко да Гамы удалась, осталось только насладиться последними годами земной жизни на охотах, рыбалках, приёмах, балах, пирах и

за партиями в преферанс. Или пусть ещё одну книгу напишет? О разгроме Венеции? Ему решать.

А у Империи, между тем, скопилось довольно много нераспределённых европейских владений, да каких владений: герцогства Арагон (с графством Сарагоса), герцогство Каталония (с графствами Барселона и Жирона), герцогство Валенсия (с одноимённым графством), герцогство Наварра (с графством Памплона), герцогство Сицилия (с графствами Палермо и Катания) и графство Андорра.

Графство Андорра решили жаловать министру Иностранных Дел Империи, Саго Миачо, герцогство Наварра, с графством Памплона — вице-императору и императорскому наместнику в Европе, Нууно Вимке; Герцогства Арагон и Валенсия зарезервировали в качестве приданного для местных родных дочерей Эль Чоло и сестры императора, Мавуты Уайновны Капак, самой старшей и самой норовистой кобылы, из доставшегося Савелию по наследству табуна сестёр; а герцогства Каталония и Сицилия, пока остались в имперском резерве. Такие герцогства, вполне себе королевские. Тот же Жуан Ависский запросто бы обменял в Империи (под имперской защитой с суши, моря и изнутри) свою Португалию на Каталонию, пусть и разграбленную французами, но с куда большим экономическим потенциалом. Так что владения эти очень даже соответствуют по потенциалу королевским. Прибережём до их поры. Наша Большая Европейская Игра только начинается, так что точно пригодятся когда-нибудь.

В Маракайбо, Савелий и Эль Чоло вернулись восемнадцатого октября 1530 года. В году грядущем, этому миру, этой исторической реальности, предстоит пережить объединение христианства на всехристианском съезде в Иерусалиме, который попаданцам обязательно нужно было посетить, для страховки этих грандиозных планов; а ещё ожидается начало новой войны в Европе. Вполне себе эпохальной войны двух великих Империй — Османской и Французской. Плюс, в конце года, запланирован приезд на учёбу в Империю русского цесаревича, британского принца Уэльского, Ивана Васильевича Рюриковича. Близкого родственника императора, брата его будущей жены. Того самого парня, на которого возлагались очень большие надежды, как на первого императора Севера, первого русского императора. Его воспитание и обучение, в основном, пройдёт в Лиме, поэтому лишний раз всё лично проинспектировать точно не помешает.

Интерлюдия. 18 ноября 1530 года.

Император Франции, Франциск Первый Валуа, отлично понимал, что после аннексии континентальных владений Венеции, почти сразу начнётся война с Османской Империей, но и выбора у него просто не оставалось. Если не занять Венецию, Фриули, Трентино и Далмацию самим, то их очень скоро займут османы и окажутся уже на итальянской равнине, где их драгунов будет просто нечем сдержать.

Попытка договориться с Республикой о её добровольном принятии вассалитета перед французской короной, как это сделали Люцерн и Базель, успехом не увенчалась. Не с кем там больше договариваться, ни один из диктаторов больше месяца у власти не продержался. А раз так, то нужно бить первым, не дожидаясь османов. Это просто необходимость, это вопрос жизни и смерти, а значит, и никакой подлости в этом нет.

Османы временно притихли. Новость, о покупке Французской Империей шести «виндjamмеров» третьего поколения, заставила их временно притихнуть, но таких кораблей в Империи Инков ещё очень много, больше двух десятков, и теперь они будут выставляться их на торги в Гранаде. На открытые торги, с повышением ставок, а перебить ставки османов,

Французской Империи просто нечем.

Пятьдесят тысяч ливров серебра, которые де Бониве привёз из Нового Света, уже отчеканены в монету и розданы армии, в основном, в погашение долгов. Не осталось даже на выкуп Священного Препуция у Генриха д'Альбре, который, вот ведь мерзавец, затребовал за реликвию десять тысяч, уверяя, что именно у него она настоящая. Поскандалили, поорали друг на друга, но обнаглевший шурин не уступил. Пришлось обменять ему Амстердам, с Северными Нидерландами, на графство Арманьяк, сеньорию д'Альбре и Священный Препуций из Хильдесхайма. Теперь всё, Генрих больше не вассал ни одним из своих владений. И раньше он был наглецом, а теперь и вовсе можно ожидать от него чего угодно, вплоть до удара в спину.

Впрочем, не всё так уж печально. Флот теперь у Французской Империи сильнейший в Европе, а значит можно попытаться не только четыре континентальные провинции Республики завоевать, но и острова, прежде всего Крит и Кипр. Очень богатые Крит и Кипр, которые уже триста лет никто не грабил. Теперь есть возможность выделить на их захват, и захват прочих венецианских островов в Эгейском море, тысяч двадцать-двадцать пять. Оружия хватает, а доставят их до места торговцы из Марселя и Генуи. Под охраной «виндjamмеров», им ничего не угрожает, лишь бы штормом не разметало.

Де Бониве проявил себя блестящим переговорщиком. Если не считать дурацкого Священного Препуция из Хильдесхайма, то он получил гораздо больше, чем можно было надеяться. Привёз из Нового Света самый мощный европейский флот и вооружений с боеприпасами на пятидесятитысячную армию. Теперь есть, чем вооружить собственных драгунов. Пусть не столько, как у Сулеймана Первого, но тоже немало. Тысяч тридцать выставить получится.

Драгуны не рыцари, всадники лёгкие, лошади для них годятся любые, так что тридцать тысяч — вполне реально. А это уже кое-что. Угрозу они создадут. Так нагло, как в Священной Римской Империи, османы действовать не смогут. Здесь вам не дураков-рыцарей безнаказанно расстреливать, здесь уже равный противник, пусть и почти вдвое малочисленный. По пехоте силы равны, зато в артиллерии у Франции теперь осязаемое преимущество. Преимущество, которое необходимо реализовать срочно, ибо оно очень ненадолго, если ничего не предпринимать. А потом можно будет попытаться продать уже ограбленные Кипр и Крит Инкам, и сделать следующий ход. Ход в Хорватию, Сербию, Венгрию, Трансильванию, Македонию и Болгарию. Там османами очень сильно недовольны, восстания не стихают, можно вполне обоснованно рассчитывать на широкую поддержку местных. А от Болгарии уже и Константинополь совсем недалеко. Долго ли продержатся османы в Священной Римской Империи и Швейцарии, если их отрезать от основных сил? Мечты, мечты...

— Извините, Сир, — отвлёк императора от размышлений герцог Анн де Монморанси, граф де Франш-Конте, коннетабль Империи, — вам не кажется, что нас вынуждают действовать именно так?

— Конечно кажется, Монморанси. Нас вынуждают обстоятельства.

— Или тот, кто эти обстоятельства создаёт, Сир. Я про императора Инков говорю.

— Какие обстоятельства создал именно он, Монморанси? Дал нам денег на завоевание Италии? Заплатил за до нитки ограбленный Арагон больше, чем я надеялся? Корабли продал дешевле? Или то, что он торгует не только с нами?

— Не знаю, но предчувствия у меня очень нехорошие, Сир. Ничего конкретного, вроде

всё идёт само собой, но как-то уж слишком стремительно мы приближаемся к войне с османами. Именно мы, а не Британия, или Западная Германия, а тем более, Русское царство. Вас не смущает их тройственный союз?

— Оборонительный союз, Монморанси. Слабые объединяются — это вполне нормально.

— Вполне нормально — когда слабые ищут поддержки у сильных, а не друг у друга, Сир. Не нравится мне всё это.

— Бросьте, герцог. Вон Верона. Верона — это деньги и земли, которые сделают нас ещё сильнее. Дальше Виченца, Падуя, Тревизо, Удине, Тренто и Больцано. Дальше Кипр с Никосией и Крит с Ираклионом, а там посмотрим. Османам мы войну не объявляем. Не объявляем, но к этой войне готовимся. Мы ведь всегда знали, что воевать придётся, не так ли? Вот и не сомневайтесь — «Делай, что должно, и будь, что будет».

Шестого декабря 1530 года, в Маракайбо прибыл король Западной Германии, князь-архиепископ Кёльна, герцог Швабии, герцог Нижней Саксонии, герцог Франкфурта, герцог Гамбурга, герцог Ганновера, герцог Дюссельдорфа, герцог Бремена, а теперь ещё и герцог Амстердама и Северных Нидерландов, Генрих Первый д'Альбре. Точнее, теперь уже Генрих Первый де Кёльн, ведь именно из Кёльна теперь считается его новейшая история, коли уж все владения его предков перешли к Франциску Валуа.

Генриху на владения предков и их могилы было откровенно наплевать. Могилы никуда не денутся, как и сами владения, не съест же их Франциск, а сейчас Амстердам и Северные Нидерланды гораздо важнее для королевства Западная Германия. Предки всё поймут, если они не полные идиоты. А если идиоты, то их мнение и вовсе просто не интересно. Сами они такими могущественными королями никогда не были, так что не им и судить о ходах в Большой Европейской Игре.

Генрих строит флот. Торговый флот. Огромный торговый флот, который будет ходить под имперским флагом, такое разрешение ему дано. Строит невооружённый флот, не нужны больше торгашам пушки и прочие удорожания-обременения. Очень существенные обременения, ведь пушки — это артиллеристы — без малого, половина экипажа галеона, почти две сотни. Наиболее высокооплачиваемая половина, стоит отметить, самые дорогие две сотни. Без пушек на борту, затраты на содержание станут почти втрое меньше, да и груза можно взять намного больше. Вот и получится удешевление перевозок раза в четыре. Даже зерно будет выгодно возить.

А пушки теперь точно не нужны. Про пиратов в Атлантике давно забыли, и большая европейская война закончилась. Ганза приказала долго жить, и османы, с союзниками алжирцами, вернулись к себе, в Средиземное море. Да ещё и самый выгодный маршрут теперь в Нью-Йорк, а не в Маракайбо, что гораздо ближе для северных портов. Маршрут через графство Фареры, или герцогство Исландию, где и починят после шторма, и воды нальют, и всякое прочее, потребное морякам, предоставят. Вполне себе домашний маршрут получается, ничуть не опаснее, чем из Гамбурга в Портсмут. Ну, или в Сантьяго-де-Компостелу, через Бискайский залив.

Прибыл друг Генрих снова на имперском корабле, поэтому с кораблей и начали.

— Нам снова нужна твоя помощь, Энрике.

— Всё, что угодно, Интико. Хоть войну с османами.

— Войну с Сулейманом оставь Франциску. Всё гораздо проще. Мы начинаем торги «винджаммерами» третьего поколения. Опять в Гранаде. Подыграй нам в первом лоте.

Предложи тридцать тысяч за «Аматерасу» и «Инти».

— С удовольствием их куплю за тридцать тысяч. И даже дороже. Это никакая не услуга, я и так бы эти торги не пропустил. С Франсуа мы теперь не очень-то дружим, после Препуция-то, — хмыкнул король Западной Германии, — а он злопамятный, поганец.

— Не нужно покупать и дороже не нужно. Пусть их дороже покупают другие. В этом и смысл твоей помощи.

— Хоть один-то я могу купить? Для себя лично.

— Лично тебе мы подарим «Васко да Гаму», бывшего «Виракочу». Он второго поколения, четырёхмачтовый, такой-же, как у Русского царя, но для яхты большего и не нужно. Не нужно тебе отвлекать Франциска, друг. Не нужно создавать ему угрозу на севере, он должен сосредоточиться на юге, в Средиземном море. Договорились, Энрике?

— Договорились, если «Васко да Гаму» я куплю. И так уже столько тебе должен, что даже самому неловко. Деньги у меня есть, — снова хмыкнул Генрих Первый, — побольше, чем у Франсуа. Богатый город Амстердам, очень богатый...

— Да, уж, — улыбнулся Савелий, — Священные Препуции нынче дороги.

«Виндjamмеров» третьего поколения в Империи произвели всего двадцать восемь, из которых шесть уже проданы французам. Конечно, все двадцать два корабля сразу никто не купит, но сразу и не нужно. Сколько купят, столько и купят, а потом начнут восполнять потери. Ведь в столкновениях одинаковых кораблей обязательно возникнут потери. Да и на Азию теперь через Гранаду можно выйти. Див султан Румлу наводит в Персии «конституционный» порядок, уже почти навёл, Бендер-Аббас он под контроль взял, так что вполне может заинтересоваться, а дальше и остальные подтянутся. В Азии хватает состоятельных султанов и махараджей, которые постоянно воюют между собой. Вот и пусть воюют так же технологично, как и в Европе, а то нечестно получится.

Не страшно ли самим, отдавать в чужие руки такие корабли? Теперь не страшно. Четвёртое поколение «виндjamмеров» получит стальную обшивку корпуса, «Посейдон» уже заканчивает замену дерева на пятнадцатимиллиметровую листовую сталь; все новые корабли сразу с верфей будут выходить стальными, а у остальных, в течении двух лет, заменим. Заодно и листовую медью днища обошьём, чтобы не чистить каждые полгода.

Пятнадцать миллиметров стали держат стомиллиметровый фугасный снаряд из гладкоствольной пушки с двух кабельтовых, а большего и не нужно. Да и первые пароходы-крейсера, флагманы Тихоокеанского и Атлантического флотов, «Юнона» и «Авось» уже заложены. В марте 1532 года планируется их спуск на воду, а до того нам точно никто проблем не создаст. Ведь корабли мало купить, их ещё освоить нужно, экипажи подготовить, пострелять на учениях, сплавать эскадры, наконец. В общем, не боимся мы никого.

Седьмого января 1531 года, большой компанией отправились на объединительный всехристианский съезд в Иерусалим. Большой компанией и целым флотом «виндjamмеров» четвёртого поколения: флагман адмирала Тако Котага, герцога де Канариас, графа Кабо-Верде, графа Сан Томе и Принсипи — императорская яхта «Посейдон»; младший флагман, контр-адмирал Апату Вуиса, граф Фолклендских островов и Южной Джорджии — на «Виракоче»; плюс «Нептун», «Марс», «Арес» и «Перун», с Первой Гвардейской бригадой Быстрого Развёртывания. На всякий случай. Восток — дело тонкое, это в Европе можно с одной ротой охраны визиты наносить, а в Иерусалим лучше с бригадой.

На Мальте, к флоту Империи присоединятся «Князь Святослав», бывший «Перун-1»

русского царя Василия Третьего, и орденский «Священный Препуций», бывший «Нептун-1», с графом-магистром-кардиналом Игнатием де Лойола, который готовил к съезду Иерусалимский Храм Гроба Господня, и должен собрать всех европейских кардиналов — троих из Италии, троих их Франции, двоих их Британии, двоих из Западной Германии и одного из Португалии. Плюс он сам, плюс восемь митрополитов привезёт Василий Иванович, плюс пятнадцать плывут из Маракайбо (включая четверых кардиналов, бывших монахов, захваченных ещё в первую Панамскую кампанию), плюс двадцать патриархов и митрополитов-выборщиков ждут в Иерусалиме. Итого пятьдесят пять, из них двадцать восемь ортодоксов и православных, двадцать семь католиков и Папа Климент Седьмой, который на выборы пойдёт кардиналом Джулио Медичи. Двадцать восемь на двадцать восемь, всё честно, всё протоколируется, в том числе и на фотографиях. Никто не сможет оспорить результатов, кроме самых упоротых раскольников-еретиков, но с ними граф-магистр справится без труда. Никто больше не собирается давать еретикам трибуну и устраивать с ними диспуты. Инквизиция теперь работает в качестве службы внутренней безопасности корпорации «Христианская Церковь» и обеспечивает чистоту её рядов. Разными способами обеспечивает.

Любыми способами — «Цель оправдывает средства». В рядах служителей святых нет истина никому неведома, поэтому все равны перед законом. Перед внутренним законом христианской церкви, исполнителем которого уполномочен Орден Священного Препуция.

В Альмерии высадили друга Энрике, которому предстояло поучаствовать «подсадным» в торгах за лот из двух «винджаммеров», приняли на борт трёх неразлучных герцогов из «хунты»: донов Хуана Понсе де Леон, герцога де Пуэрто-Рико, герцога де Галисия, графа Сантьяго-де-Компостелы; Франсиско де Гарай, герцога де Ямайка, герцога де Гранада, графа Альмерии; и Хуана де Грихальва, герцога де Эспаньола, герцога де Мурсия, графа Картахины; которые пожелали поприсутствовать при историческом событии; и, заодно, узнали свежие новости.

Венеция, Республика Венеция, всё. Ещё одну фигуру, с доски Большой Европейской Игры, снял император Франции, Франциск Первый Валуа. Туда ей и дорога, Венеции этой поганой. Единственный из венецианцев, к которому Савелий и Эль Чоло испытывали некоторую симпатию — гражданин Лоренцо Саларино, бывший посол Республики в Империи Инков, выжил, и даже сохранил свой основной капитал — свою собственную судоходную компанию из полусотни шхун и бригов, которая занимается доставкой переселенцев в Новый Свет. Очень выгодной коммерцией, стоит заметить. Гражданин Саларино в борьбе за власть участия не принимал и выжил, а на остальных наплевать и забыть. Долго, очень долго, Венеция гадила всем и вся, так что никто о ней не пожалеет.

Франциск Валуа уже «отбил» средства, вложенные в корабли и оружие. Владения Венеции, включающие два крупнейших острова восточного Средиземноморья — Кипр и Крит, а также здоровенный кусок на северо-востоке Италии, стоят уж точно не меньше разорённого Арагонского королевства, а ведь и корабли, и оружие никуда не делись. Да и боеприпасов потрачено не так уж много, республиканцы сопротивлялись довольно вяло. Плюс, больше двух сотен кораблей в трофеях, из них пятьдесят шесть новейших венецианских галеонов, лучших кораблей, что есть в Средиземноморье и вообще в Европе, если не считать имперских, конечно. Трофеи с командами, которые перешли на службу французской императорской короне. Дрянь команды, их бы расформировать и разбавить своими, но это уже пусть у милейшего герцога Гийома Гуфье де Бониве, графа де Артуа,

адмирала французского флота, голова болит.

Очень вовремя всё это случилось, специально так не подгадаешь... Как раз к личной встрече имперского руководства с султаном Сулейманом Великолепным, который ждёт Савелия и Эль Чоло в Стамбуле-Константинополе, после окончания съезда в Иерусалиме. Как раз и итоги торгов в Гранаде станут уже известны, будет о чём поговорить.

Сильный ход сделал Франциск, очень сильный. Полностью оправдал возлагавшиеся на него надежды. Действительно, очень талантливый монарх, умеет выжимать из доступных средств и ресурсов максимум. Интересно, будет ли он ждать, пока Сулейман подготовится, или ударит подло и вероломно? Скоро узнаем.

На Мальте всё бурлило и кипело. Форт Кастелло-а-Маре, резиденцию главного орденского командорства, перестраивали в современную крепость, да и вообще строилось очень многое. В Орден Священного Препуция подтянулись, разгромленные османами на Родосе, рыцари иоанниты-госпитальеры, разгромленные Василием Третьим, рыцари Тевтонского и Ливонского орденов, даже, сохранившиеся в Португалии и Испании, теперь полностью реабилитированные, рыцари-тамплиеры, подтянулись, со своими связями и укрытыми сокровищами. В предвкушении будущих славных дел, в орден потянулась молодёжь — младшие сыновья небогатых феодалов, которым не «светило» отцовское наследство. Орден начал набирать силу. Ощутимую силу. И, при этом, за свой счёт. Никаких дотаций Игнатий де Лойола не просит.

На Мальте собрались все, кто был запланирован, никто не утоп, никто не помер по дороге от поноса, или морской болезни, а значит, Духи нам благоволят. Значит, наше дело правое, и победа будет за нами. Хороший знак.

Русский царь, Василий Третий Иванович Рюрикович, пересел с «Князя Святослава» на «Посейдона», перешёл на яхту императора и граф-магистр-кардинал, Игнатий де Лойола, они заняли зарезервированные для них каюты. Больше тысячи миль до рыбацкой бухты возле разрушенного мусульманами Яффе, а это даже при постоянном попутном ветре четверо суток, а реально больше недели, так зачем терять это время? Поговорить было о чём, тем хватало — от новой европейской политической конфигурации, сложившейся после уничтожения Венецианской Республики, до обсуждения успехов в учёбе русского царевича и принца Уэльского, Ивана Васильевича.

Будущий император Иван Первый Рюрикович отца очень радовал. В неполные шесть лет, он свободно говорил на шести языках: русском, «забытом языке богов», английском, испанском, турецком и арабском. Понимал фарси, ханьский, хинди, японский и кечуа, уже читал и писал на «забытом».

Всё так, именно в таком раннем возрасте языки «заходят» как родные. Доучивать их потом на такую базу — одно удовольствие, это не с нуля мучиться. Будет Иван полиглотом, это уже точно. Да и в математике с логикой, успехи у парня просто невероятные, для такого возраста. А ведь угробили бы этот талант мракобесы. Забили бы ему полную голову «Законами Божьими» и прочей никчёмной ахинеей.

В Европе установился мир, но совершенно точно, что ненадолго. Победители переводили дух, осваивали земли побеждённых, и копили силы к новой схватке. Вероятнее всего, мир нарушит Франциск Первый Валуа. Он уже готов, его ударная, почти сотысячная, армия отдыхает в бывшей континентальной Венеции, двадцать пять тысяч собирают добычу на островах, и ещё около тридцати укрепляют оборону в Альпах.

Перед французами манящие, постоянно тлеющие и регулярно вспыхивающие, Балканы,

где их ждут как освободителей от мусульманского ига; перед ними бывший Остмарк, а за ним Бавария и Верхняя Саксония, пока усмирённые, очень жестоко усмирённые османами, но и они обязательно полыхнут, если Франциск удачно начнёт Десятый Крестовый поход.

Османам же теперь вынуждены расплыть силы. Пусть армия у Сулеймана и почти вдвое больше французской, уже хорошо за двести тысяч, но у неё и «работы» втрое больше. Кроме постоянных восстаний, на завоёванных христианских землях, добавилась забота об охране тысяч километров береговой линии. Французы сейчас хозяева Средиземного моря и могут высадить десант где угодно — хоть в Святую землю, к Иерусалиму, хоть в сам Стамбул-Константинополь, столицу Блистательной Порты. Кампаниями на Кипре и Крите, они свои впечатляющие возможности уже продемонстрировали. Опасаться себя заставили.

Османам нужен флот. Флот не просто превосходящий французский, а значительно его превосходящий. Чтобы уже Франциск расплыл свои силы по внутренним районам Франции и Италии, в ожидании десантов османов и алжирцев. И деньги на такой флот у Сулеймана имеются. Только у него они и имеются, кстати, больше ни у кого. Десяток кораблей он может приобрести за наличные, плюс два у него уже есть, плюс один алжирский — вот и более чем двухкратный перевес в военно-морских силах. А за наличку сделки совершаются очень быстро. Всё это грозное великолепие может оказаться у османов уже этим летом. Пусть и не в полной боевой готовности, с неопытными командами, но ведь вдвое больше.

Так что французскому императору нужно очень тщательно просчитывать свои шаги — на Балканах ведь можно запросто завязнуть. Это сейчас его там ждут, как освободителя-избавителя, а как начнутся реквизиции для армейских нужд, вся благодарность за освобождение моментально забудется. Но и тянуть ему противопоказано. Надежды на то, что османам могут отвлекаться на королевства Западной Германии, или Британии, исчезли после уничтожения Венецианской Республики. Сулейман — не дурак, он всё отлично понял.

Исходя из этого, Русское царство и весь Тройственный союз могут спокойно развиваться по плану. Война османов с французами затянется на пятилетку, а то и на две, и чем бы она не закончилась, кто бы в ней не победил, ослабнет он очень сильно. Если вообще кто-то победит, вполне могут проиграть оба-два. И распадутся их Империи на десятки независимых владений — герцогств, графств, султанатов и эмиратов, как в раннем Средневековье. Такое очень даже реально.

Так, за разговорами о всяком разном, в хорошей компании, и скоротали путь до рыбацкой бухты, на месте некогда крупного города Яффы, в очередной, не то в третий, не то в четвёртый раз разрушенного в 1268 году, теперь мамлюкским султаном Бейбарсом Первым, продолжившим славную древнюю традицию.

На берегу ждали. Довольно большой военный лагерь, тысяч на десять, османам разбила на Яффском холме, на месте бывшей городской цитадели крестоносцев, возле которой Ричард Львиное Сердце одержал славную победу над, более чем вдвое превосходящими, силами Салах-ад-Дина. Одержал очередную победу в битве и проиграл войну. Парадокс. Все свои битвы английский король выиграл, а все войны проиграл. Гениальный полководец, великий воин и совершенно никчёмный политик и правитель. Бывает же такое.

Комитет по встрече возглавлял старый знакомый, Увейс-паша. Младший единокровный брат султана, некогда посол Османской Империи в Империи Инков, а сейчас Великий Визирь, то есть премьер-министр. Очень хорошо образованный, эрудированный, с широким кругозором, добрый приятель императора Интико, вице-императора Чалько Юпанки, Папы Климента Седьмого и герцога Васко да Гама де Гоа, графа де Видигейра. К тому-же, теперё

личный друг графа-магистра-кардинала Игнатия де Лойола.

Увейс-паша попросил разрешение осмотреть, выделяющегося своим стальным корпусом, «Посейдона» и, конечно, его получил. На «Посейдоне» все вместе и пообедали-поужинали. Послушали концерт новых певичек, переночевали, а с утра, двадцать первого апреля, накануне Великой пятницы, тронулись к Иерусалиму. Высоким гостям предоставили лошадей и инкские подрессоренные повозки-кабриолеты, а бойцы порысили пешком. С собой Савелий взял всю Первую Гвардейскую бригаду Быстрого Реагирования, им размяться на марш-броске сейчас очень полезно — сжечь накопленный за время плавания жирок. Увейс-паша не возражал. К Империи Нового Света, османы относились очень дружелюбно. Впрочем, такие отношения были взаимными с самого начала их возникновения.

Иерусалим, мрачный, грязный и воняющий, как выгребная яма, кишаций крысами и клопами, Савелию совсем не понравился, он наотрез отказался ночевать в городе, устроившись, в компании с Эль Чоло, в лагере Первой Гвардейской, разбитом неподалёку от южных ворот.

— Чуму бы какую-нибудь здесь не подцепить, или проказу, — поделился опасением вице-император.

— Да, уж... впечатление самое гнетущее, — согласился Савелий, — настоящий гнойник Земли. Но будем надеяться, что пронесёт.

— Я не хочу надеяться, Русо. Дождёмся объявления результатов выбора Папы и сразу тронемся в Стамбул. Оставим нашим мракобесам корабль, пусть отдельно от нас возвращаются, заодно и карантин по пути пройдут. И солдатиков наших заберём, пусть богомольцев здесь турки охраняют. Согласен?

— Мысль здравая, так и поступим. А вообще, над карантинными мероприятиями стоит задуматься основательно. Просто чудо, что нас до сих пор ничем не зацепило.

Девятнадцатого апреля 1531 года, в христианскую Пасху, христианская церковь объединилась и единогласно выбрала своим главой-Папой Джулио Медичи, теперь под именем Климента Восьмого. Съезд продолжил работу, вопросов перед ним стояло множество, со всеми и за год не разобраться, не то, что за пару недель, но это уже текущие мелочи, главное дело сделано. Папа Климент Восьмой теперь точно продавит упразднение всех монашеских орденов, кроме Ордена Священного Препуция, упразднение именнс съездом, а не собственной волей, а остальное Савелия нисколько не интересовало. Вникать в детали христианской «внутренней кухни» он не собирался.

Для европейских кардиналов и вельмож оставался орденский «Священный Препуций», для возвращающихся в Новый Свет оставили «Виракочу» с контр-адмиралом Апату Вуиса; у Василия Третьего, который вознамерился дождаться окончания исторического съезда, корабль свой; так что ничего не мешало продолжить второй европейский вояж. Так и поступили, свернули лагерь, забрали с собой Увейс-пашу, и ушли, не попрощавшись. Незачем людей от дела отвлекать. Очень важного для них дела.

— А ведь мы не одни теперь здесь не из этого мира, Русо.

По пути в Стамбул, Эль Чоло внезапно стало плохо. Очень плохо, с потерей сознания на целые сутки, Савелий даже начал мысленно готовиться к худшему, но пронесло. Через сутки шаман пришёл в себя.

— Тебе из-за этого так поплохело?

— Скорее всего — да. Здорово «эфир» трянуло.

— И кто теперь у нас третий? Или больше, чем один?

— Не знаю. Не знаю кто, не знаю сколько. Это тебе не в интернете посмотреть... Точно знаю одно — мы теперь здесь не одни такие, поэтому завязывай со своей «Сказкой про попаданца», пока всё не выясним.

— Я рад, что ты снова в порядке, шаман. Это — самое главное. С остальным разберёмся.

Вместо эпилога.

Проснулась я от того, что ласковое и игривое, но безжалостно яркое апрельское солнышко, светит прямо в глаза. Просыпаться очень не хочется... подушка такая мягкая... а одеяло тёплое... И вроде все прекрасно, но...

Сегодня ведь суббота и вот-вот начнется возня под окном... Сегодня завоз продуктов в минимаркет, в том числе и поганой дешёвой водки. Алкаши подерутся за право разгрузить машину и заработать по флакону этой дряни, а хозяин минимаркета, тот ещё козёл, Муса, будет этих уродов подбадривать, и начнётся большой замес, который точно разбудит всю округу. Вообще эти алкоголики не просыхают, и другим жить нормально не дают... Какая-же, блин, должна быть печень, чтобы так пить и так долго не сдыхать?!

Ни в один выходной поспасть, отдохнуть насладиться тишиной не дали, сволочи! Я уже и битую купила, чтобы пугать их. И даже выходила с битой пару раз, орала на них, одного по безмозглой башке отоварила. Они точно думают, что у меня крыша полностью съехала. Теперь стараются мне на глаза не попадаться, но... Но всё равно возвращаются, каждую проклятую субботу. Не могу же я каждую субботу на эту чёртову разгрузку выходить...

От этих мыслей, сознание окончательно проснулось, а с ним, и чувства.

Странные чувства, первым почему-то пришёл страх. Это было такое неприятное, вязкое ощущение, которое просто не объяснить словами. Я как будто стою на краю обрыва, в окружении каких-то нелюдей и не знаю — самой прыгать, или попытаться оторвать всем, кому смогу, головы, и героически погибнуть, утащив побольше гадов с собой.

Потом я почувствовала спёртый воздух. И ещё возникло ощущение... как будто я сильно ударила головой вчера. Очень сильно, судя по ощущению. Это же не долбанное похмелье? Нет, это точно что-то другое, значительно тяжелее обычного похмелья...

Почему я не помню, что было вчера? Судя по тому, как все болит, вчера было что-то действительно грандиозное, да еще и после полной рабочей смены. И как я сюда добралась? И вообще, где это я? Куда это меня черти занесли?

Открыла глаза, но сначала увидела только какие-то красные пятна переливами. Голова жутко гудела, но зрение постепенно начало восстанавливаться. И вот я уже осознала, что сижу в чужой кровати.

Что это ещё за фигня? Не комната, а скорее тюремная камера с двумя узкими окнами под самым потолком. А потолки-то ого-го, метров шесть, точно не меньше. Комната-камера здоровенная и мрачная, кроме кровати, роскошной, правда, кровати, другой мебели нет, а из украшений только иконы в углу. Зато икон очень много, больше, чем в церкви. Это что, какой-то долбаный монастырь? А я-то здесь причём?

В общем, огромный каменный мешок с кроватью посередине и десятком икон. Мешок именно каменный, из натурального камня и это точно камень, а не декоративная штукатурка, отлично видно, что все камни разные, а такое не сымитируешь.

Итак, каменный мешок с двумя окнами в наружной стене и тремя дверями в остальных. Двери натурально деревянные, двустворчатые, метра по три в высоту и столько же в ширину, не двери, а настоящие ворота, сюда можно на машине заехать. Красивые, кстати, двери,

резьба очень красивая и дерево явно какое-то дорогое.

Но какого дьявола, всё это кажется таким древним? И большим... очень большим, просто огромным. И мрачным... гнетуще мрачным, тёмно-серым, почти чёрным, особенно после того, как утреннее солнышко перестало попадать в эти слишком узкие окна.

Ладно, тюрьма это, или монастырь, а мочевого пузыря уже тоже проснулся и настойчиво требует проведения утреннего моциона. Откидываю одеяло и вижу свои руки.

Что за фигня?! Это не мои руки! Фак-фак фак! Нуу, привет, шиза... я скучала!

Что здесь вообще происходит? Почему у меня руки маленького ребенка!?

Откидываю одеяло полностью и понимаю, что не только руки, я вся в теле ребенка... Хорошо хоть девочки, хоть это не изменилось...

Сколько же мне теперь лет? Три? Чуть больше? Больше точно ненамного. Как я здесь оказалась? Неужели я теперь одна из тех самых фантастических попаданок в другие миры?

И что это за мир? Судя по дизайну каменного мешка, какое-то средневековье, но над дверями лампочки. Лампочки в странных бра, похоже бронзовых, ручной работы и без плафонов. Старые, не экономичные лампочки, но точно электрические. Средневековый мир с электричеством? Ага, и ещё с магией для полного счастья, а я в замке какого-то великана, судя по размеру дверей. Великана, или даже небольшого дракона.

Ладно, победим и дракона, и великана, фак их обоих, выбора нет, нужно только раздобыть где-нибудь оружие. Нужен дробаш. Где тут можно раздобыть дробовик с патронами? Хотя, о чем это я... какой ещё дробовик, с такими-то немощными детскими ручонками... С такими и из мелкашки не постреляешь.

Итак, средневековье с электричеством и магией... А разве с магией нужно электричество? Ведь всякие светляки — это самая простая магия... Или нет? А-а-а-а...! С ума ведь можно сойти с этими догадками! Срань космическая — вот что это! Где тут ваш магический туалет, козлы магические?

Ого, кровать-то какая высокая... как бы с неё слезть, с кровати этой великанской и не убиться? Эх, была не была... ноги вроде двигаются хорошо, слушаются, значит, смогу спрыгнуть и приземлиться с минимальными травмами, или даже совсем без них.

На деле всё получается значительно хуже. Что же за неуклюжий ребенок! Твою мать, теперь ещё и нога болит! Точно вывих заработала, пусть и не сильный. А-а-а-а... фак-фак-фак, только здесь появилась и уже этот мир ненавижу! А он отвечает мне взаимностью...

В какие двери ломануться сначала? Не думай, коза, а то поздно будет, ещё опрудиться не хватало для полного счастья... Ух, а двери-то какие тяжёлые, к таким нужен привод с электромотором. Так, свет, где выключатель? Хорошо, что низко, как раз под мой рост, видимо, для меня и делали. То есть для неё, то есть, фак-фак-фак... Что это, совсем без окон, гардеробная? Потом всё рассмотрим, дальше... Ура, повезло! Унитаз тоже бронзовый, с виду жутко древний, но сейчас не это важно. Фуу-ух, с облегченьцем нас, как нас там теперь зовут-то...?

Умывальник слишком высоко, умываюсь над бронзовой ванной. Жить стало лучше, жить стало веселей...

И что у нас в гардеробной? А тут у нас реально стрёмные платья, кто бы сомневался... похоже на штаны рассчитывать не приходится. Меня что, кто-то проклял?

Лаадно... одеваем первое попавшееся, не в ночнушке же на битву с драконом выходить. Пусть будет это. Выбираю платье поскромнее, темно-сиреневого цвета, с кучей завязочек, и бантиков. Это же настоящая мечта любой девочки такого возраста... только я-то

давно не такого! Фак, похоже, и поддубник понадобится... А как все это одевать? Без него длина платья слишком большая, и пары шагов не сделать ... А с ним, еще труднее двигаться. Кое-как справилась и с этой задачей, подхожу к зеркалу. Натянула вам куколку...

Девочка-симпатюлечка, реально милашка. Годика три с половиной, большие голубые глаза и густые длинные волосы цвета соломы. Иа теперь натуральное блондинко, йес! Охренеть, не встать... Платье тоже выглядит очень красиво, но оно ужасно неудобное. В таком, даже быстрым шагом не пройдёшься, не то, что не побегаешь.

Нахожу и маленькие туфельки. Судя по всему мои, то есть её, то есть... тьфу, чтоб вам всем провалиться, маги проклятые... Туфельки без каблуков, на вид обычные, детские... Тоже симпатичные, но они еще неудобнее, чем это ужасное платье. Как будто орудие пыток! Твердые, как камень, а я еще и голеностоп подвернула... В таких мне точно далеко не уйти. Точно не с моим счастьем, чтоб меня...

Возвращаюсь в великанскую спальню. Вовремя! За дверью слышны шаги. Цок-цок-цок. Принимаю независимую позу, и готовлюсь увидеть всё что угодно, вплоть до копытных подкованных гоблинов.

Увы! Или, наоборот, ура? На пороге показались три бледных, как поганки, но вполне обычных женщины. Лет по тридцать, плюс-минус. Похоже, свита какая-то модная... все такие выглаженные, в пышных юбках до пола... с чумовыми причёсками башнями... А ходят как гусыни, только подкованные. На вид все такие приличные, что даже выглядят неестественно, аж глаза режет от фальши!

Предводительница, она точно в тройке главная, замерла, как только увидела меня. Глаза сразу же увеличились в размере, раза в два, конкретно выпучились и начали наливать... начали наливать... Чем-то начали, в общем, не то ужасом, не то гневом, не понять, что там у этой гусыни в голове за тараканы забегали. Она осмотрела мою одежду, несколько раз проведя по наряду вверх и вниз...

— Your Highness!

— По-русски говорите, — отвечаю на автомате. Может, она и русского-то не знает вовсе, но этого сообразить я не успела.

— Ваше Высочество! Почему вы не дождались нас? Что-то случилось?

Ага, а я тут, оказывается, высочество. Принцесса, стало быть. Не то драконом похищенная, не то великаном, но всё-таки принцесса, значит не пообедать мной собирались. Шанс повзрослеть, подрасти, окрепнуть и добраться до дробовика, теперь вполне реальный.

— Рак на горе свистнул, вот что случилось. Захотелось мне сегодня встать пораньше.

— Я вас не понимаю, Ваше Высочество.

— Моё высочество желает прогуляться, для начала, а там посмотрим.

Конец первой книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net